

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ОБОРОНА СТРАНЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КПСС: ОТВЕТ СОВЕТОЛОГАМ

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

РЕЧНИКИ В БИТВЕ НА ВОЛГЕ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КАЗУС ДРЕВНОСТИ

12

МОСКВА · 1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 12

ДЕКАБРЬ

1982

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю. И. Кораблев, Н. Ф. Макаров (Ленинград) — Образование СССР и укрепление обороны страны 3
Ю. А. Кизилев (Ульяновск) — Городской строй России XIV—XV вв. в сравнительно-историческом аспекте 20
Ю. Е. Волкова, Н. В. Романовский — Банкротство концепций буржуазной историографии о национальных отношениях в СССР 34
М. А. Барг — Историческое сознание как проблема историографии 49

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Е. Г. Киселева (Горький) — Речники в боях за Сталинград 67
А. А. Зимин — В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) 75
Э. Л. Нитобург — Гренада: путь к революции 91

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- Академик М. П. Ким, О. А. Ржешевский — 75-летие академика А. М. Самсонова 98
Академик И. И. Минц, К. Ф. Шацлло — 60-летие П. В. Волобуева 99

В высшей школе

- Член-корреспондент АН ЭстССР К. К. Сийливаск (Таллин) — 350-летие Тартуского университета 100

Обзоры

- Г. Л. Маньковская — История Албании в работах советских авторов 108

Рецензии

- Е. Н. Городецкий — А. К. Бирон, М. Ф. Бирон. Становление советской историографии Латвии. 20-е и 30-е годы XX века 115
А. И. Зевелев — А. И. Алаторцева. Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг. 118
И. Л. Гошуляк (Киев) — Г. Л. Никольников. Брестский мир и Украина 121

И. А. Алуп — С. В. Тютюкин. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг.	124
М. Г. Ярошевский — А. Брагин. В поисках сокровенного	127
В. Г. Сироткин — Г. М. Ратиани. Франция: судьба двух республик	129
О. М. Медушевская — Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. Методологические проблемы исторического познания	132
Ю. Н. Гаврилов — История Кампучии. Краткий очерк	134
Ю. М. Гроссман (Львов) — Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник; Общество и государство на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник	136
Новые книги	139
Статьи в советских периодических изданиях	142
Хроникальные заметки	145

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

В. З. Дробижев — Российская империя и Советский Союз. Справочник по рукописным и архивным материалам в США	149
Р. П. Гришина — Д. Братанов. Стремления и борьба	150
Р. Е. Кантор — Г. Зинн. Народная история Соединенных Штатов Америки	152

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	156
Рецензии на советские издания	159
Коротко о книгах	160

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

В. Т. Сушко (Ленинград) — Петербургское студенчество на рубеже XIX—XX веков	162
Л. Ф. Захарова — К последствиям секуляризации церковных земель в России	165

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л. И. Кукреш (Минск) — У истоков БССР	168
О. Е. Кошелева — Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.)	171
И. А. Стучевский — Дипломатический казус XIV в. до н. э.	177
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1982 году	181
Сведения об авторах	189
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

К 60-летию образования СССР

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

Ю. И. Кораблев, Н. Ф. Макаров

В героической летописи истории народов нашей страны образование СССР занимает выдающееся место. Являясь продолжением дела Великого Октября, это событие достойно увенчало многолетнюю совместную борьбу трудящихся всех национальностей против социального и национального гнета. Сплочение народов под руководством Коммунистической партии в единый государственный союз умножило их силы, ускорило социально-экономическое и культурное развитие и в огромной степени усилило обороноспособность Страны Советов. 60 лет плечом к плечу братские республики и народы идут в едином строю, созидая новое общество и защищая его от империалистических агрессоров.

Образование СССР обеспечило благоприятные условия для укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального государства трудящихся. В чем они заключались? Во-первых, в создании единой общесоюзной системы государственного руководства обороной страны; основы этой системы были заложены В. И. Лениным, Коммунистической партией в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами. Во-вторых, в объединении финансовых и экономических ресурсов всех советских республик, предусматривавшем не только координацию, но и плановое управление экономикой в масштабах всей страны. В-третьих, в закреплении единого дипломатического фронта советских республик государственным объединением внешнеполитической деятельности, что обеспечило полное их единство на международной арене в борьбе против нажима и нападок империалистических государств. В-четвертых, в ускорении процесса преодоления отсталости бывших национальных окраин России, в обеспечении юридического и фактического равенства всех наций и народностей, что расширяло и укрепляло социальную и национальную базу Вооруженных Сил, увеличивало мобилизационные возможности страны. В-пятых, в дальнейшем укреплении Красной Армии как армии братства и дружбы народов.

В литературе глубоко и разносторонне рассматриваются экономический и социально-политический аспекты значения образования Советского Союза, дружба и сплочение советских народов. Оборонное же значение создания единого союзного государства в плане вышеназванных условий изучено явно недостаточно.

Опубликованные по этому вопросу работы малочисленны¹, а влия-

¹ См.: Данилов В. Строительство центрального военного аппарата в 1921—1923 гг.— Военно-исторический журнал, 1971, № 1; Зимин Я. Первая Конституция СССР и вопросы обороны страны.— Там же, 1972, № 12; Кораблев Ю. И., Молодцыгин М. А. Советские Вооруженные Силы — воплощение дружбы и братства народов СССР.— Вопросы истории КПСС, 1972, № 12, и др.

ние образования Союза ССР на укрепление обороны страны в них рассматривается далеко не полно. В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты значения образования СССР для укрепления обороны страны. Главное внимание в ней уделено военному строительству, поскольку социально-экономические аспекты получили в литературе более подробное освещение.

I

Образование единого союзного государства вытекало из объективной необходимости объединить усилия советских республик для успешного строительства социализма и защиты его завоеваний от империалистических агрессоров. На опыте совместной борьбы с объединенными силами мирового империализма и внутренней контрреволюции в годы интервенции и гражданской войны народы нашей страны убедились, что только общими усилиями они могут отстоять революционные завоевания, свою свободу и независимость. Учитывая стремление независимых советских республик к объединению, ЦК РКП(б) в мае 1919 г. принял директиву о военном единстве, а ЦИК РСФСР 1 июня 1919 г. — постановление «Об объединении военных сил Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии»². Военный союз советских республик явился стратегическим фактором победы над объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции.

Важнейшим уроком гражданской войны был вывод о необходимости объединения равноправных народов в единый государственный союз. Народам, вставшим на социалистический путь, указывал Ленин, «обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты... задавят и задушат нас поодиночке»³. После окончания гражданской войны военный союз республик был дополнен союзом хозяйственным и дипломатическим. Создав единый дипломатический фронт, советские республики отбили атаки империалистов и одержали важные победы на Генуэзской, Гаагской и Лозаннской международных конференциях, выступили на мировой арене с предложениями об установлении прочного мира, о нормализации отношений между государствами.

Опыт раздельного существования советских республик убеждал в необходимости дальнейшего усиления их единства. К этому обязывала и опасность нового военного нападения со стороны империалистов. Договорная форма отношений между республиками стала недостаточной. Жизнь настоятельно требовала создания государственного союза советских республик. X съезд РКП(б), основываясь на ленинских идеях, в резолюции по национальному вопросу записал: «Общие интересы обороны Советских республик... повелительно диктуют государственный союз отдельных Советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета... национальные Советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз»⁴.

30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов провозгласил образование Союза Советских Социалистических Республик. В Декларации съезда, посвященной этому событию, говорилось, что союзное государство призвано «обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспевание, и свободу национального развития народов».

² Декреты Советской власти. Т. V. М. 1971, с. 259.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 46.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2, с. 250.

Полномочные представители всех народов страны, заявив перед всем миром о своей верности заложенным в октябре 1917 г. принципам «мирного сожительства и братского сотрудничества народов», одновременно указали, что «неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения»⁵.

Ленин — вдохновитель и организатор создания Союза ССР, обосновывая необходимость и историческое значение образования единого многонационального социалистического государства, не случайно поставил на первое место оборонный фактор. Он исходил из факта сплочения сил мировой империалистической реакции против Страны Советов, из того, что завоеванная в боях мирная передышка может оказаться кратковременной. Он постоянно призывал всемерно укреплять союз республик, поднимать их экономику и культуру, общими усилиями беречь обороноспособность страны и Красной Армии⁶. Создание и укрепление союза социалистических республик, указывал Ленин, это мера, которая «нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы со всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг»⁷.

Вождь партии и Советского государства проявлял особую заботу о его вооруженной защите, без которой оно не могло существовать в капиталистическом окружении⁸. Подписанный Лениным 15 января 1918 г. декрет Совнаркома об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) предусматривал формирование новой армии из «всех граждан Российской республики». Тем самым подчеркивалось, что социалистическая армия будет строиться на основе дружбы и братства между народами нашей страны. Первая Советская Конституция, принятая V съездом Советов РСФСР в июле 1918 г., провозглашала защиту социалистического Отечества «обязанностью всех граждан Республики»⁹. Ленин придавал большое политическое значение созданию национальных воинских частей в РСФСР, а затем и в других советских республиках, расценивая это как одно из конкретных выражений становления национальной государственности народов России. Так, в письме к Г. К. Орджоникидзе (февраль 1922 г.) он предложил, чтобы съезд Советов Грузии принял решение об обязательном усилении грузинской Красной Армии и чтобы это решение было выполнено на деле. «Это, — писал Ленин, — абсолютно необходимо»¹⁰.

Образование СССР подняло роль национального фактора в военном строительстве, он приобрел большое значение в укреплении Вооруженных Сил¹¹. На основе партийных решений была разработана широкая программа национального военного строительства как составная часть военной реформы 1924—1925 годов. В мае 1925 г. эта программа была утверждена III съездом Советов СССР. Высший орган государственной власти поручил ЦИК и СНК СССР обеспечить ее выполнение как «отвечающей интересам всех народов СССР в защите их социалистического Отечества»¹². Национальная политика партии в военном строительстве проводилась в жизнь через Реввоенсовет СССР и Политическое управление РККА.

⁵ Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М. 1972, с. 379—380.

⁶ См., напр., Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 300.

⁷ Там же. Т. 45, с. 360.

⁸ См. там же. Т. 38, с. 138.

⁹ Декреты Советской власти. Т. I. М. 1959, с. 554.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 388.

¹¹ См. КПСС в резолюциях... Т. 2, с. 441.

¹² Собрание Законов СССР (СЗ СССР), 1925, № 35, ст. 249.

Большую роль в теоретической разработке и практическом решении проблем обороноспособности союзного государства сыграл М. В. Фрунзе. Наиболее полное освещение вопроса о роли образования Союза ССР и национального военного строительства в укреплении обороны страны он дал в своей статье «Фронт и тыл в войне будущего», а также в речи на торжественном заседании расширенного Пленума Ленинградского губисполкома 24 февраля, в докладе «Положение Союза Советских Республик и вопросы обороны» на 3-м Закавказском съезде Советов 14 апреля и в речи на гарнизонном собрании в Тифлисе (Тбилиси) 15 апреля 1925 года¹³. Ряд неотложных вопросов военного строительства в связи с образованием СССР Фрунзе поставил на I Всесоюзном совещании Военно-научного общества СССР 22 мая и на Ленинградской военно-окружной партийной конференции 19 июня 1925 года¹⁴. Эти вопросы нашли отражение также в выступлениях и статьях И. В. Сталина, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова и других руководителей партии и Советского государства¹⁵. Государственное единство социалистических республик позволило укрепить оборонную мощь страны, обеспечить свободу и независимость советских народов, условия для их мирного созидательного труда.

II

Одним из важнейших результатов образования СССР явилась централизация руководства обороной огромной страны. Еще в «Проекте директивы ЦК о военном единстве» (май 1919 г.) Ленин указывал, что «строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик»¹⁶, единое военное управление и командование всеми войсками Красной Армии являются необходимым условием успеха в защите социалистического Отечества. Без осуществления принципа централизма в военной области, подчеркивал он неоднократно, невозможна была бы победа над внешней и внутренней контрреволюцией¹⁷.

К 1922 г. между советскими республиками сложилось военное единство, выкованное в совместной борьбе с мировым империализмом и внутренней контрреволюцией. Военное строительство осуществлялось в рамках независимых республик с объединением этой работы Центральным Комитетом партии. Общесоюзного органа и аппарата по непосредственному руководству обороной страны еще не было. Функции высшей военной инстанции выполнял Реввоенсовет РСФСР (РВСР) на основании договоров о военном союзе между республиками. Напряженная военная обстановка не позволила завершить работу по определению конкретных форм военного объединения. Аппарат военного управления в центре оставался таким же, каким он сложился к июню 1919 г. — времени оформления военного союза республик.

С образованием Союза ССР начался новый этап развития Советских Вооруженных Сил. Военное строительство стало осуществляться в рамках союзного государства, которому советские республики добровольно передали ряд своих важнейших полномочий, в том числе в области внешней политики и обороны. По Конституции СССР 1924 г. в исключительное ведение ЦИК и СНК СССР были переданы вопросы установления отношений с другими государствами, объявления состояния войны и мира, а также организации Вооруженных Сил и руковод-

¹³ См. Фрунзе М. В. Собр. соч. Т. 2. М.-Л. 1926, с. 96—106; Т. 3. М.-Л. 1927, с. 71—87, 93—106, 175—195, 196—210.

¹⁴ См. там же. Т. 3, с. 248—263, 303—320.

¹⁵ См., напр., Ворошилов К. Е. Оборона СССР. М. 1937, с. 103—104, 116, 261—266.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 400.

¹⁷ См. там же. Т. 40, с. 99, 240.

ства ими. Образование СССР позволило создать стройную государственную систему руководства обороной страны и союзные органы военного управления, усовершенствовать военный аппарат. Все это благоприятно отразилось на международном положении СССР и повышении его обороноспособности.

В целях быстрого и успешного решения вопросов, связанных с восстановлением хозяйства и обороной страны, по решению ЦИК СССР в июле 1923 г. был образован Совет Труда и Обороны (СТО) СССР, который должен был действовать как комиссия СНК СССР¹⁸. В октябре Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании Комиссии обороны, в которую вошли представители ВСНХ, наркоматов по военным и морским делам, финансов, путей сообщений, Госплана, ВЦСПС, ОГПУ и других ведомств СССР. В задачу Комиссии входило согласование работы всех ведомств по вопросам обеспечения обороноспособности СССР, разработка единого плана обороны¹⁹.

Непосредственным решением оборонных вопросов, руководством Вооруженными Силами стал ведать образованный в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. общесоюзный наркомат по военным и морским делам. Его создание сопровождалось перестройкой и совершенствованием всего центрального военного аппарата, что являлось одной из главных задач военной реформы. Образование общесоюзного органа высшего военного руководства отвечало насущной потребности в дальнейшей централизации управления военным строительством, которое должно было привести к созданию союзной, единообразно подготовленной регулярной армии. Наркомат по военным и морским делам должен был объединять всю работу по строительству Вооруженных Сил СССР, ведать на всей территории страны разработкой и осуществлением планов и мер по ее обороне, организацией сухопутных и морских сил²⁰.

В 1923 г. вместо РВСР постановлением СНК СССР учреждается РВС СССР — коллегиальный орган высшей военной власти. В его состав вошли представители союзных республик, видные военные и партийные деятели: М. В. Фрунзе (в январе 1925 г. назначен наркомом по военным и морским делам и председателем РВС СССР), Г. К. Орджоникидзе, В. П. Затонский, И. А. Адамович, А. Ф. Мясников, Ш. З. Элиава, Н. Караев, И. Ходыралиев и другие²¹. Был создан также институт уполномоченных РВС СССР при СНК союзных республик.

Факт образования СССР отразился и на реорганизации местного военного аппарата, которая проводилась в ходе военной реформы в связи с переходом на смешанную (территориально-кадровую) систему строительства Вооруженных Сил. Реорганизация осуществлялась с учетом административного деления СССР по национальному признаку. При создании мобилизационных округов военное ведомство вначале не учитывало национальных границ республик²². По указаниям ЦК РКП(б) вопрос о создании территориальных военных округов был пересмотрен, и после согласования его с правительствами союзных республик СНК СССР 9 января 1925 г. утвердил план реорганизации местного военного аппарата²³. Территориальные военные управления, создававшиеся с учетом республиканских границ, одновременно стали выполнять функции военных отделов правительств соответствующих

¹⁸ См. Зимин Я. Ук. соч., с. 26.

¹⁹ См. Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л. 1973, с. 223—224.

²⁰ Зимин Я. Ук. соч., с. 27—28.

²¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 138, л. 9; Рымшан М., Алексинский К., Карнеев Б. Революционный Военный Совет за 10 лет. М.-Л. 1926, с. 26.

²² См. ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 689, лл. 56, 57, 73, 99—101, 132.

²³ См. СЗ СССР, 1925, № 2, ст. 18.

республик²⁴. Такая система местного военного управления позволила поднять на новый уровень военную подготовку населения.

С переходом в 1938 г. к кадровой системе военного строительства местное военное управление было реорганизовано: созданы военкоматы в республиках, краях, областях и городах; сеть райвоенкоматов расширена в три с лишним раза, что позволило значительно улучшить учет военнообязанных, проведение призывов и мобилизационной работы на всей территории СССР. Эта система в основном действует и в настоящее время.

III

Образование СССР позволило не только объединить, но и более эффективно использовать материальные ресурсы советских республик в целях укрепления обороны страны. Появилась возможность: централизовать руководство экономикой и перейти к стабильному планированию в масштабе всей страны; сконцентрировать средства для более быстрого развития отраслей, имеющих решающее значение для обеспечения экономической независимости СССР и укрепления его обороноспособности, улучшить их финансовое и материальное обеспечение; более рационально использовать природные богатства и ресурсы всех республик, вовлечь в хозяйственный оборот новые источники стратегического сырья; лучше согласовывать планы развития народного хозяйства с решением оборонных задач; выделить на нужды обороны больше средств.

Объединившись в Союз ССР, народы нашей страны ускорили темпы хозяйственного развития. «Сила сплоченности и взаимопомощи народов,— отмечал Л. И. Брежнев,— дала невиданное ускорение развитию всех республик»²⁵. Объединение и централизация всех материальных ресурсов страны значительно укрепили ее обороноспособность. По решению Пленума ЦК РКП (б) от 30 марта 1923 г. началась разработка плана обороны для всей страны²⁶. Резко улучшилась работа военной промышленности. В течение года после образования СССР была осуществлена концентрация промышленности, создана общесоюзная система планирования и финансовая система СССР.

Декретом СНК СССР от 8 ноября 1923 г. промышленность была разделена на общесоюзную и республиканскую. Оборонная промышленность была сосредоточена в ведении общесоюзных органов. Это была одна из важнейших мер, заложивших прочную основу общесоюзной системы ее планирования. Планирование народного хозяйства исходило из линии партии на сочетание интересов Союза ССР в целом и каждой республики в отдельности, из необходимости концентрации усилий в первую очередь на развитии ведущих отраслей, играющих решающую роль в создании материально-технической базы социализма, обеспечении независимости страны и укреплении ее обороноспособности, ускоренном развитии национальных районов СССР.

Благотворное влияние на экономическую и оборонную мощь СССР оказали создание единой финансовой системы и централизация финансового дела в союзных органах. В 1924/25 хозяйственный год Страна Советов впервые вступила с единым государственным бюджетом и единой для всех республик денежной системой. С 1930 г. в союзных органах было сосредоточено и все кредитование²⁷. Увеличились ассигнова-

²⁴ См. ЦГАСА, ф. 54, оп. 1, д. 689, л. 71. В низовом местном военном аппарате сохранялись военкоматы.

²⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 6. М. 1978, с. 580.

²⁶ Макаров Н. Коммунистическая партия и укрепление многонациональной Красной Армии.— Военно-исторический журнал, 1972, № 7, с. 3.

²⁷ См.: Шапко В. М. Союзу полвека. М. 1972, с. 87; Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства. 1922—1936. М. 1972, с. 157.

ния и на оборонные нужды. С 1924/25 г. военному ведомству был установлен твердый бюджет²⁸. С 1925/26 г. допризывная подготовка молодежи по всей стране с местного бюджета переводится на государственный²⁹. Все это дало возможность преодолеть отставание СССР от капиталистических держав по численности армии. Штатная численность Вооруженных Сил СССР с 562 тыс. (1924 г.) увеличивается до 617 тыс. человек (1928 г.). В 1935 г. кадровые войска насчитывали 930 тыс., а в начале 1938 г. — более 1,5 млн. человек³⁰, хотя и это количество еще не вполне отвечало задачам обороны в связи с резко возросшей военной угрозой. Обострение военной опасности в условиях начавшейся второй мировой войны привело к вынужденному увеличению расходов на оборону: за три мирных года третьей пятилетки их удельный вес составил 26,4% против 12,7% во второй пятилетке³¹. Огромный рост в результате двух пятилеток материальных ресурсов всех советских республик позволил в предвоенные годы осуществлять одновременно широкую программу мирного строительства и развертывать оборонную промышленность.

После образования СССР Коммунистическая партия и Советское правительство приняли действенные меры, направленные на быстрое развитие экономики национальных районов. Со второй половины 20-х годов в них стало интенсивно развертываться капитальное строительство. За вторую пятилетку здесь создаются новые отрасли промышленности, в том числе и оборонной. В итоге выполнения плана второй пятилетки СССР обеспечил себе технико-экономическую независимость и этим кардинально укрепил свою обороноспособность. В годы третьей пятилетки в национальных районах были созданы целые комплексы топливной, металлургической, химической, электротехнической промышленности и машиностроения.

Образование СССР позволило сосредоточить усилия республик на развитии базовых отраслей экономики, определяющих экономическую и военную мощь государства. Были созданы новые базы добычи топлива и руды, центры машиностроения и металлообработки. Так, наряду с Донбассом уголь стал добываться в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, была создана вторая угольно-металлургическая база СССР — Урало-Кузбасс. Резко увеличилась добыча нефти в Баку, на территории Башкирской и Татарской АССР создано «второе Баку». Началась добыча нефти в Пермской обл. и Туркмении. Накануне Великой Отечественной войны восточные районы дали 12% общесоюзной добычи нефти³².

Крупные успехи были достигнуты в развитии черной и цветной металлургии. Основными центрами производства металлов стали наряду с Украиной и Уралом Алтай, Казахстан и Закавказье. Советский Союз освободился от импорта таких металлов, как медь, цинк, никель, вольфрам, свинец, олово, алюминий и др., необходимых для оборонной промышленности. Особенно мощное развитие цветная металлургия получила в Закавказье и Казахстане. Значительно увеличились мобилизационные запасы металлов. Только с января 1939 г. по январь 1941 г. они возросли по чугуну в 5 раз, меди — более чем в 2, цинку — в 2,2, свинцу — в 1,6 раза³³.

Конкретным результатом образования СССР, отразившимся на укреплении обороноспособности страны, явилось коренное улучшение

²⁸ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 15.

²⁹ См. Советские Вооруженные Силы. История строительства. М. 1978, с. 152—153.

³⁰ См. История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 1. М. 1973, с. 270.

³¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Т. 1. М. 1960, с. 413.

³² См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. М. 1970, с. 38.

³³ КПСС и военное строительство. М. 1982, с. 54.

работы оборонной промышленности. Это имело первостепенное значение, поскольку в 20-е годы Красная Армия по техническому оснащению отставала от армий капиталистических государств. Отставание необходимо было преодолеть в самые кратчайшие сроки. Учитывая это обстоятельство, СНК СССР поставил оборонную промышленность на первоочередное снабжение. Ассигнования на развитие военной техники в 1923/24 г. составили 25% военного бюджета, в 1925/26 г. — 36,5%, а в следующем бюджетном году — уже 40,7%³⁴. Соответственно улучшалось техническое оснащение Красной Армии. В первой половине 20-х годов произошла техническая реконструкция Советских Вооруженных Сил. К началу 1938 г. они имели на вооружении автоматические винтовки, артиллерию и пулеметы всех видов, тысячи танков и самолетов разных типов и назначений³⁵.

Итак, в результате образования и развития СССР произошли прогрессивные изменения в размещении производительных сил по территории страны. Усилилась живучесть экономики на случай войны. Была создана прочная база для развертывания военного производства на Востоке. Построенные заново и использующие богатые сырьевые ресурсы крупные промышленные комплексы укрепили военно-промышленную базу обороны страны. В начале Великой Отечественной войны на Восток было перебазировано более 1,5 тыс. промышленных и оборонных объектов из западной части СССР. Эта база позволила в невиданно короткий срок наладить производство новой военной техники и оружия и уже в 1942 г. превзойти фашистскую Германию и ее союзников в этой области.

И ныне, как отмечал член Политбюро ЦК КПСС, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, «общими усилиями трудящихся создаются и укрепляются материальные основы обороноспособности страны, боевой мощи Вооруженных Сил»³⁶. В настоящее время Советский Союз обладает такой мощью, которая обеспечивает ему возможность держать на высоком уровне свою оборону. В этих достижениях советской экономики, науки и техники ярко проявились благотворные последствия создания и успешного функционирования единой централизованной социалистической системы хозяйства.

IV

Образование СССР позволило привлечь к обороне страны новые миллионы людей из числа в прошлом угнетенных наций и народностей. В царскую армию не допускались представители почти 40 национальностей. Советская власть с первых дней своего существования провозгласила полное равноправие наций и повела борьбу за обеспечение их фактического равенства, в том числе и в области военного дела³⁷. Образование СССР создало благоприятные условия для практического решения задачи более широкого вовлечения в Красную Армию молодежи всех наций и народностей страны. «В военном деле, — указывал тогда Фрунзе, — так же как и во всем нашем советском строительстве, мы обязаны осуществлять и осуществляем принципы нашей национальной

³⁴ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год. М. 1925, с. 112, 116; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 15; X лет Красной Армии. Альбом диаграмм. М. 1928, с. 15.

³⁵ Кораблев Ю. И. Вопросы укрепления обороноспособности страны и военного строительства в деятельности Коммунистической партии и Советского государства. 1921—1941. М. 1975, с. 29.

³⁶ Устинов Д. Ф. Под знаменем Великого Октября. — Правда, 7.XI.1981.

³⁷ В литературе либо не освещается вопрос о достижении фактического равенства наций и народностей в военном деле, либо констатируется, что оно было достигнуто в самом начале строительства Красной Армии. Между тем привлечение ряда народов к обязательной военной службе было делом сложным и длительным.

политики. Мы строим нашу армию так, чтобы каждая национальность нашего Союза не чувствовала себя обиженной или обойденной. С другой стороны, мы должны делать это так, чтобы армия представляла единое, крепкое целое, которое явилось бы боеспособным во всех своих составных частях и которое было бы прочной гарантией безопасности нашего Союза»³⁸.

Руководствуясь указаниями Ленина и решениями XII съезда РКП(б) по национальному вопросу, Коммунистическая партия вплотную занялась проблемой подготовки молодежи нерусских национальностей к защите социалистического Отечества. По указанию ЦК РКП(б) партийные организации, центральные и местные органы власти СССР приняли меры к налаживанию военного учета, организации военной подготовки и улучшению оборонной работы среди нерусских национальностей. В идеологической работе партия обращала особое внимание на воспитание у них чувства принадлежности к единой многонациональной семье советских народов, преданности социалистической Родине, глубокого понимания необходимости теснейшего сплочения народов нашей страны для успешного социалистического строительства и защиты от империалистических агрессоров. XII съезд РКП(б) потребовал от партийных организаций усилить работу по упрочению связи Красной Армии с многонациональным населением страны, по воспитанию воинов в духе братства и солидарности народов СССР³⁹.

Начиная с 1924 г. в национальных районах СССР заметно улучшается военный учет населения⁴⁰. Вводится приписка военнообязанных к призывным участкам. На Украине, в Белоруссии и Закавказье это было осуществлено в основном во второй половине 1924 г.; в Карелии, национальных районах Поволжья и Сибири — в 1925 г.; на Северном Кавказе, в Дагестане и Казахстане — в 1925—1928 гг.; в Средней Азии — в 1925—1930 годах. К 1930 г. военный учет населения был налажен по всей стране, чему способствовал повсеместный переход на районную систему военного учета и мобилизационной работы⁴¹.

В 1923 г. декретом ЦИК СССР и СНК СССР было утверждено положение «О военной подготовке трудящихся СССР», согласно которому военному делу должны были обучаться все военнообязанные. Но на практике такая работа в национальных районах налаживалась медленно. В Азербайджане, например, из 15 835 допризывников в 1923 г. только 900 прошли полуторамесячную военную подготовку; в Армении из 6 тыс. допризывников было обучено лишь 300 человек. Принятие 8 августа 1923 г. декрета ЦИК СССР и СНК СССР «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся»⁴² вместе с усилением патриотического воспитания обеспечило значительное улучшение военной подготовки молодежи национальных районов. При местных Советах были созданы с этой целью комиссии содействия. С 1924 г. началась активная работа по созданию и оборудованию военно-учебных пунктов. Улучшилась координация оборонной работы Советов и общественных организаций и т. д.

24 сентября 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановление «О допризывной подготовке», в котором подчеркнул ее значение в системе укрепления Вооруженных Сил СССР и необходимость более активного участия в ней партийных организаций. Это постановление определило сис-

³⁸ Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 2. М. 1957, с. 269.

³⁹ См. КПСС в резолюциях... Т. 2, с. 441.

⁴⁰ До этого в УССР, БССР, в национальных районах Поволжья и Сибири, а также в ЗСФСР (особенно в Армении и Азербайджане) военный учет населения был неполным и неточным. На Северном Кавказе, в Дагестане, Казахстане и Средней Азии он не проводился вообще.

⁴¹ ЦГАСА, ф. 4, сп. 1, д. 1422, л. 126.

⁴² СЗ СССР, 1923, № 93, ст. 915.

тему мероприятий по улучшению подготовки допризывников, прежде всего в национальных районах⁴³. Вскоре были получены положительные результаты. Охват трудящихся Советского Союза военным обучением стал более полным. Если в 1923/1924 г. военную подготовку прошло 55% допризывников, то в 1924/1925 г. — 85%⁴⁴. В ЗСФСР в 1925 г. 93% юношей, убывших на военную службу в Кавказскую Краснознаменную Армию, прошли полную допризывную подготовку. В Сибири в 1924/1925 г. было обучено 2420 бурят. В 1928 г. допризывную подготовку начали проходить ойроты (алтайцы).

По итогам допризывной подготовки 1928 г. в Казахской АССР был сделан вывод о необходимости введения для казахов всеобщей воинской обязанности. Политуправление Северокавказского военного округа поставило вопрос о введении ее для горцев Северного Кавказа и Дагестана⁴⁵. Допризывная подготовка коренного населения Средней Азии вначале носила характер эксперимента — к военному обучению привлекалась лишь организованная молодежь: коммунисты, комсомольцы, члены профсоюзов и бедняцко-батрацкого союза «Кошчи»⁴⁶. Военная учеба допризывников вводилась не сразу на всей территории, а постепенно, по мере создания для этого соответствующих условий. С принятием в 1931 г. ЦИК и СНК республик Средней Азии решений о введении всеобщей воинской обязанности для коренного населения к военному обучению стали привлекаться все лица призывного возраста.

Из года в год улучшалось проведение призывов, росло число направляемых на военную службу лиц нерусских национальностей. 18 сентября 1925 г. Президиум ЦИК СССР утвердил Закон «Об обязательной военной службе». В его ст. 1 говорилось, что защита социалистического Отечества является обязанностью всех граждан СССР. Введение Закона в действие на территории всех республик проводилось решением их высших органов власти. Осенний призыв 1925 г. проводился уже на основании этого Закона. Впервые по принципу всеобщей воинской обязанности в Красную Армию призывались граждане коренных национальностей на всей территории Грузии⁴⁷, а также Карельской, Бурят-Монгольской и Якутской АССР⁴⁸. Призыв прошел успешно. В 1926 г. налаживается проведение призывов на Украине и в Белоруссии, в строго плановом порядке прошел призыв в ЗСФСР, впервые в армию были призваны удмурты⁴⁹. В 1927 г. в обязательном порядке, а не путем отбора был проведен призыв коренного населения в Азербайджанской ССР⁵⁰. В 1928 г. на общих основаниях в Красную Армию были призваны горцы Северного Кавказа и Дагестана, абхазы и алжарцы, буряты, а также ойроты и другие малые народы Алтая⁵¹. К 1928 г. созрели условия для введения всеобщей воинской обязанности коренных жителей Казахстана. Состоявшаяся в декабре IV сессия ЦИК Казахстана отметила успешное проведение первого призыва казахской молодежи и подчеркнула, что «этим самым Казахстан входит в общую систему Воору-

⁴³ См. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917—1981. М. 1981, с. 216—217.

⁴⁴ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, лл. 36, 367.

⁴⁵ Там же, оп. 2, д. 84, л. 181; ф. 9, оп. 3, д. 405, л. 47; д. 350, лл. 134, 39, 41.

⁴⁶ См. Резолюция совещания высшего и старшего комполитсостава Туркестанского фронта 11—15 декабря 1925 г. — ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 57, л. 35.

⁴⁷ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 58, л. 102.

⁴⁸ См.: СЗ СССР, 1925, № 55, ст. 407; № 57, ст. 428; ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2927, л. 60.

⁴⁹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 565, л. 17; ф. 9, оп. 18, д. 505, л. 88.

⁵⁰ См. Рымшан М., Алексинский К., Карнеев Б. Ук. соч., с. 66.

⁵¹ См. Атаев А. М. Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба. Махачкала. 1928, с. 19; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 905, л. 15; оп. 2, д. 468, л. 27; ф. 9, оп. 3, д. 405, лл. 45, 47—49.

женных Сил СССР на равных началах с трудящимися братских республик»⁵².

Политуправление РККА, подводя итоги призыва 1928 г., отметило значительные успехи в подготовке коренного населения национальных районов СССР к прохождению военной службы: «Целый ряд национальностей, ранее не призывавшихся в армию, в 1928 г. был призван в общеобязательном порядке, и призыв их прошел вполне удовлетворительно»⁵³. Призывы в РККА проводились во всех национальных районах СССР, кроме Средней Азии⁵⁴. Привлечение местного населения этого региона к военной службе на основе всеобщей воинской обязанности проходило значительно медленнее, чем в других национальных районах СССР, что обуславливалось рядом обстоятельств: кочевым образом жизни части населения, слабой постановкой учета, наличием басмачества и т. п. До 1931 г. комплектование национальных частей шло здесь преимущественно за счет коммунистов и комсомольцев, что не могло не ослаблять местные партийные, комсомольские и профсоюзные организации⁵⁵. Поэтому партийные и советские органы среднеазиатских республик стремились ускорить введение на своей территории обязательной военной службы в отношении коренных национальностей. Однако лишь к началу 30-х годов были подготовлены условия для практического решения этой задачи. В 1931 г. съезды Советов республик Средней Азии приняли постановления о введении на своей территории принципа всеобщей воинской обязанности. В них нашли выражение воля и стремление трудящихся этих республик к защите Союза ССР. В том же году в Средней Азии впервые был успешно проведен массовый призыв в Красную Армию граждан коренных национальностей на основе Закона «Об обязательной военной службе». В 1932 г. призыв коренных национальностей проводился практически на всей территории региона. Между военкоматами, комсомольскими и осоавиахимовскими организациями стало разворачиваться социалистическое соревнование за образцовое проведение призыва и за право быть награжденными переходящими знаменами РВС СССР⁵⁶.

Успехи в хозяйственном и культурном строительстве, ускоренное развитие национальных окраин, индустриализация и коллективизация привели к повышению качества призывных контингентов. С 1929 г. среди призывников появились колхозники, которых с каждым годом становилось все больше. Из национальных районов СССР в Красную Армию шла теперь все более грамотная молодежь. Если в 1928 г. среди горцев Северного Кавказа и Дагестана было 75,9% неграмотных призывников, среди казахов — 70,8%, а среди добровольцев Средней Азии — 61%, то в 1939 г. среди призывников этих районов встречались лишь единицы неграмотных⁵⁷. О качественных сдвигах в подготовке молодежи национальных районов к военной службе говорит и рост числа значкистов среди призывников. Только по Казахстану и Средней Азии в 1939 г. ворошиловских стрелков было 20,2%, значкистов ГТО — 16,8%, ПВХО — 29,1% и ГСО — 18,6%⁵⁸.

Так, несмотря на немалые трудности, была решена задача огромной политической важности — обеспечения за всеми гражданами СССР равного права и равной обязанности защищать социалистическое Отецест-

⁵² ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 375, л. 4.

⁵³ Там же, д. 405, л. 49.

⁵⁴ См. там же, лл. 80, 81.

⁵⁵ См. там же, ф. 4, оп. 2, д. 57, л. 63.

⁵⁶ См. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских республик. Сб. док. Т. VII. М. 1965, с. 713; ЦГАСА, ф. 25 895, оп. 1, д. 59, лл. 63, 65; д. 64, лл. 171—173; д. 67, л. 79; д. 69, л. 12.

⁵⁷ ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 405, лл. 47, 48 об.; д. 375, л. 22; ф. 25 895, оп. 1, д. 83, л. 220.

⁵⁸ Там же, ф. 25 895, оп. 1, д. 83, л. 231.

во. Из года в год росло число призывников нерусских национальностей, не привлекавшихся ранее к военной службе. Проводы в Красную Армию в каждой республике стали проходить с большой торжественностью и теплотой. Все народы СССР видели в Красной Армии надежную защиту их интересов и охотно посылали своих сыновей на военную службу. «Я думаю,— говорил М. И. Калинин,— что нет ни одного государства в мире... где бы такой огромный процент населения имел в собственном сознании яркую мысль о необходимости идти в армию, о необходимости бороться за неприкосновенность Советского государства»⁵⁹.

Конституция СССР 1936 г. провозгласила всеобщую воинскую обязанность законом. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о всеобщей воинской обязанности». Ст. 1 его гласила: «Военная служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР». Если по Закону «Об обязательной военной службе» 1925 г. для отдельных местностей и отдельных национальностей мог быть установлен особый порядок ее прохождения или в качестве временной меры они вовсе освобождались от призыва в армию, то в ст. 20 Закона 1939 г. говорилось: «От явки к призыву никто не освобождается, кроме лиц, получивших отсрочку для окончания образования».

V

Образование СССР укрепило Вооруженные Силы социалистического государства, способствовало превращению Красной Армии в армию подлинной дружбы и братства народов. Создавая Вооруженные Силы СССР, Коммунистическая партия, во-первых, исходила из ленинского указания о том, что формирование армии может привести к успешным результатам, если оно ведется «в духе общего советского строительства, на основе классовых соотношений»⁶⁰, которые сказываются в любой области. «Союз Советских Республик,— говорил Фрунзе,— есть союз трудящихся разных национальностей. Красная Армия является его отражением...— это тоже союз, но союз боевой, в который трудящиеся всех наших советских республик посылают своих сыновей учиться военному делу и рука об руку, единой дружной семьей стоять на страже советской земли»⁶¹. Во-вторых, при создании Красной Армии Коммунистическая партия имела в виду интернациональную природу Советской власти, единые цели и задачи советских республик, их стремление совместными усилиями защитить революционные завоевания трудящихся от империалистических захватчиков. В-третьих, партия исходила из того, что Вооруженные Силы СССР составляют единую регулярную армию социалистического государства, а поэтому все военные формирования должны быть одинаковыми в организационном и боевом отношении и управляться из одного центра. И, наконец, в-четвертых, привлекая в армию представителей всех народов СССР, Коммунистическая партия учитывала степень подготовленности их к военной службе и в соответствии с этим определяла форму выполнения ими всеобщей воинской обязанности.

Благодаря образованию СССР ускорился процесс строительства Красной Армии как единой многонациональной военной организации. Одновременно с новой силой встал вопрос о национальных формированиях, поскольку в ходе демобилизации и резкого сокращения РККА в 1921—1922 гг. национальные части и соединения, созданные в ходе гражданской войны на добровольческих началах, были расформированы.

⁵⁹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М. 1958, с. 247.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 77.

⁶¹ Фрунзе М. В. Собр. соч. Т. 2, с. 189.

XII съезд РКП(б) в числе очередных задач национальной политики в связи с образованием СССР предложил провести «практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик»⁶². Непосредственное решение этой задачи возлагалось на Наркомат по военным и морским делам СССР. Однако, в значительной степени по вине Троцкого, возглавлявшего до 1925 г. военное ведомство, процесс национального военного строительства разворачивался медленно, а создание национальных формирований шло главным образом по инициативе местных партийных и советских органов республик. Троцкий и его сторонники в военном ведомстве были против привлечения к военной службе народностей, которые не несли прежде воинской повинности, считая их массой еще «тяжеловеснее», чем крестьянство, а формирование национальных частей — «пустой забавой», «игрой в удовлетворение национального самолюбия отдельных народов». Фрунзе, разоблачая троцкистов, отмечал, что они утверждали, будто бы национальные формирования снижают боеспособность Красной Армии⁶³.

Коммунистическая партия решительно осудила взгляды троцкистов. XIII съезд РКП(б) потребовал, чтобы в республиках и областях была усилена работа по выполнению решений XII съезда партии о национальных формированиях⁶⁴. Чтобы успешно выполнить эту задачу, понадобилось подготовить национальные командно-политические кадры. В 1923 г. был расширен контингент нерусской молодежи в военно-учебных заведениях, число национальных военных школ увеличено с 7 до 13⁶⁵. По приказу РВС СССР «О национализации военно-учебных заведений» от 9 июня 1924 г. были реорганизованы из курсов и созданы заново специальные школы для подготовки командного и политического состава на национальных языках: украинская пехотная школа Червоных старшин имени ВУЦИКа, украинская кавалерийская школа им. С. М. Буденного, белорусская объединенная школа им. М. В. Фрунзе, школа красных коммунаров (Москва), Интернациональная военная школа (Ленинград), татаро-башкирская школа им. ТатЦИКа, казахская военная школа им. КирЦИКа (Оренбург), Ташкентская объединенная им. В. И. Ленина командная школа, объединенная Среднеазиатская военная школа, кавалерийская школа горских национальностей Северного Кавказа им. В. И. Ленина и три закавказских национальных военных школы (грузинская, армянская и азербайджанская). Подготовкой политработников занимались Интернациональная тюркская (г. Казань), грузинская, армянская и азербайджанская военно-политические школы, а также национальные отделения при Ташкентской объединенной им. В. И. Ленина командной школе и военно-политической школе Киевского военного округа⁶⁶.

В школах РККА (общесоюзных и национальных), военных академиях и на курсах готовили командиров и политработников из числа всех национальностей Советского Союза. На 1 апреля 1925 г. из 29 647 курсантов военных школ Красной Армии 10 731 (36,2%) относились к нерусским национальностям. Кроме того, в военно-морских учебных заведениях из 1370 курсантов переменного состава 240 было из нерусских национальностей⁶⁷. С 1920 по 1926 г. численность комсостава нерусских национальностей в РККА увеличилась с 18% до 28,3% (младших командиров — почти до 40%), а количество таких политработников с

⁶² КПСС в резолюциях... Т. 2, с. 441.

⁶³ См. Фрунзе М. В. Собр. соч. Т. 2, с. 140; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 14.

⁶⁴ См. КПСС в резолюциях... Т. 3, с. 55.

⁶⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 54, лл. 39, 61, 62, 174; д. 297, л. 16; д. 602, л. 119.

⁶⁶ Там же, д. 525, л. 12; д. 603, л. 119; оп. 2, д. 176, л. 99; д. 10, л. 27.

⁶⁷ Там же, оп. 1, д. 54, л. 174; д. 602, л. 128; оп. 3, д. 2928, л. 24; оп. 1, д. 338, л. 14 (приведены данные по состоянию на 1 апреля 1926 г.).

1920 по 1925 г. выросло с 26,5% до 34,9%⁶⁸. В результате работы, проведенной ЦК РКП(б) и компартиями союзных республик в начале 30-х годов, национальный состав командиров и политработников полностью соответствовал национальному составу РККА. В связи с успехами в подготовке командиров и политработников из числа нерусских национальностей постановлением РВС СССР в 1931 г. национальные военные школы были упразднены⁶⁹, с этого времени она стала осуществляться в общих для всех наций и народностей военных училищах и на курсах.

Создание национальных частей и соединений в составе РККА стало важной частью военной реформы. Еще в 1923 г. из Азербайджанской, Армянской и Грузинской Красных Армий (к этому времени они были переформированы в отдельные бригады) развертываются азербайджанская, армянская и грузинская дивизии. В конце 1924 г. формируется 2-я грузинская территориальная дивизия. В 1929 г. в ее состав был включен абхазский кавалерийский эскадрон⁷⁰. На Украине реорганизуются из номерных в национальные четыре территориальные стрелковые дивизии, в Белоруссии — одна. В Приволжском военном округе в составе Казанской территориальной дивизии появились татаро-башкирский полк и башкирский кавалерийский эскадрон⁷¹. Эти национальные части РККА комплектовались так же, как и номерные, но основная часть личного состава в них состояла из коренных национальностей республик.

В районах, где раньше обязательная военная служба не вводилась, процесс создания национальных формирований проходил постепенно: сначала были созданы небольшие подразделения и части, затем, по мере подготовки соответствующих условий, формировались более крупные части и соединения. В результате выполнения программы национального военного строительства было сформировано по одному кавалерийскому полку в Дагестане и на Северном Кавказе (затем они влились в отдельный сводный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа и Дагестана им. Серго Орджоникидзе), кавалерийский полк в Бурят-Монгольской АССР, территориальный полк в Якутской АССР, отдельный егерский батальон в Карельской АССР и кавалерийский полк в Казахской АССР⁷². В Средней Азии в начале 30-х годов имелись следующие национальные части: отдельная сводная узбекская бригада, туркменская кавалерийская бригада, таджикский горно-стрелковый полк и киргизский территориальный кавалерийский полк. Впоследствии были сформированы узбекская, туркменская и таджикская кавалерийские дивизии и киргизская территориальная кавалерийская бригада⁷³.

Национальные формирования явились одной из форм утверждения политического и национального равенства народов, ярким свидетельством обеспечения равных прав и обязанностей всех национальностей СССР в защите социалистического Отечества. Они сыграли большую роль в приобщении нерусских народов к обязательной военной службе, в подготовке национальных военных кадров и обучении военному делу молодежи нерусских национальностей, имевшей в то время более низкий культурный уровень и не знавшей русского языка. С победой социалистических национальных отношений и укреплением дружбы наро-

⁶⁸ Там же, д. 602, л. 100; оп. 3, д. 2928, лл. 15, 18—20, 24.

⁶⁹ См. Военно-исторический журнал, 1977, № 6, с. 110.

⁷⁰ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 1422, л. 16.

⁷¹ Там же, д. 271, лл. 10, 11, 13; д. 335, л. 36; ф. 9, оп. 13, д. 439, л. 25; Краснознаменный Приволжский. Изд. 2-е. Куйбышев. 1980, с. 140.

⁷² См. Военно-исторический журнал, 1975, № 11, с. 120; 1981, № 7, с. 83; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 1349, лл. 8, 9; оп. 2, д. 176, лл. 26, 27; ф. 54, оп. 1, д. 31, л. 8.

⁷³ ЦГАСА, ф. 25895, оп. 1, д. 59, л. 64; д. 64, лл. 10, 11, 44; д. 68, л. 78 (в кн. «Советские Вооруженные Силы. История строительства», с. 154 национальные части Средней Азии и Казахстана указаны неточно); ф. 4, оп. 1, д. 1080, л. 38; ф. 25895, оп. 1, д. 59, лл. 63, 64; дд. 556, 557, 558.

дов СССР, а также в результате коренных изменений социально-экономического характера, воспитания социалистического интернационализма и повышения политического и культурного уровня молодежи национальных районов, превращения русского языка в язык межнационального общения необходимость в национальных формированиях отпала.

Возраставшая угроза во второй половине 30-х годов империалистической агрессии против СССР заставила партию и Советское правительство принять новые меры к укреплению обороноспособности страны. Усложнившиеся военные задачи потребовали усиления централизации в военном строительстве. Территориальные формирования уже не могли в полной мере обеспечить необходимую боеспособность и постоянную боеготовность армии. РККА вновь переводится на кадровую систему комплектования. 7 марта 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА», согласно которому национальные части, соединения, военные школы и училища переформировывались в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием и изменением дислокации частей и соединений⁷⁴. Красная Армия еще более укрепилась как единая интернациональная сила.

В начальный период Великой Отечественной войны, в час смертельной опасности для социалистической Родины спаянные дружбой народы СССР посылали своих сыновей на защиту ее свободы и независимости. В составе Красной Армии было сформировано более 80 национальных дивизий и отдельных бригад⁷⁵. Однако основной организационной формой многонациональных Вооруженных Сил СССР всегда были смешанные в национальном отношении войсковые части и соединения, в которых проходила военную службу основная масса лиц нерусской национальности. Например, в 1925 г. национальные формирования Красной Армии составляли 10% ее состава, тогда как в это время в РККА насчитывалось 39,3% нерусских воинов⁷⁶. Да и сами национальные подразделения, части и соединения были многонациональными. Узбекский кавалерийский дивизион на 35% состоял из русских, на 23% — из таджиков и на 10% — из татар. В 1-й грузинской дивизии находилось 2727 грузин, 182 армянина, 112 русских и т. д.; в азербайджанской дивизии — 2783 азербайджанца, 1203 русских, 574 армянина и т. д. В карельском егерском батальоне были финская и русская роты, в 83-м полку — две роты дагестанцев, во 2-й грузинской дивизии — эскадрон абхазов, по одной роте азербайджанцев, армян, осетин и аджарцев, взвод русских и т. д.⁷⁷

Соединения Сухопутных Войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота были многонациональными. Так, в 11-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа в 1929 г., кроме русских, служило 1349 чувашей, 1197 коми, 151 украинец, 131 мордвин, 67 татар и т. д.; в 10-й кавалерийской дивизии Московского военного округа — 159 украинцев, 50 татар, 49 евреев и т. д.; в 4-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа в это же время, кроме русских, служило 1480 белорусов, 420 мордвин, 172 татарина, 136 украинцев и т. д.⁷⁸

Итак, Коммунистическая партия проделала огромную работу по проведению в жизнь ленинской национальной политики в военном строительстве. К началу Великой Отечественной войны все нации и народности Советского Союза были подготовлены к защите социалистическо-

⁷⁴ См.: Краснознаменный Закавказский. М. 1969, с. 141; ЦГАСА, ф. 25895, оп. 1, д. 528, лл. 45—46; д. 585, лл. 22, 107—109; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза, с. 286—287.

⁷⁵ См. Коммунист Вооруженных Сил, 1981, № 12, с. 13.

⁷⁶ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 602, л. 69.

⁷⁷ Там же, ф. 9, оп. 17, д. 175, лл. 20, 21, 76; ф. 4, оп. 2, д. 176, лл. 26, 27; оп. 1, д. 1421, л. 24; д. 1422, л. 158.

⁷⁸ Там же, ф. 9, оп. 13, д. 649, лл. 52, 53.

го Отечества с оружием в руках. Если в конце гражданской войны в Красной Армии насчитывалось 77,6% русских, 13,7% украинцев, 4% белорусов и 4,7% латышей, татар и воинов других национальностей⁷⁹, то в 1940 г. в Вооруженных Силах СССР было 61% русских, 19,6% украинцев, 4,1% белорусов и 15,3% воинов других национальностей⁸⁰.

Историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне ярко показала преимущества социалистического общественного и государственного строя, великую жизненную силу и нерушимость Союза Советских Социалистических Республик. Фашизму не удалось вбить клин между социалистическими нациями. Именно братский нерушимый союз народов явился одним из главных источников победы над фашистскими захватчиками. «В суровые годы Великой Отечественной войны,— отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— народы-братья плечом к плечу встали на защиту Родины, проявили массовый героизм и непоколебимую волю к победе»⁸¹. За боевые заслуги звание Героя Советского Союза было присвоено 11 603 воинам — представителям более 100 наций и народностей СССР⁸².

В годы войны Советские Вооруженные Силы совершили еще и великий интернациональный подвиг. Они сыграли решающую роль в освобождении многих народов Европы и Азии. В совместной борьбе родилось интернациональное братство Советской Армии с армиями социалистических стран. Этот факт имеет всемирно-историческое значение. Он положил начало боевому союзу стран социалистического содружества, который ныне успешно противостоит агрессивным устремлениям империалистов.

Еще больше окрепли наши Вооруженные Силы как армия дружбы и братства народов в послевоенные годы. Они воспитываются в духе патриотизма и интернационализма и находятся в постоянной боевой готовности. «И каждый раз, когда того требуют интересы безопасности страны, защиты мира, когда нужно помочь жертвам агрессии,— говорил Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС,— советский воин предстает перед миром как бескорыстный и мужественный патриот, интернационалист, готовый преодолеть любые трудности»⁸³.

Конституция СССР 1977 г. провозглашает защиту социалистического Отечества священным долгом каждого советского гражданина, устанавливает равные права и обязанности в несении военной службы. Поэтому воспитание каждого гражданина СССР как патриота и интернационалиста, осознающего свой долг и большую ответственность защитника интересов многонационального социалистического государства, имеет огромное значение в формировании нового человека.

Образование СССР явилось крупнейшим успехом политики Коммунистической партии по укреплению обороны страны и обеспечению надежной защиты социалистических завоеваний трудящихся. Со времени его создания каждая советская республика в своем развитии стала опираться не только на свои собственные силы и ресурсы, но и на могущество Советского Союза в целом. «С образованием Союза ССР,—

⁷⁹ Партия и армия. М. 1980, с. 76.

⁸⁰ Шуктомов П. И. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне. М. 1970, с. 11.

⁸¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М. 1982, с. 6.

⁸² Смена, 23.II.1973; Коммунист Вооруженных Сил, 1980, № 4, с. 30.

⁸³ Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 63.

говорилось в воззвании Президиума ЦИК СССР в день первой годовщины принятия Конституции СССР 1924 г.,— трудящиеся всех народов получили твердое и верное обеспечение достигнутой ими свободы,.. которая теперь будет сохраняться не только силой каждого отдельного народа, но и соединенными совместными силами трудящихся народов всего Союза в целом. Перед лицом враждебного капиталистического мира стоит новая мощь объединенных сил всех трудящихся, всех освобожденных народов»⁸⁴.

Объединение советских республик в едином союзном государстве превратило нашу страну в могучую мировую державу, способную отстоять свое существование от нападок империалистических агрессоров. На собственном опыте народы СССР убедились, что сплочение в едином государственном союзе умножает их силы, ускоряет социально-экономическое развитие, укрепляет оборону страны. Политика государства тогда действенна, когда она опирается на его реальную экономическую и военную мощь, на безграничную поддержку народа, на прочную дружбу и боевой союз с союзниками и друзьями. Все эти факторы имеются у Советского Союза, они созданы общими усилиями всех народов СССР. «Агрессивные происки империализма,— отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, выступая 22 ноября 1982 г. на Пленуме Центрального Комитета партии,— вынуждают нас вместе с братскими социалистическими государствами заботиться, и заботиться всерьез, о поддержании обороноспособности на должном уровне»⁸⁵. Советский Союз укрепляет свою обороноспособность, поддерживает постоянную боевую готовность Вооруженных Сил, видя в этом важнейшую гарантию мирного труда советского народа, великих завоеваний социализма и успеха дела мира во всем мире.

⁸⁴ Цит. по: Грешев И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М. 1967, с. 161.

⁸⁵ Правда, 23.XI. 1982.

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ РОССИИ XIV—XV вв. В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ю. А. Кизилов

Город как центр ремесла и торговли, средоточие социально-политической и культурной жизни, судебной-административной и военной организации налагал свой отпечаток на все развитие средневекового общества. «Городские бюргеры,— писал Ф. Энгельс,— стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений»¹. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что европейский город активизировал деревню и стал определяющим фактором развития самоуправляющихся сельских общин, территориальных сотен и графств, сословно-представительной монархии и абсолютизма².

Выводы Маркса и Энгельса о роли городов в средневековой Европе получили подтверждение в работах историков разных школ и направлений³. В советской историографии феодального общества эта проблема занимает одно из центральных мест⁴. В исследованиях Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина и других историков освещены предпосылки возникновения и условия роста городов на Руси, уровень развития ремесла, социальная организация ремесленно-торгового люда и его роль в складывании основ того корпоративного порядка, который западноевропейская литература называет «городским строем»⁵. В городах складывались новые формы власти, города делали и первые шаги по преодолению политической раздробленности. Здесь действовали при князьях отдельные земель боярские думы, городские советы и вечевые собрания. Роль городского патрициата, рядовых горожан, взаимоотношения князя и веча характеризовали особенности политического строя отдельных земель⁶.

Нашествие и последующие неоднократные набеги монголо-татар нанесли тяжелый урон городам Руси и во многом усложнили дальнейшую эволюцию ее сословной структуры и городского строя. Историки по-разному трактуют этот вопрос. Одни из них считают, что, несмотря

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 407.

² Там же. Т. 46, ч. 1, с. 456—457, 464, 470.

³ См., напр.: Белов Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М. 1912, с. 95; Живелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. СПб. 1912, с. 233—234, 239.

⁴ Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения русских городов XI — первой половины XVII в. В кн.: Города феодальной России. М. 1966; Левицкий Я. А. Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма. — Вопросы истории, 1969, № 9, с. 93—96, и др.

⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М. 1948, с. 432—433, 456, 591—596, 512—522; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М. 1956, с. 5, 185, 197—200, 213, 217, 222—224. В понятие «городского строя» принято включать такие элементы городского права, как личная свобода членов городской общины, особый городской суд, признание за городской общиной прав военной корпорации, выборность органов управления, главным из которых был городской совет (см. СИЭ. Т. 4, с. 351; Белов Г. Ук. соч., с. 4—5, 8, 10).

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М. 1978, с. 55.

на нарушение нормальных условий развития городского ремесла и городского строя, города XIV—XV вв. развивались в том же направлении, что и в XII—XIII вв., до известной степени совпадавшем с тенденцией развития городов средневековой Европы (существование ремесленных организаций, объединение ремесленников родственных специальностей, регламентация их труда)⁷. Другие же придерживаются представления о чисто владельческом характере средневековых городов России и их экономики, сохранявшей черты разросшейся владельческой усадьбы, о неблагоприятных условиях развития городов и свойственном им владельческому характеру ремесла, низком уровне товарного производства. С этой точки зрения обстановка напряженной борьбы с монголо-татарскими захватчиками в XIV—XV вв. и непрерывного усиления централизующейся великокняжеской власти препятствовала формированию элементов городского самоуправления⁸.

В изучении этой дискуссионной проблемы один из наименее разработанных аспектов — сравнительно-исторический. За основу сравнений берутся обычно (что уже отмечалось в литературе)⁹ хорошо известные нормы и институты, которые сложились на завершающей стадии феодализма в землях средневековой Германии, развивавшихся, однако, в несколько иных условиях и к тому же избавленных на длительный срок от вторжений¹⁰. Задача настоящей статьи — несколько расширить сравнительно-историческое изучение городского строя средневековой России, выявить дополнительные данные для характеристики социально-экономического развития русского средневекового города.

Как ни велик был урон, нанесенный городам Руси «Батыевым разорением» и «частичными находжениями ратей», в дальнейшем последствия их были сравнительно быстро изжиты. Уже с XIV в. Северо-Восточная Русь встала на путь хозяйственного подъема: заброшенные старопахотные земли заселялись, обрастая с разных сторон новыми «починками», сельскохозяйственные культуры распространялись на новые районы, увеличивалось число непашенных ремесленников и дворов, сельских слободок и рядков, имевших промыслово-торговый профиль¹¹.

В развитии городского ремесла наблюдаются две ощутимые грани — середина XIV и середина XV века. Это период совершенствования

⁷ Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 591—592, 695—699, 781; Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV вв.). — Вопросы истории, 1945, № 1, с. 22—23; его же. Московские третники, тысяцкие и наместники. — Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 4; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, с. 129, 365—366.

⁸ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.-Л. 1947, с. 4—19; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М. 1952, с. 38—39; Сахаров А. М. Ремесленное производство в городах Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. — Вопросы истории, 1955, № 4; его же. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М. 1959, с. 207—209, 216, 222—224, 233; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса). В кн.: Русский город. М., 1976, с. 55, 56, 68, 69. По мысли В. В. Карлова, в русских средневековых городах «преобладали дворы феодалов и разного рода зависимых от них людей»; после монголо-татарского нашествия, прервавшего «нормальный путь развития» городов, они формировались под преобладающим воздействием политических факторов. Оживление экономической жизни русских городов, начавшееся в XIV в., не изменило положения: «Возрождавшееся ремесло было уже не свободным (преимущественно) городским ремеслом, как прежде, а развивалось как зависимое ремесло при дворах князей, феодалов или монастырей».

⁹ Стоклицкая-Герешкович В. В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. В кн.: Средние века. Вып. 3. М. 1951, с. 75.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 418, 409.

¹¹ Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 339—392; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 297—308; Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960, с. 75—102; Сербина К. Н. Из истории возникновения городов в России XVI в. В кн.: Города феодальной России, с. 137—138, 140, 143.

ремесленной техники, отделения ремесла от земледелия, обособления промысловых и ремесленно-торговых центров с кооперацией нескольких работников; намечалась порайонная специализация в изготовлении определенных видов продукции, возрастала внутренняя и внешняя торговля; масса вотчинных ремесленников выходила на посад, и их переводили с натурального на денежный оброк. К концу XIV в. городское ремесло средневековой России достигло экономического уровня XII — начала XIII в., а к XVI в. уже значительно его превзошло¹².

В XIV и XV вв. рассматриваемые процессы быстро развивались на территории Великого княжества Московского. Посады уже в начале XIV в. заняли всю территорию в черте современного Кремля и Китай-города, а во второй половине века распространились на междуречье Москвы-реки и Неглинной. В XV в. они уже распространились за реки Москву и Яузу¹³. В XIV столетии росли и другие «места» и городки Московского княжества. По договорным грамотам можно проследить иногда на протяжении одного-двух поколений превращение небольших поселений в значительные ремесленно-торговые центры со своими слободами, с волостями «и с окольными и с селы, з бортью и с мытом и со всеми пошлинами»¹⁴. Многие из них (Серпухов, Радонеж, Верея, Руза, Боровск, Кашира) имели ремесленно-торговые посады и чеканили свою монету¹⁵. Во второй половине XV в. в этих городах происходило обособление местного боярства и монастырской братии¹⁶. Связь этого обособления с хозяйственным подъемом городов и усложнением социально-политической структуры тянувших к ним земель не вызывает сомнений. Экономические связи соединяли их и с Москвой, усиливая ее значение как оплота централизации. Те же материальные условия, которые возвысили французских королей над графами и баронами, выдвинули над разобщенными землями Северо-Восточной Руси московских князей и обеспечили им победу над соперниками.

По уровню ремесленно-торгового развития московские города далеко опережали центры удельных Белозерского, Ростовского, Ярославского, Суздальско-Нижегородского, Рязанского и даже Тверского княжеств, остававшихся вплоть до присоединения Твери к Москве прежде всего крепостями¹⁷.

Экономический и политический подъем среднерусских княжеств во второй половине XIV в. сопровождался перестройкой вассально-политической структуры Руси, укреплением власти ее государя над удельными князьями¹⁸. Отмеченные успехи сокращали негативное воздействие внешнеполитического фактора и усиливали прогрессивные процессы в градостроительстве. Подъем благосостояния городов Северо-Восточной Руси внешне выражался в восстановлении их военно-оборонных сооружений и росте «предградий» (посадов) в старых и новых го-

¹² Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 591—592, 695—699; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М. 1980, с. 62—70, 113—117.

¹³ Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. М. 1960, с. 103—178, 184—189.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. (далее — ДДГ). М.-Л. 1950, с. 15, 33, 43, 46—47, 73, 194, 230, 238; ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Пг. 1922, с. 106—107.

¹⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 331—332.

¹⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, с. 467—468.

¹⁷ Рапцопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.-Л. 1961, с. 188—191; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков, с. 82—107; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 329—335.

¹⁸ ПСРЛ. Т. VIII. СПб. 1859, с. 54, 59; т. XXV. М.-Л. 1949, с. 212, 215, 217.

родах¹⁹. Наметилось возрастание доли рыночного продукта городского и сельского ремесла в сравнении с работой на заказ²⁰.

За вторую половину XIV в. выявлено более 40 новых городских поселений, к середине XVI в. их число достигало 161; в XV в. в города заметно притекало новое торгово-ремесленное население²¹. В качестве городов с посадским населением летописи упоминают Москву, Владимир, Дмитров, Можайск, Переяславль, Углич, Галич, Вологду, Кострому, Суздаль, Стародуб, Муром, Рязань, Тверь, Кашин, Торжок, Смоленск, Ржев, Новгород, Ладогу, Псков и др.²². С. Герберштейн, сравнивая эти города с западноевропейскими, умалчивал о каких-либо существенных отличиях их политической и ремесленно-торговой структуры, хотя о других особенностях жизни «москвитов» писал довольно много²³.

В хозяйственной и политической жизни этих городов немалую роль играли феодальные элементы, имелась и прослойка зависимых ремесленников²⁴. Однако эта черта не была особенностью русских средневековых городов. Сильная концентрация феодальной знати и феодально-зависимых элементов наблюдается во всех городах средневековой Европы, особенно в городах с античным прошлым — южнофранцузских, балканских, итальянских. Они, как кружево, были изрезаны владениями привилегированных светских и духовных землевладельцев, которым принадлежали дворы, улицы или даже целые части городов. Вокруг их усадеб группировались ремесленники, получавшие заказы от землевладельцев, но при дворах этих сеньоров жило немало и вотчинных ремесленников и несвободных купцов. Работали они не только на своих господ, но и на рынок. Приток феодальных элементов в русские города не прекращался в течение всего средневековья и мало чем отличался от обычного расселения рыцарей на новые места²⁵.

Городское сословие в средние века не было единым и разделялось имущественными и социальными перегородками. Лишь эпоха промышленного переворота внесла в эту противоречивую структуру радикальные изменения: из сословия горожан развились первые элементы буржуазии. Эта сложная социально-экономическая структура порождала такие же противоречия в политическом строе: в городах вплоть до позднего средневековья функционировали параллельные сеньориальные и городские власти, между которыми не прекращался спор о судебной и административной компетенции²⁶.

¹⁹ Раппопорт П. А. Ук. соч., с. 43, сл.; Косточкин В. В. Древние русские крепости. М. 1964, с. 5—6.

²⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 272—273.

²¹ Смирнов П. П. Ук. соч., с. 15—95; Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. В кн.: Исторические записки. Т. 52. 1953, с. 336—347.

²² ПСРЛ. Т. XXV, с. 134, 158, 173, 185, 186, 222, 223, 238, 240, 246, 264, 271, 272, 281, 289; т. XXVI. М.-Л. 1959, с. 80, 87, 96, 119—121, 176, 178, 184, 199, 211, 212, 227, 238, 249, 274, 275, 277, 279, 286, 288, 291, 299, 317, 322. Исследователи насчитывают до 80 таких городов (см. Смирнов П. П. Ук. соч., с. 77; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М. 1978, с. 16—40).

²³ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб. 1908.

²⁴ Зимин А. А. Холопы на Руси. М. 1973, с. 302; Смирнов П. П. Ук. соч., с. 15—66; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Ук. соч., с. 64—65.

²⁵ Белов Г. Ук. соч., с. 36—38; Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. Л. 1924, с. 87—95; Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. 1. М.-Л. 1926, с. 128—130; Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М. 1974, с. 476—482; Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М. 1967, с. 326—328; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М. 1960, с. 52—53, 58, 63, 71—73, 111—112, 138, 285, 337.

²⁶ Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. 1979, с. 4—8, 82—85; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории, с. 52—55, 337.

Освобождения от феодальной эксплуатации и от вмешательства сеньориальных властей в свои дела городские жители добивались различными путями. Одни — с оружием в руках, опираясь на помощь королей или других феодалов, другие — откупаясь, уплачивая в пользу сеньора различные подати и отбывая повинности. Неодинаковой была и степень политической самостоятельности. Если в Южной Италии, Южной Франции и частично Германии (имперские города) зависимость городов от верховного сюзерена свелась к формальным отношениям и на деле города к концу средневековья почти в полном объеме обрели независимость, то в городах Англии, Северной Франции и Северной Италии зависимость от сеньора не была ослаблена настолько, чтобы там смогла возникнуть полная коммунальная автономия²⁷. Развитие городского права было различным даже в одних и тех же странах. Мелкие города добились коммунальных свобод лишь в сокращенном объеме. Домениальные города, как, например, Париж, вообще не получили коммунальных свобод. Подтверждая муниципальные права горожан во владениях своих врагов, короли у себя в домене оставались противниками такого новшества и полностью упраздняли городское самоуправление, не останавливаясь перед насилием²⁸.

Все это нельзя упускать из виду, выявляя общее и особенное в развитии городского строя на Руси и в средневековой Европе. Кроме того, городские вольности и права, вытекавшие из юридически оформленной автономии корпоративной городской общины и бюргерской собственности, состояли главным образом из привилегий и распространялись не на все население города, а на патрицианскую верхушку, переплетаясь с феодальными ограничениями²⁹. При учете подобных черт в развитии феодальных городов Западной Европы и средневековой России выявляется больше сходства, чем это иногда отмечается в литературе. Борьба горожан за привилегии и вольности, сопровождавшаяся княжескими усобицами и классовой борьбой в деревне, проходит через все русское средневековье как существенная черта политической жизни России XIII—XV веков. Источники не дают оснований проводить слишком резкое различие между политическим строем Руси домонгольского времени и первых десятилетий после нашествия. В городах с великокняжеским статусом продолжали действовать вечевые собрания, советы феодальных верхов и городского патрициата, третейские суды и общекняжеские съезды. Но в деятельности этих институтов постепенно происходили изменения.

Во второй половине XIII в. борьба горожан за корпоративные вольности дополняется антиордынскими выступлениями. После вечевых выступлений 60—70-х годов, опрокинувших систему баскачества в главных политических центрах Северо-Восточной Руси, городские движения вспыхивают с новой силой. Династическая сторона этой «великой замятии», что «бысть в Суздальской земле, во всех градах» достаточно подробно освещена³⁰. Другая ее сторона — движение горожан как самостоятельное явление. Трактовка этого вопроса И. У. Будовницем в плане поддержки «передовыми элементами» города объединительных усилий московских князей³¹ не отражает всей сложности политических отношений.

²⁷ Белов Г. Ук. соч., с. 71; Живелегов А. К. Ук. соч., с. 29—53; Неусыхин А. И. Ук. соч., с. 482—488; Левинский Я. А. Ук. соч., с. 96—101; Рославский Т. Западногерманские города в раннем средневековье (опыт сравнительной классификации). В кн.: Средние века. Вып. 34, 1971, с. 251; Сестан Э. Итальянские города в XIV—XVI веках. В кн.: Россия и Италия. М. 1972, с. 28—37.

²⁸ Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории, с. 107, 127, 132, 162.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 412.

³⁰ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг. 1918, гл. 1—3.

³¹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI—XIV вв. М. 1960, с. 368.

Изменения позиции горожан по отношению как к местной княжеской, так и великокняжеской власти на разных этапах хорошо видны на примере Переяславля. Во время съезда князей 1297 г. во Владимире переяславцы добились утверждения своим князем Ивана Дмитриевича, который был в это время в Орде, «а великому князю Переяславля не даша»³². Смерть Ивана Дмитриевича на время опять привязала Переяславль к великому княжению Владимирскому, и мы снова видим там великокняжеских наместников. Но в городе опять произошли волнения, после которых «седе Данило (Московский.— Ю. К.) княжити в Переяславле, а наместници князя великого сбежали». А когда в марте 1304 г. умер и Даниил Александрович, переяславцы возобновили борьбу и нашли поддержку в Костроме и Нижнем Новгороде, где черные люди побили бояр, принявших сторону великого князя Михаила Ярославича³³. На этом этапе объединительные усилия великокняжеской власти оказались сломленными партикуляризмом городских движений в Новгороде Великом, Переяславле, Москве, Костроме и Нижнем Новгороде.

Летописи свидетельствуют о городских восстаниях и в других политических центрах Северо-Восточной Руси — Ростове (1316 и 1320 гг.), Ярославле (1322 г.), Рязани, Твери (1316 г.)³⁴. Наиболее подробно освещена история тверского восстания 1327 года. Его главная причина, по мнению летописцев, заключалась в нарушении городских вольностей ордынским ставленником Чол-ханом (Шевкалом), подчинившим своей власти князя и тысяцкого. Князь, «видя озлобление людей своих, не могый оборонити, тръпети им веляше». Но горожане лишь выжидали удобного момента. А когда он наступил, ударили в колокола, созвали вече; начавшееся восстание охватило весь город, тверичи «начаша избивати татар, где кого застронив». Восставшими руководили тысяцкие и богатые «мужики посадские»³⁵.

Все это говорит о довольно активной роли горожан в политической жизни. В определенные моменты от их позиции зависела судьба великого княжения: при обострении раздоров в среде господствующих группировок из-за великокняжеского стола князьям не раз приходилось опираться на горожан и искать их поддержки. Так было и в 20-х годах XIV в., когда шел к власти Иван Калита, и в 60—70-е годы, когда помощь горожан обеспечила его внуку нелегкую победу над тверским князем, хотя тот опирался на поддержку орд Мамай, крымских сурожан, на династические и церковные связи с Нижним Новгородом, Рязанью, Смоленском и Литвой. Получив в 1371 г. у Мамай ярлык на великое княжение, тверской князь Михаил Александрович не смог воспользоваться им. Составитель Рогожского летописца, оценивавший деятельность московского князя Дмитрия Ивановича далеко не сочувственно, объяснял это тем, что «бояре и люди» по всем городам поклялись не пустить Михаила на великое княжение и «не токмо же не приаша его, но и переимали его по заставам». Несмотря на то, что обладатель ярлыка уже именовал себя великим князем, к нему «так и не почали люди из городов передаватися»³⁶. То же повторилось и в 1375 г., когда с помощью сурожан и изменившего Москве Ивану Вельяминова Михаилу Александровичу удалось вернуть ярлык на великое княжение. На сторону московского князя вновь стали «черные люди с городов». Окруженный в Твери войсками

³² ПСРЛ. Т. XVIII. СПб. 1913, с. 83; т. XXV, с. 153; т. XXX. М. 1965, с. 99.

³³ ПСРЛ. Т. XVIII, с. 85, 86; т. XXV, с. 393; т. XXIII. СПб. 1910, с. 96; т. XXX, с. 100—101.

³⁴ ПСРЛ. Т. I, вып. 2. Л. 1928, с. 530; т. XXV, с. 161, 166.

³⁵ ПСРЛ. Т. XV. М. 1965, с. 415—416; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 475—497.

³⁶ ПСРЛ. Т. XV, с. 434—435; т. VIII, с. 22—23; т. XXV, с. 190.

князей, оставшихся верными Дмитрию Ивановичу, Михаил смирился и отдался во власть прежнего великого князя³⁷.

Не менее важную роль играли горожане в политической жизни других феодальных центров средневековой России — Нижнем Новгороде, Муроме, Рязани и особенно в Смоленске, где князья сидели прочно на своих столах не столько по праву происхождения или ханскому пожалованию, сколько по соглашению с городскими верхами³⁸. Иногда и в среде горожан возникали разногласия, как, например, в Смоленске в 1401 г., когда «инии Витофта хотяху, а инии князя Юрья отчича», и князь Юрий получил власть лишь после того, как «сослasy с горожаны»³⁹. Отношения князя и «смолян» существенно не изменились и после присоединения Смоленска к Литве. Великий князь литовский, отпуская князей в Смоленск или (на последующем этапе) давая им «от себя держать Смоленск», не освобождал их от присяги «смолянянам». После убийства Сигизмунда (1440 г.) правительство Казимира попыталось привести смолян к присяге навязываемому им государю, но это вызвало организованный отпор. По звону вечевых колоколов смоляне — «черные люди, кузнецы, кожемяки, перешевники, мясники, котельники», вооружившись «сулицами, и стрелами, и косами, и топорами», выгнали из города воеводу и бояр и посадили воеводой у себя в Смоленске князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского. Это привело к новым конфликтам: оставшиеся бояре «не хотели того князя Дорогобужского у себя иметь воеводой, потому что не они избрали его, но простые люди»⁴⁰. После двух кровопролитных походов Казимиру удалось посадить в Смоленске своего воеводу, но он вынужден был дать на имя смоленского владыки «и всех князей и панов, и бояр и мещан, и черных людей и всему поспольству земли Смоленской» привилей на права и вольность⁴¹.

Отстаивание горожанами своих вольностей, как и в предшествующие времена, принимало форму борьбы за «своего» князя или за соблюдение властвующими князьями-сюзеренами городских «правд». При всей ограниченности этого требования нельзя, однако, не заметить, что оно имело целью укрепление корпоративного иммунитета городских властей, административно-правовой самостоятельности города. Занятие стола вольного города князем оформлялось «рядом», князь целовал крест «быти князем... в правду», судить справедливо и править городом, советуясь с феодальными верхами, городским патрициатом, тысяцкими и сотскими⁴². «Черные люди» городов принимали в этой борьбе активное участие, и без их поддержки, как показывает пример Новгорода Великого, невозможно было ни утверждение самостоятельности города, ни ее существование в последующие века⁴³.

³⁷ ПСРЛ. Т. XV, с. 430; т. XV, вып. 1., с. 95, 96, 390.

³⁸ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1, с. 63, 64, 162, 263; т. XXV, с. 179—180, 205.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXV, с. 169; т. 32. М. 1975, с. 148—149; т. 35. М. 1980, с. 52, 161, 229.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 32, с. 158—159; т. 35, с. 109—110, 143—144, 158—159, 223—233.

⁴¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб. 1846, № 213; Якубовский И. В. Земские привилеи Великого княжества Литовского. — Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП), 1903, № 3, с. 282.

⁴² Уставная грамота, данная великим князем московским «Двинской слободе», утверждает за боярством суд у наместника «по отечеству», а за «гостем двинским» княжескую «исправу» в суде («яз сам тому учиню исправу») и беспошлинную торговлю. Примечательно и то, что своей грамотой великий князь пожаловал как «бояр своих двинских, токоже сотского и всех своих черных людей Двинские земли». Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, с. 389; Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). М.-Л. 1949, с. 144—146.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908, с. 323—324, 608; т. XXV, с. 37. Подробнее см.: Пашуто В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965; Янин В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 3—10, 51—81. Тема о правде и правом суде усиленно разрабатывалась в это время и в нелетописной литературе (см. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг. 1916, с. 132—169).

Косвенные указания о подобных соглашениях с горожанами Устюга Великого и Вятки⁴⁴ — свидетельство существования в этих городах каких-то властей, от имени которых велись переговоры с князьями. Подобные факты известны в более раннее время и в городах Северо-Восточной Руси. При этом, конечно, речь должна была идти о соглашениях князя с городскими верхами или органами местной власти отдельных округов города — сотен и концов. Концы как самоуправляющиеся округа существовали в ряде городов с крупными посадами — Новгороде, Пскове, Ладоге, Ростове, Смоленске, Серпухове, Москве, Устюге Великом, Твери, Нижнем Новгороде. Особенно значительную роль кончанское управление играло в Новгороде Великом. Источники XII—XV вв. характеризуют Новгородскую республику как федерацию концов, восходящих к древней замкнутой соседской общине, каждый из которых избирал на вече своего старосту, располагал коллективной земельной собственностью, самостоятельной военной организацией, патрональным монастырем, независимым от местных архиереев, и соборной церковью, подчиненной кончанскому вечу⁴⁵.

Следы кончанской системы сохранились и в городах Северо-Восточной Руси, хотя здесь она перекрывалась сотенной организацией свободного посадского населения. Источники говорят о ней более или менее подробно с середины XVI в., когда правительство попыталось укрепить тяглую организацию черных посадских общин. В таких городах, как Москва, Новгород и Псков, сотни в какой-то мере были и профессиональными поселениями (подобная аналогия весьма условна для XVI и XVII вв.). После каждого значительного внешнего разорения количество таких сотен сокращалось, а сохранившиеся приходилось пополнять людьми различных профессий. В Калуге в XVI в. ремесленники составляли большую часть посада. Но сколько-нибудь заметной концентрации ремесленников одной специальности в особых сотнях не было: сапожники жили в 12 разных сотнях, кузнецы — в 9, плотники — в 8 и т. д.⁴⁶. Такая картина для мелких и средних городов в целом, надо полагать, типична. Однако нет оснований отрицать существование в городах средневековой России профессиональной организации посадских ремесленников. В различных формах она, как известно, появляется всюду, где существует развитое специализированное ремесло, поскольку «феодалной структуре землевладения соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»⁴⁷.

Цеховая организация средневековых городов Европы и Азии, где она более или менее подробно изучена, представляет собой двойственное по своей природе явление. С одной стороны, цехи — это профессиональные организации ремесленников, с другой — самоуправляющиеся общины, из соединения которых издавна состоял город. В этом качестве цеховая община не сохраняла единства своего профессионального состава, объединяя по несколько (иногда до 12) различных занятий — кузнецов, молотобойцев, шорников, седельников, оружейников, ремесленников, сумочников и т. д. В такие цехи нередко входили люди, которые вообще не занимались ремеслом, а возделывали сады и виноградники или состояли на городской службе. Кроме того, довольно значительное число ремесленников не входило в состав цехов⁴⁸. Цеховая община как один

⁴⁴ ПСРЛ. Т. V. СПб. 1851, с. 251; т. VI. СПб. 1853, с. 130; т. XI. СПб. 1897, с. 170—171.

⁴⁵ Арциховский А. В. Городские концы в древней Руси. В кн.: Исторические записки. Т. 16. 1945, с. 3—13; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М. 1977, с. 146—148, 180—181, 225—228.

⁴⁶ Волков М. Я. Описание калужского посада конца XVI в. — История СССР, 1972, № 4, с. 201—208.

⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 23; т. 21, с. 407.

⁴⁸ Эшли У. Д. Экономический строй Англии. М. 1897, с. 428—432, 458—460; Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Пг. 1923, с. 211—213; Зомбарт В. Ук. соч., с. 113—119, 147—162.

из округов городского самоуправления исполняла административно-тяглые и судебно-полицейские функции. В некоторых городах в состав общин входили и представители городской купеческой и землевладельческой аристократии. И почти везде — от Венеции до городов Востока, где эта аристократия политически утвердилась раньше, чем возникли сплоченные союзы ремесленников, — она почти полностью подчинила жизнь общин своему контролю⁴⁹.

Это же обстоятельство, очевидно, было главной причиной неполноты развития цехового строя и на Руси. В Новгороде Великом вся основная городская территория принадлежала узкой касте привилегированных землевладельцев, тогда как непривилегированные сословия жили на чужой земле. Подобная социальная структура должна была препятствовать консолидации непривилегированных сословий⁵⁰. Немалое значение имело и давление со стороны центральной власти. В городах стран с сильной королевской властью самостоятельность ремесленных общин и права общегородского муниципального управления были значительно урезанными; в то же время на них возлагался ряд повинностей. В Англии создание новых цехов и гильдий, расширение объема их деятельности и привилегий целиком зависели от короля или парламента. Широко практиковалась принудительная высылка ремесленников на королевские работы. В полном подчинении у королевской власти находились ремесленники Парижа. Они не имели ни права суда, ни права выбора должностных лиц, а все их полномочия как членов цеховых общин сводились к раскладке между собой государственной подати и несению обязательной полицейской службы в округах города⁵¹.

Высокая специализация и дифференциация ремесла, наличие в крупных городах средневековой России мастеров, подмастерьев и учеников, их высокая концентрация на городских посадах и расселение по профессиям позволяют считать обоснованными доводы тех, кто признает существование на Руси профессиональных организаций ремесленников. Профессиональная деятельность сосредоточивалась обычно не в сотнях, а в их более мелких подразделениях — рядах, улицах и десятках. Ряд представлял собой профессиональную группу посадского населения какой-нибудь одной или родственных специальностей. Они имелись как в больших, так и в малых городах. В рядах можно было не только купить, но и заказать нужный товар. «Рядовичи» могли жить на одной улице, и тогда территориальное объединение совпадало с профессиональным. Во главе таких объединений стояли выборные «рядские старосты», располагавшие самостоятельной юрисдикцией по делам местного значения. Вместе с другими мастерами они решали вопросы, связанные с выполнением заказов, распределением лавочных мест и т. п.⁵². В этом они близко стояли к зависимым цеховым общинам Западной Европы, и иностранцы называли их теми же именами⁵³.

Более отчетливо прослеживаются по источникам XIV—XV вв. купеческие объединения. Они хорошо изучены на примере новгородского «Иваньского ста» и московских «гостей-сурожан». Обе эти корпорации были вызваны к жизни ростом внешней торговли. Различались объединения «сурожан» временного («караваны» во главе с «головными куп-

⁴⁹ Стам С. М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.). В кн.: Средние века. Вып. 34. 1971, с. 256.

⁵⁰ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 150—152, 173—175, 180—181, 221—226.

⁵¹ Роджерс Д. Э. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб. 1899, с. 270—272; Живелегов А. К. Ук. соч., с. 146, 180—181; Репина Л. П. Ук. соч., с. 86—136; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории, с. 79—87.

⁵² Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 714—728, 747—765, 775—778; Латышева Г. П. Рабинович М. Г. Ук. соч., с. 102, 108, 111, 136—137.

⁵³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М. 1870, с. 277.

цами») и устойчивого характера. «Караваны» создавались на время опасного переезда в Крым и обратно. Внутри них выделялись «котлы» (члены которых характеризовались бытовой близостью), родственные объединения («племенники») и товарищества «складников», в которых В. Е. Сыроечковский видел «типичную купеческую организацию феодального времени», широко распространенную также в Западной и Центральной Европе. Эти товарищества заключались на сроки до шести лет. Проследив их деятельность на протяжении ряда веков, Сыроечковский сделал вывод о том, что это было «явление общее» для всех других феодальных центров Северо-Восточной Руси⁵⁴.

Непривилегированные слои «черных городских людей», распадавшиеся по тяглу и «животам» на «молодых», «средних» и «лучших»⁵⁵, объединялись в сотни, во главе которых стояли выборные «добрые люди» — сотские и старосты. Главным содержанием их деятельности были сбор и раскладка податей по «городовому делу», наблюдение за порядком и целостностью общин. По этим вопросам их власть распространялась не только на черных людей, но и на всех лиц (в том числе пользовавшихся финансовыми льготами), обязанных «тянуть к городу» разными податями и отбывать государственные и местные повинности и службы. Даже в тех случаях, когда в городские сотни являлись специальные сборщики, они действовали через старост и «лучших людей»⁵⁶.

Эта сторона городского строя России XVI в. привлекла внимание Д. Флетчера. Знакомя своих читателей с русскими порядками, автор находил не совсем точную аналогию сотским в английских констеблях (начальники полиции городских округов). Полномочия сотских были довольно обширны. Они рассматривали гражданские иски между членами своего округа. В их подчинении состояли десятские, «из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякий беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее». По делам своих сотен (постройка и ремонт мостовых, содержание улиц в чистоте, сбор податей, налогов и т. п.) сотские подчинялись старостам, которых тот же автор определяет как олдерменов городских общин⁵⁷.

О существовании в городах феодальной России «старосты большого» говорят актовые источники середины XVI века. Вместе со «старостой уличским да посадскими людьми» он вел борьбу против нарушителей сословных порядков и норм быта. Вместе с наместниками и «лучшими людьми» города он решал наиболее важные судебные дела. Отмеченная черта не была новостью в XVI веке. Участие «добрых мужей» в суде, а выборных старост в управлении городом и волостью идет из Древней Руси и отразилось в Судебнике 1497 г. (38 ст.: «без дворского и без старосты и без лучших людей суда наместником волостелям не судити»), а также в ряде уставных грамот XV—XVI веков⁵⁸.

В более ранний период (XIII—XIV вв.) административные сотни с их ремесленным и торговым населением подчинялись тысяцкому, который, будучи боярином, считался представителем всех непривилегированных сословий свободного населения города, исключая бояр и непосредственно зависимых от них людей. Великокняжеское и митрополичье лето-

⁵⁴ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.-Л. 1935, с. 42—44, 71—75.

⁵⁵ Памятники русского права (ПРП). Вып. 4. М. 1956, с. 238—239, 419.

⁵⁶ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб. 1889, с. 321—323; Градовский А. Д. История местного управления в России.— Собр. соч. Т. 2. СПб. 1899, с. 272, 292—294, 298.

⁵⁷ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб. 1905, с. 38, 39.

⁵⁸ Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 1. СПб. 1846, с. 139, 152; АЮ, с. 49, 55; ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3. Л. 1929, с. 556; Уставные грамоты Московского государства. М. 1909; №№ 1—4; Градовский А. Д. Ук. соч., с. 292, 312, 313; Демченко Г. В. Из истории судостроительства в Древней Руси. Варшава. 1909; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XVI—начало XVII в.).— История СССР, 1977. № 5. с. 151—152.

писание XV в. говорит о тысяцких только в связи с исключительными событиями. Тысяцкие упоминаются во всех крупных городах с великокняжеским статусом — Смоленске, Твери, Москве, Рязани, Ростове, Владимире, Нижнем Новгороде и др.⁵⁹ Житие митрополита Петра называет тысяцкого «старейшиной города», который замещает князя в его отсутствие⁶⁰. Их выдающуюся роль подчеркивают и междукняжеские «докончания». Отводя им место после великого князя, они поясняют, что от тысяцкого могла исходить такая же «прострожа», как и от великого князя⁶¹.

Тысяцкие XIII—XIV вв. распоряжались ополчением города и земли, ведали судебной расправой над городским населением, распределением повинностей и торговым судом; власть тысяцкого переходила от отца к сыну. В условиях политического дробления княжеской власти тысяцкий, ведавший городским войском, обороной города, налогами и судом в торговле и ремесле, занимал независимое положение по отношению к князю и стоял как бы над ним. Даже в Московском княжестве, где власть великого князя возрождалась скорее, чем в других землях, тысяцкий обладал достаточной силой, чтобы противостоять коллективному сюзеренитету князей, о чем свидетельствует передача этой должности Иваном II по смерти Семена Гордого А. П. Хвосту, который «вошел в крамолу к великому князю».

В пору «собираания власти» великими князьями подчинение тысяцкого князю стало важным вопросом внутренней политики. Эта борьба не получила прямого отражения в княжеском летописании, но нигде дело не обошлось без противодействия со стороны тысяцкого и стоявших за ним сил. Из четырех известных рязанских тысяцких трое погибли насильственной смертью. Их убийство Д. И. Иловайский связывал с общим явлением того времени — «глухой борьбой между усиливающейся княжеской властью и такими земскими начальниками, какими были тысяцкие»⁶². Несколько подробнее эта тема освещена в московском летописании. Но и здесь передача должности тысяцкого великокняжескому наместнику после смерти последнего тысяцкого из рода Вельяминовых Василия Васильевича (родного дяди великого князя Дмитрия Ивановича) вызвала «великий мятеж» в Москве, который закончился через несколько лет публичной казнью сына «последнего тысяцкого» Ивана Васильевича и его сообщников⁶³.

Учредив вместо тысяцкого должность сменяемого «большого наместника», великий князь значительно ограничил самостоятельность посада и его властей. Эта реформа стоит в связи с объединением земель, народа, подчинением удельных князей и попыткой освобождения Русской земли от ордынского ига. Должность большого наместника была теперь сменяемой, однако ее по-прежнему занимали наиболее родовитые представители великокняжеского боярства — Хвостовы, Всевожжи, Добрынские, которые во всех делах преследовали «свой прибыток» и нередко «норовили» против великого князя. Вместе с боярами и московскими гостями они играли значительную роль в феодальной войне второй четверти XV в. и участвовали в ослеплении Василия Темного, сделавшись его «немилосердными мучителями»⁶⁴. Не менее самостоятельно вели себя

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXV, с. 180, 189, 200, 215, 250; т. IX. М. 1965, с. 178, 205; т. X. М. 1965, с. 27, 28, 60, 148, 228; т. XI, с. 21, 22, 54, 31, 108, 132, 137, 129.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXI, первая пол. СПб. 1908, с. 328.

⁶¹ ДДГ, № 2, с. 13; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XV в. (АСЭИ). Т. III. М. 1964, № 308, с. 337; № 307, с. 335.

⁶² Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М. 1858, с. 120—121.

⁶³ См. Воронцов-Вельяминов В. А. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей. — Вопросы истории, 1981, № 7; ПСРЛ. Т. XXV, с. 189—190, 200; т. XVIII, с. 115, 135; т. XXIII, с. 118.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XVIII, с. 152; т. VI, с. 172—173; т. XII. М. 1965, с. 67—69.

и наместники остальных городов. Великому князю не раз приходилось убеждать их «быти к себе с вой своими». Иногда это удавалось, но случалось и так, что «обретется разность в них», и они не хотели помогать великому князю, ополчение «со всех земель и градов» выходило с большим опозданием, а воеводы, которые часто были и наместниками в тех же городах, превращали такие рати в обычную вольницу⁶⁵.

Среди посадских людей XIV—XV вв. особую привилегированную группу составляли «гости». Судебники XVI в. разделяют население города на посадских людей и «гостей» («больших гостей», «меньших» и «средних»), причем плата за бесчестье большого гостя в 50 раз превосходила штраф за бесчестье «черного городского человека»⁶⁶. Летописи упоминают их вслед за боярами и в некоторых случаях представляют как членов княжеской думы. Показательна судьба нижегородского гостя Т. П. Новосильцева, казначея и боярина великого князя Дмитрия Константиновича, пожалованного боярством «за то, что он откупал ис полону государя своего дважды вел. князя,.. а в третьей выкупал княгиню Марфу»⁶⁷. В 60—70-х годах XIV в. Тарасий Новосильцев купил шесть сел за Кудьюмою на р. Сундовике у мордовского князя и населил их⁶⁸.

Среди таких «гостей да бояр» немало было выходцев из богатых городов Италии. Это и Некомат Сурожанин, пожалованный великим князем московским Дмитрием Ивановичем за службу вотчинами⁶⁹. Это и Андрей Фрязин, которого тот же князь пожаловал Печорою, «как была за его дядею за Матфеем за Фрязином», печорским наместником⁷⁰. Таков и С. В. Ховр, родоначальник боярских родов Ховриных и Головиных, внук которого «был гость да боярин великого князя»⁷¹. К числу таких гостей-кредиторов относились, надо полагать, и Юрий Григорьевич Бобыня и Семен Бронник, у которых в долгах ходили дмитровский, вологодский и рузский князья⁷².

Для купца XIV—XV вв. сближение со служилым боярством не являлось чем-то необычным. Исследователями установлена не только «вековая старина» ряда купеческих фамилий (Всеяковы, Саларевы, Шиховы), но и их близость к ведомству казначея (Ховрины — Головины), посольской службе, таможенному ведомству (Башенины, Бобровы), приказной и придворной среде⁷³. В XIV—XV вв. влиятельные гости мало чем отличались от бояр. Они отъезжали от одного князя к другому, пользовались феодальными иммунитетами и, опираясь на посад, не раз поднимали мятежи против неугодных князей. В Москве они составляли замкнутую организацию, к которой примыкали сотни «сурожан», «суконников» и «купчих людей». В XVI в. они имели свой суд и управу.

Правда, об особом представительном органе гостей в городах средневековой России говорить не приходится. В XVI—начале XVII в. вместе с другими сословными группами торгово-ремесленного населения они составляли одну городскую общину, управление которой находилось в руках «больших старост»⁷⁴. Это в равной мере характерно и для более раннего времени, когда гости вместе с другими слоями свободного населения были подсудны и подвластны тысяцким, а затем наместникам. Обязанности большого наместника, судя по ретроспективной характери-

⁶⁵ ПСРЛ. Т. VI, с. 187—190; т. XXVI, с. 226—227; т. XIII, М. 1965, с. 112.

⁶⁶ ПРП, вып. 4, с. 238—239, 419.

⁶⁷ АСЭИ. Т. III, № 307, с. 335; № 308, с. 337.

⁶⁸ Гацинский А. С. Нижегородский летописец. Новгород. 1886, с. 15—16.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. XXV, с. 190; т. XVIII, с. 135; ДДГ, № 9, с. 27.

⁷⁰ АСЭИ. Т. III, № 4, с. 16; ГВНИП, № 87.

⁷¹ ПСРЛ. Т. XXV, с. 271, 275, 300.

⁷² См. Семенченко Г. В. Кредиторы удельных князей Московского дома в конце XV—начале XVI века.— Вопросы истории, 1982, № 11.

⁷³ Сыроечковский В. Е. Ук. соч., с. 87, 89, 95, 96—101.

⁷⁴ Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 152.

стике в «Записи о душегубстве», составленной «по старине» во второй четверти XV в., в основном совпадали с обязанностями тысяцкого. Ему подчинены были по суду об убийстве все, «что ни есть дворов на Москве», в том числе находившиеся в городе дворы удельных князей и великой княгини, и митрополичьи, и монастырские. «С двема третники» он судил дела о душегубстве, кражах, бесчестье и др. На тысяцких возлагалось обеспечение неприкосновенности гостей и других лиц, пользовавшихся иммунитетом⁷⁵.

Тем не менее возрастали и политический вес гостей во всех звеньях городского управления и зависимость торгово-ремесленного населения от них⁷⁶. Как и во многих средневековых городах Западной Европы, это затрудняло объединения посадских людей использование городских и профессиональных вольностей. Не случайно в поморских городах, где в составе выборных властей действовали привилегированные гости, не обнаружено жалованных грамот на введение земского самоуправления. Там самоуправление (как и в городах Западной Европы — с сохранившимися чертами маркового строя) опиралось только на старину, на то, что «у них издавна так повелось»⁷⁷. С этим связано и отмирание веча как собрания горожан различного социального статуса. Нельзя относить его целиком на счет монголо-татарского ига или карательных мер Ивана Калиты⁷⁸.

Отмирание веча у славянских и романо-германских народов идет параллельно — по мере консолидации городской знати в общегородской собор и выделения из наиболее могущественных фамилий городского муниципалитета, наделенного исполнительной властью. Это было характерно как для аристократических городов Северной Италии, так и для городов Франции и Центральной Италии, где в управлении городом принимали участие средние слои, но никогда не было представлено все население города. Вече как собрание горожан разного социального статуса в ряде городов пережило появление совета господ, но в новых условиях оно утратило свое прежнее значение. В Италии, Германии и Франции горожан созывали, чтобы сообщить с балкона о соответствующих решениях городских властей, но в XIV в. роль таких собраний падает и здесь. В Польше уже в конце XII в. участниками вечевых собраний были только высшие слои населения. В Хорватии и Сербии вечевые «соборы» также являлись собранием аристократических родов, знати, хотя присутствовать на них мог и простой народ; в балканских городах власть целиком находилась в руках городской феодальной верхушки, не допускавшей к управлению даже средние слои населения⁷⁹.

То же наблюдалось и в Великом Новгороде в пору расцвета республики, когда сплотившееся боярство, по существу, ликвидировало вечевые порядки, отделив государство от народного собрания, превратив его в машину для голосования, результат которого predetermined. Городской собор феодалов превратился на этом этапе в узкоклассовый орган, в котором не было места «всему Новгороду». Он объединял лишь крупнейших феодалов-усадьбовладельцев и был теперь не народным

⁷⁵ АСЭИ. Т. III, № 12, с. 27—28; № 238, с. 259—260.

⁷⁶ Сыроечковский В. Е. Ук. соч., с. 82—83; Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 714—716; Стам С. М. Ук. соч., с. 270; Сестан Э. Ук. соч., с. 31.

⁷⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М. 1909, с. 236, 238; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории, с. 147.

⁷⁸ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси, с. 208—209.

⁷⁹ Дживелегов А. К. Ук. соч., с. 123—127, 129—130, 136; Неусыхин А. И. Ук. соч., с. 493; Сестан Э. Ук. соч., с. 28; Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах. Варшава. 1882, с. 60—61, 128—167; Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. М. 1976, с. 100—101; Синдик И. Коммунально урегулирование Котора. Београд. 1950, с. 93.

собранием, а собранием класса, стоявшего у власти⁸⁰. Подмена вече городским советом («думой») в Северо-Восточной Руси наметилась уже в XII в., хотя полное завершение этого процесса падает на последние десятилетия XIII и первую половину XIV века. Внешнеполитические факторы (монголо-татарское нашествие, иго Орды) и здесь играли вторичную роль, содействуя усилению политических позиций тех слоев, которым принадлежало решающее слово в военном деле.

В XIV в. в сознании летописцев Северо-Восточной Руси произошли столь значительные перемены, что они стали рассматривать вече уже не как собрание горожан разного социального положения, а как мятеж «черни» против правящих бояр. Такое восприятие видно в оценке нижегородских событий 1305 г., когда «черные люди побили бояр», в характеристике «злых кромольников» Брянска, которые в 1341 г. «сшедшеся вечем, убиша князя Глеба Святославича»⁸¹; и особенно во взгляде на Московское восстание 1382 года. В Тверской летописи последнее событие еще характеризуется как вече («люди стаща вечем»), но и здесь на первый план выдвинуто ограбление митрополита и великой княгини, которых «одва вон из града пустиша». Другие же летописи, в том числе и такие, как Московский летописный свод конца XV в., Ермолинская, Типографская и др., характеризуют это событие как «мятеж велик», во время которого «бяху людие смущени, яко овца, не имуща пастыря»⁸².

Приведенные данные показывают, что действие социально-экономических и политических факторов, влиявших на развитие средневекового города, при общей их направленности проявлялось в разных странах Европы неодинаково. Политические факторы, включая внеэкономическое принуждение, вели к укреплению города как центра феодального властвования. Под влиянием роста ремесла и торговли в городах складывались новые формы собственности и корпоративные союзы с особой, общественно-правовой, идеологической и культурной организацией, отличной от прежней, естественно сложившейся общины⁸³. В большинстве стран средневековой Европы корпоративные и муниципальные институты складывались не с такой завершенностью, какая была присуща ведущим немецким городам, избавленным на длительный срок от вторжений извне; центральная власть в данном случае находилась в «жалком положении»⁸⁴. С усилением крепостнических тенденций в России наметившееся к XVI в. расхождение пути развития институтов русского городского строя с общеевропейским становится более заметным. Но и тогда это своеобразие не выходило за пределы того, что можно было бы назвать межрегиональной неравномерностью развития.

⁸⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 327, 338—339, 368—370; его же. Новгородская феодальная вотчина. М. 1981, с. 279.

⁸¹ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1, с. 53; т. XXV, с. 172, 393; т. XXX, с. 101, 107.

⁸² ПСРЛ. Т. XV, с. 441; т. XVIII, с. 128; т. XXIV. Пр., 1921, с. 150; т. XXV, с. 207.

⁸³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 50, 23—24, 77.

⁸⁴ Там же. Т. 21, с. 418.

БАНКРОТСТВО КОНЦЕПЦИЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СССР

Ю. Е. Волкова, Н. В. Романовский

Современный этап политического, идеологического противоборства в мире требует еще более настойчивой критики антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачения фальсификаторов марксизма-ленинизма, истории нашей страны и национальной политики КПСС¹. Усиление агрессивности империализма, прежде всего американского, сопряжено в сфере идеологической борьбы с грубым, открытым антисоветизмом, фальсификацией развития СССР как многонационального государства, национальных отношений в обществе зрелого социализма.

Советские обществоведы проделали за последние годы значительную работу по разоблачению фальсификаций национальной политики КПСС, развития национальных отношений в советском обществе, по борьбе с враждебной националистической пропагандой из-за рубежа, по вооружению работников идеологического фронта умением подвергать врагов социализма убедительной, аргументированной критике². Научно-критическая литература по данным вопросам посвящена главным образом проблемам, оказавшимся в силу логики классовой борьбы на мировой арене в центре острого идеологического противоборства³. Это, во-первых, Великая Октябрьская социалистическая революция как основная предпосылка рождения СССР, решения национального вопроса в нашей стране, расцвета и сближения советских наций и народностей⁴. Во-вторых, национальная политика ленинской партии в первые годы Советской власти, ее борьба за сплочение трудящихся всех наций на позициях интернационализма, братской дружбы, увенчавшаяся созданием

¹ См. Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 146; О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М. 1982, с. 30.

² См. Зайцева Е. А. Критика буржуазных фальсификаций национальной политики КПСС. В кн.: Национальная политика КПСС. М. 1981.

³ Авторы настоящей статьи рассматривают прежде всего буржуазную историческую литературу, не затрагивая специально фальсификаций, например, теории нации и национального вопроса, принципов национальной политики КПСС, других специальных вопросов, ставших предметом самостоятельного критического анализа в работах советских авторов.

⁴ См., напр.: Галоян Г. А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье (1900—1922 гг.). Ереван. 1969; Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент. 1976; Установление Советской власти в национальных районах России. Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы. Кишинев. 1979; Магомедов М. А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция. Правда истории и домыслы антикоммунизма. Махачкала. 1980; и др.

Союза ССР⁵. В-третьих, современный этап национальных отношений в нашей стране, ее всемирно-исторические достижения в решении национального вопроса⁶.

Буржуазные советологи в своих работах последних лет, по самой сути своей классовой позиции тяготеющие к национализму, сосредоточиваются на отрицании закономерности социалистической революции в России в целом и в национальных ее районах в особенности. Они фальсифицируют все, что свидетельствует о соединении, слиянии борьбы за социализм с борьбой народов за национальное освобождение. Препарируя прошлое, они стремятся извратить характер и содержание современного этапа национальных отношений в нашей стране. Новейшая буржуазная литература, обнаруживающая эти тенденции, и является предметом критического анализа в данной статье.

* * *

«Рождение Союза ССР — результат победы Великой Октябрьской социалистической революции»⁷, — подчеркнуто в Постановлении ЦК КПСС о 60-летию образования СССР. Руководствуясь научным, марксистско-ленинским анализом общественных процессов, большевистская партия подняла рабочих и крестьян многонациональной России на борьбу против социального и национального гнета. В ходе этой борьбы был заложен прочный фундамент единства и братства советских народов — строителей социализма и коммунизма. Образование СССР — естественное выражение освободительного, глубоко справедливого характера социалистической революции, приведшей в движение широчайшие слои угнетенных, эксплуатируемых, поднявшей их к самостоятельному историческому творчеству.

Буржуазная историография прилагает немалые усилия с тем, чтобы исказить события социалистической революции в России как в целом, так и на ее национальных окраинах. Пускается в ход концепция, в основе которой лежат идеи обанкротившихся националистических политиков, будто социалистическая революция в «этнической России» в корне качественно отличалась от процессов, имевших место на национальных окраинах и была последним навязана⁸. Отсюда делается «глубокомысленный» вывод о якобы имевшем место «экспорте революции»

⁵ См.: Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917—1922 гг.) в современной американской историографии. М. 1971; см. также: Полевой Л. П. Национально-государственное строительство в СССР: факты и домыслы. Критика западногерманской буржуазной историографии образования и развития многонационального Советского государства (1917—1940). Киев. 1977; Булдаков В. П., Кулешов С. В. История образования СССР и критика ее фальсификаторов. М. 1982.

⁶ См.: Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в Советском Союзе. Кишинев. 1972; Салов В. И. Критика современной буржуазной историографии ленинской политики КПСС по национальному вопросу. М. 1973; Морарь А. Г. Образование и развитие молдавской социалистической нации в кривом зеркале буржуазной историографии. Кишинев. 1973; Грошев И. И., Чеченкина О. И. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М. 1974; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад. 1975; Марцуль Г. С. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск. 1975; Халмухамедов М. Х. Национальный вопрос в идеологическом противоборстве. М. 1976; Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент. 1978; Римаренко Ю. И. Антикоммунистический альянс (критика идеологических и социально-политических доктрин международного сионизма и украинского буржуазного национализма). Киев. 1981; и др.

⁷ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик, с. 4.

⁸ Keep J. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. Lnd. 1976, p. XIV.

из центра на окраины страны⁹. Своими истоками эта концепция восходит ко времени Октябрьской революции и борьбы за Советскую власть. Тогда в национальном движении столкнулись два течения — буржуазно-националистическое, возглавляемое националистами, клерикальными и феодальными элементами, и революционно-демократическое, возглавляемое большевиками, революционными представителями народов России. Вместе с поражением эксплуататорских классов в политической, вооруженной борьбе обанкротились вымыслы об отсутствии в национальных районах России предпосылок классовой борьбы, классового союза трудящихся и эксплуатируемых, независимо от их национальности. Обусловленность такого исхода борьбы еще раз подтверждают новейшие исследования социалистической революции в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии и других районах¹⁰.

Убедительным примером союза российского рабочего класса с местным трудящимся крестьянством служит то, что происходило в Туркестане, одной из окраин царской России¹¹. Развитие капитализма, социальное расслоение в этом районе все отчетливее проступали через завесу феодальных и полуфеодальных отношений. Этот в целом отсталый край становился частью общероссийского и мирового рынка. Здесь развивались товарное производство, товарно-денежные отношения. Усиливалась классовая дифференциация кишлака. На одном полюсе, у кучки баев, феодалов, сосредоточивались огромные площади земли, на другом — росло число малоземельных и безземельных дехкан. По переписи 1917 г. в ряде уездов до 40—50% дехкан не имели земли. Феодалы прибирали к рукам ирригационные системы. Имущественная дифференциация шла и среди кочевого населения. И местное и переселенческое крестьянство одинаково страдало от эксплуатации: в среде крестьян-переселенцев также шел процесс дифференциации¹². В предреволюционный период в Туркестане появилась и росла прослойка местных сельхозрабочих. Имелся и небольшой, многонациональный по составу рабочий класс (около 60 тыс. человек), значительную часть его составляли представители коренных национальностей¹³. Так, в Киргизии крупные отряды организованных рабочих представляли шахтеры угольных копей Кызыл-Кия и Сулюкты, рабочие Чуйской оросительной организации. В сен-

⁹ Szporluk R. Nationality and the Russian Problem in the USSR: An Historical Outline.— *Journal of International Affairs*, 1973, vol. 27, № 1, p. 26; Hammond T. The Export of Revolution to the Non-Russian Borderlands, 1917—1924. In: *The Anatomy of Communist Takeovers*. New Haven.— Lnd. 1975, p. 4—5; Elwood R. C. Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDRP in the Ukraine. 1907—1914. Assen. 1976, p. 276; Seton-Watson H. Aftermath of the Empire.— *Journal of Contemporary History*, 1980, vol. 15, № 1, p. 206; Reshetar J. The Soviet Polity. N. Y.— Toronto, 1971, p. 20; Bilinsky J. The Communist Takeover of the Ukraine. In: *The Ukraine 1917—1921. A Study in Revolution*. Cambridge (Mass.). 1977, p. 104 etc.

¹⁰ Анализ этой литературы см.: Наумов В. П. Великий Октябрь в национальных районах. В кн.: *Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции*. М. 1981, с. 177—195; Победа Советской власти в Молдавии. М. 1978; Макарова Г. П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. (восточные районы). М. 1979; Кочарли Т. К. Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку. 1980; Жвания Г. Большевики и победа Советской власти в Грузии. Тбилиси. 1981; Макаров Г. Г. Октябрь в Якутии. Ч. 2. Установление Советской власти. Якутск. 1980; Агаян Ц. П. Победа Советской власти и возрождение армянского народа. М. 1981; и др.

¹¹ Весь набор националистических фальсификаций хода борьбы за Советскую власть в Туркестане содержат такие работы, как: Oraltay H. *Türkistan Türklerinin Milli Istiklal Parolası*. Istanbul. 1973, p. 28—29, 32—34; Hayit B. *Turkestan im Herzens Eurasiens*. Köln. 1980, S. 95.

¹² См.: История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент. 1967, с. 22—33; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М. 1978, с. 26—58; и др.

¹³ В среднем процент рабочих местных национальностей был около 70; среди чернорабочих он доходил до 76,6, а среди железнодорожников составлял 14,6 (см.: История Узбекской ССР. Т. 3, с. 28; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 46—59).

тябре 1917 г. в Сулюкте, например, работало около 700 человек, 85% которых составляли киргизы, остальные — русские и татары. Среди членов союза «Горнорабочий» было 84 русских и татар и 356 киргизов¹⁴.

В свете этих данных нет оснований говорить об отсутствии классовой дифференциации местного населения региона. Как и повсеместно, экономика, сырьевые и людские ресурсы Туркестана, одной из сравнительно отсталых окраин царской России, втягивались в орбиту империалистической экономики. Тем самым были созданы предпосылки для совместной революционной борьбы местной дехканской в основном массы населения и рабочих и крестьян всей России. Собственный опыт классовой борьбы, влияние российского рабочего класса и большевистской партии вели к размежеванию революционно-демократических и буржуазных сил. О росте классового сознания трудящихся масс Туркестана есть немало свидетельств, относящихся к 1917 году. В их числе организация союзов трудящихся мусульман, киргизского союза «Букара» и Советов мусульманских рабочих депутатов; августовская демонстрация трудящихся мусульман в Ташкенте и участие их в сентябрьском вооруженном восстании против Временного правительства. О том же говорят устав Ташкентского Совета мусульманских рабочих депутатов и вся его деятельность; протоколы Ферганского областного съезда трудящихся мусульман и общего собрания рабочих-мусульман Ташкента; заявление казахов-кочевников в Ташкентский уездный Совет от 1 мая 1917 г. об организации Совета; обращение Самаркандского союза «Иттифак» от 25 августа к узбекским трудящимся о борьбе против контрреволюции и ее организации «Шуро-и-исламия»¹⁵. В июле 1917 г. в Фергане делегация Кокандского союза трудящихся покинула областной мусульманский съезд, убедившись, что на нем представлены главным образом эксплуататорские классы. В августе Союз трудящихся мусульман на выборах в городскую думу Самарканда предложил свой список кандидатов отдельно от «общенационального» списка, включавшего кандидатуры баев, мулл и других контрреволюционеров. То же произошло и в Коканде¹⁶.

В период между Февралем и Октябрем рабочие-мусульмане Туркестана начали создавать собственные организации. В апреле и мае в городах Скобелев и Старый Маргилан возникли Советы узбекских трудящихся. В мае под руководством А. Бабаджанова и С. Касымходжаева в Ташкенте был создан профсоюз строителей, объединивший более тысячи рабочих, а в июне — Союз мусульманских рабочих. Участник событий М. Ю. Юлдашев описывает 4-тысячный митинг в Самарканде, принявший решение образовать «Иттифак» — объединение мусульманских трудящихся¹⁷. С лета 1917 г. «Иттифаки» существовали в Ходженте, Намангане. В Ташкенте и других городах были созданы профсоюзы узбекских кожевников, сапожников, грузчиков, пекарей, рабочих хлопковых, маслодельных и мыловаренных заводов и т. д.¹⁸ Опорой большевиков и Советской власти в Туркестане стали вернувшиеся из

¹⁴ Советский народ — строитель коммунизма. Кн. II. Фрунзе. 1977, с. 64.

¹⁵ См. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М. 1958, с. 719—720; Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. М. 1959, с. 459, 466, 472, 478; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М. 1959, с. 514, 520—521, 524—526, 571; Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М. 1959, с. 352—353, 348—349; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М. 1961, с. 531—532, 525—527; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.). М. 1961, с. 475; и др.

¹⁶ Инояттов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 164—165.

¹⁷ См. Известия АН Узбекской ССР, 1957, № 4, с. 7—8.

¹⁸ См. Инояттов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 126—130; и др.

России летом 1917 г. 123 тыс. представителей местных национальностей, которых царское правительство мобилизовало в 1916 г. на тыловые работы для фронта. Многие из них получили опыт революционной борьбы в Центральной России, а некоторые состояли в партии большевиков. Они выступали инициаторами и организаторами борьбы трудящихся местных национальностей против Временного правительства и местных эксплуататоров, способствовали установлению братского союза с русским пролетариатом¹⁹.

Американский профессор Р. Пирс²⁰ фальсифицирует историю вооруженного восстания в Ташкенте, начатого 28 октября железнодорожниками и солдатами местного гарнизона — в массе своей русскими и украинцами. Он, в частности, утверждает, будто в восстании не участвовали трудящиеся коренных национальностей. Такая картина не содержит ни грама правды. В выступлении с самого начала приняла участие узбекская дружина из 200—250 человек. Узбеки из «старого города», согнанные в крепость для борьбы против восставших, отказались в них стрелять. Союз трудящихся мусульман станции Фараб вместе с железнодорожниками поддержал ташкентцев. Красная гвардия и солдаты, отряд местных рабочих и городской бедноты из узбеков, таджиков и казахов, организованный большевиками С. Касымходжаевым, А. Бабаджановым, М. Мирходиевым, А. Талитровым, а также отряды, прибывшие из различных городов края, четыре дня вели ожесточенные бои и одержали победу 1 ноября 1917 года. Власть в Ташкенте перешла к Совету²¹. Вслед за Ташкентом Советская власть установилась в ряде других городов Туркестана. История установления Советской власти в Туркестане свидетельствует о том, что здесь сложился союз российского рабочего класса с национальным крестьянством. Это еще раз подтверждает глубоко народный характер социалистической революции в России. Трудящимся отсталых окраин были понятны лозунги большевиков, близка и понятна Советская власть, идеи свободы и народовластия, союза со всеми трудящимися России.

Большим «вниманием» фальсификаторов, прежде всего американских и канадских, пользуется ход революционной борьбы на Украине. Между тем и на этом примере отчетливо видно, что характернейшей чертой развития революционного процесса в России было слияние борьбы за социализм с борьбой за национальное освобождение. Здесь с особой четкостью обнаружился интернационалистский облик рабочего класса, его прочный союз с трудящимся крестьянством, независимо от национальности, а также банкротство буржуазно-националистических политиканов, дошедших до предательства интересов своего народа. В полной мере проявилась тяга рабочих и крестьян Украины к прочному, государственному союзу с РСФСР. Буржуазные фальсификаторы трактуют классовую борьбу на Украине, в ходе которой решался и вопрос о взаимоотношениях двух республик, как борьбу за власть главным образом между украинскими националистами и большевиками при индифферентном отношении к ней украинского народа. Подобные утверждения не соответствуют действительному положению вещей, в частности фактам о рабочем классе Украины, который изображается «русским» или «русифицированным»²².

¹⁹ См.: Ковалев Х. Ш. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент. 1957, с. 82; Иноятгов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 158—160.

²⁰ Pierce R. C. Toward Soviet Power in Tashkent. February—October 1917.—Canadian Slavonic Papers, Vol. 17, 1975, № 2—3.

²¹ См. Пулатов Г., Рашидов Г. Ташкент в первые годы Советской власти (ноябрь 1917—1920 г.). Ташкент. 1972; Иноятгов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 206—216; История Узбекской ССР. Т. 3, с. 97—100; и др.

²² Elwood R. C. Op. cit., p. 1, 273; Bilinsky J. Op. cit., p. 108 etc.

Рабочий класс Украины формировался как класс многонациональный. Основную массу его (по подсчетам историков, до 65—70%²³) составляли украинцы. Сам состав рабочего класса на юге России способствовал воспитанию его в духе интернационализма, сплочению вокруг большевистской партии²⁴. Л. И. Брежнев пишет о поселке Каменском (нынешний Днепродзержинск), что там на металлургическом заводе вместе с украинцами трудилось «очень много елецких, курских, орловских, калужских мужиков». «Город наш был рабочий, население в большинстве своем было рабочим, и потому пролетарскую революцию у нас всегда считали своей, партию большевиков — своей, власть Советов — своей! То есть проблемы выбора, самого вопроса, с кем идти, чью сторону держать, у рабочих-днепровцев не было»²⁵. Рабочий класс стал решающей силой борьбы против украинских националистов, застрельщиком сплочения с революционными массами России. То, что пишут фальсификаторы из-за океана, — повторение вымыслов украинских националистов, которые на основании того, что рабочие Украины поддерживали большевиков, лишали рабочих-украинцев национальности. Вместе с рабочим классом, под его влиянием и украинское крестьянство переходило на сторону большевиков, Советской власти, высказывалось за союз с Советской Россией²⁶.

Пример Украины со всей убедительностью обнажил банкротство политики буржуазного национализма, приведшего к национальному предательству. Трудящиеся отвернулись от националистов. Они убедились, что только Советская власть на деле выражает интересы народа, и с одобрением восприняли провозглашенный 3 декабря 1917 г. правительством Советской России «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», в котором официально признавалась независимость Украины и высказывалась мысль о возможности установления государственного союза двух республик на основе федерации²⁷. Поддержку украинского народа получили и решения I съезда Советов Украины. В них Украина провозглашалась суверенной советской республикой, которая вступает в федеративный союз с Российской советской республикой и будет считать себя основанной на тесной солидарности трудящихся масс Украины с трудящимися всей России²⁸. Имеется множество документов (протоколов рабочих и крестьянских собраний, заседаний и др.)²⁹, отражающих эту поддержку, показывающих отношение разных слоев трудящихся-украинцев к русскому народу как союзнику в борьбе за полное освобождение масс от гнета капитала.

Выступления трудящихся Украины против Центральной рады усиливались по мере того, как под националистической фразеологией обнаруживался облик буржуазной, антинародной, контрреволюционной

²³ См.: Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г. М. 1964, с. 62; Курас И. Ф. Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев. 1978, с. 24.

²⁴ См., напр.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев. 1977, с. 15—16; Очерки истории Ворошиловградской областной партийной организации. Киев. 1979, с. 10; Очерки истории Днепропетровской областной партийной организации. Днепропетровск, 1979, с. 11—12; Очерки истории Харьковской областной партийной организации. Харьков, 1981, с. 8; и др.

²⁵ Брежнев Л. И. Воспоминания. М. 1982, с. 14, 20.

²⁶ См.: Хміль І. В. Трудяще селянство України в боротьбі за владу Рад. Київ. 1977, с. 64—117; Чуприна В. М. Большевистские организации Украины в борьбе за крестьянские массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. докт. дисс. Киев. 1980, с. 40—44; и др.

²⁷ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 143.

²⁸ См. Съезды Советов в документах 1917—1936. Т. II. М. 1960, с. 17.

²⁹ См. Борьба трудящихся Волини за власть Советов (март 1917—декабрь 1920). Житомир. 1957, с. 100—101; Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов (1917—1919). Чернигов. 1957, с. 63, 68.

политики. Рада шла на сговор и с русской контрреволюцией и с иностранным империализмом. Это повлекло за собою неисчислимые страдания украинского народа. Преемница Центральной рады — Директория вступила в сговор с представителями Антанты. Это была еще одна измена «национальной идее» ради классовых интересов украинской и иностранной буржуазии. Центральная рада, сформированная из представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, членов партии украинских социал-демократов, эсеров, социал-федералистов, кулаков, «селянской спилки» и др., не выражала и не могла выражать интересов украинского народа. Она была верной служанкой эксплуататоров. Рада не удовлетворила ни одного сколько-нибудь существенного требования трудящихся. Крестьяне не получили земли. Для защиты помещиков в села посылались вооруженные отряды. В промышленности вместо революционного рабочего контроля устанавливался угодный для капиталистов «государственный контроль». Обещанный 8-часовой рабочий день не был введен. Никаких политических прав трудящиеся не получили. Установленный Радой режим террора и преследований вызывал возмущение в народе. Рабочие и крестьяне Украины не признавали это буржуазно-националистическое правительство³⁰. На крестьянских сходках принимались решения упразднить «селянскую спилку», поддерживать большевиков и признать власть Советов. Этот шаг украинского крестьянства предопределялся тем, что Советская власть давала ему землю, несла освобождение от помещичьей эксплуатации.

В последние годы даже в буржуазной литературе стали чаще появляться публикации, признающие, что буржуазные националисты на Украине не имели влияния среди трудящихся, народных масс³¹. Такие же тенденции наблюдаются и в литературе о социалистической революции в других регионах России³², что свидетельствует о несостоятельности традиционных тезисов националистов. Несмотря на это, буржуазные историки в большинстве своем не желают признавать факта поддержки массами Советской власти, большевиков.

Не соответствуют действительности и утверждения западных авторов, будто народы окраин России, в частности Востока, не приняли Советскую власть и не участвовали в ее упрочении, в борьбе с внутренней контрреволюцией и интервентами³³. Между тем активное участие трудящихся местных национальностей в организации и боевых действиях Красной Армии — неопровержимый факт. Он говорит о действительной классовой основе революционных процессов в национальных районах, о широкой поддержке Советской власти, большевистской партии трудящимися нерусских национальностей. Выше уже говорилось об участии коренного населения Ташкента в установлении в городе Советской власти. В Ашхабаде в декабре 1917 г. был сформирован туркменский красногвардейский отряд из 175 человек³⁴. Такие же отряды действовали в ряде других национальных районов. К апрелю 1918 г. в Туркестане насчитывалось до 8 тыс. красногвардейцев, образовавших затем костяк частей Красной Армии, действовавших в данном регионе. Значительную часть (примерно одну треть) этих красногвардейцев состав-

³⁰ См.: История Украинской ССР. Т. 2. Киев. 1969, с. 83—171; Курас И. Ф. Ук. соч., с. 190—217; и др.

³¹ См.: Guthrie S. The Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917.—Slavic Review, 1979, vol. 38, № 1, p. 32, 31; Palij J. M. The Anarchism of Nestor Makhno, 1918—1921. Seattle. 1976, p. IX, 26, 247.

³² Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago—Lnd. 1979, p. 16, 8, 32; Ezergalis A. The 1917 Revolution in Latvia. Boulder. 1974; etc.

³³ Elwood R. C. Op. cit., p. 276; Szporluk R. Op. cit., p. 23 etc.

³⁴ См. Козлов Т. С. Красная гвардия и Красная Армия в Туркмении. Ашхабад. 1928, с. 5.

ляли трудящиеся местных национальностей. Узбеки, казахи, туркмены, таджики, русские, трудящиеся других национальностей сражались плечом к плечу в составе общих отрядов. Это была подлинная школа революционного, классового воспитания, школа интернационализма³⁵.

Важную роль в привлечении представителей различных народов в ряды Красной Армии сыграл Мусульманский комиссариат Наркомнаца³⁶. Он провел большую работу по организации ее мусульманских частей. Отряды татар, башкир, казахской бедноты успешно боролись с атаманом Дутовым. В Красную Армию влились татарские красноармейские части, организованные в начале Октябрьской революции из солдат старой армии. Летом и осенью 1918 г. почти половину советских войск Восточного фронта составили татаро-башкирские полки, дружины и батальоны. В Калмыкии из представителей местного населения был создан полк кавалерии, на Северном Кавказе — несколько полков из трудящихся ингушей, чеченцев, осетин и представителей других народов. В ноябре 1918 г. началось формирование первого советского киргизского (казахского) образцового полка и других национальных полков и батальонов. В ожесточенной борьбе против немецких оккупантов организовались и героически действовали национальные войска Красной Армии: на Украине — пять армий³⁷, в Белоруссии — две, в Латвии — латышские стрелковые полки, в Эстонии — ревельские красные полки³⁸. Эти части и соединения, сражавшиеся за Советскую власть, состояли из трудящихся и эксплуатируемых, независимо от их национальной принадлежности.

Приведенные факты говорят о несостоятельности попыток буржуазных идеологов отделять национально-освободительное движение от борьбы народов России за социалистическую революцию, объяснять его победу «экспортом революции». Эта совместная борьба привела к росту доверия всех трудящихся к рабочему классу, Советской власти, способствовала упрочению интернационалистской идеологии, мощного стремления объединить усилия братских республик в борьбе за социализм.

Рассматривая историю национально-государственного строительства в нашей стране после победы Октябрьской революции, советологи пытаются доказать, будто программе Коммунистической партии по национальному вопросу свойственна «противоречивость» взглядов на самоопределение наций³⁹. Буржуазные фальсификаторы усматривают эту «противоречивость» в том, что создание самостоятельных национальных государств было якобы несовместимо с теоретическими положениями марксизма, которые требуют создания единого социалистического государства⁴⁰. Марксисты действительно подчеркивают преимущества крупного государства с точки зрения интересов классовой борьбы про-

³⁵ См.: Росляков А. А. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов. Т. I. Ашхабад. 1961, с. 389—390; История Узбекской ССР. Т. 3, с. 124—127; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане, с. 250—252; Вержось В. П. Красная гвардия в Октябрьской революции. М. 1976, с. 87—91; и др.

³⁶ См.: Гизатуллин И. Г. Защищая завоевания Октября. Центральная мусульманская военная коллегия 1918—1920. М. 1979.

³⁷ Численность вооруженных формирований рабочих и крестьян Украины к началу 1918 г. (120 тыс. человек) в несколько раз превышала прибывших в качестве добровольцев вооруженных рабочих, солдат и матросов из Советской России (32 тыс.). (Більшовицькі організації України в боротьбі за гегемонію пролетаріату в трьох російських революціях. Київ. 1976, с. 171).

³⁸ Берзиньш В. и др. Революционные латышские стрелки (1917—1920). Рига. 1980; Чугаев Д. А. Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик. М. 1972, с. 220.

³⁹ См., напр.: Бакало И. Национальная политика Ленина. Мюнхен, 1974; Bilinsky J. Op. cit., p. 106; Elwood R. C. Op. cit., p. 159; Hammond T. Op. cit., p. 4; Arnold J. Die nationalen Gebietseinheiten der Sowjetunion. Köln. 1973, S. 20—39; Hayit B. Op. cit., S. 108—111; etc.

⁴⁰ См., напр., Szporluk R. Op. cit., p. 24.

летариата и экономического развития. Но они глубоко убеждены, что такое государство недопустимо создавать путем принудительного удержания в нем национальных меньшинств. Оно может быть жизненным и прочным только при условии добровольности связей между населяющими его народами. И во имя ее обеспечения Ленин, большевики решительно отстаивали право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Признание этого права, однако, не означало отказа нашей партии от оценки целесообразности государственного отделения той или иной нации в каждом отдельном случае. Такая оценка определялась конкретными условиями борьбы за национальное и социальное освобождение. Таким образом, никакого противоречия между признанием права на отделение и целесообразностью его практического осуществления не было и нет.

Именно так и обстояло дело после победы социалистической революции, провозгласившей право каждого народа России самостоятельно решать свою судьбу. При этом партия, Советское правительство учитывали, что выбор форм самоопределения наций будет зависеть от решения на окраинах страны главного вопроса революции — вопроса о государственной власти. Там, где власть захватывала национальная буржуазия, сформированные ею правительства спешили заявить об отделении от России. В тех же национальных районах, где рабочий класс и крестьянство устанавливали власть Советов, трудящиеся массы неизменно высказывались за тесный союз с Советской Россией. Идея советской организации была близка трудовым массам всех народов России, она была проста и применима к самым разнообразным условиям их жизни⁴¹. Советское правительство приветствовало выраженное трудящимися многих национальностей стремление остаться в союзе с Советской Россией. Во имя его практической реализации партия большевиков и Советское правительство и признали целесообразным создание на добровольных началах союзного многонационального государства.

Буржуазные фальсификаторы, пытаясь опорочить советскую федерацию, стремятся доказать, будто ее превращает в «фикцию» централизованное построение правящей партии коммунистов⁴². С точки зрения советологов, получается, что принцип федерализма, на основе которого строится Советское государство, должен исключать общегосударственное руководство жизнью всей страны. На самом же деле социалистический федерализм согласуется с принципом демократического централизма, предполагающим единство в основном, в существенном, которое, как писал Ленин, не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях⁴³. Благодаря этому советская федерация наилучшим образом способствует строительству социализма, расцвету и сближению наций. Успешное осуществление федерацией этой цели гарантируется тем, что государство возглавляет Коммунистическая партия, руководствующаяся в своей идеологии и политике, построении и деятельности не голым централизмом, как утверждают антикоммунисты, а принципами интернационализма и демократического централизма. Партия проводит национальную политику, в которой строго учитываются и сочетаются как общие интересы Советского Союза, так и специфические интересы каждой республики, нации и народности. Федеративный принцип национально-государственного строительства в

⁴¹ См. О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик, с. 4.

⁴² Kerblay B. La société soviétique contemporaine. P. 1977, p. 44; Man, State and Society in the Soviet Union. N. Y. e.a. 1972, p. 501; Сильницкий Ф. Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 г. Мюнхен. 1978; Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1979, Bd. 27. Hf. 4, S. 605—606; Szporluk R. Op. cit., p. 25; Bonwet sch B. Rec. op: Сильницкий Ф. Ук. соч.

⁴³ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 203.

СССР органически сочетается с руководящей ролью демократически-централизованной, интернационалистской партии коммунистов.

Фальсифицируя ход развития советской федерации от ее договорных форм до создания союзного государства, буржуазные идеологи пытаются обосновать тезис об образовании СССР на основе якобы «насиловственной интеграции» национальных республик, принудительного присоединения их к Советской России. В действительности же именно советские республики явились инициаторами установления федеративных связей с РСФСР. Сразу же после признания Советской Россией независимости национальных советских республик съезды Советов, в частности Украины, Белоруссии, заявили о необходимости установления самых тесных связей с РСФСР. Заявление об этом I съезда Советов Украины упоминалось выше. В Декларации I съезда Советов Белоруссии (февраль 1919 г.) говорилось: «Самоопределившаяся на развалинах крепостнической царской России Советская Белоруссия признает необходимость установления тесных экономических и политических связей со своим старшим братом Российской Советской Республикой» ⁴⁴.

Начало гражданской войны и иностранной военной интервенции поставило советские республики перед необходимостью заключения военного союза в целях борьбы против общего врага. Инициатива в этом деле тоже исходила от самих республик. Так, Украинский ВЦИК вынес решение о необходимости военно-политического союза советских республик 18 мая 1919 года. Еще 3 мая 1919 г. Литва и Белоруссия обратились с воззванием об установлении военно-политического союза с РСФСР, а 31 мая 1919 г. предложили всем советским республикам заключить добровольный союз и обсудить этот вопрос на заседании ВЦИК ⁴⁵. Эти предложения были учтены в разработанной Лениным и утвержденной ЦК РКП(б) директиве о военном единстве. На их основе ВЦИК и принял 1 июня 1919 г. постановление об объединении военных сил советских республик. Этот документ принимался вместе с представителями республик. В нем подчеркивался добровольный характер объединения, осуществляемого, как было сказано в постановлении, «вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс» ⁴⁶.

В 1920—1921 гг. договорные отношения между советскими республиками становятся еще более широкими. Это был новый этап объединительного движения, связанный с решением задач мирного хозяйственного строительства. Союзные договоры 1920—1921 гг. закрепляли и развивали равноправный и добровольный союз суверенных советских республик на основе федерации. При этом они были выгодны для всех договаривающихся сторон. Закрепленные в договорах формы совместного руководства отраслями народного хозяйства облегчали экономическое сотрудничество республик, что позволяло им быстрее восстанавливать производительные силы. Военный и хозяйственный союз республик дополнялся дипломатическим союзом. Это помогало им укреплять свои международные позиции, успешно противостоять натиску империализма. Правительство Советской Белоруссии 1 августа 1920 г. заявило о намерении «приступить к установлению единого хозяйственного плана с РСФСР и другими уже возникшими и могущими возникнуть советскими республиками» ⁴⁷. В принятой V съездом Советов Украины резолюции «О хозяйственном строительстве» указывалось: «Восстановление хозяйства пролетарской Украинской Республики должно вестись в полной согласованности с развитием хозяйства других Советских Респуб-

⁴⁴ См. Съезды Советов в документах 1917—1936. Т. II. М. 1960, с. 232.

⁴⁵ См. Образование СССР. 1917—1924. Сб. док. М.-Л. 1949, с. 125.

⁴⁶ Декреты Советской власти. Т. V. М. 1971, с. 259—260.

⁴⁷ См. Образование СССР. 1917—1924, с. 154.

лик, для чего общехозяйственный план УССР должен быть составной частью единого хозяйственного плана Союза федерации Советских Республик, стоящих единым фронтом перед мировыми империалистами»⁴⁸.

Следовательно, история развития договорной федерации, предшествовавшая образованию Советского Союза, опровергает вымыслы антикоммунистов о том, будто основы СССР были заложены сверху. Переход от договорной федерации к образованию союзного государства явился результатом объединительного движения народов, инициатива и здесь исходила от народа, от самих советских республик. В 1922 г. объединительное движение вступило в завершающую стадию. Советские республики заявили о необходимости создания единого союзного государства с общей Конституцией. В марте 1922 г. Пленум ЦК КП(б)У принял решение о дальнейшем укреплении государственного союза Украины и России. По всей Белоруссии прошли собрания и конференции рабочих и крестьян, волостные и уездные съезды Советов, которые полностью одобрили идею образования единого союзного государства на принципах добровольности и равноправия⁴⁹. Летом 1922 г. руководящие органы Закавказских республик поставили вопрос о создании единого хозяйственного фронта советских республик и объединении их в союзное государство. Это предложение обсуждалось на партийных собраниях в Грузии, Армении и Азербайджане и получило одобрение. 14 декабря IV Всебелорусский съезд Советов выступил с обращением «К президиумам ВЦИК, ЦИК Украины и Союзному совету Закавказских республик», в котором выражалась уверенность в том, что единство революционной воли народов братских республик еще больше усилится и получит свое организационное закрепление в образовании Союза Советских Социалистических Республик⁵⁰. В принятом затем постановлении съезд отметил, что более тесное политическое и экономическое сближение советских республик, создание их единого фронта отвечают жизненным интересам всех народов нашей страны⁵¹. В декабре постановления об образовании СССР приняли также VII съезд Советов Украины, I Закавказский и X Всероссийский съезды Советов. Это были добровольно принятые решения суверенных советских республик, пожелавших объединить свои судьбы, усилия по строительству нового общества в едином союзном многонациональном государстве.

Антиисторические, националистские экскурсы в события, связанные с образованием СССР, буржуазные авторы используют для фальсификации современного этапа развития национальных отношений в нашей стране, национальной политики КПСС⁵². Здесь прежде всего следует констатировать теоретически несостоятельное понимание ими национального вопроса⁵³. Советологи пытаются представить национальные

⁴⁸ См. Съезды Советов в документах 1917—1936. Т. II, с. 94.

⁴⁹ См., напр., резолюцию беспартийной конференции рабочих и служащих Минска от 10 декабря 1922 г.— Звезда, 12.XII.1922.

⁵⁰ См. Съезды Советов в документах 1917—1936. Т. II, с. 299.

⁵¹ См. там же, с. 304—305.

⁵² См. Pipes R. Rec. on: Soviet Nationality Problem. N. Y. e. a. 1973.— Russian Review, 1973, vol. 32, № 1, p. 83; Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder. 1977, p. 310, 320, 460; Armstrong J. Ideology, Politics and Government in the Soviet Union. An Introduction. N. Y.—Washington. 1974, p. 156; Strauss W. Nation oder Klasse. 60 Jahre Kampf gegen die Oktoberrevolution.— Geschichte des Widerstandes in der UdSSR. München—Wien. 1978, S. 12, 14; Amin S. Classe et nation dans l'histoire et la crise contemporaine. P. 1979, p. 216; Dmytryshyn B. Rec. on: R. Rakhmanny. In Defense of the Ukrainian Cause. North Quincy. 1979.—Russian Review, 1980, vol. 30, № 4, p. 512; Massel J. Modernisation and National Policy in Soviet Central Asia: Problems and Prospects.— Dynamics of Soviet Politics. Cambridge (Mass.) — Lnd. 1976, p. 290.

⁵³ См., напр., Carrere d'Encausse H. L'empire éclaté. La revolt des nations en URSS. P. 1978, p. 271—272.

отношения лишены классового содержания и тем самым вырвать их из общего процесса освободительной борьбы рабочего класса, трудящихся масс. Между тем, если стать на почву исторической реальности, нельзя не видеть, что национальный вопрос не существует без классовой основы. История капитализма и империализма, колониализма, порабощения народов Азии, Африки, Латинской Америки «цивилизованными» державами Запада показала, что интересы буржуазии, ее безудержное стремление к экспансии, прибылям придают антагонистический характер отношениям между народами, порождают национальное угнетение.

Буржуазные идеологи, историки, социологи подходят к национальному вопросу субъективистски, идеалистически, антиисторически. Совокупный опыт мировой истории, развития сотен народов, опыт нашей страны подтверждает положение марксизма-ленинизма о том, что в национальном вопросе главное и основное — борьба против угнетения одной нации другой, за экономическое, социальное, правовое равенство⁵⁴. Именно материальное, экономическое угнетение, закрепленное в надстройке юридическими нормами и институтами, составляет основу национального вопроса, вызывает его болезненные обострения, приводит в движение массы угнетенных национальностей. Культурные, религиозные, идеологические аспекты национального вопроса — производные от материальных факторов. Об этом говорят, в частности, и острые национальные конфликты в современных развитых капиталистических странах, в том числе в США, Великобритании, других странах Западной Европы.

«Особое место среди достижений Октября,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— занимает решение национального вопроса»⁵⁵. С высоты современных зрелых форм социализма в нашей стране еще нагляднее предстают исторические достижения советского народа и партии в области национального строительства в переходный к социализму период⁵⁶: последовательное проведение в жизнь линии на утверждение правового равенства наций, решение главной и наиболее сложной задачи обеспечения фактического их равенства, выравнивание в основном их социального, классового облика, уровня экономического развития и благосостояния, социалистические преобразования в духовной, культурной сфере жизни советских национальных республик и областей. Решающую роль здесь вслед за социалистической индустриализацией и коллективизацией сыграла ликвидация материальных, классовых основ эксплуатации человека человеком, эксплуататорских классов и групп во всех районах нашей страны. Хронологически эти процессы были завершены к исходу второй пятилетки, что и было зафиксировано в Конституции СССР 1936 года. Решение национального вопроса в нашей стране привело к развитию социально-политического единства советского общества, дружбы народов СССР, советского патриотизма, увенчавших ленинскую национальную политику в переходный период. Реальность и сила этих факторов подверглись суровым испытаниям в годы Великой Отечественной войны, убедительно подтвердившей нерушимое единство народов нашей страны.

Утверждениям советологов, будто в Советском Союзе национальный вопрос не решен, постоянно сопутствует тезис о русифика-

⁵⁴ Критику немарксистских взглядов по данной проблеме см.: Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М. 1966; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М. 1974; см. также: Шаститко П. М. Ленинская теория национально-колониального вопроса (История формирования). М. 1979; и др.

⁵⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 6. М. 1978, с. 580.

⁵⁶ См. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917—1937 гг. Т. I. М. 1981, с. 356—389; т. II, М. 1981, с. 234—264.

ции⁵⁷, якобы проводимой в нашей стране. Этот тезис обрел в советологии ряд аспектов, в том числе культурный, лингвистический⁵⁸ и т. д., по которым имеется советская критическая литература⁵⁹. Его антисоциалистическая, антисоветская первооснова особенно выпукло обнаруживается в стремлении буржуазных авторов изображать ленинскую партию в виде главного инструмента русификации, «русской партии»⁶⁰, а социалистический строй в СССР — как некую «русскую модель». Русификацией советологи объявляют развитие и упрочение новых, социалистических общественных отношений, борьба за которые может успешно вестись только при организующей и направляющей роли марксистско-ленинской партии. Именно необратимый социалистический характер преобразований в экономике, общественных отношениях, в классовой структуре советского общества вызывает резко негативное отношение к себе советологов, националистов, твердящих о русификации.

Особенные усилия советологи прилагают к карикатурному изображению и фальсификации современного этапа национальных отношений в Советском Союзе. Они, в частности, заявляют о якобы сохраняющемся в нашей стране национализме вследствие будто бы того, что в СССР игнорируются национальные чувства, самосознание советских людей, форсируется слияние наций. Под этот антисоветский миф старательно подгоняются разного рода «данные» с тем, чтобы подкрепить его. Псевдоаргументация советологов крайне поверхностна. Как правило, это общеизвестные, почерпнутые из советских периодических изданий и других источников или личных впечатлений⁶¹ сведения о национальных традициях наших народов, различиях в экономической структуре отдельных республик, в социальном составе их населения, в демографической ситуации и т. п. Под пером буржуазных авторов эти различия превращаются в антагонизмы, трудности — в потенциальные кризисы и т. д. В действительности все эти различия не означают сохранения национализма и не противоречат процессу сближения советских людей, образованию их новой исторической общности⁶². Как подчеркнул Л. И. Брежнев, «жизнь наглядно показывает, что, вопреки клевете наших недругов, социализм не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих других народов»⁶³.

⁵⁷ «Сближение», — пишет, например, Р. Пайпс, — есть не что иное, как русификация» (Pipes R. The Nationality Question. — Handbook of Major Soviet Nationalities. N. Y. — Lnd. 1975, p. 3; аналогично Szporluk R. Op. cit., p. 40).

⁵⁸ См.: Haarmann H. Quantitative Aspekte des Multilingualismus: Studien zur Gruppenmehrsprachigkeit ethnischer Minderheiten in der Sowjetunion. Hamburg. 1979; Solchan'yk R. Russian Language and Soviet Politics. — Soviet Studies, 1982, vol. 34, № 1; Les nationalites en Union Sovietique. Aspects demographiques et culturels. — Problemes politiques et sociaux. 1981, mars 27, № 411, p. 20—26.

⁵⁹ См. Исаев М. И. О ленинской языковой политике в многонациональном социалистическом государстве. В кн.: Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе. М. 1970, с. 82—92; и др.

⁶⁰ См. Armstrong J. Op. cit., p. 170; Leonhard W. In welcher Verfassung ist die Sowjetunion. — Zukunft, 1980, Hf. 11, S. 29; Wesson G. Lenin's Legacy. The Story of the CPSU. Stanford. 1978; etc.

⁶¹ Французский советолог Э. Каррер д'Анкокс, например, пишет, что часть материала ее книги, о которой речь пойдет ниже, — это разговоры, подслушанные на базах. Об этом автор заявила корреспонденту журнала «Paris-Match» (En vedette Helen Carrere d'Encausse. — Paris-Match, 5.I.1979, № 1545, p. 78).

⁶² См. Мы — советский народ. — Коммунист, 1982, № 12; Федосеев П. Н. Новая социальная и интернациональная общность. — Правда, 9.IV.1982; Усубалиев Т. Г. Интернациональное и национальное в советском образе жизни. — Вопросы философии, 1981, № 12; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре. — Социологические исследования, 1981, № 2; и др.

⁶³ Правда, 25.III.1982.

Зрелые формы социализма, как показывает практика, с одной стороны, ведут к сближению советских наций, с другой — к всестороннему их расцвету, развитию национальной культуры, прогрессивных традиций, форм общежития, общения и т. д. Эти процессы гарантируются Конституцией СССР. Материальной основой всестороннего расцвета и развития советских наций и их сближения выступает экономический базис зрелого социализма — единый народнохозяйственный комплекс СССР. В этом же направлении действует рост национальных отрядов рабочего класса, укрепление материальных и духовных основ советского образа жизни, подъем образования и культуры, всестороннее совершенствование социалистической демократии, руководящая и направляющая деятельность КПСС, определенная XXVI съездом политика наращивания материального и духовного потенциала каждой республики и его максимального использования для гармоничного развития всей страны.

В последние годы советологи, пишущие о современном этапе национальных отношений в СССР, активно используют буржуазно-националистические вымыслы также для подрыва разрядки и нагнетания международной напряженности. В западных органах массовой информации пять лет назад как по команде одна за другой появлялись статьи, предсказывающие «взрывы» национализма в Советском Союзе⁶⁴. Характерна и направленность этих статей: все они повторяли домыслы о «мусульманском» национализме в СССР, причем, что весьма показательно, все это делалось задолго до революционных событий в Иране и Афганистане. Но их надежды на то, чтобы подорвать сплоченность братских народов Советской страны, провалились.

Ради фальсификации истории национально-государственного строительства в СССР буржуазные авторы поднимают на щит давно разгромленных нашей партией национал-уклонистов. Появилось, в частности, сочинение⁶⁵ о М. Султан-Галиеве, исключенном в 1923 г. из РКП(б) за антипартийную, антисоветскую деятельность⁶⁶. Авторы этой книги стремятся протащить идею «национального коммунизма» мусульманского толка как альтернативу реальному социализму. Ту же цель преследует, по сути дела, и работа Э. Каррер д' Анкосс под претенциозным названием «Рухнувшая империя. Бунт наций в СССР»⁶⁷. В центре внимания автора проблемы Советской Средней Азии в социальной, экономической, демографической сферах. Антисоветские выводы и прогнозы (в концентрированном виде они вынесены в заголовок книги) автор старается прикрыть мнимой нейтральностью, ссылками на советские публикации и другие источники. Но история, как известно, уже не раз доказывала всю тщетность расчетов на непрочность Советского многонационального государства. Как подчеркнул XXVI съезд КПСС, «единство советских наций сегодня прочно, как никогда»⁶⁸.

Эти и другие факты советской действительности не могут не отрезвлять даже некоторых антисоветчиков. Это, в частности, проявилось и на специальном симпозиуме в Вашингтоне (1977 г.), где некоторые участники подчеркивали стабильность «советской системы»⁶⁹. В совре-

⁶⁴ Wallace J. H. *Mother Russia's Troubled Family*.—U. S. News and World Report, 1977, February 1977, vol. 82, № 6, p. 53—54; Carrere d'Encausse H. *L'évolution démographique des nationalités risque de bouleverser l'équilibre politique en URSS*.—Le Monde, 5.III.1977, p. 5; Pospelovsky D. *Einige Aspekte nationaler Spannungen in der UdSSR*.—Osteuropa, März 1977, Hf. 3, S. 210—255; etc.

⁶⁵ Bennigsen A., Wimbush E. *Op. cit.*

⁶⁶ О деле Султан-Галиева см. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2, с. 486—488; а также: Грошев И. И. *Борьба партии против национализма*. М. 1974, с. 92—94; и др.

⁶⁷ Carrere d'Encausse H. *L'empire éclaté. La revolte des nations en URSS*.

⁶⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 56.

⁶⁹ Abshire D. *Preface*.—Nationalities and Nationalism in the USSR. A Joint Symposium, Washington. 1977, p. VIII.

менной советологии происходит определенная дифференциация взглядов. Так, антирусские концепции Р. Пайпса вызвали критику со стороны некоторых советологов⁷⁰. Ряд авторов, говоря о «национальных факторах» прочности советской политической системы, именуют их «стабильным элементом», «сильнейшим источником», «цементом»⁷¹.

Не следует преувеличивать значения таких расхождений. Нередко афишируемый «академизм» современной советологии носит показной характер. Объективистская манера изложения применяется при освещении вопросов, тем и сюжетов, удаленных, как правило, от практики сегодняшнего дня; при обращении же к современности преобладают открытый антисоветизм и антикоммунизм. Это и есть наиболее показательная характеристика реальной роли советологии как прислужницы империализма.

Советский опыт решения национального вопроса приобрел всемирный резонанс. Это отражается в политике и идеологии современной буржуазии. На национальную политику ленинской партии⁷² клеветают потому, что, по признанию западногерманского остфоршера А. Мартини, на Западе все более обостряется «общественный интерес к собственным этническим проблемам и проблемам третьего мира»⁷³. В этих условиях советологи пытаются нейтрализовать притягательную силу советского опыта решения национального вопроса, громадных успехов, достигнутых некогда отсталыми окраинами и народностями России. Об этих успехах и достижениях пишут теперь и некоторые буржуазные исследователи, как, например, французский автор, выпустивший книгу, посвященную подъему казахского народа к высотам цивилизации⁷⁴, или американский автор, повествующий о спасении Советской властью армянского народа от физического истребления⁷⁵. В советологических работах можно встретить и признания того, что «Советское государство всегда было более внимательным к национальным проблемам, чем большинство правительств многонациональных стран... имеет место существенное выравнивание уровня жизни в советском обществе; создан большой потенциал поступательной социально-экономической мобильности, чем во многих других странах»⁷⁶. Советский опыт национально-государственного строительства нельзя замолчать; он оказывает все возрастающее влияние на ход мировой истории.

⁷⁰ Krasnow W. Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?—*Russian Review*, 1979, vol. 38, № 2, p. 180—191; Geran-Pilon J. A Letter.—*Ibid.*, 1980, vol. 39, № 4, p. 556.

⁷¹ Rothman S., Breslauer G. *Soviet Politics and Society*. St. Paul, 1978, p. 75; Fraser J. Rec. on: Nationalism in the USSR and East Europe in the Era of Brezhnev and Kosygin. Detroit, 1977.—*Canadian-American Slavic Studies*, 1979, vol. 13, № 3, p. 373; Hough J. *The Soviet Union and Social Science Theory*. Cambridge (Mass.)—Lnd. 1977, p. 10; Kerblay B. *Op. cit.*, p. 295; Barry D., Barner-Barre C. *Contemporary Soviet Politics. An Introduction*. Englewood Cliffs, 1978, p. 241, 245, 250.

⁷² О том, насколько внимательно на Западе следят за советской литературой по проблемам национальных отношений, говорит, в частности, опубликование в западногерманском журнале обзоров новейшей советской литературы по истории наций и народностей Советского Союза (см.: Kappeler A. *Die Historiographien der nichtrussischen Völker der RSFSR in den siebziger Jahren*.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1981, Hf. 1; Martini A. *Das Verhältnis von Politik und Geschichtsschreibung in der Historiographie der sowjetischen Nationalitäten seit den siebziger Jahren*.—*Ibid.*, 1979, № 3).

⁷³ Martini A. Rec. on: Nationalism in the USSR and East Europe in the Era of Brezhnev and Kosygin.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1980, Hf. 1, S. 131.

⁷⁴ Bouillon G. *J'ai vu l'aurore se lever sur le Kazakhstan...* Vieux—Virton, 1974.

⁷⁵ Walker C. *Armenia: the Survival of a Nation*. N. Y. 1980.

⁷⁶ *Nationality and Population Change in Russia and the USSR. An Elaboration of Census Data 1897—1970*. N. Y. e. a. 1976, p. 383.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИИ

М. А. Барг

Общество, как и каждая целостная система, нуждается в непрерывном потоке информации, без которой нормальное его функционирование становится невозможным. Однако специфическая особенность системы «общество» в том и заключается, что по крайней мере с момента, когда оно вступило в эру цивилизации, в его памяти наряду с «текущей» функциональной информацией (о состоянии и взаимодействии подсистем и элементов) должна еще храниться и информация долговременная, субстанциальная. Это информация непреходящего значения в силу того, что в ней в той или иной форме совмещены все три временные проекции данного общества: его «родовое» прошлое (генезис), его «видовое» настоящее (миропонимание, представление об окружающем мире и своем месте в нем), наконец, его историческое будущее (целеполагание). Очевидно, что только в соотношении с ответами на эти «вечные вопросы» общественного бытия наполняется — в цивилизованном обществе — смыслом и динамической силой и информация функциональная, «текущая»¹. Таким образом, было бы ошибочно сводить историческое сознание к социальной памяти, поскольку это значило бы отождествить его только лишь с опытом прошлого, лишив его измерений настоящего и будущего. (Из этого следует, что знание истории — лишь одно из составляющих исторического сознания.) Точно так же неправомерно без всяких оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку последнее наполнилось элементами историзма — по крайней мере в европейской мысли — не ранее Возрождения. Итак, общественное сознание является историческим не в силу того, что его ответы на «вечные вопросы» общественного бытия с течением времени меняются, и не потому, что определенной своей стороной оно обращено в прошлое. Историческое сознание в собственном смысле слова² — это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее. Толь-

¹ Трудно сказать, по какой причине, но проблема исторического сознания до сих пор не пользовалась благосклонным вниманием наших историков, равно как и философов. Впрочем, единственная работа на близкую тему принадлежит не историку, а философу (см. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод. В кн.: Философские проблемы исторической науки. М. 1969, с. 186 сл.). В то же время немарксистская литература на эту тему весьма многочисленна: Becker K. Der Wandel im geschichtlichen Bewusstsein. — Die Neue Rundschau, 1927, B. 38; Krüger G. Die Geschichte im Denken der Gegenwart. Tübingen. 1949; Hofer W. Geschichtsschreibung und Weltanschauung. München. 1950; Litt Th. Die Wiedererweckung des geschichtlichen Bewusstsein. Heidelberg. 1956; Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter. Darmstadt. 1961; Heussler R. Tacitus und historische Bewusstsein. Heidelberg. 1965; Aron R. Dimensions de la conscience historique. P. 1965.

² В неявной форме (несобственном смысле) историческое сознание может проявляться и как сознание мифологическое, натуралистическое.

ко их сопряжение (что возможно лишь на почве настоящего) в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамическую форму предвидения и целеполагания. Действительно, общественный индивид в состоянии жить, смотря вперед, только в том случае, если его мысль оглядывается назад.

При анализе категории «историческое сознание» бросается в глаза двойственный характер его функции в системе культуры. В плане теоретическом оно определяет пространственно-временную ориентацию общества и тем самым содействует его самопознанию, в плане же «прикладном», историческом оно ближайшим образом определяет не только способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), но и отбор, объем и содержание достопамятного, т. е. выступает по отношению к историографии в качестве области нормативной и рефлексивной.

Из сказанного следует, что историю исторической науки можно изучать двояким образом. Во-первых, с внешней стороны, т. е. как эмпирически зримую цепь сменявших друг друга с течением времени историографических школ и направлений. Во-вторых, ту же историю можно изучать и с ее «невидимой», внутренней стороны, т. е. как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры, и в частности с ее мировоззренческой сутью. Последнюю же выражает в каждое данное время в наиболее доступной историографии форме именно историческое сознание. Тесная связь между этой сутью и интересами господствующих в данном обществе классов и слоев давно уже не является тайной даже для представителей немарксистской историографии³. То, что не лежит подобным образом на поверхности вещей и поэтому не всегда привлекает внимание историков исторической науки, заключается в специфике культурно-исторических форм (как объективной данности), в которые в каждую эпоху эти интересы облачаются⁴. Иными словами, речь идет об историзме самого исторического сознания и способах, с помощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории — способов идеологических, логических, риторических.

К сожалению, эта сторона проблемы в нашей литературе находит крайне недостаточное отражение⁵. Между тем нет сомнения, что научное освоение огромного материала историографии, т. е. выявление закономерностей, лежащих в основе развития самих форм и методов историописания, значительно продвинулось бы, если бы история исторической науки обратилась к рассмотрению исторического сознания как системы, изменяющейся с течением времени — по своей структуре, по удельному весу составляющих, наконец, по месту и функции в культуре каждой данной эпохи. В этом случае преимущества марксистского подхода позволили бы научно истолковать историю исторической науки как науку о закономерностях развития исторического знания, включив в эту историю мировоззренческую суть культуры данной эпохи, поскольку в этой сути в концентрированном виде заключено историческое сознание последней. В задачу этой статьи входит: 1) различение двух смыслов интересующей нас категории: «историческое сознание» в широком и специальном (узком) его понимании, 2) установление меры зависимости форм и методов историографии от типа исторического сознания.

³ См. Блок М. Апология истории. М. 1973, с. 37сл.

⁴ Stieler G. Gesellschaft und Geschichte. Köln. 1974.

⁵ См., напр., Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М. 1940.

* * *

Человек — существо историческое, и это относится не только к его социальной природе, но и к его духовности, ибо познает он себя только в ходе истории и посредством истории. Поэтому и отношение человека к окружающему миру есть вопрос исторический. Как уже отмечалось, сопряжение в общественном сознании (на почве настоящего) всех трех модусов времени и тем самым появление способности сопоставлять соответствующие им общественные состояния (реальные и идеальные) являются свидетельством возникновения исторического сознания в широком смысле слова.

Хотя во всех проявлениях общественного сознания так или иначе отражается движение социальной природы человека, т. е. надбиологического способа его существования во времени, однако только в историческом сознании это отражение достигает своей адекватной (содержательной) формы. Очевидно, что решающая духовная предпосылка генезиса этого сознания заключалась в способности общественного индивида вычленив себя из мира природы и противопоставить себя ему⁶. Возникнув в «превращенной» форме на заре цивилизации, это сознание с течением времени видоизменяется настолько, что его «предельные» значения внешне предстают как антиподы, т. е. как сознание неисторическое (или даже антиисторическое, к примеру, миф как тип историзма) и историческое (к примеру, историзм Дж. Вико, XVIII в.). Тем не менее в их глубокой подоснове эти внешне столь несопоставимые формы воплощают начальную и «конечную» ступени развития историзма и лежащего в его основе практического и теоретического отношения общественного индивида к действительности, и в частности к действительности социальной. Уже в элементарных, «неисторических» формах историческое сознание служило духовным выражением факта поистине космического значения — возникновения на Земле нового, качественно отличного от естественного — социального, т. е. собственно исторического мира. Следовательно, только при условии соблюдения строжайшего историзма в самом подходе к изучению интересующей нас категории можно постичь заключенное в ней смысловое богатство⁷.

Итак, историческое сознание при всей противоречивости форм его проявления выступает как фундаментальная мировоззренческая характеристика культуры любой эпохи. И это верно не только в силу того, что сама культура — продукт истории, что она разворачивается во времени, благодаря чему, обращаясь к ней, мы всегда сталкиваемся с определенной эпохой, но и потому, что формирующим ее элементом выступает социальная практика и складывающийся на ее основе исторический опыт. В своем генезисе историческое сознание — это становление связи времен в духовной и нравственной культуре каждой данной человеческой общности, которая является в то же время условием исторической устойчивости носителя этой культуры.

Одна из важнейших отличительных черт общественного индивида заключается, как известно, в его способности к целенаправленному накоплению во всех продуктивных областях его жизнедеятельности: в сферах как материального производства (на основе совершенствования каждым поколением унаследованных средств производства, технологии и т. п.), так и духовного (на основе преемственности результатов интел-

⁶ О вопросах, над которыми задумывались племена — создатели петроглифов, наскальных изображений (примерно 5000 лет назад!) на р. Амур, акад. А. П. Окладников писал: «Вдумайтесь только, какими вопросами интересовались герои их преданий: как образовалась вселенная? Как появились люди на земле, в чем смысл их жизни?» (Комсомольская правда, 2.X.1980).

⁷ См. Бурдига А. И. Общественное сознание как проблема. М. 1979, с. 91 сл.

лектуальных усилий сменяющих друг друга поколений, совершенствования средств общения, знаковых систем и т. п.). В анализе этой уникальной способности к накоплению опыта, к кумулятивности памяти, Маркс уделял особое внимание социальной природе человека. Он писал: «Животные не могут складывать вместе различные свойства своего вида, они не могут ничего сделать для *общей* пользы и для *общих* удобств своего вида. Иное дело человек. Здесь самые разнообразные дарования и виды деятельности оказываются полезными друг другу, *потому что* люди умеют собирать свои *различные* продукты в одну общую массу»⁸. Сама интеллектуальная деятельность — коллективное достояние человечества. В итоге очевидно, что и т. н. человеческая природа — в историческом смысле — продукт «складывания» всего многообразия способностей, развития форм общения, прежде всего в процессе материального производства, развития памяти, усвоения индивидом коллективного опыта, суммарный результат деятельно-практических и теоретических усилий⁹.

Это наследие передается от поколения к поколению не каким-либо «естественным образом», а исторически, посредством механизма воспитания. Из этого следует, что всякое знание есть в конечном счете знание историческое. Продуктом истории является и способ, посредством которого общественный индивид овладевает накопленным опытом, содержанием исторической памяти. С этой точки зрения исторический процесс — это процесс созидания человеком своей исторической, социальной природы. Мысленно воссоздавая прошлое, наследником которого он является, общественный индивид в действительности воспроизводит процесс собственного становления.

Только архаическая эпоха должна была сама создавать для себя «задел» опыта во всех сферах человеческой деятельности, включая «задел» мыслительного материала. И поистине многозначительным является тот факт, что, осваивая окружающий мир (или, точнее, осваиваясь в нем), современники той эпохи формулировали свои вопросы исторически: откуда взялся огонь, как возникли ремесла и т. п. Познавательно гораздо важнее именно эта изначальная направленность человеческой пытливости, нежели мыслительные формы, в которые облекался ответ на подобные вопросы. Как известно, эти формы представляли собой причудливое переплетение первобытных верований и мифологии (точнее, мифотворчества как акта веры). «В начале истории, — писал Ф. Энгельс, — объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы... Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»¹⁰. Речь, таким образом, идет о мифологическом сознании, или, точнее, о мифологическом типе сознания, характерной чертой которого был скорее инстинктивный, нежели осознанный страх перед течением времени¹¹, а следовательно, и истории. От «непереносимости» истории, воплощенной в мифе¹², через различные последующие формы мысленного бегства от истории — к научно обоснованному историческому

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42, с. 143.

⁹ См. там же. Т. 46, ч. 1, с. 386.

¹⁰ См. там же. Соч. Т. 20, с. 328—329.

¹¹ Mircea E. Kosmos und Geschichte. Düsseldorf. 1953, S. 12f.

¹² См. Фрейденоберг А. И. Мифолитература древности. М. 1978, с. 16, 47.

оптимизму, воплощенному в марксистском историзме — историзме в его адекватной форме, т. е. отвечающем своему понятию, — таков путь, пройденный человечеством в поисках смысла собственной истории.

Подведем некоторые итоги. Появление исторического сознания — веха эпохальной важности в истории мировой культуры. В нем засвидетельствовано осознание общественным индивидом того факта, что его существование возможно только в преемственном контексте истории, посредством которой он получил и содержание и способ жить и мыслить. Форма этого сознания является наиболее надежным духовным мерилем степени объективной выделенности человека из мира природы и, следовательно, уровня его самосознания. Историческое сознание — это в конечном счете высшая духовная и этическая ценность человека. Ибо прежде чем обрести способность различать добро и зло, он должен осознать себя как существо общественное, прежде чем сформулировать для себя нравственные предписания, он должен связать себя с историей, т. е. исторически себя идентифицировать. Мифологическое и дискурсивное (рассудочное) мышление составляют две последовательные стадии в процессе формирования этого сознания (вместе с тем вплоть до нового времени они сосуществуют и взаимодействуют как две формы исторической культуры: фольклорной и письменной (ученой). Поскольку же это касается историографии, то историческое сознание есть та призма, сквозь которую преломляются все аспекты культуры данной эпохи. И только потому, что важность этой призмы в процессе формирования типа историописания все еще в полной мере не признана (как будто каждое составляющее данной системы культуры «взаимодействует» с историографией самостоятельно и непосредственно), историческое сознание еще не стало предметом историографического исследования.

Обратимся теперь к рассмотрению категории «историческое сознание» в ее более специальном, собственном смысле, т. е. в ее нормативной и рефлексивной функции по отношению к историографии. Эта форма сознания — с момента возникновения «искусства историописания» — предполагает наличие у историка гносеологической «установки» по исходному для него вопросу: о важном и второстепенном в предмете изучения, об отношении исторической памяти к исторической действительности, окружающей историка, т. е. в конечном счете о концепции истины¹³. С этой точки зрения процесс историописания (*historia rerum gestarum*) следует понимать в двух смыслах: 1) как процесс восприятия, дешифровки и упорядочения опыта прошлого с целью истолкования его в свете опыта настоящего и 2) как метод реализации подобной программы. Эти две стороны единого процесса историописания попеременно выдвигаются на первый план, оставаясь при этом в тесной связи и взаимообусловленности: развитие метода открывает доступ к новому знанию, и, наоборот, рост позитивных знаний совершенствует методы их получения. Именно поэтому история идей наряду с содержательной стороной имеет еще сторону формальную — речь идет о развитии самого отношения, отражательной способности этих идей.

Специфика научного знания вообще, и исторического в частности, заключается в том, что на всех стадиях своего развития оно в той или иной форме включало рефлекссию, т. е. способность «посмотреть на себя со стороны», внутреннюю критику самого процесса получения знания. Под ее контролем чаще всего имплицитно (неявно) протекает, в частности, в историографии процесс мысленного воспроизведения исторической действительности. Разумеется, уровень подобной рефлексии и ее эффективность на разных стадиях развития историографии были различными. Тем не менее по самой своей сути историческая наука тео-

¹³ См. Ю д и н Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М. 1978, с. 7.

ретична, поскольку она немыслима без «рабочей гипотезы», без элементов внутренней самокритики. Но не только поэтому. Она также немыслима без элементов теории предмета в целом. В самом деле, ни в один из периодов своей долгой истории муза Клио не была — и вопреки видимости при первом к ней приближении, — не могла быть по самой своей сути бездумной накопительницей «фактов». Уже со времени «отцов истории» Геродота и Фукидида и независимо от меры осознания этого ее служителями элементы рефлексии являлись инструментом, посредством которого историк производил отбор «фактов», их группировку, определял место каждого из них в системе значений, находил способ их сцепления. Более того, даже, казалось бы, «простая» анналистика и та невозможна была без подобного, пусть самого примитивного инструмента — «системы предпочтений», опираясь на которую она в цепи событий выявляла достопамятное (достойное памяти). Так или иначе писать историю во все времена означало поместить «события» в контекст, соотнести их как часть с целым. Вне связи с историческим сознанием нельзя объяснить, почему видение истории столь различно. Для Тита Ливия история — эпос римских доблестей. Для Тацита — она драма ужасов, для Оттона Фрейзингенского — преддверие конца мира.

Почему в одну эпоху история «учит философии посредством примеров», в другую же она способ «славить творца», в третью — «школа политической мудрости», в глазах четвертой история — воплощенная «глупость человечества»? Очевидно, что в соответствии с уровнем социального прогресса каждая культурно-историческая эпоха способна извлечь из небытия только определенный ряд «исторических фактов», которых до нее в писаной истории не было. Для того чтобы определенный класс событий получил доступ в нее (т. е. оказался в поле зрения историка), нужно было заметить, осознать, оценить, т. е. определить меру их важности для понимания хода истории в целом.

Но если историческая наука теоретична по своей природе, если определяющие каждый данный тип историописания (вплоть до стиля мышления, до особенностей синтаксиса) теоретические и логические посылы выступают по отношению к нему как заданные мировоззренческой сутью каждой данной системы культуры, одним словом, как интеллектуальные формы, от которых, попросту говоря, зависит, что и как историк увидит в истории, то очевидно, что с анализа именно этих посылок и должна начинаться история исторической науки. Таким образом, наряду с такими отправными условиями развития историографии в каждую данную эпоху, как основные характеристики господствующего способа производства и соответствующей ему надстройки, достойное место в историографических исследованиях должен занять анализ мировидения (представления о вселенной, ее строении, о месте и предназначении человека в ней, о соотношении макрокосма и микрокосма и т. д. и т. п.), системы ценностей, логических форм и риторики данной эпохи. Только при этом условии могут быть раскрыты специфические особенности собственно исторического мышления в эту эпоху, особенности, выступающие как «исторический метод»¹⁴.

Итак, только включение в историографический анализ наряду с идеологическими предпосылками предпосылок логических, наряду с характеристикой уровня исторических знаний характеристики знаний естественнонаучных (состояние всей системы наук), наряду с характеристикой исторического метода характеристики методов науки как та-

¹⁴ В последние годы данный аспект истории исторической науки привлекает все большее внимание двух интенсивно развивающихся в нашей стране историографических школ, сложившихся в университетах Томска и Казани. Этот поворот протекает под влиянием работ по истории исторической науки акад. М. В. Нечкиной и возглавляемого ею Научного совета АН СССР по этой проблеме.

ковой (характеристики господствующего стиля культуры как целостности) дает возможность представить движение исторического знания как объективно обусловленный, закономерный процесс.

Если несомненно, что т. н. историографические революции, как и смены типов культуры в целом, обуславливались в конечном счете сменой способов производства, общественных формаций, то столь же истинно, что между этими двумя фактами существует сложная система опосредствований, в которой наряду со сменой форм идеологии господствующих классов должны также фигурировать и революции научные и на их основе — смена философских теорий. Этим только лишний раз подтверждается, что движение исторической мысли обуславливалось во все эпохи движением более высоких, более абстрактных уровней мировидения в целом. В результате «истины» более «высокого» уровня диктовали историографии и столь необходимую ей систему ценностной ориентации, поставляли ей целевые установки (ответ на вопрос: «зачем нужна история, какова от нее польза?») и объяснительные схемы. Из этого следует, что в общем и целом тип историзма столь же объективно задан историку, как тип культуры — современнику данной эпохи. По этой причине об историках можно было бы сказать: все они специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но, того не сознавая, запечатлевают и себя и свое время — горизонты его видения, способы выражать увиденное.

В самом деле, есть ли нечто общее между средневековым романом и архитектурой средневековых соборов, средневековой историографией и драмой, средневековой миниатюрой и средневековой философией? На каком основании все эти формы духовного самовыражения человека мы именуем средневековыми, причем даже в тех случаях, когда их датировка не установлена? Что между ними общего, что их объединяет? Одним словом, что скрывается за подобными определениями применительно к фактам культуры? Давно уже обнаружено, что подобные факты в рамках данной эпохи отмечены печатью одной и той же ментальности, т. е. одними и теми же «ключевыми» (онтологического характера) представлениями, которые, образуя ядро господствующей идеологии, вместе с тем с помощью доступных данной эпохе средств распространения информации внедряются в массовое сознание и превращаются в повседневные представления. Учитывать эту ментальность эпохи, составляющей структурирующий элемент системы духовной и нравственной ориентации человека, — прямой долг историка исторической науки.

Итак, если одна и та же «схема» организации социального и исторического опыта наблюдается в различных областях жизнедеятельности общества в одно и то же время, мы вправе заключить, что причиной подобного универсализма является один и тот же фундаментальный способ восприятия действительности. Из этого следовала идентичность фиксации (в частности и в истории) и способов объяснения воспринятого. Согласно удачному наблюдению английского философа и математика А. Уайтхеда, два понятия лежат в основе человеческого опыта: понятие факта — материала нашего восприятия и понятие значения (важности), с помощью которого мы дифференцируем и связываем факты. И оба эти понятия зависят не только от метода, но и от общего мировидения¹⁵.

Эти наблюдения находят яркое подтверждение в историографии. Известно, что новые методы (в особенности в дипломатике) вторглись в историческое исследование не менее энергично, чем в естествознание. Тем не менее новый тип историографии — дитя не XVII, а XVIII века. Новые измерения исторического процесса — история учреждений, исто-

¹⁵ См. Whitehead A. Modes of Thought. Cambridge. 1938, p. 5.

рия хозяйства, история культуры, в целом гражданская история — стали фактом только к середине XVIII в., а идея органического развития применительно к истории была реализована в историографии только к концу XVIII — началу XIX в., когда рационализм Просвещения вступил в полосу кризиса и сменился романтизмом. Огромный разрыв во времени между отправными событиями научной революции XVI—XVII вв. (Н. Коперник, И. Кеплер, Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт) и указанным сдвигом в историографии (обусловленным Просвещением XVIII в.) нагляднее всего свидетельствует о степени зависимости исторической науки не от формальных методов, а от социальных и духовных сдвигов, затрагивающих не сколько фактические, столько мировоззренческие ее основы.

Поскольку научная революция XVI—XVII вв. только готовила такие сдвиги, поскольку первая буржуазная революция «европейского масштаба» была еще (в начале XVII в.) впереди и, следовательно, впереди еще были мировоззренческие результаты этих событий — европейское Просвещение, постольку крупнейшие умы XVII в., включая протагониста революции в естествознании Ф. Бэкона, а также Дж. Локка, Д. Бентли, А. Бейля и самого И. Ньютона, продолжали в общем и целом двигаться в русле все той же в конечном счете «идеи истории», которая была унаследована от средневековья. Как показал опыт Ф. Вольтера, можно было отказаться от провиденциализма в истолковании хода истории, можно было подвергнуть уничтожающей критике всю средневековую историографическую традицию и, следуя античным образцам, выверить ход истории при свете Разума. Однако все эти усилия не приводили к историографическим «переворотам». Для этого требовалась новая историческая перспектива, новая картина природы и общества, всей его истории, новые способы открывать и связывать факты¹⁶.

О том, что связь между научной революцией в естествознании и поворотом в историографии является не непосредственной, а опосредуется мировоззренческими сдвигами более общего плана, свидетельствует история науки конца XIX — начала XX века. Вот как интересующая нас связь в данном случае изображается одним из крупнейших французских историков нашего столетия, М. Блоком: «Поколения последних десятилетий XIX в. и первых лет XX в. жили как бы замороженные очень негибкой, поистине кантовской схемой мира и естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, формулированным в виде универсальных законов»¹⁷. Однако успехи новой физики в корне изменили представления о мире и познающей его науке. Но какие же выводы из «революции в физике» сделала для себя историография? Прежде всего она перестала себя рассматривать в качестве не очень далекой послушницы царицы наук — физики, она стала избавляться от «синдрома неполноценности», она уверовала в себя как науку «без оговорок»¹⁸. Но на каком основании? «Мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства... может тем не менее претендовать на звание научной... Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне»¹⁹.

¹⁶ См. Richardson A. *History Sacred and Profane*. Lnd. 1974.

¹⁷ См. Блок М. Ук. соч., с. 12.

¹⁸ Там же, с. 14.

¹⁹ Там же.

Все это, несомненно, так. Единственное, чего в этой связи не заметил Блок, заключается в том, что научная революция начала XX в., с которой он, собственно, и связывает пересмотр позиций исторической науки, совпала во времени с переломом истории, со сменой исторических эпох. Марксизм, с такой силой выразивший историзм новой эпохи и общественных сил, ее утверждавших, и явился тем опосредствующим звеном между движением естествознания и наук о человеке, которое предстало в свете достижений новой физики наиболее адекватным философским основанием нового мирозерцания. Оно, это основание, позволило увидеть воочию всю меру ошибочности как позитивизма, который под флагом универсализма науки полностью игнорировал специфические особенности исторического познания, так и неокантианства, возводившего под предлогом «отстаивания» этой специфики средоточие между науками о природе и науками о человеке. Итак, очевидно, что наше понимание историографии прошлых исторических эпох возрастет в той степени, в какой мы узнаем мировоззренческие предпосылки происходивших при переходе от одной культурно-исторической эпохи к другой «переворотов» в историографии и опосредующий механизм этих сдвигов и, наконец, метод, посредством которого «обновленная» историография каждый раз достигала нового видения истории и создавала соответственно новый тип исторического «письма».

* * *

Выше уже отмечалось, что историописание ни в одной из его исторических форм не было «простым пересказом» достопамятного. Оно по необходимости всегда воплощало более или менее осознанную выборку из массы событий и деяний того, что «заслуживало памяти». Иными словами, историописание — это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности. Но на каком основании это осуществлялось? Если мы исключим из рассмотрения сознательных фальсификаторов и попросту недобросовестных авторов, которые встречались во все времена, то мы вынуждены будем согласиться с ответом: шкалу значений задавал историку социальный опыт живой, текущей перед его глазами истории, это во-первых, и, во-вторых, мировоззренческая парадигма*, в той или иной мере включающая и обобщающая этот опыт. Так, римский историк Тацит, один из наиболее глубоких умов своего времени, «проглядел» значение такого события, как возникновение христианства (усмотрев в нем всего лишь раздор между различными сектами иудейства). Ценности, придававшие в его глазах смысл истории, черпались им в прошлом, и естественно, что будущее оказалось для него закрытым²⁰.

Соотношение живого опыта истории и устоявшихся парадигм изменчиво. До поры до времени объяснение текущего опыта является функцией парадигм. Однако по мере накопления опыта, и в особенности в периоды его резкого обогащения и обновления, происходит и обновление в системе парадигм. Иначе говоря, объяснительные схемы абстрагируются от исторического опыта. Смена объективных условий приводит к коренным сдвигам в идейном арсенале общества, что лишний раз свидетельствует об относительной самостоятельности сферы идей. Так, например, французского Просвещения XVIII в. оказалось недостаточно для открытия роли борьбы классов в движении человеческой истории. Для этого необходим был еще живой опыт Французской буржуазной революции конца XVIII века. Именно этим объясняется то обстоятельство, что «отцами» классовой борьбы в историографии стали историки эпохи реставрации — О. Тьерри, Ф. Гизо и Ф. Минье.

* Парадигмы различаются по степени их универсальности и т. п.

²⁰ См. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М. 1981, с. 38сл., 144сл.

Таким образом, то, что в каждую данную эпоху известно в качестве «истории», т. е. совокупности «сообщений о достопамятных фактах», не только очерчивает «поле зрения» данной эпохи, не только обнаруживает социальную природу самого «зрения», но и характеризует нормативный уровень истории как науки. Этот «способ» и есть воплощение того не зависящего от индивидуальности автора типа историзма, которым определяются признаки, позволяющие почти безошибочно установить временную принадлежность данного типа историописания, данного исторического труда.

Итак, писать историю во все времена можно было, только опираясь на объективно заданную систему значений, которая в конечном счете восходила к отправной парадигме, т. е. к определенной картине мира вообще и человеческого общества в частности. (Характерно, что не только общество моделировалось по картине вселенной: к примеру, король-солнце и т. д., но и вселенная истолковывалась в соответствии с господствующими представлениями о структуре общества: к примеру, иерархия земного и небесного начал в представлениях средневековья и т. п.) Наконец, поскольку смена картины мира в общем и целом совпадала со сменой материальной практики, способов общественного производства, постольку устанавливалась коррелятивная связь между мировоззренческим субстратом культуры и исторической формой процесса производства. Все, что в этом плане требуется от истории исторической науки, состоит в том, чтобы не упрощать, не «выпрямлять» эту связь, игнорируя обширнейшую промежуточную область опосредствований, в которой происходила перекодировка одной системы значений в другую, и в частности мировоззренческих, идеологических воззрений эпохи в объяснительные схемы историографии.

Очевидно, что в данном контексте историческое сознание есть не что иное, как теоретическое отношение познающего субъекта к истории. Историография, будучи внешне полностью поглощенной событийным уровнем истории, в действительности и чаще всего неосознанно решала (точнее, должна была решать) сложнейшие теоретические задачи — упорядочение «хаоса» той или иной формы, т. е. его объяснение. Последнее же невозможно без помощи общих понятий, хотя бы в их ограниченной функции «дисциплинарных средств» данной области познания, равно как и без представления о воздействующих на ее движение внешних и внутренних детерминант. Одним словом, речь идет о внимании историографии к регулятивным принципам исторической науки, об учете того, что развитие исторического знания — пронизанный диалектикой процесс взаимодействия знания позитивного, с одной стороны, и знания рефлектирующего — с другой.

Как уже отмечалось, историю исторической науки можно рассматривать с двух позиций — континуитета и прерывности. В первом случае мы так или иначе сталкиваемся со значительной преемственностью фактической основы истории, во втором речь идет о наблюдаемой смене от времени смене «объяснительных схем», концептуальных структур, парадигм. Этот второй аспект и привлекает наше внимание. Наблюдая за этим процессом, легко обнаружить определенную последовательность в смене элементов указанных структур. Процесс отставания парадигматического знания раньше всего затрагивал нижние ступеньки иерархии парадигм, т. е. абстракции, ближе всего соприкасавшиеся с общественной практикой, и затем распространялся снизу вверх, пока не становился явным на вершине, т. е. на общемировоззренческом уровне. Когда же происходила смена представлений на этом уровне, движение продолжалось, но уже в обратном направлении: новым (производным) содержанием наполнялись последовательно абстракции все более низких уровней. Такой в самом общем виде предстает диалектика взаимодей-

ствий внутри сферы рефлектирующего знания. Как уже отмечалось, на первом витке движения ведущим началом выступала общественная практика (и в определенном смысле практика науки); на втором же его витке импульсы к движению исходили из сферы высших абстракций, составляющих системы рефлектирующего знания. Очевидно, что выяснение того, как указанные процессы проявлялись в истории исторической науки в отдельные периоды и в судьбах отдельных школ и направлений, могло бы по-новому осветить процесс развития истории как науки. Наконец, если совершенствование с течением времени формальных методов анализа и критики источников имело своим результатом все большую достоверность фактической основы историографии, то проблема связного воспроизведения прошлого в знании, конечно же, решалась в каждую эпоху в общем и целом в зависимости от идеологической «стратегии» господствующего класса.

Дело только в том, что для достижения групповых (классовых) целей эта стратегия должна была пользоваться «общечеловеческой» символикой, т. е. прибегать к словам-образам, составлявшим сферу «общенародного консенсуса» в рамках данной эпохи и данной исторической общности. Именно поэтому процесс наделения смыслом (в донаучной историографии дело редко доходило до открытия объективного смысла) исторических явлений и их словесных обозначений (равно как и развенчание их традиционного смысла) воплощал аспект прерывности в истории исторических знаний. Сторону же преемственности ее воплощал передаваемый одной эпохой другой и постоянно приумножавшийся фонд исторической памяти. Поскольку процесс замены отживших свой век объяснительных схем и продиктованных ими методов новыми, созданными на базе новых мировоззренческих установок становился особенно интенсивным в периоды смены общественных формаций, постольку особый познавательный интерес представляет концептуальный анализ историографии переходных всемирно-исторических эпох.

Проиллюстрируем роль мировоззренческой перспективы донаучного историзма на некоторых примерах. Известно, сколь важную роль в его формировании сыграла проблема космологии: как возникла и функционирует вселенная²¹ и, в частности, ее ответы на такие вопросы, как пространственно-временная организация объектов природы, т. е. какова картина вселенной, происхождение этих объектов, место человека среди них. Давно уже привлек к себе внимание примечательный факт: познание человеком окружающего его мира началось с загадки его генезиса. Это относится в равной степени как к миру физическому, так и к миру социальному. Иными словами, исторически познание шло через генезис к структуре и функциям, а не наоборот. Разумеется, что в момент, когда эта проблема возникла, ответ на нее могла дать только мифология. Космогонический миф — исходный пункт движения антропоморфной мысли в «обратном направлении» к человеку: от сотворения мира (включая и человека) к происхождению социума — человеческих сообществ. Наибольших интеллектуальных усилий (и времени) потребовал завершающий отрезок этого шага — применение понятия «генезис» к истории общества. Достаточно сказать, что не только в архаическую эпоху Древней Греции, но и в классическую ее эпоху господствующая парадигма в этой области оставалась в своей основе мифологической²².

В анализе мифотворчества — этой первой попытке человека объяснить связку «Мир» и «Я» — большой интерес представляет вопрос о соотношении интуиции и памяти. Во всяком случае, несомненно одно: да-

²¹ Straus L. Natural Right and History. Chicago. 1953, p. 48.

²² См. Howald P. Vom Geist antiker Geschichtsschreibung. Darmstadt. 1969, S. 8f.

же самые невероятные всплески воображения не могут быть объяснены вне связи с той или иной формой памяти²³. Однако в фольклорной традиции они как бы меняются местами: творение воображения занимает место исторической памяти, память же о действительно пережитом блекнет, становится зыбкой, мифологизируется²⁴. Таким образом, еще на стадии, по сути дела, доисторической человек ощущает острую необходимость в ретроспективе, в историческом пространстве, обнаруживая тем самым свою — пусть еще рудиментарную — историческую природу. В ответ он создает универсальный миф о происхождении бытия, который был призван ориентировать его в круговороте природы, включенным в который он все явственнее себя ощущал (и постепенно сознавал).

Процесс зарождения под покровом эпоса собственно исторической традиции хорошо прослеживается в «Илиаде». В ней легко обнаруживаются отдельные черты не мифологического, а собственно исторического сознания. Так, вместо сосредоточения внимания на судьбе героев, полубогов-полулюдей (что характерно, к примеру, для эпоса о Гильгамеше) в «Илиаде» речь идет прежде всего о судьбе народов — троянцев, ахейцев. Гектор живет и умирает с думой о родине на устах. Участники драмы между собой многосторонне связаны. Их действия в общем и целом остаются в границах естественного, возможного. И хотя событий множество и происходят они в разных местах и в разное время, с точки зрения цепи причин и следствий они представляют связное целое²⁵. И тем не менее перед нами еще исторический миф, а не история. Не история, а поэтика диктует в ней не только судьбы героев, но и «сценарий» событий. Космические силы в лице божеств то и дело вмешиваются в течение дел человеческих. В этом основное отличие мифа от позднейших рассказов логографов, у которых сфера человеческой жизни уже предстает обособленной от сферы надчеловеческой. В этом смысле миф — священная история народов²⁶.

²³ Ср. Engel-Janosi E. Denken über Geschichte. München. 1974, S. 33f.

²⁴ К тому же, поскольку это относится к человеческим общностям, многое из отложившегося в коллективной памяти постепенно оседает в подсознании, формируя особенности характера, стереотипы поведения и т. д. (ср. Flottes P. L'Histoire et l'Inconscient Humain. Genève. 1965, p. 11 suiv.). Следует добавить, что даже тогда, когда возникла историография, эпическая традиция продолжает жить и непрерывно обогащается. Учет этой традиции необходим для создания полной картины исторического сознания народа.

²⁵ Bloch H. (Hrsg.). Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden. 1956, S. 19f.

²⁶ Обращаясь к «Илиаде», историк — подобно Пилату у Христа — допытывается: «Что есть истина?». Между тем для нашей цели гораздо важнее знать, что принималось современниками — не только архаической Греции, но и позднейших эпох — в качестве истины. В конечном счете течение истории в прошлом, насколько оно определялось сферой традиционного сознания, не в меньшей степени зависело от того, что считалось в данную эпоху исторической истиной, чем от того, что в действительности было истиной. Сошлемся лишь на один пример. Хорошо известно, какое огромное влияние оказывала (по крайней мере со времени Возрождения) история Древнего Рима на формирование арсенала идей — политических, правовых и т. п., и через них — общественной жизни Европы вплоть до конца XVIII века. Сколько блестящих теоретических построений было создано на «уроках» этой истории! Достаточно в этой связи назвать только два имени — Макиавелли и Монтескье. Но вот в начале XIX в. в историографию пришел Нибур, положивший начало критическому пересмотру всей античной исторической традиции. И тогда выяснилось, что многие «уроки» оказались основанными на мифах, легендах, вымыслах. Очевидно, что эта запоздалая критика античной традиции уже не была в состоянии «исправить» ход истории Европы в XVI—XVIII вв. (ср. Bauer G. Geschichtlichkeit. Brl. 1963, S. 16f.). С возникновением историографии фольклорная историческая традиция отнюдь не прекращается. В итоге мы оказываемся перед двумя формами исторической памяти, каждая из которых функционирует по специфическим закономерностям. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, сколь различны исторические традиции в освещении подвига Жанны д'Арк (см. Розенталь Н. Н. Жанна д'Арк. Народная героиня Франции. М. 1958).

Поскольку мифологическая форма сознания продолжает выполнять мировоззренческую функцию и долгое время спустя после перехода общества к цивилизации, остановимся еще на ряде специфических для нее черт. Одна из них, притом, с нашей точки зрения, решающая, может показаться парадоксом: поразительная степень обращенности этой формы сознания к истокам сущего, к его первоначалам сочеталась в ней с отсутствием малейшего представления о генезисе как процессе возникновения, становления²⁷. Место последнего занимало убеждение в «одномоментности» акта творения. Это, по сути своей, не историческое, а мифологическое мировоззрение господствовало не только в античности, но и в средние века, а в вопросе «о начале человеческой истории» не сдавало своих позиций вплоть до конца XVIII века.

Мифологическое сознание не знает пространственно-временной локализации событий. В этом факте, может быть, отразилась смутная догадка, что история человечества древнее, много старше той «истории», что отложилась в коллективной памяти народа. Но как бы там ни было, в силу того, что это сознание обращено не вообще к началу, а к первоначальному всем вещам, к истоку времен, оно могло выполнять эвристическую функцию, поскольку в нем содержатся «образцы» — «первозданный» мир природы, «первозданные» люди, ситуации и т. п. Естественно, что все они носят печать божественности, которая с течением времени «стирается», подвергается «порче» с тем, чтобы чудесным вторжением свыше периодически снова возвращать творения к изначальному состоянию²⁸.

Наконец, одна из определяющих черт мифологического сознания — космизм. Речь идет о мировосприятии, в котором все «события» вне и внутри «Я» причастны к вселенской драме. Выше было отмечено, что миф сосредоточен на божественных началах сущего. Однако эти «начала» олицетворяют не прошлое, они не «стареют», они всегда «современны», всегда подлинно «настоящие», единственно действительные и наделенные смыслом, на что можно опираться в попытке уразуметь текущее. (Космизм этого сознания как нельзя лучше согласуется с циклическим восприятием времени, выраженным в идее «вечного возврата». С одной стороны, она утверждала вечное повторение того, что уже однажды имело место, а с другой, поскольку время — синоним порчи, вселенная, периодически освобождаясь от «накопившегося» времени, снова и снова оказывалась только на «пороге времени»²⁹.)

Неудивительно, что в подобной перспективе — только в событиях, качествах, состояниях «начал» — заключается архетип (прообраз) сущего. Поскольку в нем воплощалось «эталонное состояние» совершенства, заведомо исключавшее идею развития, постольку грядущее несло с собой только одну возможность «порчи» — упадка. Архетип, объяснявший и наделавший смыслом все, что могло произойти во времени, тем самым лишал сущее, действительно происходившее самоценностного, т. е. неповторимого, индивидуального значения³⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что коллективная память, основанная на представлении о сакральности «начала», органически неспособна была улавливать происходящее во времени. В ней царил миф.

Было бы, однако, ошибочно рассматривать подобное состояние духа как пленение человека «начальным временем». В действительности

²⁷ Вспомним библейское: «Да будет свет, и стал свет»; «Да будет твердь среди воды. И стало так», и т. п.

²⁸ Mircea E. Op. cit., p. 12.

²⁹ Сроки этого периодического «возобновления» варьировались: помимо ежегодного цикла «обновления», существовали циклы т. н. большого года, длившегося тысячелетия. Вместе с тем нередко смену цикла отмечали несколько раз в рамках одного календарного года.

³⁰ Cp. Finley M. J. *Myth, Memory and History*. — *History and Theory*, 1965, vol. IV, № 3, p. 28f.

это был не плен, а спасительное прибежище от угрозы перемен к худшему, заключенной в потоке времени. Сакральное начало всегда находилось рядом — оно жило в мифе, воспроизводившем его по желанию (во всяком случае, расстояние между «началом» и сущим было крайне невелико). Суть возможных ответов на вызов, бросаемый человеку все разрушающим временем, сводилась в конечном счете к альтернативе: либо воспринимать текущее сквозь призму изначального «прообраза» (архетипическое мышление), либо осмысливать его в соотнесенности с видением грядущего, и в таком случае неважно: мистического или рационально-утопического (эсхатологического и телеологического мышление). Уйти же от выбора человеку не было дано. Как уже отмечалось, сама возможность целенаправленной человеческой деятельности открывается лишь при условии признания окружающего мира упорядоченным и, следовательно, предсказуемым.

Длительное время понятие спонтанно возникающего и функционирующего порядка, обозначавшегося у греков термином «космос», распространялось в равной мере как на мир физический, так и на течение дел человеческих. Однако с переходом к цивилизации, т. е. с возникновением классового общества и вторжением в человеческую жизнь социальных зол, все чаще стало проявляться сомнение в спонтанном возникновении подобного общественного устройства (т. е. независимо от целенаправленной деятельности самого человека). Для обозначения искусственно созданного порядка служил термин «таксис» (буквально — строй, ряд); очевидно, что возобладание подобного сознания в условиях классового строя породило бы неизбежно убеждение в возможности его «переделать», переустроить³¹. Не этим ли обстоятельством объясняется «спасительная» функция религии, с одной стороны, и бегства к идее круговорота в течении дел человеческих — с другой?

Таковы были имевшиеся в арсенале культуры средства освобождения человека от психологических последствий «синдрома непереносимости» времени. Как и следовало ожидать, античность (в целом) обратилась к «циклическим» представлениям о ходе истории: слишком статичными были структурные основания этих обществ, и вместе с тем слишком безграничной была власть случая (воля тирана, опустошительные вражеские нашествия и т. п.) для того, чтобы можно было искать опору в какой-либо иной форме объяснения сущего, нежели идея круговорота³².

Одним словом, по мере того, как общественный индивид начинал скорее ощущать, чем сознавать власть истории, он «скрывался» от нее либо под сень столь же желанного, сколь и мистического будущего, либо под сень прошлого, неизменного «начала». Как это ни парадоксально, но вплоть до Возрождения человек европейской культуры, уже обладавший огромной историографической традицией, по сути, боялся «заглянуть в глаза» текущей истории. В эпоху классической древности он скрывался от нее под сенью незыблемого космоса, а в средние века — доктрины провиденциализма. И только тогда, когда человек оказался во власти собственного разума (рационализма), постепенно убравшего из истории все надысторические и внеисторические «силы»,

³¹ См. Fränkel W. Formen Frühgrichischen Denken. 1955, S. 68f.

³² См. Ibid., S. 49. В результате архаическое сознание подводит исторические образы событий под архетип «героя», «царя», «воина» и т. п., лишив их, таким образом, всех черт исторического. Яркие примеры подобного мифологизирования истории мы находим в югославском средневековом фольклоре. Поскольку этот эпос сложился в сравнительно близкую к нам эпоху (XVII в.), то можно проследить сам процесс мифологизации истории. Повод, вдохновляющий барда на сложение песни, всегда исторический (к примеру, реальный военный поход со столь же реальным его исходом и т. п.). Что же касается «фактологической стороны» события, то в ней неограниченно властвует архетип. Подведение исторического факта под архетипический канон было формой мифологической истории (см. Mircea E. Op. cit., S. 36).

настало время для поисков «пружины» и «порядка» в ходе истории в ней самой.

Вместе с тем уже в классической древности, которой европейская культура обязана искусством фиксирования социальной памяти в форме фабульной историографии, роль мировоззренческих установок (философской картины мира) в формировании концептуальных структур историографии становилась в буквальном смысле наглядной (в целях упрощения мы опускаем опосредствующие, «передаточные», формы этого влияния; так, например, только греческая трагедия нам позволяет понять античную идею судьбы, роль, которую античная философия эксплицитно так и не сформулировала).

Обратим теперь внимание на необъяснимый с первого взгляда феномен: история историографии оказалась перед трудноразрешимым противоречием. С одной стороны, в ней подчеркиваются поразительные достижения греческой историографии, прежде всего в лице Фукидида (в некоторых отношениях ее и в наши дни рассматривают в качестве недостижимого образца)³³. В то же время греческому интеллекту начисто отказывают в историческом сознании на том основании, что его универсальные «интерпретативные схемы» были какими угодно — космологическими, натуралистическими и т. п., но только не историческими. Тем самым напрашивается вывод: развитая историографическая традиция возможна и при отсутствии исторического сознания. Однако абсурдность этого вывода слишком очевидна. Сама возможность его вытекает из ложного «метода». Современный исследователь ищет в прошлом свою собственную форму исторического сознания и, не обнаруживая ее, отказывает этому прошлому в историческом сознании как таковом. В действительности же в том понимании данной категории, какое обосновано было выше, никакая историография (разумеется, исключив из нее простую анналистику) немислима без той или иной формы исторического сознания.

Следовательно, выход из этого искусственно созданного тупика представляется простым: признать, к примеру, в Платоне и Аристотеле создателей не «принципа историзма» вообще, а принципа античного историзма, и тогда трудности исчезнут сами собой. В самом деле, античный историзм был космологическим³⁴ (с примесью мифологии, в частности в диалогах Платона) и притом в двойном смысле: в прямом и «превращенном». В первом смысле потому, что только в изображении мироздания присутствовала идея происхождения, созидания, становления (см. платоновского «Тимея»). Во втором же смысле потому, что при ближайшем рассмотрении концептуальные схемы историографии (в частности Фукидида) оказываются производными от той диалектики свободы и необходимости, которая проявляется в функционировании космоса³⁵.

Подобно тому, как космос, по Платону, может отдалиться от первозданности ровно настолько, насколько это допускает демиург, так и свобода человека поступать по своему усмотрению оказывалась ограниченной его природой, которая, в свою очередь, тоже определена в плане социальном историческим космосом — полисом. В последнем время

³³ См. Schädewaldt K. *Hellas und Hesperie*. Zürich. 1945.

³⁴ Ср. Лосев А. Ф. *Античная философия истории*. М. 1977, с. 181.

³⁵ Примером тесной связи между натурфилософскими и историософскими воззрениями в древности может служить концепция изменений. Платон и Аристотель под изменениями в природе понимают смену индивидуальных воплощений («примеров») в рамках неизменных, фиксированных типов, составляющих природу. Будучи перенесенной на сферу истории, эта концепция означала: тот или иной полис (город-государство) может исчезнуть, но сама идея полиса как социальная и политическая форма, к реализации которой устремляется человеческий интеллект, остается неизменной, вечной (см. Платон. *Государство*, VIII, 557a—558c; *Законы*, III).

символизирует не изменчивость, а только событийное нарушение и восстановление равновесия. Так, заимствованная из космологии идея равновесия как необходимое условие устойчивого функционирования социально-политической структуры использовалась античной историографией в качестве универсального объяснения фактов упадка и крушения городов-государств, политических союзов и т. п.

О том, в какой степени натурфилософская картина космоса довле- ла над античной историографией, дает представление «История Пелопоннесской войны» Фукидида. Идея, согласно которой предмет науки может быть лишь сфера видимой гармонии, регулярного и предсказуе- мого движения, буквально пронизывает этот непревзойденный образец историографии древности. Фукидид, мастер рисовать сцены и людей, ви- дел суть истории не в изменениях, он вообще не воспринимал ее как движение в каком бы то ни было направлении. Поскольку театром истории служит полис (город-государство), постольку «политическое здоровье» общества проявляется в сохранении равновесия существу- ющего строя. История — это цепь событий, нарушающих или восста- навливающих равновесие внутри данной системы, это — колебательное, маятниковое движение. Поучительной история становится тогда, когда она сосредоточена на повторяющемся, остающемся неизменным порядке вещей. В итоге подобная история возможна была только при условии, если она лишалась генезиса, равно как и перспективы: она строилась по законам драмы, включающей ряд причин в начале и ряд результа- тов в конце сценического действия. Такова были классическая собы- тийная история, обусловленная априорными мировоззренческими посылками.

Итак, уже на первых ступенях цивилизации различия между миром природы и миром человека (между сферой законообразного движения с предсказуемыми событиями и сферой непредсказуемой изменчивости) люди пытались снять, моделируя последний «по образу и подобию» при- роды. Результатом могло явиться лишь представление об истории как замкнутом пространстве, в котором движение возможно только как циклическое³⁶. Естественно, что на подобной мировоззренческой основе могла сложиться только прагматическая и фактографическая историо- графия.

Полную аналогию между мировоззренческими структурами и фор- мой исторического сознания и, наконец, типом историографии мы нахо- дим и в рамках средневековья³⁷. Перестройка христианством античного исторического сознания началась с радикального пересмотра космоло- гических проблем. Если в центре античного мировидения находилась вселенная и человеку оставалось только доискиваться своего места в ней, то христианство столкнуло верующего «лицом к лицу» с богом — владыкой вселенной. Что же касается последней, то она была оттеснена на задний план, поскольку ее смысл и назначение были поставлены в зависимость от человека. В результате логический центр окружающего человека миропорядка был смещен: вместо «божественного космоса» в нем оказался теперь «бог — создатель и правитель» вселенной. Новая структура онтологии обусловила и новые формы гносеологии. Измени- лись цель и методы познания, иерархия знания и т. д. и т. п.

Провиденциальный историзм был по сути своей точно так же исто- ризмом неисторическим, и это в двояком смысле. Во-первых, только в сфере священной истории, т. е. истории, известной посредством божественного откровения, смысл исторического времени раскрывается как процесс, кульминация которого была достигнута «пришествием Христа» на Землю. Что же касается второй половины этой истории, то

³⁶ См. Weil R. Aristotel et l'histoire. P. 1960.

³⁷ См. Cairns G. E. Philosophies of History. Lnd. 1962.

речь шла уже не о процессе, а об «ожидании» и «подготовке» ко «второму пришествию» и к «концу» земной истории. Поскольку «события этого конечного времени были известны», «предсказаны», то единственное, что еще оставалось выяснить, заключалось в датировке этого события. Во-вторых, если ограничиться сферой мирской истории, то божественный промысел исключал как абсурдную саму идею имманентного развития.

Если в классической древности, в рамках прагматической историографии, исторический факт приобретал самостоятельное значение, поскольку в нем усматривали конечную цель исторического познания, то в средние века на почве христианского мифа исторический факт рассматривался только как земной символ, внешний знак сущности не исторической, а запредельной, которую и следовало открыть. Наконец, средневековая историография в сравнении с античной следовала принципиально иной концепции причинности. Вместо причины и следствия, расположенных на оси времени, провиденциальная историография, поместив ряд причин в сферу вечности, оставила в истории только ряд следствий. В итоге она оперировала «вертикальной» обусловленностью течения истории. Очевидно, что здесь и речи быть не могло о причинно-следственной цепи, о преемственном течении событий. Взамен этих понятий господствовало представление об истории как совокупности разрозненных «вызовов», бросаемых время от времени человеческими действиями господу, и ответных «реакций» всевышнего. Нетрудно заметить, что связь между событиями устанавливалась совершенно произвольно (к примеру, между убийством архиепископа Фомы Бекета по «совету» Генриха II Плантагенета и мятежом, поднятым против короля его сыновьями, и т. п.), зато подобные «причинные» связи опосредствовались.

Итак, если под историческим сознанием понимать только такие идеи, которые проистекают из рассмотрения исторической действительности, то в наличии подобного сознания пришлось бы отказать и античности и средним векам. Для целых эпох отражение действительности в интересующей нас форме сознания оказывалось неизмеримо более сложным — оно опосредовалось мировоззренческими и ценностными аспектами философии, религии, идеологическими убеждениями и т. п.

В новое время, по мере того как в сфере естествознания утверждалась рационалистическая парадигма, выраженная в знаменитой формуле — *causa sui* (иначе говоря, все естественное имеет естественную причину), картина мира как бы раздвоилась. Для священной истории она все еще оставалась средневековой, т. е. восходившей к библейскому рассказу, что нашло свое выражение в трактате французского епископа Боссюэ³⁸. Для истории же светской, возродившей прагматическую традицию античной историографии, выход оставался один — заимствовать концептуальную парадигму в тех областях новой науки, которые в данное время определяли мировоззренческие основы научного (рационального) мышления в целом. Так, к примеру, в XVII в. историческое сознание восприняло господствовавшую в то время физическую концепцию природы, вследствие чего цель исторического знания, которая (во все времена) сводилась в конечном счете к самопознанию человека, была в то время впервые явным образом сформулирована как проблема познания человеческой природы, которую историку следовало изучать методами физики. Соответственно были переосмыслены категория исторической причинности и механизм сцепления событий, но, что более важно, был радикально (в сравнении со средневековьем) переосмыслен сам предмет исторической науки³⁹.

³⁸ Bossuet I. R. Discourse sur l'Histoire Universelle. P. (1681).

³⁹ См. Коллингвуд Р. Д. Идея истории. Автобиография. М. 1980, с. 67 сл.

Изменившиеся экономические, социальные и политические условия, одним словом, новая эпоха нуждается в «новой истории» и создает предпосылки для формирования таковой — новый способ смотреть на прошлое, соответствующий нуждам настоящего. Характер цивилизации определяет, что для нее будет означать история, каковы будут ее горизонты. Прошлое может стать историей для данной классовой цивилизации только постольку, поскольку она для нее объяснима (предел горизонта) и поскольку прошлое выступает собственно прошлым (предел целесообразности). Историография — форма, при помощи которой она превращает прошлое в компонент своего собственного интеллектуального климата. С другой стороны, историк прибегает к системе объяснений, которые должны быть приняты его читателями как «истинные», «разумные» и т. п., поскольку они укладываются в рамки разделяемого им и современниками мировосприятия. В конечном счете речь идет об объяснениях, которыми они руководствуются в своем собственном поведении. Таким образом, система ориентаций — мировоззренческих и ценностных установок — в каждой данной социальной среде обуславливает неявным образом тип, характер, круг и способ исторических объяснений, на которые способен сам историк, и явным образом — характер и т. п. объяснения, которые могут быть восприняты его современниками⁴⁰.

Подведем некоторые итоги. Историческое сознание является в одно и то же время и фактором истории и фактором историографии. В обоих случаях речь идет о характерных для каждого типа культуры способах, посредством которых общественный индивид идентифицировал себя в социальном времени и в социальном пространстве. Однако в первом случае в центре внимания находится вопрос: как соответствующий способ социально-исторической ориентации современников проявлялся в «моделях» социального поведения, в особенности в моменты исторических кризисов. Во втором — на первом плане оказывается познавательная, эвристическая функция исторического сознания, его проявление в типе историографии. С этой точки зрения ошибочно предполагать, что историческое сознание обращено только в прошлое, что оно исчерпывается только его объяснением. В действительности же прошлое — только грань исторического сознания, которое концептуализирует связь между всеми тремя модусами времени: прошлым, настоящим и будущим. Настоящее не сможет быть до конца познано, если неизвестен его генезис, т. е. без обращения к прошлому. Однако в равной мере нельзя его постичь без обращения к будущему, без знания элементов будущего в настоящем. Из сказанного следует, что стержнем исторического сознания во все времена являлось настоящее, сущее. Именно оно служило связью между прошлым и будущим. Одним словом, историческое сознание — это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост, ведущий человека из прошлого в грядущее.

⁴⁰ См. K u r b l e r G. The Shape of Time. New Haven. 1962, p. 3.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

К 40-летию Сталинградской битвы

РЕЧНИКИ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Е. Г. Киселева

200 дней и ночей длилась Сталинградская битва. Яркую страницу вписали в ее летопись речники Волги¹. В дни суровых испытаний волжский путь превратился в одну из важнейших транспортных магистралей. По великой русской реке осуществлялись перевозки воинских подразделений и боевой техники, а также важных народнохозяйственных грузов.

Сражение за Нижнюю Волгу началось задолго до того, как фашистским войскам удалось приблизиться к ее берегам. Бои велись еще на дальних подступах к Сталинграду, а вражеская авиация уже совершала нападения на суда, минировала речной фарватер. С первых дней оборонительных боев на сталинградском направлении Нижне-Волжское речное пароходство (НВРП), где также находились многие суда Верхне-Волжского, Средне-Волжского пароходств и «Волготанкера», стало прифронтовым. Вся его работа была тесно связана с боевыми действиями Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, а также с деятельностью Волжской военной флотилии, созданной в октябре 1941 года². Многие речные суда флотилия получила от пароходств Волжского бассейна. Наркоматом речного флота СССР (НКРФ) на судоремонтных предприятиях транспортные суда переоборудовались в канонерские лодки, тральщики, плавучие батареи и сторожевые катера. Личный состав судов также передавался Волжской военной флотилии.

Перед Нижне-Волжским пароходством встали сложные задачи. Необходимо было обеспечивать перевозки резервных частей, вооружения, боеприпасов, военной техники, горючего и продовольствия. В больших масштабах предстояло осуществлять эвакуацию гражданского населения и раненых, вывозить в глубь страны нефть, заводское оборудование, материальные ценности, имущество колхозов и совхозов, зерно, десятки тысяч голов скота. Кроме того, с помощью судов пароходства и военной флотилии производилось накопление людских и материальных ресурсов для предстоящего контрнаступления советских войск.

Сталинградский городской комитет обороны (СГКО), приняв постановление об охране судоходства на Волге, обратился в ГКО СССР с просьбой выделить зенитки для вооружения гражданского флота³. В короткие сроки речники поставили на судах 64 зенитных орудия и 239 зенитно-пулеметных установок. Была сформирована зенитная группа противовоздушной обороны. В августе — октябре 1942 г. волжские суда и группа НВО сбили 22 вражеских самолета. Лишь экипаж парохода «Сократ» уничтожил несколько самолетов противника⁴. Вот что рассказывал об этом его капитан А. Кривцов: «24 сентября мы привели во Владимировку очередной караван с горючим и поставили его под выкачку. В этот день был самый крупный налет. На нас пикировали 13 самолетов... На «Сократе» была пушка и зенитка. Мы открыли ответный огонь. Боевые расчеты работали бесстрашно. Их не пугало пикиро-

¹ В годы Великой Отечественной войны на Волге действовало четыре пароходства: Верхне-Волжское, Средне-Волжское, Нижне-Волжское и «Волготанкер».

² Речной транспорт, 1975, № 5, с. 11.

³ Партийный архив Волгоградского обкома КПСС (ПАВО), ф. 171, оп. 1, д. 1 «а», л. 108; Исторический архив, 1962, № 3, с. 46—47.

⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 9496, оп. 6, д. 24, лл. 17, 18.

вание самолетов, зенитчики встречали воздушных бандитов непрерывным потоком пуль и снарядов. В этой схватке нами было сбито два вражеских бомбардировщика. А вот другая наша встреча на Волге с фашистскими стервятниками. Это было 30 октября. Мы шли специальным рейсом. На одном перекате нас встретили пять фашистских самолетов. Они сразу атаковали судно. Завязалась горячая схватка... На судно было сброшено до 80 бомб, не причинивших нам больших повреждений. В этот день мы сбили еще два вражеских самолета и доставили груз по назначению. Наше судно девять раз подвергалось бомбежке. Шесть раз мы вступали в единоборство с немецкими воздушными разбойниками и сбили пять самолетов»⁵.

Когда гитлеровцы начали минировать волжский фарватер, поставив там 350 мин, речники создали на реке свыше 300 постов наблюдения⁶. Днем и ночью бакенщики и местное население следили за рекой. Заминированные места обозначались специальными знаками, одновременно выискивались безопасные проходы по реке. Бакенщики встречали суда и сопровождали их через заминированные участки. Круглосуточное дежурство организовали бакенщик И. Е. Игольников и его жена У. П. Игольникова⁷. Иван Егорович спас 18 человек с судна, потерпевшего аварию. Ульяна Петровна под вражеским обстрелом доставила распоряжение нефтекаравану об изменении курса и провела его через заминированную зону. На протяжении 8 км был заминирован участок бакенщика И. В. Ремизова. Немецкие самолеты яростно обстреливали его лодку, но Ремизов непрерывно проводил караваны с боеприпасами и войсками в Сталинград⁸. После того, как у Купоросного враг прорвался к Волге, выбить его оттуда отправились бронекатера Волжской военной флотилии с десантниками. Путь морякам указывал бакенщик Нижне-Купоросного переката Н. И. Субботин. В темноте, под обстрелом противника он провел суда по минированной реке. Десантники атаковали и уничтожили вражескую группировку⁹. Немецкие самолеты атаковали пароход «Академик Губкин», который вел пять барж с горючим. Одна из них загорелась. Бакенщики З. Н. Кикляев и Ф. Ф. Мельников бросились в огонь. На них вспыхнула одежда, но они, сбив пламя, продолжали работать. Им удалось отделить горевшую баржу и даже не допустить ее гибели. Горючее было спасено¹⁰.

Наибольшему минированию подвергся район Волги, примыкающий к железнодорожному пункту Владимировка, имевшему большое значение для воинских перевозок. Катера флотилии вместе с работниками речного пути непрерывно проводили траление этого участка. Путьцы обеспечивали движение судов подчас ценою собственной жизни. Бакенщики Владимирского поста И. В. Михайлов и П. С. Хорьков на катере указали тральщикам места, куда были сброшены мины. Катера с тралами сделали над ними несколько проходов, но безрезультатно, т. к. мины были многоимпульсными. И лишь при последнем тралении фарватера раздался взрыв. Оба бакенщика погибли¹¹. Речные путьцы бакенами обозначали ложные фарватеры, на которые противник сбрасывал с самолетов мины. Напряженно боролась с минной опасностью бригада тральщиков флотилии под командованием контр-адмирала Б. В. Хорошкина. Минеры и специалисты по размагничиванию, пользуясь аппаратурой, созданной группой ученых во главе с А. П. Александровым (ныне президент АН СССР), обеспечили судоходство на реке, врагу не удалось прервать движение судов по Волге¹². Только за две недели августа более 40 караванов с нефтью из Астрахани благополучно проследовали через те участки, которые немцы считали непроходимыми¹³.

⁵ За советскую нефть, 9.V.1946.

⁶ ПАВО, ф. 171, оп. 1, д. 127, л. 25.

⁷ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО), ф. 1491, оп. 3, д. 11, л. 44.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7913, оп. 1, д. 48, л. 4.

⁹ Волгари в боях за Сталинград. Сталинград. 1961, с. 127.

¹⁰ ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 6, л. 1.

¹¹ Речной транспорт, 1970, № 5, с. 7. В память о погибших героях один из путевых катеров назван «Бакенщик Михайлов».

¹² Кузнецов Н. Г. Моряки в Сталинградской битве.— Вопросы истории, 1968, № 2, с. 140.

¹³ Речной транспорт, 23.II.1944.

«Генеральное» наступление на Сталинград фашисты начали 15—17 августа. Развернулись ожесточенные бои на ближних подступах к городу. Подвижной группе врага удалось прижать его защитников к Волге. Обстановка осложнилась. Наши войска вынуждены были получать вооружение, боеприпасы и продовольствие через Волгу, переправы которой находились теперь не только под ударами авиации, но также под артиллерийско-минометным огнем. 23 августа фашистские войска вышли к Волге севернее Сталинграда, в районе Рынок — Латошинка. В тот же день свыше тысячи самолетов бомбили промышленные предприятия и жилые кварталы города¹⁴. На рейде горели суда, у причалов пылали и взрывались железнодорожные составы с горючим и боеприпасами. Фашистам удалось перерезать правобережные железнодорожно-шоссе́йные линии, идущие к городу. Усиленно бомбил враг левобережную железную дорогу на Астрахань.

Фактически только Волжский водный путь обслуживал тогда фронты в районе Сталинграда, но и его противник держал под обстрелом. Флот на сталинградском рейде оказался отрезанным от верхнего плеса, движение транзитных судов прервалось. Почти полностью были уничтожены Сталинградский порт, Красноармейская пристань, береговые портовые сооружения¹⁵. Противнику удалось также поджечь и потопить несколько судов. 24 августа фашисты разбомбили санитарный пароход «Композитор Бородин». Приняв более 700 раненых, судно направлялось вверх по Волге. У поселка Рынок фашисты открыли по нему артиллерийский огонь, хотя он шел под флагом Красного Креста. Пароход стал тонуть, мало кому удалось спастись¹⁶.

В этой обстановке суда Верхне-Волжского пароходства продолжали вывозить из осажденного города раненых, женщин, детей, различные грузы. Капитаны теплохода «Парижская коммуна» Л. Д. Галашин и парохода «Михаил Калинин» Н. М. Богатов получили задание прорваться через полосу, занятую немцами у предместья Акатовки. Хотя суда шли ночью и под дымовой завесой, фашисты их обнаружили и потребовали застопорить машины. Суда, продолжая идти своим курсом, прорвались сквозь завесу вражеского огня¹⁷. Третий пароход, «Иосиф Сталин», получил несколько пробоин и затонул, его капитан И. С. Рачков погиб на боевом посту¹⁸.

Волга горела. Тысячи тонн горючего из разрушенной на берегу нефтебазы хлынули в реку. В этом пламени пароходы и баржи продолжали переправлять с левого берега на правый танки, орудия, войска. Не хватало людей. Тогда партийная организация порта обратилась ко всем речникам за помощью. Рядом с грузчиками встали инженеры, рабочие, матросы. Они выгружали боеприпасы с судов, стоявших вплотную к пылавшим причалам¹⁹. Портовики вместе с экипажами судов вывозили станки и механизмы, отправляли на левый берег раненых и мирное население.

Когда развернулись непосредственные бои за Сталинград, встал вопрос о срочной эвакуации его жителей. В городе оставалось более 400 тыс. человек. 24 августа СГКО принял постановление «Об эвакуации женщин и детей на левый берег Волги»²⁰. Поскольку мостов через Волгу у Сталинграда не было, а наведение паромных переправ и понтонов при постоянных бомбежках и обстрелах было делом исключительно трудным, весь транспортный флот Волжской флотилии, находившийся в том районе, выполнял это задание. Главная роль в осуществлении эвакуационных перевозок отводилась Нижне-Волжскому пароходству. Большую помощь речникам оказывал Городской комитет по обеспечению эвакуации населения во главе с секретарем обкома партии М. А. Водолагиным²¹. Речники справились с задачей. С 24 августа по 14 сентября ими было перевезено до 300 тыс. человек, много заводского оборудования²², 42 тыс. т зерна, 80 тыс. т горючего, 36 тыс. т воинских

¹⁴ Водолагин М. А. Подвиг на Волге.— Вопросы истории, 1973, № 2, с. 105.

¹⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 9496, оп. 6, д. 26, л. 25.

¹⁶ ПАВО, ф. 113, оп. 12, д. 83, лл. 18, 19.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7913, оп. 1, д. 48, л. 4; ПАВО, ф. 113, оп. 14, д. 205, лл. 13—16.

¹⁸ ГАВО, ф. 1491, оп. 5, д. 2, л. 2. Имя капитана И. С. Рачкова сейчас носит одно из судов линии Москва — Астрахань.

¹⁹ ГАВО, ф. 1491, оп. 5, д. 2, л. 2.

²⁰ ПАВО, ф. 171, оп. 1, д. 1 «а», л. 28.

²¹ Там же.

²² Там же, оп. 12, д. 89, л. 27.

грузов, около 2 млн. голов скота, свыше 3500 тракторов и комбайнов, 5 тыс. автомашин, 10 тыс. подвод с имуществом колхозов и совхозов²³.

Основные переправы действовали в центральной части Сталинграда, а также у заводов Тракторного и «Красный Октябрь»²⁴. Несколько позже стали работать еще две переправы, специально для воинских перевозок. После бомбардировок 23—25 августа оперативная группа Наркомата речного флота и руководство Нижне-Волжского пароходства провели огромную работу по восстановлению переправ. 25 августа Военные советы Юго-Восточного и Сталинградского фронтов приняли постановление «Об увеличении переправ через Волгу». Оно предусматривало организацию новых переправ, направление на каждое самоходное судно коменданта, военкома и группы автоматчиков. Выделенные для этого 86 командиров и политработников были проинструктированы уполномоченным ГКО, наркомом речного флота З. А. Шашковым, находившимся в Сталинграде, и прибыли на суда²⁵. СГКО назначил секретаря обкома ВКП(б) по транспорту И. В. Сидорова уполномоченным по переправам²⁶.

Важную роль сыграли комиссары судов, которые были введены приказом Политуправления НКРФ²⁷. На эту работу парторганизации послали значительную часть актива. Имена многих таких комиссаров навсегда вошли в летопись битвы на Волге. Вдохновителем и организатором подвигов экипажа парохода «Серго Орджоникидзе» был комиссар Г. И. Зайцев. Под его руководством пароход осуществлял переброску к Сталинграду 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева. За несколько рейсов команда перевезла 8,5 тыс. бойцов. 20 сентября 1942 г. во время одного из рейсов комиссар погиб на боевом посту²⁸. Отлично проявил себя комиссар парохода «Грозный» Семанин. Немецкие самолеты, сбросив на судно несколько бомб, повредили его. В машинное отделение хлынула вода. Первым бросился туда комиссар. Стоя по грудь в воде, он сумел закрыть пробойну и организовать откачку воды. Пароход был спасен²⁹. Комиссар парохода «Минск» В. Долматов был человеком беззаветной храбрости. Под огнем «Минск» эвакуировал из Сталинграда госпитали. Порой его атакывали сразу несколько вражеских самолетов, но речники, по примеру своего комиссара сохраняя спокойствие, продолжали перевозить раненых, а обратными рейсами — боеприпасы и военную технику. Комиссар теплохода «Полина Осипенко» С. Е. Егоров во время рейсов наладил разгрузку военного снаряжения, команда быстро брала на борт раненых³⁰. Если судно гибло, то последними с исковерканных бомбами пароходов сходили вместе с капитанами комиссары. 13 сентября при выполнении боевого задания затонул пароход «Траулер». Его комиссар Магнусов, организовав спасение команды, последним покинул борт судна³¹.

На пароходе «Надежный» в сражающийся город были доставлены тысячи бойцов, сотни тонн грузов. 14 сентября «Надежный» вывез раненых воинов, когда гитлеровцы были уже почти у берега. Едва закончилась погрузка, как враг открыл огонь по уходящему пароходу. Судно получило несколько пробоин и загорелось, но экипаж, потушив пожар и заделав пробоины, благополучно доставил раненых на левый берег. Военный совет фронта неоднократно выражал экипажу «Надежного» благодарность³². Баркас «Пожарский» непрерывно курсировал между берегами. Его капитан В. В. Ефимов, участник обороны Царицына в гражданскую войну, с первых дней бомбежки города работал на переправах. Баркас вывозил из города раненых, женщин и детей, а с левого берега доставлял бойцов, боеприпасы и вооружение³³. Более 500 рейсов под атаками «юнкеров» и «мессершмиттов» совершил баркас «Абхазец» под командованием капитана А. Н. Хлынина, доставляя

²³ Ч у я н о в А. С. Сталинградский дневник. Волгоград. 1968, с. 136.

²⁴ ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 6, л. 55.

²⁵ Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне. М. 1981, с. 189—190.

²⁶ ПАВО, ф. 171, оп. 1, д. 1 «а», л. 31.

²⁷ Волгари в боях за Сталинград, с. 31.

²⁸ ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 11, л. 8.

²⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 9469, оп. 6, д. 26, л. 25; ГАВО, ф. 1491, оп. 5, д. 2, л. 4.

³⁰ ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 11, л. 8.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 7913, оп. 1, д. 48, лл. 2, 3.

³² Там же, л. 25.

³³ ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 6, л. 55.

нашим бойцам тысячи тонн боеприпасов, а также подкрепления, продовольствие и вывозя раненых. Однажды команда вела в осажденный город баржу, в трюмах которой находилось 500 т боеприпасов. Фашисты открыли огонь, баржа загорелась, но матросы баркаса, несмотря на угрозу взрыва, потушили пожар. На Центральной переправе этот буксир называли тогда неуязвимым.

Переправиться в те дни через Волгу означало совершить подвиг. Волга превратилась в огненный рубеж, преодолеть который было возможно порою лишь ценой жизни, однако команда буксира «Ласточка» только 29 августа совершила 18 таких рейсов³⁴. Борясь с огнем, экипаж парохода «Гаситель» совершил немало героических подвигов³⁵. «Мы все время были в пекле,— вспоминает его капитан П. В. Воробьев,— немецкие самолеты над головой, укрыться негде, а среди наших пассажиров много детей и женщин, тяжело было смотреть на их страдания. Везешь людей, а бомбы кругом рвутся, так и кипит Волга. Первые жертвы мы понесли 25 августа. Бомбы разорвались в трех метрах от кормовой части парохода. Много осколков попало в машинное отделение. Вышел из строя правый штурвал, нарушилась звуковая сигнализация. Пораженный в сердце, упал механик Ерохин, убит кочегар Соколов, пять человек из команды ранены. А в корпусе «Гасителя» мы насчитали до 80 подводных и надводных пробоин. На место погибшего механика встал его помощник С. А. Агапов. Он стал один работать и за механика, и за раненых членов машинной команды. Я приказал проложить рукава для откачки хлынувшей воды. Было решено все пробоины в корпусе заделать на ходу, не заходя в затон... Так как нам надо было все время совершать рейсы, мы уже перестали обращать внимание на юнкерсы, хейнкели и мессершмитты»³⁶. После войны на «Гасителе» была установлена мемориальная доска с надписью: «В период героической обороны Сталинграда против немецко-фашистских захватчиков в 1942—1943 гг. пароход «Гаситель» работал на сталинградских переправах. Под артиллерийским и минометным огнем противника, под непрерывными ударами его авиации пароход «Гаситель» подвозил вооружение, боеприпасы и продовольствие войскам осажденного города-героя. Слава героическому пароходу и его команде за доблесть и отвагу в боях за нашу Родину!»³⁷. В дни битвы на Волге на баркасе «Лена» осталось пять человек, причем двигатели обслуживал один механик, коммунист Н. П. Беспутчиков. Под руководством помощника капитана Н. И. Зверева пятерка волгарей с 23 по 27 августа совершила 90 рейсов с грузами в Сталинград.

13 сентября гитлеровцы предприняли очередной штурм города, основной удар нанося в направлении Мамаева кургана и вокзала. 14 сентября натиск усилился. То был один из наиболее тяжелых моментов обороны. К исходу дня противник овладел вокзалом, а у Купоросного вышел к Волге. 62-я армия была отрезана от 64-й. Фашисты обрушили на берег Волги и переправы еще больший огонь, пытаясь сорвать переброску подкреплений для 62-й армии. Но флотилия все же сумела в такой обстановке переправить в район Камышина 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Задача казалась невыполнимой. Вспоминая события тех дней, бывший командующий 62-й армией В. И. Чуйков писал: «Сумеют ли бойцы и командиры выполнить свои задачи, которые казались выше сил человеческих? Если не выполнят, то свежая 13-я гвардейская стрелковая дивизия может оказаться на левом берегу Волги в роли свидетеля печальной трагедии... С утра до темной ночи над Волгой кружили пикировщики, а ночью открывала огонь артиллерия. Причалы и подходы к ним круглыми сутками находились под огнем орудий и шестиствольных минометов»³⁸. И все же за две ночи, с 14 на 15 и с 15 на 16 сентября, дивизия А. И. Родимцева на речных судах была переброшена с левобережья в город. Это позволило 62-й армии ликвидировать попытки врага прорваться к Волге в центре Сталингра-

³⁴ Ч у я н о в А. С. Ук. соч., с. 177.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7913, оп. 1, д. 48, лл. 2, 3; ПАВО, ф. 11418, оп. 1, д. 6, л. 55.

³⁶ Воробьев П. В. В единоборстве с бушующим пламенем. В кн.: Битва за Волгу. Волгоград. 1962, с. 352—353.

³⁷ Волгари в боях за Сталинград, с. 58. В 1977 г. пароход «Гаситель» был установлен на берегу Волги в центре Волгограда как памятник героизму речников в годы войны.

³⁸ Ч у й к о в В. И. Начало пути. М. 1959, с. 125.

да³⁹. Маршал Советского Союза Чуйков писал о речниках: «Если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила своей задачи»⁴⁰.

С 23 августа по 3 ноября 1942 г. только в районе Сталинграда было разбито и затоплено 110 судов, работавших на переправах, в том числе 39 самоходных⁴¹. Поэтому особо важную роль играли ремонтные работы. Сталинградский судоремонтный завод действовал под бомбами фашистских самолетов. Многие его цехи были разрушены, однако коллектив завода отремонтировал в период Сталинградской битвы 132 судна⁴². В те дни завод пришлось дважды перебазировать. Цехи его были размещены на левом берегу Волги в лесных землянках, а работа не прекращалась ни на минуту. Заводскую парторганизацию возглавлял парторг ЦК ВКП(б) А. И. Чекушкин. Вернувшись на завод после тяжелого ранения, он сумел мобилизовать людей на выполнение фронтовых заданий. Рабочие брали пример с лучших судоремонтников коммунистов П. Т. Суворова, В. Н. Овчинникова, М. М. Шарипова⁴³. Члены бригады Шарипова буквально на глазах у противника в районе переправ вытаскивали на берег поврежденные суда, чинили их, готовили к плаванию. Так они отремонтировали баркасы «Пожарский», «Капитан Иванищев», «Емельян Пугачев»⁴⁴, за октябрь и первую половину ноября ввели в строй 16 катеров и баркасов, 3 парохода, 4 спаренных военных паромов, 9 тральщиков, 4 плавучие батареи, 6 самоходных паромов⁴⁵. Кроме того, предприятие ремонтировало танки, автомашины, орудия.

До середины сентября руководство деятельностью волжского флота на переправах у заводов «Красный Октябрь» и «Красноармейск» осуществлялось Нижне-Волжским пароходством и командованием военной флотилии. 14 сентября Военный совет Юго-Восточного фронта в целях укрепления единоначалия временно передал все суда пароходства в распоряжение начальника сталинградских переправ, хотя укомплектование команд, обеспечение судов и экипажей осталось за Нижне-Волжским пароходством. Продолжала выходить его газета «Красный водник». На ее страницах помещались материалы о трудовых и боевых делах речников. Весь штат редакции состоял из редактора Л. Г. Зингермана и литсотрудника Ю. М. Юдиной. Был организован также выпуск листовок. Вот листовка, выпущенная политотделом пароходства 9 сентября. Вверху крупным шрифтом набраны слова: «Родина требует: отбить наступление немцев на Сталинград! Место речника Нижней Волги — в передовых рядах защитников любимого города!». Затем под заголовком «Не отступим!» шла речь о подвиге экипажа баркаса «Лена». Листовка заканчивалась призывом: «Боритесь за победу так, как пятерка храбрецов с баркаса «Лена»!» До последнего дня навигации 1942 г. героически трудились волжские речники, вместе с командами судов военной флотилии и инженерными частями обеспечивая фронт всем необходимым.

За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество 29 сентября 1942 г. 29 речников были награждены орденами и медалями⁴⁶. От имени награжденных было принято обращение «Ко всем речникам Волги»: «Помните, товарищи речники, что от нашей работы зависит успех боевых операций на фронтах Отечественной войны. Сделаем все, чтобы фронт своевременно получал пополнение, боеприпасы и вооружение!»⁴⁷.

Важную роль в активизации работы водного транспорта сыграл X пленум Сталинградского обкома партии, состоявшийся 3 октября 1942 года. Первый секретарь обкома и горкома А. С. Чуянов говорил на пленуме: «Нельзя не отметить героизм сталинградских водников. Под обстрелом вражеской авиации и артиллерии водники самоотверженно поставляют в город через Волгу боеприпасы, перевозят войска. Вот

³⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. М. 1975, с. 181.

⁴⁰ Чуйков В. И. Ук. соч., с. 182.

⁴¹ Из истории партийных организаций Нижнего Поволжья. Волгоград, 1969, с. 130.

⁴² Чуянов А. С. Ук. соч., с. 265.

⁴³ Речной транспорт, 1943, № 4, с. 3.

⁴⁴ Красный водник, 2.II.1945.

⁴⁵ Нейгольдберг В. Я. Речной транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1965, с. 132.

⁴⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 9496, оп. 6, д. 26, л. 18.

⁴⁷ ПАВО, ф. 113, оп. 12, д. 129, лл. 24—27; ГАВО, ф. 1491, оп. 3, д. 11, лл. 7—10.

несколько примеров массового героизма наших водников. Капитан баркаса «Наблюдатель» Исаков со своей командой шесть суток без сна и отдыха нес вахту. Механик Тимохин не сошел с поста даже тогда, когда в его каюту попала зажигательная бомба, и доставил пароход с войсками к месту назначения»⁴⁸. 11 октября состоялся пленум Сталинградского горкома ВКП(б)⁴⁹. Вновь было отмечено: «Работники речного транспорта в условиях непрерывной бомбардировки обеспечили успешную переброску боевых пополнений, боеприпасов Красной Армии, эвакуацию населения и государственных материальных ценностей». В условиях осажденного города развернулось социалистическое соревнование. На судах оно проводилось под девизом «За быструю доставку грузов фронту!». На ответственные участки были дополнительно направлены политработники, агитаторы, пропагандисты, распространявшие передовой опыт⁵⁰.

В середине ноября завершился оборонительный этап Сталинградской битвы. Красная Армия готовилась к контрнаступлению. К Сталинграду шли пополнение, оружие, боеприпасы, продовольствие. «Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге, — вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. — С 1 по 19 ноября через Волгу было переправлено 160 тысяч солдат, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов»⁵¹. 18 ноября СГКО утвердил план обеспечения нужд Сталинградского фронта и военных переправ флотом в ледовый период. Ответственность была возложена на секретаря обкома ВКП(б) И. В. Сидорова и начальника Нижне-Волжского пароходства Ф. Г. Коченина⁵². Руководству пароходства было предложено усилить переправы 62-й армии, передав туда из резерва пароходы «Урицкий» и «Память Войкова»; в постановлении говорилось: «Обратить внимание гг. Сидорова и Коченина на необходимость обеспечения бесперебойной работы в первую очередь переправы 62-й армии, работающей на плече Тумак — «Красный Октябрь»; исходя из того, что условия этой работы исключительно тяжелые, поставив на работу на этом участке самоотверженных и способных людей, обеспечить бесперебойную работу переправы»⁵³.

Пароходам «Кузнец» и «Совхозница» предстояло доставить до ледостава к Краснооктябрьской переправе четыре баржи с боеприпасами из района Сарепты. Без этого оказалось бы под угрозой боепитание 62-й армии. Пароходам следовало пройти 10 км вдоль линии фронта. Ночью под прикрытием дымовой завесы капитан «Кузнеца» А. С. Ананичев провел караван и на семь часов раньше срока доставил баржи к месту назначения⁵⁴.

19 ноября началось контрнаступление советских войск. Большую роль в перевозке продолжавших поступать на этот участок фронта пополнений, оружия, боеприпасов, продовольствия по-прежнему играли речники. Был образован резерв соответствующих судов. Серьезную помощь оказали при этом секретарь Астраханского окружкома партии В. А. Голышев и начальник «Волготанкера» Н. С. Ромашенко. Мощные буксирные пароходы и большие нефтеналивные баржи с низовьев Волги были переоборудованы для перевозки боевой техники. Решено было использовать также пароходы «Сократ», «Реконструкция», «Варяг» и «Дзержинский»⁵⁵. На реке начался ледостав, связь между берегами усложнилась. На Краснооктябрьской переправе в узких разводьях до последней возможности работал баркас «Узбек». Ночью он подвозил продовольствие, горючее и боеприпасы. Утром команда накрывала судно белыми трофейными парашютами, и «Узбек» растворялся в серой мгле, окутавшей Волгу⁵⁶. До последней возможности плавали также пароходы «Алтай», «Крас-

⁴⁸ Сталинградская правда, 4.X.1942.

⁴⁹ Красавин В. С. Партийные организации Нижнего Поволжья в период обороны Сталинграда. В кн.: Из истории партийных организаций Нижнего Поволжья, с. 170.

⁵⁰ ГАВО, ф. 1491, оп. 5, д. 2, л. 3.

⁵¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М. 1974, с. 106.

⁵² ПАВО, ф. 171, оп. 1, д. 1 «а», лл. 35—36.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Речной транспорт, 23.II.1944.

⁵⁵ Чуйнов А. С. Ук. соч., с. 271.

⁵⁶ Речной транспорт, 23.II.1944.

пофлотец», «Громобой», «Спартак», «Спартаковец»⁵⁷. «В эти дни и ночи они (речники. — Е. К.) творили истинно героические дела, — вспоминал В. И. Чуйков. — Я сам наблюдал ночью, как эти суда метр за метром с разгона пробивая путь среди льдов, шли от пристани Тумак на север по Волге к берегу, где оборонялась 62-я армия. Были дни, когда эти суда не могли в темное время вернуться обратно; а идти днем вдоль берега, занятого немцами, было равносильно гибели. Тогда они останавливались около сталинградского берега, маскировались парашютами, белыми простынями и мешками под цвет снега и льда»⁵⁸.

Контрнаступление советских войск совпало с самым сложным гидрологическим периодом на Нижней Волге: на реке появились ледовые заторы. На помощь пришли подрывники, и переправы смогли работать до 17 декабря. У пароходов ломались винты и колеса, но бригада судоремонтников тут же исправляла повреждения. Вместо плиц привинчивались бревна, суда вновь пробивались через льды к берегу. Пароход «Сократ» проплавал весь ледовый период с одним колесом. Пароходы «Краснофлотец» и «Самара» с помощью подрывников проплавали до 25 декабря. Последние залпы по противнику с канонерской лодки «Усыскин» были сделаны 30 января, с «Чапаева» — 31 января 1943 года⁵⁹.

Всего в дни Сталинградской битвы речным флотом Волги было перевезено 543 тыс. солдат, гражданского населения и раненых, 29 400 автомашин, 550 тягачей, 840 орудий, 150 тыс. т боеприпасов, вооружения и продовольствия⁶⁰. Перевозки превысили 1,3 млрд. тонно-километров. Из Астрахани речники доставили тогда 3800 тыс. т нефтепродуктов⁶¹. Оценивая роль волгарей в битве за Сталинград, газета «Правда» писала: «Никогда наш народ не забудет стойких и бесстрашных сынов Волги, прославивших себя в боях за Сталинград. Плечом к плечу с воинами Красной Армии волжские речники ведут борьбу с ненавистными немецкими оккупантами. Старые речники смело водили к Сталинграду баржи, лодки, паромы. Старики бакенщики, которые раньше ограждали огнями мелкие места, несли службу наблюдения, предупреждая суда о минах, сброшенных немецкими самолетами. Многие коллективы судов волжского флота, работая на заминированных участках под обстрелом противника с берега, под постоянными налетами вражеской авиации, доставляли грузы в пункты назначения точно в срок, указанный военным командованием»⁶².

Тысячи речников, принимавших участие в великом сражении на Волге, были награждены орденами и медалями. Орденов Ленина были удостоены боцман С. Б. Силантьев, матрос П. И. Иванов и капитан И. С. Рачков (посмертно)⁶³. 528 речников получили медаль «За оборону Сталинграда»⁶⁴. Особо отличившиеся в боях пароходы и буксиры были награждены орденом Красного Знамени. На 39 волжских судах установили мемориальные доски, а коллективу речников Нижне-Волжского речного пароходства присуждено за 1942 г. переходящее Красное знамя ГКО. По окончании войны знамя было передано речникам этого пароходства на вечное хранение. Ныне оно находится в Волгоградском государственном музее обороны⁶⁵.

В Волгограде открыт на рейде плавучий памятник речникам, погибшим в Сталинградской битве: два якоря, поставленных на платформу; на скрещении их веретен закреплена мемориальная доска с надписью: «Волжским речникам, кораблям, погибшим в Сталинградской битве, 1942—1943 гг.». Экипажи судов и пассажиры, плывущие мимо памятника, опускают на воду венки, отдавая дань памяти героям Великой Отечественной войны.

⁵⁷ ПАВО, ф. 113, оп. 12, д. 129, лл. 17—21.

⁵⁸ Чуйков В. И. Ук. соч., с. 242—243.

⁵⁹ Канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» — бывшие буксирные суда Средне-Волжского пароходства.

⁶⁰ Речной транспорт, 1965, № 4, с. 52.

⁶¹ Шашков З. А. Речники в боях за Родину. М. 1975, с. 70.

⁶² Правда, 4.XII.1942.

⁶³ ПАВО, ф. 113, оп. 12, д. 129, лл. 24—27.

⁶⁴ Речной транспорт, 23.II.1944.

⁶⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 9469, оп. 6, д. 26, л. 8; ГАВО, ф. 1491, оп. 5, д. 2, л. 5.

А. А. Зимин

Автор не льстит себя надеждой, что он в достаточной мере понял суть событий, происходивших в Северо-Восточной Руси второй четверти XV столетия. Его цель была куда более скромной. Он стремился изложить всю известную ему сумму сведений, которые бы читатель мог осознать как нечто существенное для понимания хода братоубийственных войн времен Василия II и необходимое, чтобы задуматься о причинах происшедшего становления единого Русского государства.

* * *

Итак, 5 июня 1434 г. в Москве скончался великий князь Юрий Дмитриевич. Вопрос о наследнике престола всплыл с еще большей остротой, чем после смерти его старшего брата Василия девять лет тому назад. Иным был и расклад сил. Властью в великом княжестве обладали прямые наследники князя Юрия, которому еще недавно радушно отворила свои ворота Москва. Молодые и энергичные дети Юрия Дмитриевича Василий Косой и Дмитрий Шемяка, уже достаточно «понюхавшие запах пороха», в течение долгих лет шли рука об руку к власти. Их двоюродный брат Василий Васильевич не мог рассчитывать, во всяком случае, в ближайшем будущем, на возвращение великого княжения и бежал из столицы.

Правда, эта, казалось бы, ясная расстановка сил при ближайшем рассмотрении затуманивалась. Срок пребывания князя Юрия в Москве оказывался совсем небольшим (немногим более двух месяцев), чтобы можно было сказать о полной гармонии интересов галицких князей с москвичами (предшествующий опыт говорил скорее о существовании между ними серьезных противоречий). Не прошли еще искуса обладания великокняжеской властью Юрьевичи, и выдержит ли их братский союз это серьезное испытание, сказать было трудно. Чем окончатся попытки Василия II противоборствовать своим галицким родичам, предугадать было также невозможно.

Игра страстей дополнялась запутанной традицией престолонаследия. Юрий Дмитриевич твердо отстаивал родовой принцип наследования великокняжеского престола («от брата к брату»), а его соперник Василий Васильевич настаивал на семейном («от отца к сыну»). Но вот князь Юрий умер, и все изменилось. Согласно родовому принципу, все права переходили к Василию Васильевичу, старшему среди князей следующего поколения, по семейному же — к сыну покойного Василию Косому. Как же в такой ситуации повели себя князья? Василий Косой, находившийся при умершем отце, объявил себя его наследником, послав об этом сообщение своим братьям¹. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный посланы были еще Юрием Дмитриевичем в поход против Василия Васильевича на Кострому и к моменту смерти отца сумели добраться только до Владимира². Не до великого княжения было и самому Василию Васильевичу. Однако младшие братья решительно воспротивились самовольному решению Василия Косого. Позиция Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного на первый взгляд кажется и неожиданной и неоправданной. Братья категорически отказались признать Василия Косого великим князем.

Гадать о причинах этого, когда источники безмолвствуют, очень трудно. Василий Косой преступил закон «гнезда Калиты», приняв самовольное решение. Уже это одно могло вызвать негодование его братьев. Но он выступил также против родового прин-

* Фрагменты разных глав монографии «Феодальная война второй четверти XV столетия», которую автор закончил незадолго до смерти.

¹ ПСРЛ. Т. 26. М.-Л. 1959, с. 191.

² ПСРЛ. Т. 15. СПб. 1863, стб. 490; т. 26, с. 191.

ципа наследования, за который боролись князь Юрий и его сыновья. Захват престола Косым превращал борьбу за «идею», «принцип», «наследие Дмитрия Донского» в обыкновенный разбой. Права на великокняжеский престол отныне, согласно толкованию духовной грамоты Дмитрия Донского галицкими князьями, принадлежали Василию II. Поэтому Дмитрий Шемяка и Дмитрий Юрьевич объявили Василию Косому: «Аще не восхоте бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим»³.

Но чего же «хотели» братья? Вернуться к старому, посадив на престол Василия II. Своим волевым характером и самостоятельностью действий Косой внушал им серьезные опасения. Другое дело — Василий Васильевич. Он не обнаруживал в своем характере задатков крупного политического деятеля. К тому же он еще недавно потерпел поражение и не пользовался безоговорочной поддержкой в каких-либо русских землях. Итак, Юрьевичи предпочли его как слабейшего из претендентов, рассчитывая, что смогут играть при нем заметную роль.

Василий Васильевич охотно пошел им навстречу. «Прииде к ним князь великий, и смирившися, поидоша к Москве»⁴, — сообщает московский летописец. Василий Косой попал в положение полководца без войска: московские и, возможно, галицкие полки находились с его братьями и Василием Васильевичем. Поэтому Косой принял решение покинуть Москву, «побрав злато и серебро, казну отца своего и градский запас весь»⁵. На великом княжении он пробыл всего месяц. Взяв в качестве заложницы Марию Голтыеву, мать жены Василия II, Василий Косой направился ко Ржеве (один из городов князя Юрия). Затем, «поймав» князя Романа «Переяславского», он двинулся в Новгород, который рассчитывал сделать опорой сопротивления своим соперникам⁶. В «розмирье» с Василием Косым столицу покинули московские гости и суконники, бежавшие в Тверь⁷.

Итак, великим князем снова стал Василий Васильевич. Придя к власти, он щедро вознаграждал своих союзников. Дмитрий Шемяка получил в дополнение к Рузе еще Углич и Ржеву, а Дмитрий Красный к Галичу — Бежецкий верх. В докончании с двумя Юрьевичами (около 5 июня 1434 — 6 января 1435 г.) Василий II санкционировал их право на владение землями, завещанными им их отцом, а также подтвердил собственное пожалование. Оно состояло из удела недавно умершего князя Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) и Бежецкого верха. «Бежичами» Дмитрий Меньшой жаловался по «старине», т. е. на условиях совместного владения с Великим Новгородом. Положение Вятки определялось распоряжением Юрия Дмитриевича («по отца вашего последнему докончанию»), т. е. Вятка должна была находиться в совместном владении Юрьевичей⁸.

Не найдя сочувствия своему стремлению любой ценой снова овладеть великокняжеским престолом, Василий Юрьевич осенью 1434 г. покинул Новгород, где он про-

³ ПСРЛ. Т. 26, с. 191.

⁴ Там же. Московские летописцы умалчивают о том, что Василий II был посажен на престол в 1434 г. его злейшим врагом Дмитрием Шемякой. Л. В. Черепнин объяснял переход Юрьевичей на сторону Василия II тем, что «им стало известно, что положение Василия Юрьевича в Москве было далеко не прочным» (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. М. 1960, с. 763). Нам представляется, что, наоборот, Юрьевичи, не зная реальной обстановки в Москве, опасались всевластия Василия Косого и потому примкнули к его противнику, ссылаясь на его «старейшинство».

⁵ Псковские летописи (ПЛ). Вып. 2. М. 1955, с. 45.

⁶ ПСРЛ. Т. 26, с. 191; т. 5. СПб. 1851, с. 28; т. 23. СПб. 1910, с. 148; ПЛ. Вып. 2, с. 45. Загадочный князь Роман «Переяславский» Псковской летописи — это, возможно, старший сын ярославского князя Ивана Васильевича («Редкие источники по истории России». Вып. 2. М. 1977, с. 102). Роман бежал от Василия Косого, когда тот прибыл в Новгород. Он был «пойман» и погиб после того, как у него отрубили ногу и руку.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 36, с. 104.

⁸ ПСРЛ. Т. 26, с. 191; т. 25. М.-Л. 1949, с. 252; т. 23, с. 148. См. тексты докончания: ДДГ, № 34, с. 87—89; Докончальная грамота князя Василия Васильевича с галицкими князьями. Археографический ежегодник за 1977 год. М. 1978, с. 353—356. Договор упоминается в докончании Василия II с Василием Косым весной 1435 г. (ДДГ, № 36, с. 101, 103). См. также грамоту Дмитрия Шемяки, выданную Троицкому монастырю: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века (АСЭИ). Т. 1. М. 1952, № 115, с. 91—92.

вел восемь недель. Он двинулся по Мсте, затем перебрался в Бежецкий верх и Заволочье, при этом «много зла бысть от него»⁹. Этот поход в какой-то мере был ответом на dokonчание Василия II с братьями Василия Косого, согласно которому Бежецкий верх переходил к Дмитрию Красному. Расчет Косого был на то, что безвольный Дмитрий Красный не сможет организовать ему сопротивление и он сумеет укрепиться в Бежецком верхе. Тем более, что «заволочани задашася за него и крест к нему целоваша, а от Новагорода отьяшася»¹⁰.

Слабость Василия Косого заключалась в разорванности его княжения на две части: одну составляли вятчане, другую — Дмитров, Звенигород и, возможно, Руза и Ржева. Попытка обосноваться в Бежецком верхе имела своей целью создать вокруг Москвы полукружье, которое могло быть плацдармом для наступления на столицу великого княжения. Однако реальной опорой в борьбе с Василием II могли быть только северные земли, на которые распространялось влияние Дмитрия Шемяки. Вятчане были слишком далеко. Закрепиться в Бежецком верхе Василию Юрьевичу не удалось, и он, пройдя Заволжье, вышел на Кострому. Пробыв там некоторое время, Василий Косой двинулся на Москву. Однако в битве на р. Которосли, между Ростовом и Ярославлем, он 6 января 1435 г. потерпел поражение¹¹. Ему пришлось бежать в Кашин, где он «окопився», т. е. собрался с новыми силами¹². Сюда собрались остатки его «дружины», примерно 300 человек. От князя Бориса Тверского, стремившегося сохранить «равновесие» претендентов на великое княжение в Северо-Восточной Руси, прибыла подмога, в том числе «кони, и порты, и доспех»¹³.

Полагая, что князь Василий Юрьевич находится на Вологде, Василий II направил туда своих воевод «со всеми людьми»¹⁴. Как обычно, посылались в поход все военные силы, имевшиеся в распоряжении великого (или удельного) князя. Василию Косому удалось «безвестно» (незаметно, что ли) прийти на Вологду и захватить врасплох великокняжеских воевод. В плен попали боярин Ф. М. Челядня, а также В. М. Шея (Морозов), А. Ф. Голтяев и др. Пограбив заодно и саму Вологду, Василий Юрьевич пошел «в Новгородское». По Ермолинской летописи, он двинулся из Вологды в Заозерье «и пришед, ста у Дмитрея Святаго на Устьи»¹⁵. Речь идет о р. Устье (приток Костромы). Князь Дмитрий Заозерский, очевидно, союзный с Дмитрием Шемякой (и, значит, в то время и с Василием II), не хотел пропустить Косого в Новгород, но тот, «бив его», взял в плен его мать и сестру, а также «имение его все взяв... много же людей заозерян на том бою избьено бысть»¹⁶. Военные действия охватили Ярославщину и Белозеро¹⁷.

После военных действий в Заозерье, судя по Ермолинской летописи, Василий Юрьевич двинулся к Устюгу. Здесь, очевидно, горожане не оказали ему сопротивления и открыли ворота. Впрочем, на Устюге были не только сторонники Косого. Его враги составили заговор, решив на пасху 17 апреля убить князя. Однако у него нашлись и доброхоты, предупредившие его о грозящей опасности. Василий Юрьевич бежал за Сухону, едва спасшись от гибели. Те из его сторонников, кто не успел последовать за ним, были убиты. Великокняжеский полон заговорщики «отполонили»¹⁸. Между вятскими союзниками Косого и частью устюжан, очевидно, вспыхнули старые распри. Его противники явно рассчитывали на поддержку Василия II, но пока еще великий князь не мог оказать им действенной помощи.

Весной 1435 г. Василий Юрьевич снова пришел к Костроме и послал «по вятчан», которые поспешили к нему на подмогу. Узнав об этом, Василий II счел для себя за

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 417; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Л. 1925, с. 434; т. 16. СПб. 1889, стб. 179.

¹⁰ ПЛ. Вып. 2, с. 131.

¹¹ ПСРЛ. Т. 26, с. 191; т. 24. Птгр. 1921, с. 183.

¹² ПСРЛ. Т. 5, с. 266; т. 26, с. 191.

¹³ ПСРЛ. Т. 24, с. 183. В dokonчании 1438—1439 гг. упоминается попавший к Василию II, очевидно, во время военных действий с Василием Косым, «полон... тверьскы и кашиньскы» (ДДГ, № 37, с. 106).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 24, с. 183.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 23, с. 148.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 24, с. 183.

¹⁷ См. ДДГ, № 36, с. 102.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 23, с. 148—149.

благо заключить мир со своим соперником. За отказ от претензий на великокняжеский престол он пожаловал Косому Дмитров, как это было в аналогичном случае с его отцом¹⁹. Договор санкционировал также незыблемость соглашения великого князя с союзными ему Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. В противне докончания Василий Юрьевич подчеркивал, что князья должны руководствоваться в своих взаимоотношениях нормами завещания Дмитрия Донского (жить «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрия Ивановича»). Косой обещал вернуть белозерский и ярославский полон, а также награбленное им на Вологде имущество бояр. Наконец, он обязывался не принимать гостей и суконников, бежавших от Василия II в Тверь.

Докончание оказалось недолговременным. В Дмитрове Василий Юрьевич пробыл всего месяц, а затем снова отправился в Кострому, послав великому князю «разметные грамоты». В чем была причина очередного обострения отношений, неизвестно. В Костроме Косой прожил до «зимнего пути». Когда установились холода, он вместе с вятчанами двинулся к Галичу. Удар и на этот раз был направлен по слабому звену великокняжеской коалиции: в Галиче находился союзный Василию II брат Косого Дмитрий Меньшой. Расчет был правильным. Город был взят. Затем Василий Косой направился к Устюгу. В Филиппово заговенье (15 ноября — 25 декабря) он вышел на р. Кичьмену, а оттуда двинулся по р. Юг. Устюг был осажден 1 января 1436 года. Осада затянулась на девять недель. В конце концов город пал. Воевода князь Г. И. Оболенский был убит, владычный десятинник Иов Булатов повешен²⁰. Да и вообще многие устюжане посечены и повешены в отместку за попытку убить Василия Юрьевича во время заговора 1435 года.

Тем временем зимою Дмитрий Шемяка приехал в Москву звать Василия II к себе на свадьбу в Углич. Его невестой была София, дочь князя Дмитрия Заозерского²¹. Вряд ли этот шаг означал попытку заманить великого князя в ловушку или устроить на свадьбе какой-либо скандал. Дмитрий Шемяка в то время воздерживался от поддержки своего старшего брата и, вероятно, пытался нормализовать отношения с Василием II. Однако Василий Васильевич иначе оценил его намерение и решил по-своему использовать предоставленную ему возможность. Он попросту «поймал» князя Дмитрия и отправил его с приставом И. Старковым в Коломну²². Очевидно, он усмотрел связь выступления Косого с приездом Шемяки и решил не допустить тесного «единачества» братьев²³. Этот шаг был ошибкой. Он привел к раздроблению сил коалиции, выступавшей против авантюристических действий Василия Косого.

Поступок великого князя вызвал негодование в среде сторонников Дмитрия Шемяки, а когда из Устюга Василий Юрьевич двинулся на Вологду, то к нему присоединился двор Шемяки, представлявший крупную боевую силу: «княжи Дмитреевы братни дворяне 500 человек»²⁴. Во главе двора находился воевода Акинф Волынский. Выступив против Василия II весной 1436 г., Косой переправился через Волгу и подошел к Нерехте. В молниеносных рейдах Василия Юрьевича прослеживается некая система, объясняющаяся и сложной обстановкой 1434—1436 гг. и самим характером этого князя. Он озабочен был прежде всего необходимостью обеспечить себе поддержку тех земель, в которых влияние его братьев и Василия II не было прочным. Не имея достаточно сил для захвата Москвы, Косой предпочитал громить своих врагов поодиночке, нанося удары по их наиболее слабым позициям. В 1434 г. он рассчитывал на поддержку Новгорода и тех его волостей, которые находились в совместном владении (Бежецкий верх). Он надеялся также, что антимосковская позиция Костромы приведет ее к союзу с ним. Сходными были расчеты в недавнем прошлом и Василия II. В начале 1435 г. после неуспеха первоначального плана Косой решил нанести основной удар по ярославским союзникам Василия II и Дмитрия Шемяки, добиться захвата Костромы и

¹⁹ ПСРЛ. Т. 26, с. 191; ср. ДДГ, № 36, с. 101.

²⁰ ПСРЛ. Т. 23, с. 149; т. 26, с. 191; т. 27. М.-Л. 1962, с. 345; Устюжский летописный свод (УЛС). М.-Л. 1950, с. 76—77.

²¹ ПСРЛ. Т. 27, с. 345; УЛС, с. 77.

²² ПСРЛ. Т. 26, с. 191.

²³ «По-видимому, в данное время Василий Юрьевич поддерживал связь со своим братом Дмитрием Шемякой» (Л. В. Черепнин. Указ. соч., с. 766). Если бы это было так, то вряд ли князь Дмитрий отправился бы в Москву.

²⁴ ПСРЛ. Т. 23, с. 149; т. 26, с. 191.

Вологды. Видя, что наиболее верным союзником его стала Вятка, Косой решил укрепиться на Вологде и в Устюге, чтобы как-то приблизить свои владения к землям вятчан.

Во всех этих действиях Василий Косой рассчитывал, что ему удастся одному, без коалиции князей одержать победу. Это было его просчетом. Особенно пагубно на его судьбе сказалось то, что он практически потерял свою столицу Звенигород, столицу Шемяки Рузу и оттолкнул от себя влиятельного Можайского князя Ивана Андреевича, перешедшего в лагерь Василия II. Эту слабую позицию Василия Косого учло окружение Василия II, которое добилось объединения вокруг Москвы князей «гнезда Калиты». Великого князя поддержали Иван Можайский и Дмитрий Меньшой²⁵. Возможно, с Василием II были заодно и его наиболее преданные союзники — белозерский князь Михаил Андреевич и серпуховской Василий Ярославич. Великого князя поддерживал ярославский князь Александр Федорович Брюхатый. Прибыл к нему из Литвы князь Иван Баба Друцкий²⁶. Наконец, поняв опрометчивость своего поступка, Василий II распорядился освободить Дмитрия Шемяку «из железа», предписав «быти ему просто-му на Коломне», т. е. жить там как бы под негласным надзором. Трудно сказать, как подействовал этот жест на позицию двора Шемяки.

После этой дипломатической подготовки Василий Васильевич двинулся против своего основного противника. Решительная битва состоялась 14 мая в Ростовской земле на р. Черехе у св. Покрова в Скорятине²⁷ (по другим сведениям, в «Ростовском Нализе»)²⁸. Сначала враждующие стороны взяли перемирие до утра²⁹. Полки, распущенные Василием II, разъехались «все кормов деля»³⁰. Этим воспользовался Василий Косой. Нарушив достигнутое временное соглашение, он попытался совершить дерзкий набег на лагерь, где расположился великий князь. Однако «сторожа» предупредила великого князя о грозящей опасности, и Василию II сигналом боевой тревоги удалось собрать свои силы. В начавшейся битве успех сопутствовал великому князю. Отряды Василия Косого были наголову разбиты, а сам он бежал с поля боя. Однако князя догнали и схватили Б. Тоболин и кн. И. Друцкий. Пленник был препровожден в Москву и 21 мая ослеплен³¹. Действия вятчан победители сочли особо опасными, поэтому их воевод ждало суровое наказание. Один из них, Дятел, был повешен в Москве, а другого, Семена Жадовского, в «Переславля чернь — мужики ослопы убили»³². После возвращения в Москву Василий II послал за Шемякой в Коломну «и пожаловал его»³³.

Одной из причин поражения Василия Косого была его нерасчетливая уверенность в обеспеченности успеха. Когда он с конным войском переправился через Волгу и пошел на Нерехту, он от себя отпустил главную ударную силу — 400 вятчан вверх по Волге к Ярославлю, центру сопротивления союзников Василия II. Ожидая, что во главе этой судовой рати будет сам Василий Косой, Василий II отдал распоряжение идти под Ярославль войску в 7 тыс. человек с ярославским князем Александром Брюхатым. Услыхав, что под Ярославлем на устье р. Тунашмы, в 15 верстах от города, стоит какая-то судовая рать, вятчане поспешили на помощь к Василию Косому. Но соединиться с его силами они так и не успели. Им удалось только захватить князя Александра, которого они и препроводили в Вятку³⁴. В целом битва на Черехе привела к разгрому сил, боровшихся против коалиции князей во главе с Василием II.

Умер Василий Косой в 1447—1448 годах³⁵. Это был человек авантюрного склада. Обладая данными полководца, он переоценил свои силы и ухитрился растерять

²⁵ ПСРЛ. Т. 26, с. 192.

²⁶ ПЛ. Вып. 2, с. 45; ПСРЛ. Т. 26, с. 192.

²⁷ ПСРЛ. Т. 5, с. 267; т. 23, с. 149; т. 26, с. 192.

²⁸ ПСРЛ. Т. 24, с. 183.

²⁹ ПСРЛ. Т. 26, с. 192; ср. т. 23, с. 149.

³⁰ УЛС, с. 78; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Л. 1925, с. 435; т. 24, с. 183; т. 26, с. 192; НПЛ, с. 418.

³¹ П. Н. Луппов, путая А. Ф. Брюхатого (ярославского) с суздальским князем Александром, считает, что Василий II ослепил Василия Косого за «вероломство вятчан», которые увезли ярославского князя на Вятку (П. Н. Луппов. История города Вятки. Киров. 1958, с. 60).

³² ПСРЛ. Т. 23, с. 149.

³³ ПСРЛ. Т. 26, с. 192.

³⁴ УЛС, с. 77—78.

³⁵ ПСРЛ. Т. 5, с. 269; т. 26, с. 208.

своих надежных союзников. Его поражение в борьбе за власть было естественным следствием этого. Победа над Василием Косым не означала еще установления единовластия Василия II. Одолеть старшего сына Юрия Дмитриевича ему удалось только вместе с коалицией князей-союзников, которые рассчитывали на вознаграждение за поддержку и на сохранение своих позиций в уделах.

Через месяц после победы над Косым, 13 июня 1436 г., Василий II и Дмитрий Шемяка составили новое dokonчание³⁶. И на этот раз Дмитрий Юрьевич признавал себя «младшим братом» великого князя. Он подтверждал переход удела Василия Косого (Дмитров и Звенигород) к Василию II. Удел Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) оставался по-прежнему за Шемякой и его братом Дмитрием Красным. Возможно, в то же самое время составлены были договоры Василия II с другими его союзниками — князьями Иваном и Михаилом Андреевичами. В «прибавку» к своей отчине Иван получил Козельск и Лисин. Андреевичи так же, как Дмитрий Юрьевич, признавали Василия Васильевича «братом старейшим»³⁷. Так системой договоров подведены были итоги борьбы Василия II с Василием Косым. Победа московского князя тем самым получила правовую санкцию.

* * *

Примерно пять лет сохранялся компромисс, достигнутый в 1436 году. Они были наполнены подготовкой сторон к дальнейшему противоборству. Василию Васильевичу казалось, что он поступился слишком многим, а его союзники, очевидно, рассчитывали на большее. Серьезные осложнения внешнеполитической обстановки и внутримосковские трудности не позволили Василию II выступить против Дмитрия Шемяки. У галицкого же князя сил хватало пока лишь на то, чтобы сохранять самостоятельность в своих внутренних делах.

Не урегулированы были отношения Москвы с Новгородом и Литвою. Нарастала угроза со стороны Большой Орды и ее наследников. Нужно было решить запутанный церковный вопрос, переплетавшийся с русско-византийскими отношениями. Обострение борьбы Василия II с Василием Косым привело к росту самостоятельности Новгорода, осмелившегося проводить уже самостоятельные внешнеполитические акции против своих «ослушников». Еще зимою 1435/36 г. новгородцы послали войска в карательную экспедицию против Ржевы. Речь шла о Пустой Ржеве, находившейся на притоке р. Великой. Этот небольшой городок с волостью издавна был предметом споров между новгородцами и Литвою. Он платил дань Новгороду, но признавал литовскую власть. Платил, впрочем, нерегулярно («не хотеша дани давати»)³⁸. Это и вызвало поход. Новгородцы «казниша ржевиць и села вся пожгоша по Ръжеве по плесковьскыи рубежь»³⁹.

Тогда же, в предвидении нового столкновения с Василием Косым, Василий II попытался урегулировать отношения с Новгородом, памятуя, что там сильны были элементы, готовые поддержать его противника. Разногласия с Москвою касались прежде всего положения в новгородских волостях, которые хотел освоить великий князь. И зимою 1435/36 г. Василий II «человаше крест» Новгороду, что он «отступится» новгородской «отчины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде», подкрепив это заманчивое для новгородцев обещание тем, что пошлет своих бояр на размежевание земель в 1436 г. на Петров день. Однако победа великого князя над Василием Косым сделала предполагавшуюся уступку земель для Москвы ненужной, и никаких своих «мужей» на развод земель летом 1436 г. Василий II не прислал⁴⁰. Новгородский вопрос остался, таким образом, нерешенным.

Резко обострилась обстановка в Великом княжестве Литовском, что имело влияние и на позицию русских земель по отношению к претендентам на великокняжеский престол в Литве. 1 сентября 1435 г. Свидригайло потерпел тяжелое поражение от Сигизмунда Кейстutowича на р. Свенте у Вилкомира. Псковский летописец писал, что

³⁶ ДДГ, № 35, с. 89—100.

³⁷ ДДГ, № 42, с. 123—125; № 43, с. 125—126.

³⁸ ПЛ. Вып. 2, с. 46.

³⁹ НПЛ, с. 417—418.

⁴⁰ НПЛ, с. 418.

«за много лет не бывало такового побоища в Литовской земли»⁴¹. Свидригайло бежал с поля боя в Полоцк «на 30-ти конях» вместе со своим союзником Юрием Лугвеньевичем⁴². Летом 1436 г. от Свидригайла отложились и союзные ему Полоцк и Витебск.

Перемену обстановки в Великом княжестве Литовском учли старые союзники Свидригайла. С Сигизмундом поспешил заключить мирное окончание бывший доброхот Свидригайла великий князь тверской Борис Александрович⁴³. 31 декабря 1435 г. с Польшей заключили мир Прусский и Ливонский ордена, обещавшие порвать со Свидригайлой. Не отставали от них и новгородцы, понимая, что их противостояние Москве невозможно без сохранения прочных тылов на западе. Зимой 1436/37 г. они отправили послов к победителю на Свенте и заключили с ним мирный договор⁴⁴. Это, конечно, не означало, что новгородские власти готовы были к открытому сопротивлению Москве. Они хотели оставаться в положении буфера между Западом и Востоком. Поэтому, когда весной 1437 г. к ним из Москвы прислан был виднейший боярин Василий II кн. Юрий Патрикеевич за «черным бором», они заплатили этот тяжелейший для них побор⁴⁵.

Существенные перемены, оказавшие влияние на ход борьбы за единовластие на Руси, произошли и в Поле. В ходе перегруппировки сил в Орде против Улу-Мухаммеда выступил один из сыновей Тохтамыша, Сеид-Ахмед. Сферы влияния обоих «царей» были различными. Если Сеид-Ахмед захватил на время Крым, а потом обосновался на Днепре, то Улу-Мухаммед кочевал в приволжских степях. Очевидно, именно люди Сеид-Ахмеда в конце 30-х годов больше других ордынцев «потрошили» русские окраины и «украинные села поимаша»⁴⁶. Наверное, именно они не только приходили на Рязань в 1437 г., но и в 1437/38 г. «воеваша Рязань и много зла учиниша»⁴⁷. Осенью 1437 г., потерпев поражение от Сеид-Ахмеда, Улу-Мухаммед с небольшими силами («царю в мале тогда сущу») пришел в район города Белева («седе во граде Белеве, убежав от иного царя»). Он поставил там городок и решил в нем зимовать («от хврас-тия себе исплеть и снегом посыпа и водою поли и смерзеса крепко») ⁴⁸.

Белев располагался в верховьях Оки среди других княжеств, находившихся в вассальных отношениях с Литвой. Однако белевские князья стремились сохранить и свои старинные связи с Москвою, рассчитывая найти в ней поддержку против набегов ордынцев и усиливавшегося нажима литовских великих князей⁴⁹. Для Москвы положение дел в районе Белева не было безразличным еще и в силу важности его как в стратегическом отношении (Белев прикрывал русские границы на юге), так и в экономическом (Ока была важнейшей торговой артерией). Поэтому, узнав о намерении Улу-Мухаммеда обосноваться в районе Белева, Василий II поспешил сорвать эти планы. Отправив свою войска в поход против сильно потрепанного в схватках с Сеид-Ахмедом ордынского царя, он учитывал также прямые интересы белевских княжат, а возможно, и их просьбу. Во главе войск поставлены были князья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. С ними великий князь послал и «прочих князей множество, с ними же многочислении полки»⁵⁰. Братья не преминули по дороге заняться грабежом («все пограбиша у своего же православного христьянства и мучаху людей из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху, а ни с чем же не розондяхуса, все грабаху, и неподобная и скверная деяху») ⁵¹.

Немногочисленные ордынские полки в поле под Белевом были разбиты и отброшены в город. Однако закрепить этот успех не удалось. Ворвавшиеся в Белев вое-

⁴¹ ПЛ. Вып. 2, с. 132.

⁴² L. Kolankowski. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. 1377—1499. Warszawa. 1930, s. 206—207.

⁴³ ДДГ, № 37, с. 106.

⁴⁴ НПЛ, с. 419.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 12. СПб. 1901, с. 23.

⁴⁷ Там же, с. 25—26.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. СПб. 1853, с. 150; т. 26, с. 192. Ср. ПСРЛ. Т. 12, с. 63.

⁴⁹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М. 1892, с. 49.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 26, с. 192.

⁵¹ Там же, с. 192—193.

воды Петр Кузьминский и Семен Волянец погибли. Наутро ордынцы «убоявся князей русских, и нача ся давати им въ всю волю их, и в закладе дети своя давати и что где взяли и не в великого князя отчине полону, то все отдавали, и по тот день не чинити им пакости»⁵². Переговоры вели царский зять Ельбердей и князя Усеин Сараев и Сеунь-хозя, а с русской стороны В. И. Собакин и А. Ф. Голтяев⁵³. Воеводы отвергли предложения Улу-Мухаммеда. Полагаясь на численное превосходство своих войск («видевъше своих многое множество, а сих худое недостаточьство»), они решили окончательно добить ордынцев. 5 декабря 1437 г. началось новое сражение. Однако его конец был совсем не таким, на который рассчитывали воеводы. Летописец с горечью сообщает: «малое и худое оно безможных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, неправедне ходящим, преже своих губящих»⁵⁴.

Рассказывали, что в разгроме русских войск повинен был мценский воевода Григорий Протасьев. Глубоко вдвинутый в степь верховский город Мценск на р. Зуше терпел большие неприятности от ордынцев. Поэтому он предпочитал иметь с ними мир⁵⁵. В 1437 г. Протасьев якобы «сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеж их мир сотворити». Русские воеводы склонились было к его доводам. А тем временем он перешел на сторону врага и послал своего человека к царю, подбивая его выступить против русских. Воспользовавшись мглою, ордынцы незаметно вышли наутро из острога и ударили на русские полки⁵⁶. Позднее, в 1439 г., за измену Василий II у Протасьева «очи вымал»⁵⁷.

С отходом Улу-Мухаммеда из-под Белева после сражения 5 декабря 1437 г. обычно связывается основание им Казанского ханства⁵⁸.

* * *

Тем временем на Руси происходили события, имевшие большое значение для хода дальнейшего противоборства Москвы с Галичем. В первую очередь речь идет об усилении ордынской опасности. Именно она, как думал Л. В. Черепнин, побудила Василия II «искать союза с Тверью»⁵⁹. Великий князь московский после белевского погрома 1437 г. совместно с двумя Дмитриями Юрьевичами заключил докончание с великим князем тверским Борисом. Договор предусматривал взаимную помощь на случай, если «пойдет царь ратию или рать татарская». Борис Александрович настоял, чтобы договор содержал особый пункт, гарантирующий его права на Тверь и Кашин: «Имут нас сваживати татарове, а имут вам давати... великое княжение, Тверь и Кашин», то Василий II и его союзники на это не должны соглашаться. В свою очередь, Василий добился того, чтобы Борис разорвал сепаратное докончание с Сигизмундом («целование сложити, без перевода») на том основании, что он с Василием II — «один человек», и договариваться с Литвою они должны совместно⁶⁰.

Окрыленный успехом «Белевщины», Улу-Мухаммед 3 июля 1439 г. «безвестно»

⁵² ПСРЛ. Т. 23, с. 149.

⁵³ ПСРЛ. Т. 26, с. 193.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 23, с. 149; т. 4, с. 454. «Белевщину» помнили на Руси старожилы несколько десятилетий (АСЭИ. Т. 1, № 282, с. 202; № 340, с. 246; т. 2. М. 1958, № 92, с. 56; № 411, с. 434).

⁵⁵ Еще до 16 марта 1436 г. Протасьев оставался верным Свидригайлу. По рассказу жития Даниила Переславского Протасьев «властествовал» во Мценске, но потом «повелением же великаго князя переселися оттуду в царствующий град Москву, с ним же придоша множество людей», в том числе отец Даниила Переславского (ПСРЛ. Т. 21, вторая половина. СПб. 1913, с. 615). Это произошло, видимо, около 1438 года.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 6, с. 150; УЛС, с. 78; Казанская история. М.-Л. 1954, с. 51—52.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 23, с. 150.

⁵⁸ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб. 1905, с. 242—252; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой орды. Саранск. 1960, с. 246; ср. А. Г. Мухамедиев. Два клада татарских монет XV в. — Советская археология, 1966, № 2, с. 273; его же. Булгарско-татарская денежно-весовая система XIII—XV вв. Казань. 1969, с. 23.

⁵⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.-Л. 1948, с. 124.

⁶⁰ ДДГ, № 37, с. 105—107.

появился «с многими силами» под стенами Москвы⁶¹. Не успев подготовить надежную оборону столицы, Василий II покинул ее, направившись за Волгу. Руководство обороной Москвы было возложено на Юрия Патрикеевича, который, очевидно, был тогда московским наместником. Простояв под Москвою 10 дней, ордынский царь покинул ее окрестности, по пути захватив большой полон. На обратном пути он «достал Коломны пожег и людей множество плени, а иных изсекл»⁶². Дошел во время этого похода Улу-Мухаммед и до границ с Тверью («до самого рубежа Тверского») ⁶³. После отхода Улу-Мухаммеда Василий II, «совокупяся с братьею в Переславли», вместо себя временно посадил в Москве князя Дмитрия Красного, а «сам поживе в Переславли и в Ростове до зимы, бе бо посадки (в Москве.— А. З.) пождьжены от татар и люди посечены и смрад велик от них»⁶⁴. Во время набега Улу-Мухаммеда на Москву Дмитрий Шемяка подмоги великому князю не послал⁶⁵.

К началу 40-х годов произошли изменения в составе княжат «гнезда Калиты». Осенью 1437 г. у Василия II родился сын Юрий Большой⁶⁶, но зимою 1440 г. он уже умер⁶⁷. 22 января 1440 г. у великого князя родился второй сын, Иван (будущий Иван III)⁶⁸, а ровно через год — третий сын, Юрий⁶⁹. 22 сентября 1440 г. после длительной болезни умер князь Дмитрий Красный⁷⁰.

Постепенно усиливался контроль великокняжеской власти над деятельностью удельной администрации. 28 июня 1440 г. на dokonчаниях Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным была сделана приписка о «сместном» суде. Отныне в спорных случаях, когда судья великого князя и судья удельного не придут к одному решению, дела должен был решать третейский судья. Истец называет трех кандидатов в судьи: двух великокняжеских бояр и одного удельнокняжеского, а ответчик из их числа называет третейского. Если судью не изберут, то дело передается великому князю. Если же ответчик будет упорствовать при избрании судьи и в присутствии великого князя, то он признается проигравшим процесс со всеми вытекающими из этого последствиями⁷¹...

Подчинив Новгород своему влиянию, Василий II снова попытался привести к покорности Дмитрия Шемяку. Осенью 1441 г. великий князь «роскынул» мир («взъверже нелюбие») с ним и пошел на Углич⁷². О причинах, вызвавших этот поход, летописи ничего не сообщают. Еще в 1439 г. Шемяка не послал свои полки для отпора Улу-Мухаммеду. Возможно, Василий II расценил это как нарушение договорных обязательств и решил покарать ослушника. Может быть, этот случай был только поводом, а не причиной похода. Василию II чуть не удалось захватить Шемяку в Угличе. Очевидно, поход великого князя был для того неожиданностью. Однако князя Дмитрия предупредил о грозящей ему опасности дьяк Кулудар Ирежский⁷³. За эту дерзость он был лишен дьяческого звания. Василий II велел его «кнутием бити, по станом вода».

Дмитрий Шемяка бежал в Бежецкий верх, где «много волостем пакости учини». После смерти младшего брата Дмитрия Красного Шемяка считал Бежецкий верх своей вотчиною, несмотря на то, что ее захватил Василий II. Отсюда Шемяка направил послов в Новгород с просьбой принять его к себе на княжение («чтобы есте мене прияле

⁶¹ ПСРЛ. Т. 26, с. 193; т. 4, с. 454; т. 27, с. 346; т. 23, с. 150; т. 24, с. 183.

⁶² ПСРЛ. Т. 26, с. 193.

⁶³ ПСРЛ. Т. 15, стб. 491.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 23, с. 150.

⁶⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). Т. I. СПб. 1841, № 40, с. 76.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 26, с. 192.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 6, с. 170; т. 12, с. 39.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 26, с. 194.

⁶⁹ Там же, с. 196.

⁷⁰ Там же, с. 194.

⁷¹ ДДГ. № 34, с. 89; № 35, с. 100. Приписка вошла в текст dokonчания с Дмитрием Шемякой 1442 г. (№ 38, с. 109).

⁷² ПСРЛ. Т. 12, с. 42; т. 23, с. 150. В московских сводах 70-х годов XV в. о войне с Шемякой, которую Василий II начал по своей инициативе, умалчивалось.

⁷³ Иван Кулудар происходил из среды угличских землевладельцев (АСЭИ. Т. I, № 229, с. 163), чем и объяснялась его позиция во время конфликта Василия II с Дмитрием Шемякой. Позднее он снова получил дьяческое звание и в 1448 г. служил князю Ивану Андреевичу (ДДГ, № 51, с. 155).

по своей воле»). Новгородцы ответили уклончиво: «Хощь, княже, и ты к нам поеди; а не въсхощь, ино как тебе любо»⁷⁴. Скорее всего князь Дмитрий в Новгород так и не приехал. Но у него появился новый союзник, с которым он продолжил борьбу против Василия II. Им был Можайский князь Иван Андреевич. Уже в 1442 г. он и Шемяка находились в «одиначестве... на Угличах». Но Василию II удалось переманить Можайского князя на свою сторону. Ценой была уступка князю Ивану Суздаля, отобранного у кн. А. В. Чарторийского за переход на сторону Шемяки. Это не остановило кн. Дмитрия. Вместе с кн. Александром Чарторийским они выступили в поход против Василия Васильевича и дошли до Троицкого монастыря. Здесь их примирил с великим князем троцкий игумен Зиновий, «доброхот» Василия II⁷⁵.

По dokonчанию Василия II с Дмитрием Шемякой, составленному до 31 августа 1442 г., Дмитрий Юрьевич признавал переход владений Василия Косого (Дмитрова, Звенигорода и Вятки) к Василию II, но сохранял за собою Галич, Рузу и Вышгород, а также удел князя Константина Дмитриевича (Углич и Ржеву). Договор содержал обязательство Шемяки впредь ходить в походы совместно с великим князем («где всяду на конь», — писал великий князь) или присылать своих воевод по его распоряжению. Запрещались Шемяке самостоятельные сношения с Ордой. В договор вошла также клаузула о совместном суде⁷⁶. В dokonчании упоминалось, что, еще будучи «в целовании» (т. е. в период мирных отношений) с Василием II, Шемяка «не додал... в выходы серебро и в ордынские проторы». Эти проторы и деньги в ордынский выход он должен был вернуть великому князю. Говорилось также о посылке Василием II «киличев» к Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмеду. Борясь с Улу-Мухаммедом, великий князь пытался наладить связи с его противниками в Поле.

Но ордынцы продолжали свои опустошительные набеги. В 1441/42 г. они приходили на рязанские уkraine и «много зла сотвориша»⁷⁷. Осенью 1443 г. пожар пожег все Поле, а тут еще наступила «зима люта» — «снези велици и ветри и вихри силни». Это тяжело отразилось на ордынских кочевьях. Зимой царевич Мустафа пошел ратью на Рязань и «повоева власти и села Рязанския и много зла Рязани учинил». После того он «с полонем многим» отошел и «ста на Поле». Отсюда он послал своих людей в Рязань, «продая» рязанцам пленников. Рязанцы их выкупили. Тогда Мустафа снова пришел в Рязань (Переяславль Рязанский). На этот раз «на миру, хотя зимовати в Рязани; бе бо ему супротивно на Поли» из-за сильных морозов («нужи ради великия») ⁷⁸. Когда о приходе ордынцев и желании их зимовать в Рязанской земле узнал Василий II, он послал против них свой «двор» во главе с кн. В. И. Оболенским и А. Ф. Голтыевым⁷⁹. В Никоновской летописи добавлено, что великий князь отправил в поход также «мордву на ртах» (лыжах)⁸⁰. Прослышав о движении великокняжеской рати, рязанцы предусмотрительно постарались избавиться от непрошеного гостя, который в то время находился в Переяславле Рязанском.

Бой произошел на р. Листани, ниже Рязани, южнее Ольгова монастыря. «Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и безконни быша и от великого мраза и студени великия и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велики зело». На них напала мордва с сулицами, рогатинами и саблями, а также «казаки рязанския» (первое упоминание в летописях о казаках). В сражении приняли участие и воеводы Василия II и «пешаа рать многа собрана на них с ослопы и с топоры и с рогатинами». Бой был ожесточенный — «татарове же никакоже давахуся в руки (в плен. — А. З.), но резашася крепко». В конце концов победили объединенные русские полки и мордва. Много ордынцев погибло, среди них царевич Мустафа, князь Ахмут-мурза и князь Азбердей Мишинов⁸¹. Убит был и русский полководец Коломенский намест-

⁷⁴ НПЛ, с. 422; ПСРЛ. Т. 4, с. 437.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 23, с. 151; т. 5, с. 267. Зиновий крестил сыновей Василия II Ивана и Юрия.

⁷⁶ ДДГ, № 38, с. 107—117.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 12, с. 42.

⁷⁸ Там же, с. 61.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 26, с. 196; т. 18. СПб. 1913, с. 192 (под 1442/43 г.). Г. Вернадский считал, что набег предприняли ордынцы Кучук-Мухаммеда (G. Vernadsky. The Mongols and Russia. Jale. 1953, p. 316).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 12, с. 61.

⁸¹ Там же, с. 62; т. 26, с. 196.

ник Василий (по Никоновской летописи — Илья) Иванович Лыков. Во время сражения «мужествова» Ф. В. Басенок, впервые тогда появляющийся на страницах летописи⁸².

В том же 1442/43 г. на Беспуте (приток Оки восточнее Серпухова) стоял царь Махмет (Кичи-Мухаммед). Против него «со всею братьею» ходил Василий II, «да воротился, а он поиде прочь»⁸³. 1442—1443 гг. вообще были тяжелыми для Руси. В Пскове был великий «мор до Дмитриева дня» 1443 года⁸⁴. Рожь в 1442 г. была дорога в Ростове⁸⁵. В 1442/43 г. была меженина и в Твери. «Зима была студена, а сено дорого, а во Тфери меженина»⁸⁶. В Можайске князь Иван Андреевич сжег «хлебника-мужика», которого обвиняли в людоедстве, и его жену. Впрочем, этот жестокий князь «безлепъ» сжег и жену своего боярина Андрея Дмитриевича, отца будущего фаворита Ивана III Григория Мамона⁸⁷.

* * *

Успех в ходе борьбы за великое княжение между Василием II и Юрием Дмитриевичем и его сыновьями на первом этапе (1425—1446 гг.) склонялся в пользу то одной, то другой стороны и скорее был благосклонен к галицким князьям. В 1434 г. в распахнутые ворота Москвы триумфально въезжает князь Юрий. Казалось, наступил конец кратковременной зямтне. Но прошло всего несколько месяцев, и Юрий Дмитриевич умирает. Власть переходит к его старшему сыну Василию Косому. Однако не проходит и месяца, как он бежит из Москвы, и именно родные братья наносят ему первый удар. В 1436 г. он терпит окончательное поражение и устанавливается длительное замирение между его братом Дмитрием Шемякой и вернувшимся в Москву Василием II. Оно нарушается лишь на короткий срок, в 1441—1442 годах. Затем в 1445 г. в ордынский полон попадает Василий II, и великим князем, наконец, становится Дмитрий Шемяка. Ордынский царь склоняется к тому, чтобы выдать именно ему ярлык на великое княжение. Однако его посол Бегич так медленно возвращался в Орду, что там подумали, будто он убит Шемякой, и отпустили как своего ставленника Василия II. Последний раз фортуна улыбнулась князю Дмитрию Юрьевичу в начале 1446 года. Народ с возмущением осуждает великого князя, наведшего на Русь ордынцев. Шемяке удается вместе с Борисом Тверским и Иваном Можайским составить триумвират, захватить Москву и ослепить Василия II. Но кульминация успехов Шемяки оказывается его пирровой победой. Тот же народ в ужасе отворачивается от совершенного злодеяния. Начинается второй этап зямтне, приведший князя Дмитрия Юрьевича к гибели.

На первом этапе борьба шла прежде всего за обладание Волгой и приволжскими районами. Ключом к ней был Нижний Новгород, куда в 1425 и 1430 гг. бежал князь Юрий. Суздальско-нижегородские князья в 30—40-х годах XV в. раскололись: старшая их ветвь поддерживала Василия II (князь Александр Брюхатый был женат на его сестре), а младшая стала на сторону Дмитрия Шемяки. Закрепиться в Нижнем галицким князьям не удалось. Одной из причин того было усилившееся в этом районе к середине 40-х годов XV в. ордынское влияние. Улу-Мухаммед косо смотрел на Юрия Дмитриевича как на наследника Дмитрия Донского. В 30-е годы XV в. борьба шла как бы за промежуточную полосу между землями, на которые опирался Василий II, и землями, входившими в сферу влияния Юрия Дмитриевича и его сыновей. Так, решающие битвы между князьями происходили в 1435 г. на р. Куси (на востоке Костромского края) и на р. Могзе (на севере Ростовской земли). В 1435 г. войска враждующих сторон сошлись в битве на Которосли (на Ярославщине) и под Вологдой. Наконец, в 1436 г. после сражения под Вологдой Василий Косой был разбит в Скорятине (Ростовская земля). В этих районах соотношение сил было примерно равным. Так, в Ярославщине старшие князья (Иван Васильевич, Роман Иванович, а также Александр Фе-

⁸² ПСРЛ. Т. 23, с. 151.

⁸³ Там же, с. 151.

⁸⁴ ПЛ. Вып. 1. М.-Л. 1941, с. 46.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 24, с. 183.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 23, с. 151; ср. т. 15, стб. 491.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 23, с. 151.

дорович) поддерживали Василия II, а младшая ветвь — Шемяку (на сестре Федора Дмитриевича Заозерского он женился в 1436 г.). Кострома склонна была поддержать любого из князей, который выступил бы против Москвы.

Общую картину расстановки сил в конце 1446 г., когда Шемяка и Иван Андреевич уже бежали из-под Волоколамска, нарисовал новгородский летописец: эти князья, по его словам, выехали «за Волгу в Галич и на Кострому и на Вологду и стоаху противу себе о реце о Волге»⁸⁸. Второй этап смуты ознаменован борьбой за эти заволжские районы и падением опорных центров владений Шемяки. В начале 1447 г. пал Углич, в 1450 г. войска Василия II нанесли решающее поражение Дмитрию Шемяке под Галичем, а в конце 1451 г. взяли Устюг. Народ устал от братоубийственных войн. Он жаждал мира и покоя.

Если посмотреть на Русь середины XV в. как бы с общероссийского спутника, то картина соотношения сил будет следующей. Многочисленные государственные образования представляли три тенденции, или силы поступательного развития. Первая из них — Новгород и Тверь, которые богатели на транзитной торговле с Западом и Востоком. Как в торговле, так и в политике они балансировали между другими странами и землями. Вторую силу составлял Север и отчасти Поволжье, точнее: Галич, Вятка, Углич и Устюг. Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными. Кто знает, кого там жило больше — русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. Галичане в «сермягах» («в овчих шерстьех»)⁸⁹ составляли основную силу князя Юрия. Почти вся галицкая «пешая рать» была избита в сражении под стенами Галича в 1450 г., первой столицы владений Шемяки⁹⁰. А уже летом того же года рать Шемяки в «насадех», пришедшая с Двины, была с воодушевлением принята в Устюге. Вятчане, эти полуохотники, добытчики пушнины, которой торговали новгородцы с заморскими купцами, были душою побед галицких князей и на Руси в 1433 г., и в Ростовской земле в 1434 г., и успехов Косого в 1435 г., а их воеводы разделили с ним печальную участь в 1436 г., казненные по указу московских властей.

В борьбе Василия II с галицкими князьями, во всяком случае на первом этапе, т. е. до конца 1446 г., горожане Северо-Восточной Руси поддерживали князя Юрия и его сыновей. Это можно сказать не только о северных городах, находившихся в сфере влияния Галича, но и о посадских людях, во всяком случае о гостях и суконниках Москвы⁹¹. Нет ни одного сведения, которое говорило бы в то время о благожелательном отношении горожан (посадских людей) к Василию II⁹². Тому были вполне зримые причины. Галицкие князья кровно были заинтересованы в торговле со странами Запада и Востока, в решительной борьбе с ордынцами, грабившими русские посады и торговые караваны, налагавшими тяжелые «выходы», которые платили все те же посадские люди. В то же время военно-служилая рать Москвы также была не прочь поживиться за счет городских богатеев.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 4, с. 444.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 26, с. 184.

⁹⁰ Там же, с. 209.

⁹¹ Собрав наспех московских «гостей и прочих», Василий II проиграл решительную битву с князем Юрием в 1433 г. (ПСРЛ. Т. 26, с. 189). Гости и суконники ссудили князю Юрию 600 руб. (ДДГ, № 30, с. 77). В июне 1436 г. Василий II писал, что с Василием Косым «гости суконники вскоромолили на меня... да выпли с Москвы во Тферь в наше розмирие» (ДДГ, № 36, с. 102). В феврале 1446 г. «мнози же от москвич», в том числе гости, принимали участие в заговоре Шемяки против Василия II (ПСРЛ. Т. 26, с. 200).

⁹² Л. В. Черепнин предполагал, что к Василию II могли относиться благосклонно жители Коломны и Муром (Л. В. Черепнин. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства. В кн.: Города феодальной России. М. 1966, с. 113). Он писал, что сторонники Василия II, стекаясь в Коломну, «очевидно... находили там благоприятную обстановку и в посадской среде» (с. 113). Но ведь коломняичи не пустили в город Ф. В. Басенка, который ограничился тем, что «пограбил» посад (ПСРЛ. Т. 23, с. 153). Позицию же наместников Муром отожествлять с настроениями горожан (см. Л. В. Черепнин. К вопросу... с. 116) не представляется возможным.

Москва была магнитом для жаждавших славы и величия галицких князей. Великий их дед, князь Дмитрий Иванович оставался для них все время образцом для подражания. Завещанная им цель — объединение всего «гнезда Калиты» вокруг знамени борьбы с иноземным врагом с Востока — была священной для его потомков, а Москва — тем средоточием надежд, которым надлежало сбыться. Но как много воды утекло со дня Куликовской битвы! Корни могущества Юрия Дмитриевича и его клана уходили в совсем иную питательную среду, чем та, что взрастила их великого предка. Уже с конца 80-х годов XIV в. Юрий, Константин, Андрей и Петр Дмитриевичи и их родичи срослись с землями, отличавшимися по строю их жизни от московской. Звенигород и Можайск, Углич и Галич, Устюг и Вятка к середине 20-х годов XV в. сделали большой скачок в будущее. А виднейший из лидеров этого клана князей Юрий по-прежнему был обуреваем навязчивой идеей «В Москву!», хотя каждый раз при столкновении с реальной действительностью понимал ее утопичность. И все равно князь Юрий готов был поступиться всем тем, чего ему удалось достичь за десятилетия упорного труда. И вот он с необычайной легкостью (а потом и его старшие сыновья) бросает все ради Москвы. Но представления о власти и дела самовластных деспотов удельных княжеств, опиравшихся на аморфную массу солеваров, гостей, вольных крестьян, ушкуйников, оттолкнули от себя московскую знать, привыкшую к собственному самовластию.

Оторвавшись от местной среды, галицкие князья в московском служилом люде, «боярстве», встретили только чувство злобы. Неуютно было князю Юрию, Василию Косому и Дмитрию Шемяке в стольной Москве, с которой ничего не могли сделать галицкие пушки. Массовое бегство ко двору Василия II, как в первые годы его правления, так и особенно к ослепленному главе удела на Вологде, показало необходимость новых решений. Их уже осторожно нащупывал князь Юрий, «добровольно» покидавший Москву ради Галича. И только Дмитрий Шемяка довел до конца намеченное решение. Оставив Москву, он приступил к созданию самостоятельного государства на севере, в которое входили Устюг, Галич, Вятка. Может быть, в планы Шемяки входило и соединение с Великим Новгородом более прочное, чем того хотелось бы новгородцам. Но время было упущено. Его московский противник сумел уже создать боеспособное и послушное войнство, воеводы которого нанесли решительный удар по своему лютому врагу...

Третью силу представлял хлебородный центр России. Его средоточию — Москве суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси. Ключ к пониманию причин этого лежит в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (двора). Уже к концу XIV в. основные территории Московского княжества в пределах Москвы, Коломны, Дмитрова и Можайска, насколько позволял тогдашний уровень сельскохозяйственной техники, были освоены. Земли Подмоскovie захватывали сподвижники Калиты, в их числе бежавшие под его покровительство выходцы из других земель. Окружение великого князя росло за счет потомков все тех же бояр, которые служили его предкам в XIV веке⁹³. Земель вокруг Москвы не хватало. Бояре и дети боярские, обнищавшие князья-изгой и дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все с тем, чтобы получить землю, а еще лучше — варницу, за участие в походах великого князя против его недругов.

Начало колонизации новых районов связало с основанием Троицкого монастыря в конце XIV в. и таких его филиалов, как Симонов и Кириллов. Под монашеской расой скрывались нередко родичи все тех же бояр и детей боярских, не имевшие других возможностей для применения своих сил, кроме освоения еще не вырубленных лесных массивов. Тесная корпоративная связь была характерной чертой московского боярства, в котором каждый находился в свойстве с каждым, а наиболее знатные — Патрикеевы, Протасьевичи, Всеволожские могли похвастать и родством с великокняжеским домом.

Основой военного могущества Москвы стал государев двор с его тремя составными частями: служилыми князьями, боярами и детьми боярскими. Роль двора резко выросла после возвращения Василия II из татарского плена осенью 1445 года. В Пе-

⁹³ Подробнее см. С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969.

реславле его встречали «все князи и бояре его и дети боярские и множество двора его ото всех градов»⁹⁴. Суть перестройки двора, происшедшей в ходе событий 1446 г., сводилась к сложению военной корпорации служилых людей, выделившейся из старого двора, ставшего «дворцом», как военно-хозяйственной организации. «Остава грады и дома»⁹⁵, служилые князья, бояре и дети боярские создали ядро войска, для которого война стала делом всей жизни.

Новый двор фактически возглавил талантливый полководец Федор Васильевич Басенок, происходивший скорее всего из неименитой служилой среды. Все упоминания о дворе в 1446, 1449, 1452, 1455 гг. связаны с Ф. В. Басенком, организатором решающих побед сторонников Василия II над Дмитрием Шемякой и его союзниками под Новгородом в 1456 году. Составитель Ермолинской летописи пишет о нем как об «удалом воеводе»⁹⁶. «Мужествовал» он еще в 1443 году⁹⁷. Время Шемякиной смуты было раздольем для «удалых воевод». «Удалый» Григорий Горсткий, новгородский боярин на великокняжеской службе, погиб в 1450 г. под Галичем⁹⁸. «Храбрый человек» Юшка Драница сложил свою голову в битве за Углич в 1447 году⁹⁹. Много «удалых людей» — новгородцев и заволочан было побито югрою¹⁰⁰.

Города тогда брались «изгоном», а «многие люди от двора» охотно приставали к мужественным военачальникам. Тогда, казалось, возможно было совершать невероятное и даже «выкрасть» из полона великого князя¹⁰¹, а с отрядом в 90—100 человек захватить столицу великого княжества¹⁰². В один и тот же год боярин или гость мог и выступить против великого князя как ставленника ордынцев, и сделаться его надежным союзником, когда он оказывался беспомощным слепцом. Ослепляли не только князей. Гибли наиболее талантливые полководцы и государственные деятели. Ослеплен был Ф. В. Басенок. Та же участь постигла виднейшего боярина И. Д. Всеволожского, вывезшего Василию II из Орды ярлык на великое княжение и испытавшего на себе силу лжи и зависти со стороны «смирненных» бояр. Побеждала монолитная масса служилых людей, каждый из которых был копией другого.

Бурный рост городов в уделах, на западных и северных окраинах происходил в обстановке упадка жизни городов центра, не считая самой Москвы. Владимир, Переяславль, Ростов, Суздаль постепенно превращаются в обычные провинциальные центры, забытые дворами княжат, бояр и детей боярских с их военной и ремесленной челядью, наполненные храмами и монастырскими подворьями. Нечем было дышать в них свободному умельцу-ремесленнику. По мере роста земледелия города в Центре аграризируются. В упадок приходили и старинные города, центры бывших княжений. В XV в. перестали быть городами Оболенск и Стародуб Рязановский. Князья Стародубские и Рязановские стали профессионалами-военачальниками и администраторами. Они подолгу не бывали в своих родных краях. Все их помыслы и заботы связывались с двором великого князя и его службой, приносившей им и славу, и деньги, и новые земли. Тем временем их старинные владения пустели.

Пути, приведшие Москву к победе, не только вырубались мечом. Они были куда более замысловатыми. Наряду с уезженными дорогами, реками и речушками к ней вели и лесные тропочки. Топор крестьянина и монаха в непроходимых чащобах вместе с деревянной сохой создавал хлеб насущный, достигая того, чего не могло достичь оружие воина. Детище Сергия Радонежского и митрополита Алексея — общежительный монастырь выходил за городские стены в неведомые земли и становился мощной организацией, которая должна была существовать уже не столько на «ругу» (денежное вспомоществование властей) и подачки вкладчиков, сколько плодами труда иноков. Забота о мирской жизни начинала занимать в их делах и днях не меньшее место, чем молитвенное безмолвие в храмах и в лесных скитах.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 26, с. 199.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 23, с. 153.

⁹⁶ Там же, с. 155.

⁹⁷ Там же, с. 151.

⁹⁸ Там же, с. 154.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 26, с. 207.

¹⁰⁰ НПЛ, с. 435.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 23, с. 152.

¹⁰² «Инока Фомы слово похвальное...». Сообщение Н. П. Лихачева. СПб. 1909, с. 45.

Опираясь на благосклонное внимание властей, монахи создавали очаги благополучия, не забывая о благодарности к своим высоким покровителям. Защищенные частотами заборов и стенами каменных соборов, княжескими иммунитетами и благоговением перед святостью, монастыри становились магнитом для обездоленных и обиженных судьбой, мечтавших о царстве божием на Земле или хотя бы о забвении постигших их горестей. Галицкие князья и их разнородное воинство были для московских монастырей злейшими врагами, когда они не занимали великокняжеского престола. В солеварях и других мытарях они видели своих соперников по торговле, в черносотенных крестьянах — ненужных насельников необходимых им земель, в инородцах — «поганных», из которых надо было выбить их языческий дух. Провозгласив богоугодным делом труд хлебороба («в поте лица своего»), пастырь благословлял на ратный подвиг и война. Убийство и грабеж освящались его молитвой, если речь шла об истреблении «поганных» (как вятчане или удмурты на Кокшенге) или «клятвопреступленников» — братьев в Угличе, Галиче, Устюге.

Только «всем миром» можно было устоять и победить в тяжелой борьбе с многочисленными и благополучно существующими противниками. Поэтому московские князья стремились действовать не в одиночку, а в содружестве со своими ближними и дальними родичами. Все они происходили из «гнезда Калиты». Так, по словам автора Задонщины, называл русских князей, участников Куликовской битвы Дмитрий Донской («Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича») ¹⁰³. В клане Калиты были все «братьями», но брат брату рознь. Глава клана, великий князь, считался «старшим», остальные — «младшими». «Младшие братья» скорее напоминали вассалов, чем родичей, хотя традиция («старина») диктовала особые нормы отношений с ними великих князей, которые те преступить до поры до времени не могли. Позиции в уделах у большинства «братьев» не были прочными. Их дворы состояли из отпрысков московской знати времен Ивана Даниловича: старший из бояр служил старшему из князей «гнезда Калиты», его брат — следующему по старшинству из князей этого рода. Люди и земли делились по одному принципу.

Боярам из московских родов доставались наиболее щедрые пожалования земель в уделах и должностей при дворах. Это вызывало негодование местных владельцев, готовых поддержать Москву с тем, чтобы с помощью великокняжеской власти положить конец засилью «иноземельцев». Не была надежной опорой удельного князя и сама придворная знать, родичи которой в случае каких-либо передраг могли помочь ей найти местечко под солнцем, то есть в самой столице. Акции против галичан задумывались и проводились как общее дело потомков Калиты, всех «братьев». Позднее оказалось, что «младшие», когда надобность в них пропадала, подвергались уничтожению. Их место занимали дети и внуки московских государей. Традиция и реальные условия не позволяли великим князьям отказаться от «содружества» родичей как условия единения Руси. Но все уже становился их круг.

Решительным противником Шемяки стала высшая церковная иерархия. Иона утвердился на митрополичьем престоле лишь с помощью великого князя, без санкции разгневанного непослушанием константинопольского патриарха. Споры в Царьграде относительно унии и приближавшийся конец Византийской империи не позволили последнему предпринять какие-либо санкции против Москвы. Судьба благоприятствовала Ионе. Ведь именно он, нарушив крестное целование, выдал Шемяке детей Василия II за обещание поставить его на митрополию. В смутном 1446 г. Иона в припадке откровения говорил Дмитрию Юрьевичу (как-никак, тогда он был великим князем): «Меня еси ввел в грех и в сором... нынче яз во всеи лжи» ¹⁰⁴. Василий Темный не прощал куда меньшей «шатости», чем прямая измена Ионы в 1446 году. Дамоклов меч повис над «нареченным на митрополию» рязанским епископом. Не только право на духовную власть, но и на жизнь ему надо было еще заслужить. У всех в памяти была судьба митрополита киевского и всея Руси Герасима, которого Свидригайло сжег в Смоленске за попытку завести какие-то сношения с его противниками. И Иона стал служить верою и правдою Василию II. Сильные мира сего любят сторонников с сомнительной репутацией: те всегда стараются быть преданными.

¹⁰³ Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.-Л. 1966, с. 549.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 26, с. 204.

Церковь была сильнейшим орудием Москвы. Вся иерархия была промосковской, кроме новгородского архиепископа и тверского епископа, старавшихся держаться независимо. Все остальные иерархи были послушны великокняжеской власти. Коломенский епископ стал не только правой рукой митрополита, но и держал в своем подчинении Можайскую паству. Пермский епископ Нитирим был особенно воинствующим. Он «огнем и мечом» крестил инородцев Севера, за что и был убит вогулами. Ростовский архиепископ Ефрем находился всецело под влиянием Москвы. Власть его распространялась также на белозерские, ярославские земли и владения Шемяки¹⁰⁵. Суздальский епископ Авраамий старался долго и усердно доказать свое правоверие. Ведь он подписал Флорентийскую унию. Таково было руководство церковью. Галицких князей иерархи поддерживали только тогда, когда в их руках была реальная власть. Как только их положение пошатнулось, иерархи сразу же единодушно выступили против них.

Если не говорить о «перелетах» типа Добрыньских, Старкова и им подобных, которых всегда хватает в стане победителей, Галичу в московском центре сочувствовали только торговые люди. Военно-служилая масса была самым решительным и грозным противником галицких князей. Спаянные единством целей, княжата, бояре и дети боярские мало чем отличались от своих восточных соседей и от воинственных литовцев, поработивших богатые города Украины и Белоруссии. Свои богатства они создавали путем захвата, полона, продажи своих же соотечественников в рабство на восточных рынках. Их окружала свита, состоявшая из холопов, а трудом их «людей» возделывались небольшие участки пашни, полученные боярами и детьми боярскими от их высоких покровителей. Только сильная и воинственная власть могла обеспечить служилым людям и землю, необходимую для того, чтобы с нее получить хлеб насущный, и челядь, которая должна была ее обрабатывать и пополнять кадры военных и административных слуг, и деньги, которые можно было тратить на заморские вина и ткани и отечественное вооружение. Но землю можно было захватить только у соседа, деньги отнять у него же, а в холопа обратить того же соседа...

Итак, слепой Василий II вернул свой престол. Его противники повергнуты были во прах. Единство земель вокруг Москвы было восстановлено. Какой же ценою? «Гнездо Калиты» было ликвидировано. Только свояк великого князя Михаил Андреевич сохранил удел на Белоозере. Остальные или умерли (князь Юрий Дмитриевич и ослепленный Василий Косой), или были в «нятстве» (Василий Ярославич), или погибли (Дмитрий Шемяка), или оказались за рубежом (Иван Андреевич, Иван Дмитриевич Шемячич и сын Василия Ярославича Иван). На смену «гнезду Калиты» пришла семья великого князя. Появилось и столь редкое в предшествующее время средство борьбы с непослушниками, как массовые казни. Заключительным аккордом правления Василия II стали устрашающие московские казни дворян, пытавшихся освободить серпуховского князя. Великий князь уже болел смертной болезнью, когда слышал стоны гибнущих непослушников, которых он повелел «казнить, бити и мучити и конми волочити по всему граду». А в народе (единодушно бояре, купцы и простолюдины) в ужасе говорили: «Николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечной сущю, и такими казньми казнить и кровь проливати во святыи великий пост»¹⁰⁶.

Получили сполна и те, кто по селам и весям своим трудом возделывал нивы, чтобы напитать служилых людей великого «осподаря». В середине XV в., когда еще не отзвучали громы последних битв за единое державие, в далеком Белоозере князь Михаил выдает Кириллову монастырю грамоту, в которой предписывает крестьянам-дольщикам выходить от своего землевладельца только за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего¹⁰⁷. Пройдет еще время, и крепостное право тяжким бременем ляжет на русский народ.

¹⁰⁵ В частности, на Устюг и Углич (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, с. 445).

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 23, с. 157.

¹⁰⁷ АСЭИ. Т. 2, № 138, с. 81—82.

ГРЕНАДА: ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

Э. Л. Нитобург

На рассвете 13 марта 1979 г. обитатели окраины Сент-Джорджеса — столицы молодого государства Гренада, проживавшие близ армейских казарм в долине Тру Блю, были разбужены стрельбой. Отряд из 47 повстанцев атаковал казармы, в которых находилось около 300 солдат, и, воспользовавшись паникой, захватил имевшиеся там оружие и боеприпасы. Солдаты разбежались. Было 4 часа утра, а час спустя повстанцы заняли радиостанцию. Они обратились по радио с призывом к народу вооружаться и поддержать начавшуюся революцию. Полицией было предложено сдаться без сопротивления. В ближайшие же часы отряды повстанцев, пополнившиеся рабочими и учащейся молодежью, овладели резиденцией премьер-министра, телеграфом и другими стратегическими объектами. В течение дня все полицейские участки вывесили белые флаги. Прогнивший режим рухнул. Фидель Кастро назвал антиимпериалистическую, демократическую революцию, победившую на Гренаде, «большой революцией в маленькой стране»¹.

Государство Гренада действительно самое маленькое по территории (344 кв. км) в Карибском бассейне. Расположено оно на острове того же названия и прилегающих к нему мелких островах Южные Гренадины (Карриаку, Малая Мартиника и др.). Население его — 115 тыс. человек, причем 95% их проживают на главном острове. Он горист, склоны гор покрыты лесом и плантациями какао, мускатного ореха, бананов. Х. Колумб, открывший Гренаду в 1498 г., дал острову название Концепсьон. Вплоть до середины XVII в. Гренада мало привлекала внимание европейцев и оставалась заселенной индейцами-карибами. Правда, в 1609 г. лондонские купцы снарядили экспедицию из 200 человек, пытавшихся высадиться на острове, но карибы разбили их наголову. Столь же безуспешно закончилась и попытка французских завоевателей утвердиться там. Только в 1650 г. последним в обмен на «подарки» в виде стеклянных бус, бренди, топоров и нескольких дюжин ножей удалось приобрести у одного из карибских вождей часть побережья на юго-западе острова и построить там форт. Уже в следующем году индейцы восстали, однако потерпели поражение. Окруженные в горах карибские воины, предпочтя плену смерть, бросились со скалы в море. С тех пор это место называется «Горой самоубийц». Вскоре французские вооруженные отряды полностью овладели островом. Гренада вошла в состав владений французской Вест-Индской компании, а затем стала королевской колонией².

В XVII в. туда начали ввозить рабов-африканцев, трудом которых выращивались сначала индиго и сахарный тростник, а позже кофе, какао, хлопчатник. В 1743 г. население острова состояло из 13,4 тыс. человек (в т. ч. около 12 тыс. рабов, 1263 белых, 175 свободных черных и «цветных»)³. В 1762 г. на острове высадились английские вооруженные силы. По Парижскому миру 1763 г. после Семилетней войны он стал британской колонией, получив новое название — Гренада. Правда, в период войны английских колоний в Северной Америке за независимость выступившая на их стороне Франция в 1778 г. вновь захватила Гренаду, но по

¹ Jacobs W. R., Jacobs I. Grenada: the Route to Revolution. La Habana. 1980, pp. 20, 23.

² Colonial Report, Grenada, 1950 and 1951. Lnd. 1953, p. 30; Race and Classe in Post-colonial Society. P. 1977, pp. 27—88; Burns A. History of the British West Indies. Lnd. 1954, p. 222.

³ Race and Class, p. 88; Smith M. G. Stratification in Grenada. Berkeley—Los Angeles. 1965, p. 9; ejusd. The Plural Society in the British West Indies. Berkeley—Los Angeles. 1965, p. 266.

Версальскому договору 1783 г. вернула ее Великобритании. К тому времени население колонии превышало 26 тыс. человек (в т. ч. 24,6 тыс. рабов)⁴, а в результате более чем векового процесса его физического смешения возникла, как и в других колониях этого региона, прямая зависимость между расовым происхождением и социальным статусом человека. При этом сложилась определенная классификация степеней примеси «черной крови».

Параллельно шел процесс культурного взаимовлияния двух компонентов населения колонии — европейского и африканского. А поскольку черные рабы — потомки африканцев, привезенных в цепях из разных районов Африки и говоривших на разных языках, оказались лишенными этнической идентификации, они были вынуждены признать культуру господствующего европейского меньшинства, испытывавшего на себе, в свою очередь, влияние культуры африканского большинства населения. Взаимовлияние и модификация этих культурных потоков были главной чертой процесса, получившего применительно к Вест-Индии название «креолизации»⁵. Черные и «цветные» уроженцы Антильских островов стали называться креолами (в испанских колониях на континенте креолами именовали потомков первых европейских завоевателей и колонистов). На Гренаде этот процесс более 100 лет проходил на французской основе: белое население говорило на французском, черное и «цветное» — на его местном диалекте, французском креоле, или патуа; утвердились здесь также французские законы и многие обычаи, католическая церковь, моды и кухня. Французская основа местной культуры оказалась настолько прочной, что и после перехода под власть Великобритании население долгое время сохраняло «верность Франции».

Эти настроения особенно усилились во время Французской буржуазной революции конца XVIII в., а после осуществления на соседней Гваделупе декрета якобинского конвента об отмене рабства в колониях и восстания негров в Сан-Доминго они охватили рабов и на Гренаде. Начавшаяся в 1794 г. новая война между Англией и Францией послужила своего рода детонатором: в 1795 г. на Гренаде вспыхнуло восстание против английских властей, возглавленное мулатом Ж. Федоном и поддержанное частью рабов. Пытаясь использовать восстание в своих интересах, французы присвоили его руководителям офицерские звания. Гористый характер острова благоприятствовал действиям повстанцев, захвативших в качестве заложников несколько десятков английских плантаторов, чиновников и самого генерал-губернатора. Британским войскам потребовалось больше года для того, чтобы подавить восстание. 38 повстанцев были казнены, но Федону удалось бежать⁶. Британские власти в последующие годы заменили французские колониальные институты своими, объявили государственной церковью англиканскую, лишили оставшихся здесь французов права быть избранными в созданное на Гренаде еще в 1765 г. местное законодательное собрание и приняли ряд других мер для ограничения французского влияния. Английские плантаторы, в свою очередь, ввезли сюда несколько тысяч черных рабов. В 1832 г. свободные черные и «цветные» впервые получили некоторые гражданские права⁷.

К важным экономическим и социальным последствиям для Гренады привела отмена в 1834—1838 гг. рабства в британских колониях. Обретя свободу, но не получив земли, бывшие рабы стали покидать поместья плантаторов. Часть освобожденных уехала на Тринидад. В то же время отмена в 1846 г. протекционистских пошлин, защищавших вест-индский тростниковый сахар на британском рынке, и неудача попыток заменить рабов путем ввоза на плантации в 40—50-х годах законтрагованных рабочих из Португалии и Индии, наряду со все усиливавшейся конкуренцией свекловичного сахара, вынудила многих местных и живших в Англии владельцев поместий на Гренаде и о-ве Карриаку распродать их. Часть бывших ра-

⁴ Sherlock P. West Indian Nations. Kingston. 1973, p. 128; Burns A. Op. cit., p. 534.

⁵ См. Нитобург Э. Л. Карибский архипелаг: этнорасовая ситуация. В кн.: Расы и народы. Вып. 12. М. 1982, с. 161—162; Этнические процессы в странах Карибского моря. М. 1982, с. 9—10, 253—254.

⁶ Colonial Report, p. 30; Smith M. G. The Plural Society, pp. 266—267; Sherlock P. Op. cit., p. 211; Burns A. Op. cit., pp. 568, 570.

⁷ Smith M. G. The Plural Society, p. 267.

бов воспользовалась этим, чтобы приобрести либо арендовать небольшие участки, а часть ушла во внутренние районы острова и, расчистив лес, самовольно селилась на пустовавших землях⁸. Плантаторы стали заменять сахарный тростник посадками какао и мускатника, что было им гораздо выгоднее. С 1846 по 1881 г. экспорт первого возрос более чем в 15 раз, а второго — практически с нуля до 100 тыс. торговых фунтов⁹.

В социальном плане к 80-м годам XIX в. в колонии образовался класс темнокожего крестьянства, состоявшего из мелких собственников и арендаторов. С 1860 по 1910 г. число мелких земельных владений на Гренаде выросло с 3,6 тыс. до более чем 8 тысяч¹⁰. Происходили изменения и в плантаторской верхушке. В 80-х годах прошлого века остров покинули некоторые англичане — хозяева поместий, а новыми владельцами последних нередко становились бывшие управляющие или надсмотрщики, как белые (в т. ч. португальцы), так и светлокожие мулаты. Таким образом, в XX в. новый плантаторский класс включал уже не только белых, но и светлокожих «цветных». Позже в его состав вошли также несколько индейских и даже негритянских семей¹¹. В поместьях постепенно утвердилась система аренды. Арендатор получал участок, где обязан был посадить деревья какао и мускатного ореха, урожай с которых шел хозяину. За это он получал право здесь поселиться, выращивать для себя фрукты, овощи и другие культуры, держать мелкий скот. Арендатор должен был также исполнять любую дополнительную работу в поместье, но получал за нее обычно гроши¹². Кроме того, на плантациях работали сельскохозяйственные рабочие.

В годы мирового экономического кризиса (1929—1933) плантационное хозяйство Гренады, как и всей Британской Вест-Индии, переживало тяжелое время. Плантаторы постепенно лишали арендаторов прежних прав, забирали у них урожай бананов. Условия аренды земли резко ухудшились, безработица и обнищание сельских и городских масс усиливались, росло их недовольство. Еще в 1929 г. в г. Гойаве возник первый профсоюз — Всеобщий рабочий союз, а спустя несколько лет в г. Сент-Джорджесе — второй: Союз рабочих Гренады¹³.

Политическое сознание народных масс, особенно в годы второй мировой войны, заметно возросло. Это побудило английский парламент принять в 1935—1945 гг. ряд законов, поощрявших развитие в Британской Вест-Индии легкой промышленности, рыболовства, кустарных промыслов, а в послевоенные годы предоставить своим колониям, в т. ч. Гренаде, ограниченную автономию. В 1946 г. 1 % крупных собственников владел здесь 60 % всей земли. Пережитки докапиталистических производственных отношений мешали развитию внутреннего рынка, а фактическая монополия на ввоз промышленных изделий из метрополии препятствовала становлению местной промышленности. При населении в 72,4 тыс. человек обуржуазившиеся плантаторы, коммерсанты и другие представители местной средней буржуазии насчитывали всего 700 человек, тогда как рабочая сила составляла 27,6 тыс. человек. Около половины ее было занято наемным трудом в промышленности и ремесле, сфере обслуживания, торговле и пр., остальные — в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве в качестве крестьян-собственников, арендаторов, домашних работников, сельскохозяйственных рабочих и рыбаков¹⁴.

По данным переписи 1960 г., около 53 % населения Гренады — негры, 42 % — мулаты, 3 % — индейцы, 0,8 % — белые. Последние составляли костяк класса крупных землевладельцев, а также местной интеллигенции. Смешанная группа населения охватывала широкий «цветовой» и классовый спектр. Небольшое число светлокожих мулатов входило в землевладельческую верхушку, остальные — в состав средней и

⁸ Ibid., p. 268; Burns A. Op. cit., p. 659.

⁹ Race and Class, p. 90.

¹⁰ Sherlock P. Op. cit., p. 261.

¹¹ Smith M. G. Stratification, p. 212; ejusd. Plural Society, p. 291; ejusd. Kinship and Community in Carriacou. New Haven. 1962, p. 34; Jacobs W. R. Jacobs I. Op. cit., p. 149.

¹² Smith M. G. Dark Puritan. Kingston. 1963, pp. 22—29, 36—42; Race and Class, pp. 92—93.

¹³ Smith M. G. The Plural Society, pp. 279, 282.

¹⁴ Colonial Report, p. 6.

мелкой буржуазии, интеллигенции, конторских служащих. Темнокожие мулаты составляли основную массу городских рабочих, ремесленников, сельских учителей, мелких торговцев. Большинство сельского и беднейшая часть городского населения было негритянским¹⁵. В послевоенные годы на Гренаде наблюдался рост сельского и особенно городского пролетариата, а также демократических настроений. В 1950 г. здесь был основан новый профсоюз — Союз работников физического и умственного труда во главе с темнокожим рабочим-активистом Э. Гейри. Вскоре он возглавил руководство первой в колонии политической организации — Объединенной лейбористской партии (ОЛП), социальную базу которой составляли рабочие, ремесленники, фермеры, служащие, мелкая городская буржуазия.

В феврале — марте 1951 г. на Гренаде, впервые в ее истории, вспыхнула всеобщая стачка. Началась она на плантациях какао и мускатного ореха после отказа хозяев принять требования батраков и арендаторов, поддержанные профсоюзами. Затем в нее включились рыбаки. Стачка, сопровождавшаяся массовыми волнениями населения, закончилась победой трудящихся. Это значительно увеличило авторитет Гейри и ОЛП, выдвинувшей требование самоуправления и ставшей в последующие четверть века самой влиятельной политической организацией на острове¹⁶. В такой обстановке Англия вынуждена была ввести в колонии всеобщее избирательное право и провести в октябре 1951 г. выборы, на которых за кандидатов ОЛП во главе с Гейри проголосовало 68% избирателей. Особенно сильны были ее позиции в сельских районах. Гейри, ничем не брезговавший в политической борьбе, ловко использовал отсталость крестьян, веривших в обиа — колдовство. Обиамена — колдуна и знахаря в деревнях уважали и боялись. Для собственной популярности Гейри обычно не только выступал там с речами, но и лично участвовал в ритуалах обиа¹⁷.

Опираясь на поддержку «своего» профсоюза и обещая улучшить положение трудящихся, а также добиться для Гренады полной автономии, ОЛП побеждала на выборах в 1954, 1961, 1967 и 1972 годах¹⁸. Лондон, пытаясь сохранить контроль над вест-индскими владениями, предоставил в 1967 г. некоторым из них, в т. ч. Гренаде, статус «ассоциированного с Великобританией государства» с внутренним самоуправлением. Первым главой правительства стал Гейри. Вначале его политика носила национал-реформистский характер. Но, подчинив себе постепенно аппарат местной администрации, ОЛП и Союз работников физического и умственного труда, ставшие его политическим орудием, Гейри взял курс на сотрудничество с британским империализмом и пошел на уступки иностранному капиталу. Сам он не стеснялся запускать руку в казну, получать «комиссионные» за лицензии на торговые и другие сделки и льготы, приобрел несколько отелей, ночных клубов и ресторанов. Коррупция приняла при нем небывалые масштабы. По словам гренадского политического деятеля, профессора Вест-Индского университета на Ямайке У. Р. Джэкобса, «администрация Гейри открыто заявляла, что стоит на позициях антикоммунизма, солидарности с «западными демократиями» и стремится к развитию «свободного» предпринимательства... Эта политика вела к обогащению олигархии, к усилению неоколониальной эксплуатации, ко все большему обнищанию масс»¹⁹.

Недовольство в стране нарастало, и в начале 70-х годов возникли две политические организации левых сил: Объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение (ДЖУЭЛ) и Движение за народные ассамблеи. В 1973 г. они слились в партию Новое движение ДЖУЭЛ во главе с адвокатом М. Бишопом, которая выступила с разоблачением политики Гейри. Репрессии против Нового движения ДЖУЭЛ лишь ускорили ход событий. В декабре 1973 г. на Гренаде начались бурные народные выступления, вылившиеся в начале 1974 г. во всеобщую политическую забас-

¹⁵ Smith M. G. Stratification, pp. 16, 213; Race and Class, pp. 92, 94, 95; Нитобург Э. Л. Население Гренады. — Советская этнография, 1982, № 3.

¹⁶ Smith M. G. The Plural Society, pp. 283—285; Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 56—59.

¹⁷ Став премьер-министром, он и в узком кругу практиковал обиа (Manchester Guardian, 1.II.1974; Time, 21.V.1979, p. 16; Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 92—93).

¹⁸ Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 154—155.

¹⁹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 84.

товку. Опасаясь худшего, Лондон, по договоренности с местной белой элитой и надеясь с помощью Гейри обеспечить свои интересы в бывшей колонии, поспешил предоставить ей независимость²⁰. 7 февраля 1974 г. над резиденцией премьер-министра взвился красно-желто-зеленый флаг независимой Гренады с изображением мускатного ореха. Однако страна по-прежнему оставалась политическим сателлитом и аграрным придатком империализма.

Ведущей отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Оно обеспечивало 95 % экспорта. Мускатный орех, какао, бананы, гвоздика, ваниль, хлопчатник занимали более половины всей площади сельскохозяйственных земель. Несмотря на то, что в сельском хозяйстве было занято более трети самодеятельного населения, стране приходилось тратить немалые суммы на импорт продовольствия. Промышленность оставалась в основном перерабатывающей. В ней было занято лишь 8 % самодеятельного населения²¹. Важным источником доходов стал иностранный туризм. Но, поскольку крупные отели принадлежали английским и американским корпорациям, $\frac{4}{5}$ этих доходов переводилось за границу. В послевоенные десятилетия углубление социально-экономических противоречий и неуклонный рост безработицы обусловили массовую эмиграцию из Гренады²².

Обретенная после более чем трех веков колониального угнетения независимость не принесла больших перемен трудящимся массам Гренады. Правительство Гейри, сотрудничавшее с американскими и британскими монополиями, стало на путь репрессий против демократических сил. Было принято антирабочее законодательство, самым беззастенчивым образом попирались гражданские права, росли безработица, инфляция, дороговизна. В области внешней политики правительство установило дружественные отношения с реакционными режимами Чили, Гаити, Южной Кореи, Родезии, ЮАР, поддерживало американскую дипломатию в ООН и других международных организациях.

В ООН, где Гейри выступил с призывом заняться «психическим исследованием» таких «проблем», как пресловутый Бермудский треугольник и неопознанные летающие объекты, он снискал репутацию шута. Дома же ему нравилась роль рьяного католика. В Сент-Джорджесе было приказано установить на видных местах христианские символы, ибо Гейри утверждал, что «послан богом руководить Гренадой», и говорил о себе как о существе из «мистического мира с сильной духовной чувствительностью». В лексиконе гренадцев появился новый термин — «гейризм», означавший тиранию, произвол, коррупцию, лицемерие, преступность, насилие и шутовство. Выходки Гейри настолько шокировали даже ориентировавшихся на «западные демократии» руководителей соседних карибских государств, что премьер-министр Тринидада и Тобаго Э. Вильямс отказался от встречи с ним, а премьер-министр Барбадоса Э. Бэрроу назвал его «политическим бандитом»²³.

Растущее на Гренаде недовольство показали уже выборы 1976 г., когда Новое движение ДЖУЭЛ и две другие оппозиционные партии, создав временную коалицию Народный альянс, впервые, несмотря на фальсификацию властями результатов выборов, завоевали $\frac{2}{5}$ мест в парламенте. Став парламентской партией, Новое движение ДЖУЭЛ открыто выступило против проводимой Гейри политики, призвав народ положить ей конец. В ответ правительство усилило террор. С этой целью был создан отряд карателей «Монгус бойз» (иначе — «мангуст»), подчиненный лично Гейри. Полиция и солдаты не раз открывали огонь по демонстрантам. При таинственных обстоятельствах «исчезали» оппозиционно настроенные политические и общественные деятели²⁴. В конечном счете все это привело к народному восстанию.

12 марта 1979 г. Гейри в сопровождении ряда министров выехал с визитом в США, предварительно приказав уничтожить физически 8 ведущих деятелей Нового движения ДЖУЭЛ. Узнав об этом, руководство партии приняло решение начать вос-

²⁰ Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 67, 75—79, 94, 103.

²¹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 85.

²² Newsweek, 24.III.1980; Tobias P. M. Explanations of Emigration from Grenada, West Indies.— Rice University Studies, 1976, vol. 629, № 3.

²³ Советская Россия, 10.VIII.1977; Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 107, 109—110; Time, 21.V.1979, p. 16; Der Spiegel, 7.V.1979, S. 191—193.

²⁴ Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., pp. 113—117.

стание, и спустя 12 часов революция победила по всей стране. Пришедшее к власти Народное революционное правительство во главе с Бишопом ликвидировало репрессивный аппарат диктатуры, а для защиты революции и поддержания порядка были созданы Народная революционная армия и народная милиция. С целью преодоления экономической отсталости, ликвидации засилья иностранного капитала и улучшения положения народных масс была провозглашена программа широких демократических преобразований²⁵.

Гренада осталась членом Содружества. Хотя британскую корону здесь представляет генерал-губернатор, назначаемый Лондоном, по сути дела, фигура эта чисто номинальная и кандидатуру на этот пост называет гренадский премьер-министр. За три года народной власти в стране произошло много перемен. Разрабатывается новая демократическая конституция; сформированы рабочие, крестьянские, женские, молодежные организации; приняты демократические законы о профсоюзах, в которых теперь состоит более 90 % рабочих и служащих; постепенно ликвидируются безработица и неграмотность; женщины получают равную с мужчинами плату за равный труд; впервые трудящиеся пользуются бесплатным медицинским обслуживанием; снижены цены на топливо и продукты первой необходимости — муку, рис, сахар и пр.; развернулось строительство домов для низкооплачиваемых гренадцев.

Народное революционное правительство экспроприировало собственность Гейри и его приспешников, изъяло излишки земли у иностранных и местных крупных землевладельцев. Посредством создания агропромышленных предприятий и государственных ферм (их более 30) оно стремится укрепить основу молодого государственного сектора хозяйства, путем кооперирования крестьян стимулировать рост сельскохозяйственного производства и обеспечить внутренний рынок его продукцией, а также решить социальные проблемы в деревне. С этой же целью образованы кооперативы безработных и малоимущих горожан по обработке предоставленных им государством и отвоеванных у леса земель. Членов кооперативов снабжают техникой и оборудованием, для них открыты сельскохозяйственные школы. Это привело к заметному росту экспорта бананов и мускатного ореха, позволив свести к минимуму внешний долг, оставшийся от старого режима. Впервые созданы Национальное управление по импорту и Национальный коммерческий банк. Появился современный рыболовный флот, а для привлечения иностранных туристов — международный аэропорт²⁶. Разработан план экономического развития страны на 1982 г. и начата подготовка трехлетнего плана на 1983—1985 годы.

Отвечая в ноябре 1981 г. на вопрос корреспондента агентства Франс Пресс, М. Бишоп заявил, что Гренада придерживается социалистической ориентации и находится сейчас на этапе национальной демократии. Об этом же он сказал во время советско-гренадских переговоров в июле 1982 года²⁷. Экономический курс правительства, учитывающий реальные возможности Гренады и предусматривающий участие в процессе реконструкции местных бизнесменов, пользуется поддержкой со стороны частного сектора, в том числе мелких торговцев, занимающих пока еще заметное место в экономике. О поддержке этого курса широкими массами свидетельствует участие тысяч трудящихся, прежде всего молодежи, в добровольном коллективном труде на строительстве и ремонте дорог, мостов, начальных школ, аэропорта. В страну возвращаются эмигрировавшие ранее врачи, учителя, другие нужные ей специалисты²⁸.

В 1980 г. партия Новое движение ДЖУЭЛ вступила в члены Социнтерна. «В рамках этой организации, — говорит М. Бишоп, — мы будем стремиться концентрировать внимание на таких важных для нас проблемах, как борьба против империализма, расизма, колониализма, неоколониализма»²⁹.

В то же время Новое движение ДЖУЭЛ поддерживает дружественные отношения, тесные связи и постоянные контакты с КПСС, коммунистическими партиями других

²⁵ Ibid., pp. 124—128.

²⁶ Ibid., pp. 130—134; Canadian Tribune, 7.IV, 14.VII.1980; 26.I.1981; Granma, 2.VII.1980; 25.IV.1982; Financial Times, 11.IV.1981.

²⁷ Правда, 28.VII.1982.

²⁸ Granma, 2.VII.1980; Canadian Tribune, 28.IX.1981.

²⁹ Проблемы мира и социализма, 1982; № 4, с. 64; Canadian Tribune, 21.I.1981.

социалистических стран. Делегации Нового движения ДЖУЭЛ посещали СССР в 1980 и 1981 гг., первый заместитель ее лидера Б. Коард выступал на XXVI съезде КПСС.

На международной арене Народное революционное правительство проводит политику мирного сосуществования и признано большинством стран Латинской Америки, многими странами Европы, Азии и Африки. Гренада стала участником многих международных организаций и движения неприсоединившихся стран, установила дипломатические отношения с Кубой, СССР, другими социалистическими странами, оказывающими ей помощь в строительстве, развитии сельского хозяйства и рыболовства, здравоохранения и образования. В частности, на дорогах и в хозяйствах Гренады нередко можно видеть советские тракторы «Беларусь» и автомобили «Нива». Группа молодых гренадцев изучала опыт организации колхозов и совхозов в СССР. Во время пребывания в Москве в июле 1982 г. партийно-правительственной делегации Гренады во главе с М. Бишопом были подписаны соглашения о сотрудничестве между КПСС и Новым движением ДЖУЭЛ, о сотрудничестве обеих стран в области плановой деятельности, экономическом, техническом, культурном, научном сотрудничестве, а также протокол о поставках товаров в 1983—1987 гг. и консульская конвенция. Назвав их «историческими соглашениями о дружбе и сотрудничестве», М. Бишоп заявил, что они призваны «упрочить и расширить двусторонние отношения и помочь нашим попыткам консолидировать национально-демократический этап гренадской революции, создать необходимую экономическую инфраструктуру для будущего социалистического развития»³⁰.

Финансовую и техническую помощь Гренаде оказывают Алжир, Ливия, Ирак, Мексика, Венесуэла, Канада. Премьер-министр М. Бишоп был избран председателем Комитета министров иностранных дел стран Карибского содружества. Однако антиимпериалистическая, демократическая революция, совершенная народом Гренады, и прогрессивный курс его правительства не дают покоя международной реакции. Ведется массированная кампания дезинформации по радио и в печати с целью дестабилизации и дискредитации народной власти внутри страны и за ее пределами. Правящие круги США организовали против Гренады подлинный «крестовый поход», пуская в ход все — от дипломатического, экономического и военно-политического шантажа до актов саботажа, диверсий и терроризма. За три года ЦРУ предприняло пять попыток контрреволюционного переворота и покушений на жизнь гренадских лидеров. В США ведется обучение наемников для вторжения на Гренаду, в ее воздушном пространстве не раз появлялись самолеты-шпионы и вертолеты с американских военных судов в Карибском море, а в ее территориальных водах — «неопознанные» подводные лодки³¹.

На шантаж и угрозы империалистов гренадцы, опираясь на поддержку прогрессивных сил мира, отвечают повышением революционной бдительности и боевой готовности. «Мы скорее отдадим свои жизни, — заявил М. Бишоп, — чем пойдем на компромисс, продадим или предадим наши суверенитет и независимость, право нашего народа на национальное самоопределение и социальный прогресс»³². По призыву правительства сформированы многочисленные отряды рабочих добровольцев. Мужественный народ маленького острова в Карибском море с надеждой смотрит в будущее.

³⁰ Известия, 29.VII.1982; Правда, 28, 29.VII.1982.

³¹ Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., p. 129; Проблемы мира и социализма, 1981, № 4, с. 42; Правда, 24.VIII.1981; El Tiempo (Bogota), 3.V.1980; La Nación (Buenos Aires), 11.VI.1980; Financial Times, 21.VI.1980, 14.IV.1981; Nation, 7.II.1981, pp. 141—143.

³² Цит. по: Jacobs W. R., Jacobs I. Op. cit., p. 137.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

75-летие АКАДЕМИКА А. М. САМСОНОВА

Исполняется 75 лет академику Александру Михайловичу Самсонову. Исследователь, обладающий широкой эрудицией, автор фундаментальных монографий, многочисленных статей и документальных очерков, А. М. Самсонов является одним из ведущих специалистов по истории второй мировой войны.

Александр Михайлович родился 8 января 1908 г. в Нижнем Новгороде. Его отец, выходец из крестьян-бедняков, приехал в город на заработки. Дорогу его сыну к образованию открыла Советская власть. Окончив в 1926 г. среднюю школу, он поступил в 1927 г. на факультет советского права Ленинградского университета, затем перевелся на исторический факультет Историко-лингвистического института, который и окончил в 1931 году. В 1932 г. служил в Красной Армии, после демобилизации преподавал до 1937 г. на рабфаке, в Ленинградском отделении Института заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б), в средней школе и на курсах учителей истории, работал научным сотрудником Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Первыми его печатными работами были консультации по истории СССР в газете «Полярный стрелок». В 1939—1940 гг. он вновь на военной службе в Балтийском флоте, во время советско-финского вооруженного конфликта был политработником. После демобилизации переехал в Москву, где занимался лекторским и литературным трудом.

С марта 1943 г. А. М. Самсонов — в Действующей армии в качестве политработника 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса. В том же году был принят в ряды Коммунистической партии. Неоднократно выступал со статьями в полевых газетах «Вперед, на врага!» и «Удар по врагу». Закончил войну Александр Михайлович на Дальнем Востоке.

По окончании Великой Отечественной войны он посвятил себя научной работе, став с сентября 1948 г. научным сотрудником Института истории АН СССР. К тому времени вышла в свет его первая книга «Боевые действия 3-го гвардейского механизированного корпуса». Ее он защитил в 1950 г. в качестве кандидатской диссертации. С 1949 г. А. М. Самсонов — ученый секретарь Института истории, а с 1951 г. — ученый секретарь Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР. Он активно участвует в разработке истории Великой Отечественной войны, является одним из авторов и членом редколлегий коллективного труда «Очерки истории Великой Отечественной войны» (1955 г.). В 1960 г. опубликована его работа «Сталинградская битва», которую он в 1961 г. защитил как докторскую диссертацию.

С 1961 по 1970 г. А. М. Самсонов работал директором Издательства АН СССР (ныне — издательство «Наука»). Здесь по его инициативе издавалась серия «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». За 10 лет в ней увидели свет 90 книг, авторами которых выступили известные советские полководцы, ученые, общественные деятели. Под редакцией Александра Михайловича в этой серии вышли такие труды, как «Провал гитлеровского наступления на Москву», «Сталинградская эпопея», «Освобождение Белоруссии. 1944», «Освобождение Венгрии от фашизма», «Оборона Ленинграда. 1941—1944», «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945», «9 мая 1945 г. Воспоминания». В последующие годы А. М. Самсонов активно участвует в создании ряда коллективных трудов, является ответственным редактором и одним из авторов т. X «Истории СССР с древ-

нейших времен до наших дней», монографий, сборников статей и воспоминаний, членом Главной редакции многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», членом редколлегии т. X «Всемирной истории», тт. 5 и 6 «Истории второй мировой войны. 1939—1945», научным редактором «Краткой истории СССР», многих других изданий. С 1969 г. Александр Михайлович является главным редактором журнала «Исторические записки», а с 1982 г. возглавляет редколлегию серии «Памятники исторической мысли».

Сфера научных интересов А. М. Самсонова довольно широка. До войны его как историка СССР интересовал преимущественно досоветский период (в 1955 г. вышла в свет его книга «Антифеодальные народные восстания в России и церковь»), а после войны — современная военная история. Действительно, этой тематике посвящена основная часть его трудов (всего их более 150), а исследование проблем Великой Отечественной войны стало главным направлением его научной деятельности. Его перу принадлежат такие работы, как «Великая битва под Москвой. 1941—1942» (1958 г.), «Сталинградская битва. От обороны и отступления к великой победе на Волге» (1960 и 1968 гг.), «От Волги до Балтики. 1942—1945 гг.» (1963 и 1973 гг.), «Крах фашистской агрессии. 1939—1945» (1975 и 1980 гг.), «Поражение вермахта под Москвой» (1981 г.) и «Сталинградская битва» (изд. 3-е, 1982 г.). В этих книгах охарактеризованы основные этапы и события борьбы советского народа с фашистскими захватчиками, исследуются важнейшие проблемы второй мировой войны, подвергнуты критике антинаучные концепции буржуазных авторов, показан решающий вклад Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии, раскрыты закономерности, обусловившие победу СССР. Труды А. М. Самсонова отличаются высоким теоретическим уровнем. Многие его работы переведены на иностранные языки.

Плодотворная научная и общественная деятельность А. М. Самсонова получила достойную оценку. В 1964 г. он был избран чл.-корр., а в 1981 г. — действительным членом АН СССР. Он неоднократно выступал с докладами на международных съездах, конференциях и симпозиумах историков, является членом Национального комитета историков Советского Союза, Бюро РИСО, Бюро Отделения истории АН СССР, ученого совета Института истории СССР, Правления Общества советско-кубинской дружбы, заместителем председателя советской части Комиссии историков СССР и ЧССР. Александр Михайлович удостоен высоких правительственных наград: орденов Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Знак Почета.

Академик М. П. Ким, О. А. Ржешевский

60-летие П. В. ВОЛОБУЕВА

Исполняется 60 лет члену-корреспонденту АН СССР Павлу Васильевичу Волобуеву.

Он родился 1 января 1923 г. в дер. Евгеновка Тарановского р-на Кустанайской обл., в семье крестьянина-бедняка. В 1940 г., окончив среднюю школу, поступил на Исторический факультет Московского университета. В июне — сентябре 1941 г. работал в составе студенческого батальона на строительстве прифронтовых укреплений в Смоленской и Орловской областях, а со второго курса был призван в Действующую армию. После ранения в октябре 1942 г. был демобилизован и работал в Кустанайской области уполномоченным Наркомата заготовок СССР и первым заместителем председателя Семиозерного райисполкома. В 1946 г. возобновил учебу в МГУ. Окончив его в 1950 г., учился в аспирантуре, защитил в 1953 г. кандидатскую диссертацию на тему «Монополии и топливный голод в России в 1911—1914 гг.». Затем П. В. Волобуев работал в аппарате ЦК КПСС, с 1955 г. — старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1966—1968 гг. — заведующим сектором по написанию

многотомной «Истории СССР», в 1968—1969 гг. — заместителем директора и в 1970—1974 гг. — директором Института истории СССР АН СССР. В настоящее время П. В. Волобуев работает в Институте истории естествознания и техники АН СССР над проблемами истории русской науки второй половины XIX — начала XX века.

П. В. Волобуевым опубликовано более 100 печатных работ. Основная их тематика определилась еще в студенческие годы, в семинаре А. Л. Сидорова: социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. Павлом Васильевичем написаны монографии «Экономическая политика Временного правительства» (М. 1962), «Пролетариат и буржуазия России в 1917 году» (М. 1964). Первую он защитил в 1963 г. в качестве докторской диссертации. Его перу принадлежат разделы в таких коллективных трудах, как «История Коммунистической партии Советского Союза» (т. 3, ч. 1. М. 1968), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. 6, М. 1968), «Об особенностях империализма» (М. 1962), «Большевицкая печать и рабочий класс России в годы революционного подъема. 1910—1914 гг.» (М. 1965), «Проблемы социально-экономической истории России» (М. 1971), ряд журнальных статей, в т. ч. «Энгельс о русской революции» (1976). Эти работы посвящены природе и характеру российского империализма, закономерностям, этапам и формам развития монополистических объединений, другим проблемам. Особое место занимают его работы по ленинской тематике и истории Великого Октября: «Вопросы диалектики в работах В. И. Ленина о Великой Октябрьской социалистической революции» (1958), «Октябрьская революция — результат закономерного развития истории» (1959), «Об общих и национально-особенных чертах Великой Октябрьской социалистической революции» (1970), серия обобщающих статей о различных аспектах Великого Октября (1977). Он один из составителей и редакторов сборника документов «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» и других публикаций.

В течение ряда лет Павел Васильевич, являясь с 1968 г. профессором, вел преподавательскую работу на Историческом факультете МГУ. В 1964/65 уч. г. читал лекции по истории СССР на Кубе. Много сил он отдает популяризации исторических знаний в серии брошюр и статей, неоднократно представлял советскую науку за рубежом, выступая с докладами на XII и XIII Международных конгрессах исторических наук, V Международном конгрессе экономической истории, симпозиумах и конференциях в Англии, Венгрии, Италии и других странах.

В 1970 г. П. В. Волобуев был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Академик И. И. Минц, К. Ф. Шаццло

В высшей школе

350-летие ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В нынешнем году Тартуский университет отмечает 350-летний юбилей. Преподаватели и воспитанники *alma mater Tartuenssis* вписали много ярких страниц в историю отечественной и мировой науки. В истории университета можно выделить пять периодов: шведский (1632—1710 гг.), попытки возобновления его деятельности в XVIII в., Дерптский (Юрьевский) университет (1802—1918 гг.), буржуазный университет (с 1919 г. до второй мировой войны), советский вуз.

Университет (*Academia Dorpatensis*) был основан законодательным актом короля Швеции Густава II Адольфа от 30 июня 1632 г., открыт в октябре того же года и действовал с перерывами до 1710 года. Его истинным организатором стал один из обра-

зованный государственных деятелей того времени, генерал-губернатор Лифляндии и первый канцлер университета Ю. Шютте¹.

Некоторые прибалтийско-немецкие историки утверждают, что университет в первый период своего существования не дал ничего позитивного для развития науки². Между тем здесь были известны такие передовые учения XVII в., как теории французского гуманиста П. Раме и чешского ученого Я. А. Коменского. К концу того же века в университете получили распространение взгляды Р. Декарта и Ф. Бэкона, были признаны «Начала» И. Ньютона³. Уже в те годы среди профессоров и воспитанников университета было немало историков, лингвистов, литераторов, сыгравших заметную роль в развитии культуры Швеции, Финляндии, Эстонии и Латвии. В типографии университета было тогда отпечатано более 1 тыс. произведений. Его воспитанник И. Гутслаф составил южноэстонскую грамматику и эстонско-немецкий словарь; проф. Г. Манцелиус разработал основы орфографии латышского языка и выпустил немецко-латышский словарь. Его ученик Х. Фюрекер составил грамматику латышского языка. Некоторые преподаватели и воспитанники университета отправились на службу в Россию: проф. медицины И. Белов стал лейб-медиком царя Михаила Федоровича, Я. Ф. Белов приобрел известность как врач при дворе Петра I, Н. Мартини был лейб-медиком Анны Ивановны.

По Ништадтскому мирному договору (1721 г.) территория современной Эстонии вошла в состав России. Предпринимавшиеся попытки возобновить деятельность университета успеха не имели. В 1802 г. он был вновь открыт. Во время торжеств, посвященных его воссозданию, обнаружилось наличие двух тенденций, борьба которых определяла дальнейшее направление деятельности университета. Одна исходила из интересов прибалтийско-немецкого дворянства, другая стремилась поставить высшее образование и науку на службу всем сословиям.

В мае 1802 г. в Тарту проездом остановился Александр I. Он посетил университет. Профессор физики Г. Ф. Паррот сумел завоевать расположение императора⁴, а позднее разработать «Акт постановления для Дерптского университета». Руководство им перешло в руки министерства народного просвещения; университет получил автономию и денежную субсидию⁵. Он освободился также от опеки прибалтийских немцев. Первым ректором университетский совет избрал самого Паррота⁶. Началось строительство главного здания, анатомического театра, библиотеки, клиники, обсерватории, ботанического сада, манежа и др. Были созданы химическая лаборатория, физический, минералогический и прочие кабинеты⁷.

Созданная тогда материальная база университета явилась основой для развития науки. Существенную роль в этом сыграли такие ученые и организаторы науки, как Г. Ф. Паррот, К. С. Моргенштерн, И. В. Краузе и др. Среди них особое место принадлежит историку И. Ф. Г. Эверсу, являвшемуся ректором университета в 1818—1830 гг., в годы особенной активизации научной работы. Когда реакционеры М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич подвергли репрессиям Казанский и Петербургский университеты (пострадали также Московский и Харьковский университеты), Дерптский сумел сохранить свой прежний преподавательский состав, большинство которого придерживалось просветительских взглядов. По своему социальному положению они относились к разным слоям чиновничества и интеллигенции, удельный вес дворян среди них был незначительным. Состав преподавателей университета пополнялся в дальнейшем за счет его воспитанников.

¹ Menius F. Relatio von Inauguration der Universität zu Dorpat. Geschehen den 15. Octobris in Jahre 1632.—Archiv für Geschichte Liv- Ehst- und Curlands, Bd. Reval. 1854, S. 242—271.

² Schirren C. Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland.—Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv- Ehst- und Curlands, Bd. VII, Hf. 1, Riga, 1853.

³ Lumiste U., Piirimäe H. Sven Dimberg-Newtoni õpetuse varane propa-geerija Tartu ülikoolis 1690. aastatel.—Tartu ülikooli ajaloo küsimusi XI, Tartu, 1981.

⁴ G. F. Parroti 200-ndale sünni—aastapäevale pühendatud konverevtsi materjale. Tartu, 1967, S. 220.

⁵ Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902). Т. I. Юрьев, 1902, с. 117—119.

⁶ ЦГИА ЭССР. ф. 402, оп. 4, л. 39, л. 10.

⁷ Петухов Е. В. Ук. соч., с. 217.

В университете стремились увязать учебную работу с научно-исследовательской, привлекать к исследованиям и экспедициям студентов, стимулировали их научные интересы ежегодными конкурсами. Так, в 1816—1827 гг. астроном В. Я. Струве определял с помощью студентов координаты прибалтийских губерний⁸. В кругосветном путешествии, совершенном в 1815—1818 гг. под руководством О. Е. Коцебу, приняли участие профессор-зоолог И. Ф. Эшшольц и студенты Э. Х. Ленц, Э. Хоффман и Э. В. Пресс, ставшие впоследствии известными учеными. Причастность к решению научных проблем открыла перед специалистами университета благоприятные перспективы. Так, профессор-ботаник К. Ф. Ледебур организовал в 1826—1827 гг. экспедицию на Алтай и в другие места страны, что позволило ему участвовать в написании четырехтомной работы «Flora Altaica» и составить четырехтомный труд «Flora Rossica». Этот ученый создал флористико-систематическую школу, которая оказала влияние на развитие ботаники в России и за ее пределами⁹. Завоевали известность экспедиции профессора ботаники А. А. Бунге в Монголию, Китай и Иран. Заметную роль в изучении фауны Дальнего Востока сыграли работы И. Ф. Эшшольца, материал для которых он собрал в кругосветном путешествии¹⁰.

Университет поддерживал связи с Петербургской Академией наук. В 1802—1825 гг. 12 его профессоров были избраны ее членами-корреспондентами (в том числе И. Ф. Г. Эверс, Г. Ф. Паррот, К. Ф. Ледебур и др.). Проводились совместные экспедиции. Во второй четверти XIX в. в университете работали известные ученые: математики М. И. Бартельс и Ф. Г. Миндиг, астрономы В. Я. Струве и И. Г. Медлер, основатель гальванопластики Б. С. Якоби, основоположник географо-морфологического метода в систематике растений А. А. Бунге, основатель экспериментальной хирургии Н. И. Пирогов и многие другие. Мировую известность завоевали воспитанники университета физик Э. Х. Ленц, основатель эмбриологии К. М. Бэр, естествоиспытатель и географ А. Ф. Миддендорф (оба действительные члены Петербургской Академии наук).

Научные школы, сложившиеся в Дерпте, переходили в Академию, в другие университеты России. Физик Паррот создал в университете физический кабинет, а также основал в мастерской университета конструирование и строительство научных аппаратов. Под его руководством начал свой путь в науке Э. Х. Ленц. По рекомендации Паррота он принял в 1823—1826 гг. участие в путешествии Коцебу, взяв с собой 19 научных аппаратов, сконструированных под руководством Паррота, и собрал ценный материал. В 1826 г. Паррот стал действительным членом Петербургской АН и переехал в Петербург. Здесь он реорганизовал физический кабинет Академии в одну из лучших физических лабораторий в Европе¹¹ и был избран в 1840 г. почетным членом академии. Паррот не забыл своего ученика. В 1828 г. он демонстрировал материалы опытов Ленца, сделанных в кругосветном путешествии. Ленц был избран адъюнктом Академии, в 1830 г. он стал экстраординарным, а в 1854 г. — действительным ее членом. Он сформулировал правило определения направления индукционного тока (закон Ленца) и закон теплового действия электротока (закон Джоуля — Ленца). Адъюнктом Академии в 1840 г. становится Б. С. Якоби, работавший раньше в Дерпте преподавателем. В 1847 г. ему было присвоено звание ординарного академика¹².

Известна также астрономическая школа, основанная В. Я. Струве. Астрономо-тригонометрическое измерение прибалтийских губерний России и иные работы при-

⁸ Struwe W. Resultate der in Jahren 1816 bis 1819 ausgeführten astronomisch-trigonometrischen Vermessung Livlands. St. Petersburg. 1844. Zweite Ausgabe: Dorpat, 1857.

⁹ Липшиц С. Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. I. М. 1947, с. 336.

¹⁰ Eschscholtz F. Zoologischen Atlas, enthalten neuer Thierarten während des Floßcapitaine von Kotzebue zweiter Reise um die Welt, auf der Russisch-Kaiserlichen Kriegsschiff Predpriatic in Jahren 1823—1826. Brl. 1829—1833.

¹¹ Prüller P. Füüsika Tartu ülikoolis 19. sajandi esimesel poolel. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi V, Tartu, 1977, lk. 9—37; Вавилов С. И. Физический кабинет, Физическая лаборатория, Физический институт Академии наук СССР. Очерк развития Академии наук за 220 лет. Собр. соч. Т. 3. М. 1956, с. 870.

¹² Радовский М. И. Борис Семенович Якоби. М.-Л. 1953, с. 263—265.

несли ему всеобщее признание. В 1822 г. он был избран чл.-корр. Петербургской АН. После переезда Паррота в Петербург и избрания Струве почетным членом Академии (1827 г.) ими было начато создание Пулковской обсерватории. В 1832 г. Струве стал действительным членом академии, в 1839 г. — директором обсерватории. Университет являлся одним из центров подготовки астрономов и геодезистов в России. Сюда посылали для повышения квалификации офицеров генштаба и морского флота. Ученики Струве стали выдающимися астрономами. Так, сын В. Я. Струве О. В. Струве стал впоследствии заведовать Пулковской обсерваторией, К. Т. Кнорре — Николаевской морской обсерваторией, Е. Е. Саблер — Вильнюсской обсерваторией, В. Ф. Федоров основал Киевскую обсерваторию, А. Н. Савич стал первым профессором астрономии Петербургского университета, В. Деллен — профессором астрономии Военной академии в Петербурге¹³.

Влияние научных школ Дерптского университета тогда проявлялось также в области медицины, химии и других наук. Из университетского Профессорского института вышли многие преподаватели других учебных заведений. Общероссийское значение имел и созданный в 1819 г. при университете Медицинский институт для подготовки квалифицированных врачей. В 1843 г. возник Фармацевтический институт, готовивший аптекарей и провизоров для всей России¹⁴. В XIX столетии Дерптский университет дал другим вузам страны свыше 100 преподавателей, ряд его воспитанников и преподавателей стали профессорами университетов других стран. К. М. Бэр прославился как ученый, будучи профессором Кёнигсбергского университета. Профессор фармакологии Р. Бухгейм создал там же в 1847—1865 гг. современную экспериментальную фармакологию. Последователь Бухгейма И. Э. О. Шмидеберг, заняв в 1872 г. должность профессора Страсбургского университета, способствовал распространению экспериментального направления дерптской школы фармакологии¹⁵.

Рост научного авторитета Дерптского университета обеспечивали следующие факторы: во-первых, солидная материальная база, созданная за счет общероссийских фондов, а также ориентация его на решение научных проблем страны в целом. Сотрудничеству с Петербургской АН способствовала близость Дерпта к столице. Во-вторых, университет придерживался в ряде случаев более прогрессивных принципов организации учебной и научной работы, чем другие вузы. На его деятельности меньше отражалась аракчеевщина, и он являлся одним из каналов передачи достижений западноевропейской научной мысли в Россию. В-третьих, ведущие ученые университета были в большинстве своем рационалистами и просветителями, им были чужды национальная ограниченность и прибалтийско-немецкий консерватизм.

К началу 1820-х годов в Дерпте сложился своеобразный русский культурный центр, который был тесно связан с университетом. Во главе его стоял профессор русского языка и литературы, поэт А. Ф. Воейков. В то время здесь часто бывал В. А. Жуковский. Среди русских студентов существовала поэтическая школа, выдающимся представителем которой был Н. М. Языков, живший в Дерпте с 1822 по 1827 год. Здесь учился в 1829—1834 гг. писатель В. А. Соллогуб. Студентом медицинского факультета был В. И. Даль, впоследствии автор знаменитого «Толкового словаря русского языка». Воспитанники университета, будучи переводчиками русской литературы на немецкий язык, многое сделали для ее популяризации на Западе¹⁶.

Общезвестен вклад Дерптского университета, особенно Эстонского ученого общества, в развитие национальной культуры, языка и литературы, включая собирание народного эпоса «Калевипоэг». В университете сложилось также первое поколение латышских просветителей (К. Валдемар, К. Барон, А. Кронвальд и др.), в нем учился

¹³ См. Новокшанова (Соколовская) З. К. Василий Яковлевич Струве. М. 1964; Oettingen A. Gedächtnisrede zur Feier des hundertjährigen Geburtstages von Wilhelm Struwe.—Vierteljahrsschreibung der Astronomische Gesellschaft, Bd. 29, 1874, S. 79.

¹⁴ Martinson H., Pärna A. Farmatscutide ettevalmistamisest Tartu ülikoolis enne 1917. aastat.—Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, III, Tartu, 1975, lk. 159—162.

¹⁵ Rajavce O. Tartu ülikooli tähsus eksperimentaal-farmakoloogia arengus mõõdunud sajandil.—Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, III, Tartu, 1975, lk. 37—39.

¹⁶ Исakov C. Воспитанники Тартуского университета — переводчики и популяризаторы русской литературы на Западе.—Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, VII Tartu, 1979, lk. 177—185.

в 1830—1836 гг. армянский просветитель Х. Абовян. Здесь занимался (1835—1840 гг.) и другой армянский просветитель С. Назарян, а в середине XIX в. действовало т. н. армянское объединение (Х. Авакян, Р. Паткакян, Г. Додохян и др.), сыгравшее большую роль в истории армянской общественной мысли и литературы¹⁷. В середине XIX в. в университете учились польские естествоиспытатели бр. Б. и В. Дыбовские, палеонтолог и ботаник А. Чекановский, химик Я. Натансон, медик Т. Халубиньский, ряд польских писателей.

С 1860-х годов роль Дерптского университета в научной жизни России начала уменьшаться. Это объясняется увеличением значения других университетов, спадом исследований в ряде отраслей науки в Дерпте, хотя во многих областях (химия, геология, медицина и др.) местный университет сохранял былую славу. Среди преподавателей в 1860—1880 годах преобладали прибалтийские немцы. Между ними и преподавателями, прибывшими из-за границы, происходили постоянные трения. Так, К. Бюхер писал: «Позиция прибалтийцев по отношению к России была неискренней, и еще меньше в ней было разумного»¹⁸. Одно из наиболее резких проявлений прибалтийско-немецкого консерватизма наблюдалось во время ожесточенных нападок части профессоров, особенно теологов, на известного ученого, одного из создателей теории клеток, М. Я. Шлейдена, являвшегося в 1863—1864 гг. профессором антропологии и физиологии растений университета.

Несмотря на сложную обстановку внутри университета и за его пределами, здесь продолжали работать многие известные ученые: фармацевт Г. Я. Драгендорф, минералог К. А. Гревингк, физиолог А. А. Шмидт, психиатр и психолог Э. Крәпелин, филологи И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Котляревский и другие. Известны также химики К. Э. Клаус и К. Г. Э. Шмидт, опубликовавший совместно с физиологом Ф. Билдером в 1852 г. монографию «Пищеварительные соки и обмен веществ», которая оказала большое влияние на развитие ферментативной теории процессов пищеварения. К. Г. Э. Шмидт разработал методику анализа крови, что помогло физиологу Т. А. А. Шмидту создать ферментативную теорию свертываемости крови и заложить основы для развития гематологии. К. Г. Э. Шмидт издал также труды по гидрохимии, химии почв и минералов. Вместе с знаменитым почвоведом В. В. Докучаевым он исследовал почвы Южной России и дал истолкование возникновения чернозема, был почетным членом 27 различных университетов, академий и научных обществ¹⁹. Его ученики стали основоположниками новых областей науки: физической химии — лауреат Нобелевской премии 1909 г., член-корр. Петербургской АН В. Ф. Оствальд²⁰, физико-химического анализа — Г. Г. Тамман, который был первым всемирно признанным ученым эстонского происхождения.

В 1889—1895 гг. царским правительством была проведена реформа Дерптского университета. Автономия его, в соответствии с введенным в 1884 г. новым университетским уставом была урезана. Дерпт был переименован в Юрьев, и вуз стал называться Юрьевским. Остзейцами реформа была встречена в штыки, но она имела и некоторые позитивные последствия. Численность студентов университета возросла с 1700 до 2700 человек. Если в 1860-е годы в нем преобладали немецкие студенты (80%), то к концу века среди учащихся значительно повысилось число русских, больше стало эстонцев, латышей и представителей других национальностей²¹. Демократизировался и социальный состав студенчества. В первые десятилетия XX в. учащиеся, вышедшие из средних и бедных слоев населения, составляли в Юрьеве значительно более половины всех студентов. Это содействовало развертыванию борьбы за демократизацию университета. В 1916 г. в университете училось (за исключением студентов фармацевтического отделения, женщин и вольнослушателей) 678 русских, 568 евреев, 394 немца, 364 эс-

¹⁷ Исаков С. Армянские студенты в Тарту. — Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, IV, Tartu, 1977, lk. 123—133.

¹⁸ Bücher K. Lebenserinnerungen. 1847—1890. Bd. I. Tübingen. 1919, S. 305.

¹⁹ Palm U. Keemia arenguajooni Tartu ülikoolis 1802—1918. Tartu Ülikooli Keemiaosakond 1947—1972. Tartu. 1972, lk. 15—35.

²⁰ См. Родный Н. И., Соловьев Ю. И. Вильгельм Оствальд, 1853—1932. М. 1969.

²¹ Статистические таблицы и личные списки по Юрьевскому, бывшему Дерптскому университету (1802—1901). Юрьев. 1902, с. 6—25.

тонца, 172 поляка, 159 латышей, 44 грузина и 20 армян²². Произошли значительные изменения и в составе преподавателей. В 1902 г. среди профессоров было 42 русских, украинца и белоруса и 12 немцев. Выросло число доцентов и младших преподавателей из эстонцев и латышей. В 1917—1918 гг. профессорами университета были 4 латыша и 3 эстонца²³.

В университете преподавали, наряду с немецкими учеными (К. Дегио, А. Раубер, М. Ф. Э. Цеге фон Мантейфель, Р. Мукке, Ю. Ф. Кеннель), и русские: византолог А. А. Васильев, историк Е. В. Тарле, основатель отечественной школы папирологии Г. Ф. Церетели, ботаник Н. И. Кузнецов, профессор биологии, впоследствии академик А. Н. Северцов, академики геологии Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и Н. И. Андрусов, опубликовавший первую монографию о синтетическом каучуке И. Л. Кондаков²⁴, основатель теории подземной гидравлики и математик Л. С. Лейбензон.

Воспитанниками университета являлись известные математики П. Боль и Э. Шмидт. Прославился преподаватель университета нейрохирург Н. Н. Бурденко, впоследствии первый президент Академии медицинских наук СССР и главный хирург Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Воспитанниками Юрьевского университета были также поляки минералог С. Тугутт, ставший профессором и ректором Варшавского университета; Б. Хруневицкий, основатель и первый председатель польского Общества ботаников; ряд выдающихся медиков, историков, филологов и писателей. В 1890—1917 гг. в члены Петербургской АН были избраны 16 преподавателей Юрьевского университета, после Октябрьской революции в составе АН СССР числилось 20 бывших преподавателей и воспитанников университета.

Юрьевский университет передал основной состав своих преподавателей и студентов новому, Воронежскому университету, основанному в 1918 г.; свыше 50 преподавателей получил Латвийский университет. В их числе — Я. М. Эндзелин, автор фундаментальных трудов по балтским языкам, чл.-корр. АН СССР, лауреат Ленинской премии. Около 20 воспитанников университета стали преподавателями Каунасского университета и среди них химик А. Пуренас, ректор Каунасского университета, акад. АН Литовской ССР.

Конец XIX — начало XX в. отмечены рядом революционных выступлений русского студенчества. В них приняли участие многие юрьевцы: В. Я. Шанцер («Марат»), П. И. Лебедев-Полянский, А. А. Вермишев, Н. К. Пиксанов, В. И. Дешевой, Э. Сырмус, Ф. Розинь, В. Рекашнус и др. В 1900—1901 гг. на медицинском факультете в Юрьеве учился и получил диплом врача младший брат В. И. Ленина Д. И. Ульянов²⁵. Революционно настроенные студенты принимали активное участие в революции 1905—1907 годов.

С победой Великого Октября открывалась перспектива создания эстонского национального университета. Но в феврале 1918 г. Эстония была захвачена войсками кайзеровской Германии. Оккупационные власти приступили к созданию немецкого ландес-университета, но вскоре он прекратил существование. 20 декабря 1918 г. в Тарту была восстановлена Советская власть и впервые в истории университета его ректором стал эстонец Я. Сарв, будущий профессор математики. В годы буржуазной диктатуры (1919—1940) деятельность Тартуского университета была подчинена классовым интересам национальной буржуазии. Однако демократическая часть профессорско-преподавательского состава стремилась и в этих условиях служить интересам народа. Известны труды астронома Э. Эпика, математика Ю. Нуута, геолога А. Вилина, палеонтолога Х. Беккера, ботаника Т. Липпмаа, нейрохирурга Л. Нуусеппа, терапевта В. Вади, химика П. Когермана, селекционера М. Пилла. Большинство их было связано именно с университетом.

В 1940 г. в Эстонии окончательно победила социалистическая революция, но работа Тартуского университета вошла в нормальное русло лишь после освобождения

²² Личный состав Юрьевского университета. Юрьев. 1916; ЦГИА ЭССР, ф. 2100, оп. 4, д. 237, л. 51.

²³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, годовые отчеты 1890—1914.

²⁴ Кондаков И. Л. Синтетический каучук, его гомологи и аналоги. Юрьев. 1912.

²⁵ Rudnev D. Dmitri Uljanov Tarlus. Tallinn. 1967; ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 1, д. 18, лл. 287, 334, 339; Искра, 1902, № 19; 1903, № 45.

Тарту осенью 1944 г. от фашистских захватчиков. При создании АН Эстонской ССР в 1946 г. среди 14 ее действительных членов первого состава 10 были профессорами университета. В их числе: первый президент АН ЭССР чл.-корр. АН СССР историк Х. Х. Круус. До настоящего времени преподаватели и воспитанники университета составляют около половины академиков и членов-корреспондентов АН ЭССР. В 1951 г. на базе сельскохозяйственных факультетов университета была создана Эстонская сельскохозяйственная академия ²⁶.

1945—1951 гг. были этапом восстановления материальной базы университета, укомплектования преподавательского состава, социалистических преобразований в нем. В 1950-е годы было положено много сил для возрождения доброй славы университета в научном мире. Всемерно способствовал этому, в частности, его ректор Ф. Д. Клемент, академик АН ЭССР, Герой Социалистического Труда. 1960—1970-е годы были для вуза особенно успешными: выросла квалификация профессорско-преподавательского состава, получила развитие научная работа, укрепилась материальная база. За 20 лет число преподавателей и научных сотрудников университета возросло с 425 (в т. ч. 24 доктора и 150 кандидатов наук) до 1104 человек (105 докторов, 427 кандидатов). Были построены Вычислительный центр, учебный корпус экономического факультета, первая очередь современного корпуса физического факультета, три общежития, спортивный комплекс в Кяярику, к 1981 г. — здание Научной библиотеки, в которой предусмотрено размещение 5,5 млн. томов. В 1982 г. университетский ансамбль пополнился корпусом физкультурного факультета и второй очередью корпуса физического факультета с аудиториями для 1100 студентов ²⁷.

Научно-исследовательская работа занимает важное место в деятельности университета. Более тесной стала его связь с народным хозяйством и развитием культуры. Ныне он имеет 9 факультетов, Институт общей и молекулярной патологии, ряд проблемных лабораторий и других учреждений. В нем учатся 7500 студентов, трудятся 1100 преподавателей и научных работников. Наряду с традиционными появились новые научные учреждения — лаборатории, проблемные лаборатории по отраслям народного хозяйства, в т. ч.: химической кинетики и катализа, электролюминесценции и полупроводников, биофизики и электрофизики, аэроионизации и электроаэрозолей, по основам мышечной деятельности, криминологии, искусственного интеллекта, торговли, промышленной психологии, коммунистического воспитания, комплексного изучения высшей школы. В 1979 г. создан Институт общей и молекулярной патологии. В его составе — 16 лабораторий и опытная база. Его деятельность связана с исследованиями, ведущимися на кафедрах медицинского факультета ²⁸.

В университете представлены разнообразные науки, причем многие его школы получили международное признание и составляют ныне неразрывную часть советской науки, реализуют ряд всесоюзных и республиканских программ, иногда на договорных началах — совместно с зарубежными учреждениями. Значительные успехи достигнуты в сфере общественных наук. Кафедра философии комплексно изучает социальную детерминацию познания, использует данные кибернетики и теории информации, металлингвистики и генетики. Высоко ценятся труды проф. Л. Н. Столовича по эстетике. Историки изучают революционное движение и аграрную историю Эстонии, а также историю скандинавских стран. С 1956 г. здесь издается «Скандинавский сборник» ²⁹. Сотрудниками исторических кафедр совместно со специалистами по истории других наук издана трехтомная «История Тартуского университета, 1632—1982» на эстонском языке (однотомное издание опубликовано на русском и подготовлено к изданию на английском).

В области филологии университет имеет ряд школ. Основоположником советского финно-угроведения является акад. АН ЭССР П. А. Аристэ. Ведутся исследования по грамматике, лексике и исторической фонетике финно-угорских языков. Кафедра фин-

²⁶ Подробнее см. Ребане К., Сийливаск К. Развитие науки в Советской Эстонии. О развитии науки в Прибалтике за годы Советской власти (Эстонская ССР). Таллин. 1977, с. 6—13.

²⁷ История Тартуского университета, 1632—1982. Таллин. 1982, с. 209—211.

²⁸ Tartu ülikooli ajalugu kolmes köites 1632—1982. Tartu ülikooli ajalugu III 1918—1982. Koost. K. Siilivask ja H. Palamets. Tallinn. 1982, lk. 228—231.

²⁹ История Тартуского университета, с. 227, 233—236.

но-угроведения совместно с Институтом языка и литературы АН ЭССР издает журнал «Советское финно-угроведение». П. А. Аристэ избран почетным доктором университетов Хельсинки, Тампере и Сегеда, иностранным членом АН Финляндии, почетным членом АН Венгрии, Американского лингвистического общества и других международных обществ. Широкую известность получила тартуская семиотическая школа во главе с Ю. М. Лотманом, многие ее труды переведены на иностранные языки, а Ю. М. Лотман избран чл.-корр. Британской академии, вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики, почетным членом Американского семиотического общества³⁰. Ведется изучение эстонского языка, литературы, фольклора.

В математике международное признание получила школа Г. Ф. Кангро: он создал новый метод нахождения факторов суммирования. В вычислительной математике под руководством Г. М. Вайникко разработана общая теория сходимости приближенных методов. Высокую оценку получили труды по дифференциальной геометрии под руководством Ю. Г. Лумисте. В университете возник ряд направлений по физике, которые в настоящее время развиваются в системе АН ЭССР. Акад. АН ЭССР А. Я. Киппер положил начало исследованиям по астрофизике. Выросло поколение специалистов по астрофизике и звездной астрономии, которое сейчас составляет ядро коллектива Института астрофизики и атмосферной физики АН ЭССР в Тыравере. Развернулись исследования по физике твердого тела под руководством акад. АН ЭССР Ф. Д. Клемента. Они ведутся совместно специалистами университета и Института физики АН ЭССР. Коллектив во главе с чл.-корр. АН ЭССР В. А. Пальмом признан ведущим всесоюзным центром по фундаментальным проблемам органической химии. Издана 10-томная «Скорость гетеролитических органических реакций и таблицы констант равновесия». Широко исследуется электрохимия твердых электродов³¹.

Геоботаники и экологи, наряду с изучением природы республики, организуют экспедиции на Таймыр, Камчатку и о-в Врангеля, а также в арктические районы Канады. Закономерности растительного покрова и проблемы окружающей среды исследует группа по антропогенной динамике экосистем под руководством чл.-корр. АН ЭССР Х. В. Трасса. Методика, разработанная ею, применяется в Сибири и на Дальнем Востоке, а Х. В. Трасс избран членом Международного общества изучения растительного покрова, Американского экологического общества, других научных обществ. В состав медицинского факультета входит единственное в СССР отделение спортивной медицины, готовящее специалистов для всей страны. Под руководством чл.-корр. Академии медицинских наук СССР Ю. М. Саарма разработана комплексная методика динамического клинико-физиологического исследования психических больных и объективной оценки эффективности терапии, а Ю. М. Саарма избран президентом Международной секции высшей нервной деятельности Всемирного общества психиатров, членом научных ассоциаций и обществ США, Бельгии, Канады и других стран. В тартуской школе нейрохирургии под руководством Э. И. Раудамы достигнут высокий уровень лечения кровеносных сосудов мозга, впервые в СССР стала применяться массовая прививка противополиомиелитной живой вакцины. Новые данные, полученные А. Ленцером по микробиологии пищеварительного тракта, находят применение в планировании медико-биологических исследований при длительных космических полетах³².

За выдающиеся заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров и развитии науки Тартуский университет в 1967 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени; постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 апреля 1978 г. признан ведущим вузом в числе 20 других советских университетов и 50 отраслевых вузов; в 1982 г. награжден орденом Дружбы народов. Большая группа преподавателей удостоена орденов и медалей СССР, а ректору университета А. В. Коопу присвоено звание Героя Социалистического Труда.

*Член-корреспондент АН ЭстССР
К. К. Сийливаск*

³⁰ Кооп А. 350 лет Тартускому университету. Таллин. 1982, с. 45—46.

³¹ История Тартуского университета, с. 244—249.

³² Кооп А. Ук. соч., с. 56—59.

Обзоры

ИСТОРИЯ АЛБАНИИ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ

Советская литература по истории Албании в совокупности специально еще не рассматривалась. В обзорах, касающихся истории Балкан и Албании¹, получили отражение только отдельные периоды и проблемы албанской истории. В настоящем обзоре представлены по возможности полно публикации 60-х — начала 80-х годов, целиком или частично посвященные прошлому этой страны.

В 1965 г. была опубликована «Краткая история Албании»² — первый в советской исторической науке обобщающий труд, охватывающий период с XV в. до оккупации Албании фашистской Италией в 1939 году. В этой коллективной монографии были использованы материалы советских и албанских архивов, мемуары, пресса, монографические исследования. Авторы на основе анализа социально-экономических процессов на разных этапах развития Албании показали решающую роль народных масс в национально-освободительной борьбе. Представляет интерес освещение истории албано-русских отношений, традиций дружбы народов двух стран, влияние революционного движения в России на Албанию.

Рассматривая освободительную борьбу албанского народа под руководством Скандербега, авторы подчеркнули ее организованность, народный характер и международный резонанс. «Силою обстоятельств Скандербег, крупный феодал, превратился в вождя народного ополчения, реорганизованного им затем в регулярную армию... Обладая незаурядным талантом государственного и военного деятеля, он хорошо понял ценность этой народной армии, явившейся на смену эпизодической поддержке со стороны феодальных отрядов»³. В книге охарактеризовано социально-экономическое и политическое развитие Албании в XVI—XVIII вв., последствия турецкого завоевания, распространение мусульманства, антитурецкие выступления албанского народа, установление в XVIII в. прямых политических контактов между албанцами и Россией под воздействием русско-турецких войн. Авторы проанализировали политику полузависимых Шкодринского и Янинского пашалыков в XVIII — первых трех десятилетиях XIX века. Эти пашалыки, фактически находившиеся под властью феодальных правителей из домов Бушати и Али-паши Тепелены, вели войны с султаном. Хотя эти правители стремились к укреплению своей личной власти, в войнах участвовали широкие слои албанского населения. Оба пашалыка сыграли в истории страны прогрессивную роль, нанося удар по феодальной раздробленности и способствуя росту самосознания албанского народа.

Авторы проследили процессы социально-экономического развития Албании в период танзимата, деятельность первых албанских буржуазных просветителей, подъем национально-освободительного движения в годы Восточного кризиса, и особенно во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., деятельность Призренской лиги (1878—1881 гг.), национально-освободительное и культурно-просветительное движение в конце XIX века. В книге рассматривается подъем национально-освободительного движения в стране под влиянием революции 1905—1907 гг. в России, борьба албанского народа за создание своего государства и провозглашение независимости Албании в 1912 году. Подробно охарактеризованы авторами демократическое и национально-освободительное движение в 1918—1924 гг., влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Албанию, борьба за реформы и демократизацию страны в 20-х годах, развитие демократического и рабочего движения в 20—30-х годах, деятельность первых коммунистических групп. Книга завершается событиями, относящимися к периоду террористического режима Зогу и итало-фашистской оккупации

¹ См.: Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М. 1979; Жугра А. В. Возникновение и развитие советского албановедения. В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М. 1981.

² Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М. 1965.

³ Там же, с. 33.

страны в 1939 году. История Албании в целом рассматривается также во «Всемирной истории», учебных пособиях и коллективных монографиях⁴.

Советские историки внимательно изучают проблемы развития исторической науки в Албании. Были опубликованы обзоры ведущего албанского исторического журнала⁵. Они знакомят с главными направлениями исследований албанских историков. В обзорах отмечается, что для албанской литературы начала 70-х годов характерны попытки выйти за рамки описательности, историки больше обращаются к источникам, стремятся более детально анализировать внутренние процессы, происходившие в Албании. Обнаруженные албанскими историками новые материалы заставляют их пересматривать некоторые прежние оценки отдельных событий. Это, в частности, относится к статьям, посвященным 90-летию Призренской лиги. Состоянию изучения балканских проблем в Албании посвящен обзор И. А. Калужской. В нем перечислены главные албанские научные центры, их издания, указаны разрабатываемые вопросы. Проблемы албанской этнографии подробно рассмотрены Ю. В. Ивановой⁶.

Из истории Албании до середины XIX в. советскими историками наиболее изучены антитурецкая борьба албанского народа в XV в. во главе с Скандербегом и антитурецкая борьба в XVIII — первых трех десятилетиях XIX в. в условиях создания, укрепления и падения Шкодринского и Янинского пашалыков. В статье И. Г. Сенкевич⁷ описывается социально-экономическое положение Албании в XIV—XV вв., приводится биография Скандербега, излагается ход возглавленной им антитурецкой борьбы.

Предметом многолетних исследований Г. Л. Арша явились малоизученные сюжеты из истории Албании конца XVIII — начала XIX века⁸. Работы Г. Л. Арша по истории Шкодринского и Янинского пашалыков имеют важное значение в изучении процесса разложения Османской империи, противоречий великих держав на Балканах в конце XVIII — начале XIX века. Базой этих исследований послужили архивные материалы. Широко использованы автором записки иностранцев, главным образом англичан и французов, оказавшихся в начале XIX в. во владениях Али-паши Тепелены. Большой интерес представляет содержащийся в монографии «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в.» подробный историографический обзор работ по указанной выше проблематике. В этом труде раскрывается значение правления Али-паши и Махмуда-паши для политического и экономического развития Албании, воссоздана картина русско-албанских связей XVIII в., показаны участие албанцев в русско-турецких войнах, влияние последних на албанское освободительное движение, описана эмиграция албанцев в Россию и их поселение в Крыму, переговоры Али-паши и Махмуда-паши с Россией. Проблемы освободительной антитурецкой борьбы албанцев затрагиваются и в работах Г. Л. Арша, посвященных этеристскому движению в России, борьбе греческого народа за свержение турецкого ига, деятельности И. Каподистрии⁹.

⁴ Всемирная история. Тт. I—XII. М. 1955—1979; История зарубежных стран после второй мировой войны. М. 1964; Новейшая история. 1918—1939. М. 1972; Экономическая история зарубежных социалистических стран. М. 1977; Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. 1939—1975. М. 1978.

⁵ Смирнова И. Д. Обзор албанского исторического журнала «*Studime historike*». — Вопросы истории (далее — ВИ), 1970, № 1; ее же. Проблемы национально-освободительной борьбы в освещении албанского журнала «*Studime historike*». — ВИ, 1974, № 12.

⁶ Калужская И. А. Албания. В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М. 1980; Иванова Ю. В. Балканская этнография в СССР. В кн.: Балканские исследования. Вып. 5.

⁷ Сенкевич И. Г. Георгий Скандербег — руководитель освободительной борьбы албанского народа в XV в. — ВИ, 1968, № 3.

⁸ Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М. 1963; его же. Из истории албано-французских отношений конца XVIII — начала XX века. В кн.: Французский ежегодник. 1961. М. 1962.

⁹ Арш Г. Л. Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М. 1965; его же. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М. 1970; его же. Балканские горизонты и проекты И. Каподистрии накануне революции 1821 г. М. 1974; его же. Балканские проекты И. Каподистрии накануне греческой революции 1821 г. В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М. 1976; его же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1802—1822. М. 1976.

Комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений: русская дипломатия — Али-паша — албанское национально-освободительное движение рассматривается в монографии А. М. Станиславской¹⁰.

Исследованиям русского историка XIX в. В. В. Макушева о проблемах средневековой Албании посвящена статья Л. П. Лалтевой¹¹. Макушев был первым в России ученым, привлечшим с этой целью материалы зарубежных архивов (в основном итальянских). Работы его были крупным вкладом в тогдашнюю балканистику, ими открывается русская албанистика в области истории.

Советские историки активно участвовали в дискуссиях по проблемам албанского феодализма. На I международном конгрессе балканских исследований (София, август—сентябрь 1966 г.) Г. Л. Арш поставил под сомнение тезис, выдвинутый в докладе албанского историка Л. Миле, утверждавшего, что албанская буржуазия уже в конце XVIII—начале XIX в. сформулировала свои политические и культурные требования. Тогда же А. Д. Новичев в связи с докладами албанских историков А. Буды, Л. Миле, С. Начи выступил против преувеличения значения чифтликов как хозяйств капиталистического типа¹².

Наибольшее освещение в нашей исторической литературе получили проблемы албанского Возрождения (с 40-х годов XIX в. до провозглашения независимости страны). Видным деятелем той эпохи был Наум Векильхарджи. Анализ новых документов о нем содержится в статье Г. Л. Арша и в его выступлении на международной научной конференции, посвященной 100-летию Призренской лиги¹³. Эти документы раскрывают просветительский характер национальной программы Н. Векильхарджи, его борьбу за албанский язык и национальную школу.

Проблемы развития союза Северной Албании и Черногории в 50—70-е годы XIX в., его роли в антитурецкой борьбе, отношения к нему царского правительства рассматривает Н. И. Хитрова на основе донесений русских консулов из Шкодры¹⁴.

Исследованию насыщенного бурными событиями периода второй половины XIX в. посвящены основанные на большом круге архивных документов работы И. Г. Сенкевич. В ее трудах рассмотрена история албанского освободительного движения в годы Критского восстания (1866—1869 гг.), показано влияние его на албанцев, проживавших в южной части Европейской Турции, охарактеризовано участие Албании в балканских событиях 60-х годов прошлого столетия¹⁵. В монографии того же автора об Албании в период Восточного кризиса, в ее статьях по проблемам албанского национально-освободительного движения во второй половине XIX в. также широко использованы неизвестные ранее архивные материалы советских, югославских и других архивов¹⁶. В книге «Албания в период Восточного кризиса» И. Г. Сенкевич критически

¹⁰ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической Республике. 1788—1807. М. 1976.

¹¹ Лалтева Л. П. В. В. Макушев как исследователь истории средневековой Албании. В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин. 1982.

¹² Congrès international des études balkaniques et Sud—Est européens, Ier, Sofia, 1966. Actes... 4. Histoire (XVIII—XIXe ss.). Sofia. 1966, pp. 143—144.

¹³ Арш Г. Л. Новые данные о видном деятеле албанского национально-освободительного движения XIX в. Науме Векильхарджи. — Новая и новейшая история (далее — НИИ), 1974, № 6; О выступлении Арша см.: Rilindja (Prishtine), 1978, 9 qershor.

¹⁴ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М. 1979.

¹⁵ Сенкевич И. Г. Албанское освободительное движение в годы Критского восстания 1866—1869 гг. М. 1966; е е же. Из истории албанского освободительного движения в 1866—1869 гг. (По материалам советских архивов). — Congrès international des études balkaniques et Sud—Est européens, Ier, Sofia, 1966, Actes... 4. Histoire (XVIII—XIX ss.); е е же. Россия и Критское восстание. 1866—1869. М. 1970.

¹⁶ Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.). М. 1965; см. также: е е же. Из истории австрийской агрессии на Балканах. — ВИ, 1961, № 1; е е же. Аграрные отношения в Албании в середине XIX в. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс. 1964; е е же. Из истории освободительного движения на Балканах в период Восточного кризиса 1875—1878 годов. В кн.: Колониальная политика и национально-освободительное движение. Книжнесп. 1965; е е же. Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг. В кн.: Славянское источниковедение. М. 1965; е е же. Нови материјали од архивот на М. А. Хитрово. — Гласник за Институтот за национална историја (Скопје), 1965, № 2; е е же. Реакционная политика Австро-Венгрии на Балканах

оценивает теории буржуазных авторов по этому вопросу и анализирует проблемы социально-экономического развития Албании, деятельности Призренской лиги, связей албанского и славянских народов Балканского полуострова, международной борьбы вокруг Албании, отношения к албанскому освободительному движению правительственных кругов и демократической общественности России. Раскрывая роль Призренской лиги в освободительной борьбе албанского народа, И. Г. Сенкевич одновременно показывает непоследовательность Лиги, отсутствие у нее четкой политической организации и ясной программы, что было обусловлено пестрым социальным составом участников и разнообразием в политических взглядах руководителей. И. Г. Сенкевич прослеживает в деятельности Лиги тенденцию к союзу с соседними славянскими народами в борьбе за освобождение от турецкого ига, проявление доверия и симпатии к России, желание заручиться ее поддержкой.

К 100-летию Призренской лиги советские исследователи подготовили ряд работ. В статьях Г. Л. Маньковской использованы материалы, содержащиеся в газетах «Голос» и «Новое время», поместивших на своих страницах за период деятельности Лиги (июнь 1878 — апрель 1881 г.) около 500 статей и корреспонденций, касающихся албанского национально-освободительного движения. Впервые на русском языке приводятся воспроизведенные полные тексты первого и второго постановлений Лиги с историческим и географическим комментариями. Материалы русской печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. отразили большой интерес и симпатию в России к Призренской лиге и руководимой ею борьбе албанцев за национальное освобождение¹⁷. К 100-летию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вышел фундаментальный труд — «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX в.» (М. 1978), в котором, в частности, говорится о месте Албании и албанского освободительного движения в Восточном вопросе.

Под влиянием революции 1905—1907 гг. в России начался новый этап национально-освободительной борьбы албанского народа, закончившийся провозглашением независимости страны в 1912 году. Эти события нашли отражение в работах И. С. Галкина, Э. Урибес, К. Э. Кировой. В монографии И. С. Галкина¹⁸ прослежено развитие капиталистических отношений в Албании в условиях господства феодализма и проникновения иностранного капитала, охарактеризованы положение крестьянства и его место в национально-освободительном движении, влияние первой русской буржуазно-демократической революции на Албанию; показана шовинистическая политика младотурок в Албании; исследованы албанские восстания 1910, 1911, 1912 гг. и отношение к ним европейских держав. Автор сравнивает восстания 1910, 1911 гг. со всеобщим — 1912 г., охватившим почти всю страну и самые различные слои населения и приведшим к провозглашению независимости Албании.

Балканский кризис 1911 г. и отношение к нему европейских держав — тема статьи Э. Урибес¹⁹. В ней отмечается, что политический кризис на Балканах весной — летом 1911 г. был вызван восстанием албанского народа против турецкого владычества, которое приобрело международный характер и привело к вмешательству в албано-турецкий вооруженный конфликт европейских и балканских государств.

в 60—70-х годах XIX в. В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М. 1965; сс же. Народное движение в западных районах Балканского полуострова в 80—90-е годы XIX в. и дипломатия Австро-Венгрии. В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М. 1968.

¹⁷ О сообщениях Г. Л. Арша, Г. Л. Маньковской, Н. Д. Смирновой по новым материалам, извлеченным из советских архивов и русской дореволюционной печати на международной научной конференции, посвященной 100-летию Призренской лиги, см. Rilindja (Prishtinë), 1978, 9 qershor; Маньковская Г. Л. Албанская лига в русской печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. В кн.: Балканские исследования. Вып. 4. М. 1978; сс же. Призренская лига — руководитель национально-освободительной борьбы албанского народа (По материалам русской периодической печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX в.). — Etudes balkaniques, 1979, № 1.

¹⁸ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М. 1960.

¹⁹ Урибес Э. Балканский кризис 1911 г. и европейские державы. — Советское славяноведение, 1977, № 1.

Стратегические интересы, экономическое, идеологическое и религиозное проникновение Италии в Албанию в условиях обострения противоречий между Италией, Австро-Венгрией и Турцией рассматриваются в работах К. Э. Кировой²⁰.

В монографии Ю. В. Ивановой²¹ подвергнуты историко-этнографическому анализу общественные отношения в высокогорной области Северной Албании с середины XIX в. до 1912 г. на основе документов обычного права, донесений русских консулов и личных наблюдений автора. Она характеризует общественный строй горцев как переходный к классовому, выявляет в нем элементы социального неравенства. Монография помогает понять причины участия населения северных районов Албании в борьбе против турецкого господства. Кроме того, выводы автора относительно специфики семьи, кровной мести, поборимства и т. д. дают возможность лучше объяснить характер поведения горцев во время антифашистской борьбы, методы проведения в этом районе аграрной реформы и других социалистических преобразований.

Предметом исследования советских ученых явились малоизученные проблемы формирования национальной культуры в период албанского Возрождения. Эти вопросы исследуются Т. Ф. Серковой, которая рассматривает их на фоне истории страны, в частности развития общественного сознания²². История албанской культуры исследуется также в связи с анализом творчества отдельных ее представителей²³.

В ряде работ рассматриваются проблемы истории независимого Албанского государства. Характеристика албанского демократического и коммунистического движения 20-х гг. и буржуазно-демократического правительства Фаха Ноли дается в т. 5 коллективной монографии «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» (М. 1981). Политике Италии в Албании в начале XX в. посвящены монографии К. Э. Кировой и статья З. П. Яхимович²⁴. Внутриполитические и внешнеполитические аспекты истории Албании 20—30-х годов получили освещение в работах Н. Д. Смирновой. Жизнь и деятельность Ф. Ноли — выдающегося албанского демократа и просветителя, внесшего большой вклад в развитие национальной культуры, общественной мысли, освободительного антифеодального движения, видевшего в Советском Союзе друга албанского народа, рассматриваются ею в общем контексте истории албанского демократического движения, с показом его сильных и слабых сторон²⁵. Н. Д. Смирнова подвергла анализу идейно-политическое содержание стихотворных произведений Ф. Ноли, используя собственные переводы их на русский язык. Малоизвестное, но важное событие албанской истории — восстание в Фиери в 1935 г. против диктатуры Зогу оценивается ею²⁶ как первая попытка организации народного фронта для борьбы против реакции. Отражению кризиса режима Зогу в албанской печати 30-х годов посвящена статья Г. И. Эйнтрей²⁷.

²⁰ Кирова К. Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М. 1973; ее же. Итальянское проникновение в Албанию (1897—1911 гг.) — Балканский исторический сборник, Кишинев, 1973, № 3.

²¹ Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М. 1973.

²² См. Маньковская Г. Л. К изучению вопроса о формировании албанской национальной культуры. — Культура и общество в эпоху становления нации. М. 1974; Серкова Т. Ф. О некоторых аспектах развития албанской культуры. В кн.: Балканские исследования. Вып. 6. М. 1980.

²³ Иванова Ю. В. Албанцы. В кн.: Народы зарубежной Европы. Т. 1. М. 1964; Маньковская Г. Л. Издание и распространение переводов художественной литературы как один из факторов развития национальной культуры (на материале Албания, Болгарии, Югославии с середины XIX в. до 1944 г.). Автореф. канд. дисс. М. 1970; Серкова Т. Ф. Литература итальянских арберешей и проблемы албанского романтизма. 1836—1900. Автореф. канд. дисс. М. 1974.

²⁴ Кирова К. Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.); Яхимович З. П. Политика Италии в албанском вопросе в 1913—1914 гг. — Ученые записки Оренбургского пединститута, 1973, вып. 40.

²⁵ Смирнова Н. Д. Албанский «красный епископ» Фах Ноли. — ННИ, 1973, № 3.

²⁶ Смирнова Н. Д. Восстание в Фиери в 1935 г. В кн.: Балканские исследования. Вып. 3. М. 1978.

²⁷ Эйнтрей Г. И. Отражение в албанской прессе 30-х годов социального кризиса монархии Зогу. — Вестник Ленинградского университета, 1969, № 3, история, язык, литература, вып. 2.

В работах Н. Д. Смирновой о политике Италии на Балканах²⁸ использованы многие неопубликованные источники из архивов Албании, Болгарии, Италии, Югославии. В монографиях о политике Италии на Балканах с 1922 по 1941 г. автор подчеркивает важность для Италии данного направления ее внешней политики, большое место отводит итало-албанским и итало-албанско-югославским отношениям. Н. Д. Смирнова прослеживает их историю в период господства в Албании режима Зогу и в годы установления в стране буржуазно-демократического правительства Ноли. Детально анализируется ею социально-экономический и военно-политический характер первого и второго Тиранских пактов, секретных итало-албанских договоров, военных конвенций, политико-экономических соглашений. Подробно рассматривается также итало-албанский конфликт 1932—1934 гг., в ходе которого, как отмечает Н. Д. Смирнова, прошли проверку колониалистские методы итало-фашистской политики. Автор подчеркивает непопулярность политики Зогу, ненависть албанского народа к нему и его итальянским покровителям, стремление Муссолини использовать внутренние трудности, возникшие для Зогу в стране, для еще большего усиления позиций Италии в Албании. Подготовку оккупации Албании, ее захват Италией в 1939 г., начало и рост антифашистского движения Сопротивления в стране, его связь с сопротивлением в соседних балканских странах Н. Д. Смирнова рассматривает на широком фоне событий на Балканах накануне и начального периода второй мировой войны. Место Албании в захватнических планах Италии (по итальянским документам) исследуется также в статье И. Н. Чемпалова²⁹. Проблемам борьбы Югославии и Италии в 20-е годы за влияние в Албании (в особенности за экономическое), их политике в отношении Албании в период диктатуры Зогу и в годы буржуазно-демократического правительства Ноли посвящена статья Н. В. Метасовой³⁰.

Во многих советских работах о второй мировой войне имеется материал о движении Сопротивления в Албании в 1939—1944 годах³¹. В статье Н. Д. Смирновой дается характеристика социально-экономического положения довоенной Албании, показано кризисное состояние экономики, ее зависимость от Италии и необходимость решения аграрного и национального вопросов. Автор прослеживает процесс нарастания в стране после ее оккупации Италией антифашистского движения, создания и оформления национально-освободительного фронта, создания компартии и ее роль в организации движения Сопротивления. Широко освещается вопрос о поддержке Советским Союзом партизанского движения в Албании, влиянии Великой Отечественной войны на антифашистское движение в Албании. В сборнике «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне» широко отражены и такие вопросы военного характера, как использование Италией Албании в качестве плацдарма для

²⁸ Смирнова Н. Д. Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932—1934 гг. М. 1974; ее же. Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932—1934 гг. В кн.: Балканские исследования. М. 1976; ее же. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М. 1969; ее же. Захват Албании фашистской Италией в 1939 году.— ВИ, 1969, № 4; ее же. Политика Италии на Балканах. Очерк дипломатической истории. 1922—1935 гг. М. 1979; ее же. Италия и Албания — конфликт 1932—1934.— *Etudes balkaniques*, 1976, № 4.

²⁹ Чемпалов И. Н. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.). В кн.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Сб. 2. Свердловск. 1973.

³⁰ Метасова Н. В. Борьба Югославии и Италии за влияние в Албании (1924—1926 гг.). В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М. 1978.

³¹ Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М. 1962; Семиряга И. И. Эхо Сталинградской битвы. Волгоград. 1969; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М. 1972; Валев Л. Б., Славин Г. М. Отклики Сталинградской битвы на Балканах. В кн.: Балканские исследования. М. 1976; Зеленев В. В. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы. В кн.: Балканские исследования. М. 1976; История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. М. 1978; Смирнова Н. Д. Борьба албанского народа за свое национальное и социальное освобождение (1941—1944). В кн.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. М. 1978; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 5.

агрессии против Греции, немецко-фашистские операции (1943—1944 гг.) против албанских партизан, политика англо-американского командования в отношении освободительного движения в Албании и др.

Послевоенному периоду посвящена монография Н. Д. Смирновой об образовании Народной Республики Албании³². В ней рассматриваются первые мероприятия народной власти, создание социалистического сектора в народном хозяйстве, проведение аграрной реформы, выборы в Учредительное собрание, провозглашение республики 11 января 1946 г. и внешняя политика ее правительства. Важной является постановка автором на албанском материале вопроса о процессе строительства основ социализма в стране, которая миновала стадию развитого капитализма и в которой к моменту революционных преобразований сохранились значительные элементы феодальных и патриархальных отношений. В книге раскрываются сложность, объективные и субъективные трудности социалистического строительства в Албании.

Особенности народно-демократической революции в стране охарактеризованы в коллективной монографии «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М. 1977)³³. О специфических чертах национализации промышленности в Албании 40-х годов говорится в монографии Г. П. Мурашко³⁴. В ней показано, что из-за низкого уровня развития капитализма албанская буржуазия не имела значительных позиций в экономике страны, основным эксплуататором трудового народа выступал итальянский капитал. В связи с этим конфискация и национализация промышленности была направлена главным образом против иностранных и наиболее крупных албанских предпринимателей.

В ряде работ рассматривается социально-экономическое и политическое положение Албании, ее внутренняя и внешняя политика, советско-албанские отношения в 50—70-х годах³⁵.

Вопросы истории развития общественно-политической мысли в Албании рассматриваются в работах советских авторов, посвященных албанским политическим деятелям и писателям XX века — М. Грамено, Мидьени, Ф. Ноли. Г. И. Эйнтрей³⁶ показывает, какое большое влияние ленинские идеи оказали на М. Грамено — видного албанского революционера — демократа и писателя. В монографии Г. И. Эйнтрей о творчестве Мидьени³⁷ раскрывается идейная и творческая эволюция классика албанской литературы на фоне процессов, происходивших в Албании первых трех десятилетий XX века. В работах Г. Л. Маньковской³⁸ предпринята попытка рассмотреть творчество Ф. Ноли в тесной связи с его общественно-политическими и философскими взглядами, с работами исторического и музыковедческого характера; особое внимание обращено при этом на изучение спорных вопросов: отношение Ф. Ноли к философии

³² Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албании. 1939—1946. М. 1960.

³³ Под таким же названием (М. 1977) был издан библиографический указатель, в котором содержится раздел «Народная Социалистическая Республика Албания», включивший в себя документальные публикации и исследования о становлении народно-демократической власти в Албании.

³⁴ Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1979.

³⁵ Тягуненко Л. В. Развитие экономики Народной Республики Албании. М. 1960; Проблемы экономического развития зарубежных стран социализма. Ч. III. М. 1975; Грижас Р. И. В стороне от социалистической интеграции (Обзор экономического развития Албании). В кн.: Проблемы экономической интеграции социалистических и капиталистических стран. М. 1976; Смирнова Н. Д. Некоторые вопросы советско-албанских отношений послевоенного периода. В кн.: На путях нерушимой дружбы. М. 1977; Валев Э. Б. Народная Социалистическая Республика Албания (НСРА). В кн.: Экономическая география зарубежных социалистических стран (Европа, Куба). М. 1978 (2-е изд.).

³⁶ Эйнтрей Г. И. Албанский писатель-демократ М. Грамено и его восприятие идей В. И. Ленина. — Вестник Ленинградского университета, 1970, № 8, история, язык, литература, вып. 2.

³⁷ Эйнтрей Г. И. Творчество Мидьени. Л. 1973.

³⁸ Маньковская Г. Л. Литературное творчество Фана Ноли. М. 1974; ее же. Проблемы изучения литературного творчества Фана Ноли — *Études balkaniques*, 1975, № 1.

Ницше, религии, буржуазному обществу, к поведению революционной власти после свержения тирании в отношении контрреволюции.

Таким образом, в советских публикациях последних десятилетий отражены в той или иной степени почти все периоды истории Албании. Для работ советских албанистов характерно обращение к неразработанным ранее проблемам, широкое использование новых архивных материалов, опубликованных документов и специальной литературы, наличие солидного научного аппарата, критика концепций буржуазных авторов. Советские исследования по истории Албании вносят значительный вклад в изучение прошлого этой страны и Балкан в целом. Они отвечают исторически сложившимся традициям дружбы и сотрудничества между Албанией и СССР.

Советские авторы в своих работах подчеркивают, что Правительство СССР, верное своей интернационалистской политике, последовательно выступает за нормализацию отношений с Албанией.

Г. Л. Маньковская

Рецензии

А. К. БИРОН, М. Ф. БИРОН. *Становление советской историографии Латвии. 20-е и 30-е годы XX века.* Рига. Зинатне. 1981. 323 с.

В 1960—1970 гг. советская историография обогатилась рядом исследований о развитии исторической науки в союзных республиках. Как правило, работы этого типа охватывают полувековой период развития науки. Начальному этапу — 20—30-м годам в них уделяется недостаточное внимание. К тому же в оценках данного периода зачастую нет должной ясности, аргументированности, основанной на конкретном историографическом материале. Значительный шаг в этом направлении был сделан и историками Латвии. В 1970 г. вышла в свет монография, которая охватывала широкий круг проблем — от археологии и феодальных отношений до современности¹. Однако вопросы становления советской историографии Латвии в ней затрагивались вскользь.

Исследование чл.-корр. АН ЛатССР А. К. Бирона и научного сотрудника Института истории партии при ЦК КП Латвии М. Ф. Бирон построено в строгом соответствии с современным пониманием предмета и задач историографического труда. Авторы уделили значительное внимание организации, структуре и деятельности научных центров по изучению истории Латвии, главным образом истории революционного

движения, процессу формирования архивов, собирания документов и мемуаров, археографической работе. В ряде случаев авторы излагают планы научных исследований и публикаций. Это необходимо для понимания проблематики и круга интересов историков. Однако следует упрекнуть авторов в чрезмерной детализации, когда речь идет о планах, которые по тем или иным причинам не были осуществлены. Во второй части книги рассматриваются научные результаты исследований латвийских историков, их историографическое значение.

Наши представления о развитии советской исторической науки с выходом книги обогащаются, наполняются новым, конкретным емким материалом, имеющим не только частное, местное, но и важное общее значение для понимания истории науки в масштабах Советского Союза. Это определяется той ролью, которая выпала на долю рабочего класса Латвии в общероссийском революционном движении, особенно в трех революциях.

Авторы учитывают коренную особенность процесса становления советской историографии Латвии. В дореволюционный период марксистская мысль в Латвии была представлена видными революционерами (П. Стучка, К. Ландер, Я. Янсон и др.), тесно связанными с большевистской партией, с

¹ Бирон А. К., Дорошенко В. В. Советская историография Латвии. Рига. 1970.

В. И. Лениным. За ними следовал большой отряд молодых марксистов. После кратковременного существования Советской власти в Латвии (1918—1919 гг.) часть латышских большевиков перенесла свою деятельность на территорию Советской России. Здесь и началось формирование архивов и научных центров по изучению истории Латвии и особенно ее революционного движения.

Одновременно с созданием истпартов при ЦК РКП(б) был организован латвийский истпарт, идейным руководителем и вдохновителем которого был П. Стучка. Его организаторская и научная деятельность освещается авторами в различных разделах книги, в целом же в ней дается яркая характеристика вклада этого выдающегося государственного и партийного деятеля в советскую историческую науку. Авторы выделяют и второй научный центр исторических исследований — Комиссию по истории латышских стрелков. Они отводят также большое внимание культурно-просветительному обществу «Прометей» и его издательству, латвийскому землячеству Общества старых большевиков, Прибалтийской секции при Ленинградском отделении Общества историков-марксистов и другим организациям, которые внесли значительную лепту в концентрацию документальных материалов, их научную разработку и издание.

Привлекают внимание наблюдения авторов о преемственности в собирании документов и мемуаров в дореволюционный период и после Октября. Латышские большевики проявили высокое понимание значимости материалов по истории общественного и революционного движения. Они создали базы хранения документальных материалов в ряде стран Западной Европы и Америки. Одну из программ собирания материалов составил Я. Райнис — крупнейший поэт Латвии. После победы Октябрьской революции архив стал концентрироваться при Латышской секции Коминтерна. Многие современные труды историков революционного движения Латвии выполнены на документах, собранных в архиве Латвийской секции Коминтерна и Латвийском истпарте. В этих центрах удалось сконцентрировать материалы, которые до революции хранились в Англии, Франции, США и других странах.

Интерес представляют восстановленные авторами методы собирания материалов — деятельность групп содействия истпарту, женских и молодежных рабочих комиссий, Института уполномоченных истпарта, раз-

личные формы организации участников революционной борьбы для создания правдивой истории революции. Несомненное значение имеет вывод, что эти группы и комиссии приближались к типу исследовательских коллективов и приобрели значительный опыт научной и публикаторской работы. Ценные источники были получены при анкетировании и интервьюировании активных участников революционного движения. Таким образом, был собран уникальный материал, использованный затем в «Книге памяти павших борцов революции» (т. 1. М. 1933; т. 2. М. 1936. на лат. яз.).

Уже на этом этапе развития латвийской исторической науки был предпринят поиск ленинских документов в личных архивах партийных и советских деятелей Латвии. Так, Я. Берзинь (Зиемелис) передал в ЦПА уникальные материалы — ленинские письма и записки (с. 39, 55 и др.). Собранные в те годы мемуары участников движения сохранили для истории драгоценные факты о ленинских принципиальных указаниях по вопросам аграрной и национальной политики Советской власти в Латвии, о встречах Ленина с латышскими стрелками (с. 219, 251 и др.)².

Значительный круг проблем, как показали авторы, был посвящен социально-экономическим и политическим предпосылкам трех революций на территории Латвии. Важным направлением в исследованиях была история рабочего и коммунистического движения в крае как неотъемлемой части общероссийского движения. Воздействие ленинских идей, программных документов «Искры» на революционное движение в Латвии уже в 20—30-е годы становится ведущими темами в работах историков. Анализ аграрных отношений в Латвии в XIX—начале XX в. привел историков к выводу о формировании многочисленного отряда сельскохозяйственных рабочих и «серых баронов», о сближении интересов помещиков и латышской сельской буржуазии. Всем своим содержанием эти труды были направлены против постулатов прибалтийско-немецкой и латышской буржуазной историографии об отсутствии классовой борьбы в деревне и культуртрегерской миссии немецких помещиков в Латвии. Авторы выделили работы П. И. Стучки «Труд и земля», Ю. Кирша «Аграрная революция в Прибалтике» (с. 163—165), в которых дана аргу-

² См. также: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига. 1969.

ментированная критика К. Каутского и доказана закономерность революционной ломки всей системы аграрных отношений в Латвии.

Важным результатом исследований социально-экономических предпосылок трех российских революций явился коллективный труд «Пролетарская революция в Латвии», вышедший в 1924 г. (с. 174—176). В нем были объединены научные статьи, воспоминания, публикации документов, которые до настоящего времени активно используются исследователями. Наиболее крупные результаты были достигнуты историками Латвии в разработке истории революции 1905—1907 годов. В центре этой литературы была идея гегемонии пролетариата в городах и селах Латвии.

Значительным вкладом в советскую историографию является анализ авторами итогов работы первого поколения советских историков Латвии. Латышские большевики, строители первой Советской республики Латвии, были и первыми ее историками, организаторами научных центров, собирателями и публикаторами документальных материалов, мемуаров, переизданий революционной прессы. Сложившиеся в эти годы традиции — внимание к исследованию кардинальных проблем истории революционного движения, бережное отношение к источникам, высокая требовательность к качеству изданий, широкое привлечение ветеранов движения к исследовательской и публикаторской работе, как справедливо подчеркивают авторы, оказывают огромное влияние на современную историографию (с. 128, 156—157, 176, 248 и др.).

Стойкими бойцами за власть Советов, за завоевания Великого Октября были легендарные латышские стрелки. Естественно, что история латышских стрелков стала одной из ведущих тем периода становления советской историографии Латвии. Авторы открыли новые страницы в изучении славной истории красных стрелков (с. 137—149, 243—246). В 20—30-е годы были изданы два тома (в трех частях) «Истории латышских стрелков» и два тома книги «Латышский революционный стрелок». Хотя полностью эта большая работа не была завершена, но как показали авторы, значение ее казалось весьма значительным: были разработаны важные вопросы истории выполнения стрелками ответственных заданий Советского правительства, изучен процесс преобразования латышских полков в регулярные части Красной Армии, участие стрелков в подав-

лении антисоветских мятежей, их героическая борьба на различных фронтах гражданской войны.

Работы видных представителей революционного движения, созданные в ходе самих событий, авторы включают в рассмотрение как историографические источники, в которых нашли отражение события 1917—1919 гг. и дан их марксистский анализ. Особенно выделены труды П. И. Стучки, который как член Петербургского Комитета РСДРП(б), депутат Петроградского Совета и член его Исполкома, находился в центре событий и был теснейшим образом связан с революционной Латвией. Его работы, написанные в огне борьбы, сохранили свою актуальность и сегодня. Идейно они были направлены против меньшевистской концепции «неподготовленности» России к социалистической революции и утверждений о «слабости» российского пролетариата. Ведущей идеей в работах П. Стучки, Ф. Розина, Я. Круминя и др. была идея единства революционного процесса по всей России.

Для становления советской историографии Латвии принципиальное значение имело правильное решение вопроса о подготовке Октябрьского вооруженного восстания и роли в нем ближайшего тыла столицы. На это обратили внимание авторы. Они проанализировали работы В. Мишке, К. Гайлиса, К. Иокума, Ю. Кирша, в которых были исследованы такие вопросы, как значение Чрезвычайной конференции социал-демократии Латышского края 16 октября 1917 г., создание «левого блока» в XII армии, накал классовой борьбы в латышской деревне, выполнение латышскими революционными организациями заданий ЦК партии большевиков накануне и в период восстания.

Для изучаемого этапа характерно также интенсивное исследование истории первой Советской Республики Латвии. Работы Я. Круминя, Ю. Данишевского, Я. Калиберзина и других раскрыли героическую борьбу трудящихся Латвии за Советскую власть, военно-стратегическое положение республики, оказавшейся в положении осажденной крепости. П. Стучка, Я. Круминь, Ю. Данишевский и многие другие считали, что трагический исход борьбы за власть в Латвии был решен не соотношением внутренних сил, не ошибками, действительно допущенными в аграрной политике Советским правительством Латвии, а вмешательством империализма, антисоветской интервенцией. Крупный вклад в исто-

риографию был внесен работой В. Штрауса «Советская Латвия и международная контр-революция», написанной на архивных материалах и опубликованных источниках на латышском, русском и многих других языках. Как показали авторы, эта книга до сих пор широко используется советскими исследователями (с. 244—245).

Авторы отнюдь не склонны идеализировать историческую литературу 20—30 годов. Они отмечают, что в ней проявлялась недооценка значения надстроечных явлений, отдавалась дань экономическому материализму, некоторые гипотезы не были обоснованы конкретным материалом. Отмечают авторы и неизученность в то время многих архивных фондов, очерковость и публицистичность некоторых трудов (что, кстати, отнюдь нельзя безоговорочно считать недостатком). Вполне объективно звучит вывод, что работы рассматриваемого периода «свидетельствовали о поступательном движении исторической науки и явились шагом вперед в развитии советской историографии. Несмотря на то, что они не могли претендовать на фундаментальность

изложения, несли печать известной незавершенности, тем не менее именно эти работы дали возможность последующим поколениям советских историков сделать сопоставления, лучше увидеть общие и отличительные черты развития революционных событий в Латвии и в России в целом» (с. 216).

В монографии раскрыт не только революционный, но и научный подвиг первого поколения советских историков Латвии, показан их весомый вклад в науку. Авторам удалось осветить формы и методы научной разработки актуальных проблем первыми советскими историками Латвии, новизну изучаемых ими вопросов, содержание огромного комплекса различного рода источников, связь научных планов с задачами воспитания молодого поколения на революционных традициях. После выхода рецензируемой книги исследователям развития нашей исторической науки трудно будет обойтись без учета того, что сделали представители первого поколения советских латышских историков.

Е. Н. Городецкий

А. И. АЛАТОРЦЕВА. *Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг.* М. Наука. 1979. 287 с.

На современном уровне развития историографических исследований большое значение приобрело изучение исторической периодики. Это вытекает из следующих факторов: потребности углубленного исследования ленинской программы развития науки; необходимости обобщения принципов преемственности в исторической науке; надобности выявления форм и методов становления и дальнейшего развития исследований по актуальным проблемам в советской исторической науке на важнейших этапах ее жизни — во второй половине 20-х — начале 40-х годов; потребности проследить формирование научной критики; необходимости творческого освоения опыта идейной борьбы советских историков 20—30-х годов в связи с современной идеологической борьбой.

В советской историографии достойное место занимают исторические журналы, среди которых в свое время выделялся первый общенациональный печатный орган широкого профиля — «Историк-марксист», выходящий в свет в 1926—1941 гг. и оказавший

серьезное влияние на утверждение в исторической науке марксизма-ленинизма.

Получив всеобщее признание советской общественности и особенно историков, журнал «Историк-марксист», однако, не был всесторонне изучен¹. Это отчасти объяс-

¹ Одна из первых попыток рассмотрения советской исторической периодики как определенной системы, сложившейся и функционировавшей в 20-е — первой половине 30-х годов, была предпринята в IV томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (М. 1966). Об отдельных исторических журналах имеется несколько кандидатских диссертаций (см.: Комаренко Н. В. Журнал «Летопись революции». Историографический очерк. Автореф. канд. дисс. Киев. 1968; Шельдышев Э. М. Исторический журнал «Пролетарская революция» — орган Истпарта и Института В. И. Ленина (1921—1931 гг.). Автореф. канд. дисс. Л. 1972; Яренгина В. П. Журнал Ленинградского истпарта «Красная летопись» и его вклад в разработку ленинской темы. (1922—1937 гг.). Автореф. канд. дисс. Л. 1981. См. также Комаренко Н. В. Журнал «Літопис революції». Київ. 1970.

няется тем, что только в последнее время наметилась тенденция рассматривать периодическую историографический источник. Акад. М. В. Нечкиной принадлежит инициатива в обосновании включения в понятие предмета историографии не только истории исторической науки, смены ее проблематики, развития документальной базы, но и истории системы научных центров, в том числе и периодики, а также подготовки и переподготовки кадров и пропаганды исторических знаний.

Монография кандидата исторических наук А. И. Алаторцевой (Институт истории СССР АН СССР) не только восполняет существенный пробел в историографии, но и решает некоторые теоретико-методологические проблемы историографии истории СССР. Особое значение имеет в целом удачная попытка теоретической разработки принципов изучения во всем многообразии периодики в ее органической взаимосвязи с жизнью страны, партии и народа, а также предложенная методика комплексного исследования исторического журнала.

Весь материал, содержащийся в монографии, подтверждает взгляд, что историческая периодика — важный историографический факт, входящий в понятие предмета историографии. Это тем более существенно, что до сих пор имеется мнение, что периодика является только условием развития историографии.

Анализ «Историка-марксиста» ведется в монографии в различных планах: как проводника идей партии, пропагандиста, организатора науки, популяризатора и аккумулятора научных идей и научной лаборатории. Принцип подачи материала и структура работы подчинены основным задачам исследования и носят проблемно-хронологический характер. В центре внимания автора оказалось раскрытие роли журнала в борьбе за утверждение марксистско-ленинской концепции исторического процесса, в выработке основных направлений молодой советской исторической науки. Это показано как в общем плане, так и на примере конкретных проблем: русское революционное движение и история трех российских революций, а также теории исторического процесса и учения об общественно-экономических формациях.

Книгу пронизывает мысль о том, что утверждение идей марксизма-ленинизма проходило в борьбе с попытками влияния враждебных концепций на советскую историческую науку. На конкретном материале показана идейная борьба с меньшевистской,

эсеровской, кадетской историографией, с троцкизмом, новой оппозицией и правым уклоном.

В работе прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость деятельности журнала и общественно-политической жизни страны, в первую очередь идейной борьбы с враждебной идеологией, за утверждение марксистско-ленинского мировоззрения. Работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» проанализирована под углом зрения формирования идейных и организационных принципов развития советской общественной науки, а ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» под углом зрения развития партийной и научной периодики.

Большое внимание в книге уделено освещению проблем партийного руководства советской исторической наукой. В связи с этим проанализированы постановления ЦК партии. Об улучшении издания журналов «Пролетарская революция» и «Красная летопись» (1926 г.), «О научных кадрах ВКП(б)» (1929 г.), «О литературной критике и библиографии» (1940 г.) и др.

Комплексное изучение журнала как научного центра и как источника по истории советской исторической науки дало возможность показать его деятельность и особенности на том или ином этапе существования. Сформулировав верный критерий периодизации деятельности журнала — общественно-политическая жизнь страны и этапы развития советской исторической науки, — автор выделил следующие периоды: 1926—1935, 1936—1941 годы. Им выявлены также главные задачи, которые стояли перед журналом в каждый из указанных периодов.

В монографии показано, что связи журнала с ведущими научными учреждениями страны и периодическими изданиями позволяли ему быть в центре развития советской исторической науки, влиять на нее, а главное — занимать передовые позиции в науке, добиваться соответствия тематики и проблематики журнала задачам советской историографии.

В книге выявлены особенности журнала «Историк-марксист»: исследовательский характер опубликованных в нем материалов, методологический аспект их подачи, сочетание проблем отечественной и всемирной истории, что способствовало его трансформации из органа с ограниченной проблематикой в журнал с фронтальной разработкой главных проблем отечественной и отчасти всемирной истории.

Значительное место в книге отведено многочисленным (более 20) дискуссиям по актуальным проблемам исторического знания, проходившим в 20—30-х годах². А. И. Алаторцева стремилась выявить не только классовые и гносеологические позиции отдельных историков или групп ученых, но и показать их роль в становлении и развитии марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Дискуссии того времени не могли решить многих вопросов, поставленных развитием исторической науки. При всей их незавершенности они, однако, имели большое значение, будучи направленными против дворянско-буржуазной историографии и реакционных зарубежных взглядов на историю нашей страны. Анализ опубликованных в журнале материалов дискуссий, а также рецензий позволил автору выйти за рамки объекта исследования и еще шире показать связь журнала с историографией, а следовательно, дать более правильную оценку роли периодики в решении конкретно-исторических и методологических проблем.

Установив круг проблем, отраженных на страницах журнала, автор особое внимание уделил формированию марксистской исторической критики в целом и принципов критики авторами журнала зарубежной историографии, включающих в себя классовый подход, научность. В книге сделана также попытка установить связи идей, в свое время раскритикованных советскими историками, с современной буржуазной советологией.

Заслуживает внимания анализ механизма формирования содержания журнала, стремление показать атмосферу его работы, состав редколлегии, лабораторию редакционного творчества, авторского коллектива и его взаимоотношений с редакцией, что важно не только для характеристики журнала, но и развития советской исторической науки в целом.

Нельзя не отметить сложность источника исследования, то есть журнала, выходившего в течение нескольких временных срезов. В этих условиях нужно было проникнуть в сложную атмосферу разных по своему характеру периодов истории. Кроме того, требовалось проследить влияние материалов и идей «Историка-марксиста» на современ-

ность, а также показать, как главные проблемы его находят продолжение в современной историографии. Трудность исследовательской задачи состояла, наконец, и в том, что журнал не только отражал, но и активно влиял на развитие науки. Указанные сложности в книге в значительной мере преодолены. Это результат того, что автор, не ограничившись анализом содержания журнальных публикаций, устанавливает место его в системе исторических учреждений, в науке того периода в целом. В монографии показаны передовые позиции, которые занимал «Историк-марксист» в науке, соответствие его проблематики задачам советской историографии на каждом этапе ее развития, воздействие на формирование марксистско-ленинской концепции.

Одним из руководителей издания был М. Н. Покровский, оказавший, как известно, большое влияние на его работу, уровень, направленность и характер публикаций. Не ставя перед собой задачу специально изучить процесс становления, развития и эволюции исторической концепции этого крупного советского ученого³, А. И. Алаторцева внесла определенный вклад в понимание процесса преодоления его ошибочных идей и воззрений, которые отражали тогдашнее состояние исторической науки, неразработанность ряда важных проблем, трудности развития марксистско-ленинской историографии. Наиболее полно в монографии освещена критика советскими историками отдельных взглядов М. Н. Покровского (о Древнерусском государстве, абсолютной монархии, империализме, Октябрьской революции и др.) во второй половине 30-х годов.

А. И. Алаторцева не обошла молчанием и существенные недостатки в работе журнала. Это выразилось прежде всего в том, что проблемы современности освещались в нем крайне недостаточно. Одновременно проявлялся фрагментарный подход и к публикации материалов по древней истории, эпохе феодализма и др. Наблюдалось также слабое внимание к отдельным явлениям общественно-политического движения в России. Ленинская концепция трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции⁴, не сразу стала методологической основой в изучении русского революционного движения.

² Напр., О восстании декабристов (1926 г.), наследии Н. Г. Чернышевского (1928 г.), термидоре (1928—1929 гг.), «Народной Воле» (1929—1931 гг.), истории партии как науке (начало 30-х годов), феодализме в России, русском самодержавии и абсолютизме (30-е годы) и др.

³ Подробнее см. Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М. 1970.

⁴ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 261.

Верно подметив, что «Историк-марксист» был активным проводником новых взглядов и концепций в исторической науке, автор доказывает и развивает этот тезис в основном путем анализа ряда оригинальных статей и отдельных дискуссий среди историков. Конечно, это немаловажный фактор в понимании роли периодики в совершенствовании исторических знаний. Вместе с тем было бы интересно показать, как новые идеи продолжали «жить» и совершенствоваться в трудах, появившихся в последующее время, как они служили делу коммунистического воспитания трудящихся масс, росту их сознательности и культуры.

В завершающем параграфе монографии рассматриваются проблемы отражения методологии исторической науки на страницах журнала. Здесь затронуты главным образом вопросы изучения периодизации, наследия классиков марксизма-ленинизма и некоторые другие. Слабее анализируется историографическая ценность и источниковая база отдельных принципиальных статей журнала.

Журнал «Историк-марксист» посвящал много страниц проблемам всеобщей истории, революционного движения в Европе и Азии. Им в монографии уделено недостаточное внимание. В силу этого читатель не

получит всестороннего представления о всех направлениях работы журнала.

Выше отмечалось, что историография периодики в целом и «Историка-марксиста» невелика. Это констатируется и в самой монографии. Однако отдельные статьи и обзоры все же имеются, но автор не показал в полной мере как вклад своих предшественников по изучению темы, так и недостатки, присущие данным историографическим фактам.

Рецензируемая монография — оригинальное историографическое исследование. Она способствует раскрытию не только существенных черт периодики, но и советской исторической науки 20-х — начала 40-х годов, ее поступательного движения, ряда важных ее направлений, связи науки с актуальными задачами развития страны. Основные выводы автора убедительны, обстоятельны, основаны на глубоком анализе материалов как по отечественной, так и по всеобщей истории. Успех автора во многом объясняется тем, что источниковая база монографии весьма широка: в книге проанализированы не только 94 номера журнала и журналы-современники, но и материалы свыше 10 архивных фондов. Ряд материалов из них вводится в научный оборот впервые.

А. И. Зевелев

Г. Л. НИКОЛЬНИКОВ. *Брестский мир и Украина*. Киев. Наукова дум. ка. 1981. 175 с.

Монография ныне покойного доктора исторических наук Г. Л. Никольникова, известного научной общественности своими работами по истории Брестского мира¹, является итогом многолетней исследовательской работы ученого и синтезом всего сделанного советскими историками по этой проблеме. Книга интересна по содержанию, оригинальна по постановке ряда вопросов, актуальна по своей политической направленности. Наличие преемственной связи между многими рассматриваемыми автором конкретно-историческими вопросами и про-

блемами развития современного революционного процесса составляет одну из ее примечательных черт.

Богаты и разнообразны использованные в монографии литературные, архивные и другие источники. Г. Л. Никольников проанализировал и обобщил основную литературу по теме², четко определил достижения

¹ Никольников Г. Л. *Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции*. Киев. 1966; его же. *Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва)*. М. 1968, и др.

² Только за последние 15 лет увидел свет ряд работ: Оздобин Д. В. *От Бреста до Юрьева*. М. 1966; его же. *Политика партии в период мирной передышки 1918 г.* М. 1973; Гусев К. В. *Октябрь и борьба за мир. К истории Брестского мира*. М. 1968; Блинов С. И. *Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры*. М. 1973; Петров В. И. *Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году*. М. 1980, и др.

в ее разработке, сформулировал свои исследовательские задачи. К сожалению, он не дифференцировал оценку перечисленных трудов, а они далеко не равноценны. Сильной стороной работы является то, что автор не ограничился анализом исследований советских ученых, а уделил должное внимание зарубежной историографии, отметив, в частности, большую плодотворную работу, проведенную историками ГДР. Не осталась вне поля зрения автора и буржуазная историография. В книге на основе привлечения широкого круга отечественных и зарубежных источников разоблачаются буржуазные, в том числе националистические фальсификации Брестского мира, истории Украины исследуемого периода, вскрывается классовая сущность антинаучных «теорий».

В отличие от большинства предшествующих работ по теме, в том числе и предыдущих работ Г. Л. Никольникова, рецензируемая монография является одной из попыток комплексного исследования этой сложной темы. Такой подход позволил автору преодолеть встречавшиеся ранее в литературе упрощенные, односторонние трактовки некоторых ее аспектов. Речь идет, во-первых, об имевшей место определенной недооценке роли кайзеровской Германии в осуществлении агрессивных планов империализма против Страны Советов, что отразилось, в частности, в том, что борьба против германского империализма, этого, по словам В. И. Ленина, «застрельщика всемирного империализма»³, зачастую освещалась лишь в плане выхода Советской России из империалистической войны. Во-вторых, борьба трудящихся Украины против агрессии Германии и ее союзников за восстановление Советской власти рассматривается Г. Л. Никольниковым не изолированно, как это имело место во многих предыдущих работах, а в тесной связи и взаимозависимости с Брестским миром с момента его ратификации и до разрыва.

Для полноты изложения и выявления взаимосвязи основных явлений и событий автор часто затрагивает вопросы, уже ставшие предметом исследования, вводя в научный оборот новые интересные факты и аргументы. Так, на в значительной степени новом материале освещается героическая борьба трудящихся Украины за установление Советской власти. При этом детально прослеживаются расстановка классовых сил, объективные и субъективные трудности

борьбы против буржуазии, мелкобуржуазных соглашателей и особенно украинских буржуазных националистов, действовавших под эгидой контрреволюционной Центральной рады, и как итог этой борьбы — утверждение власти Советов и создание Украинского Советского государства.

Среди основной проблематики книги — борьба народов нашей страны за выход из империалистической войны и подписание мира. Сложной, а порой и драматичной, была эта борьба. Из-за отказа стран Антанты и США начать переговоры о немедленном заключении перемирия и всеобщем мире Республика Советов вынуждена была пойти на переговоры с Германией и ее союзниками. В результате титанических усилий Ленина, большевистской партии эти переговоры завершились подписанием в Брест-Литовске мирного договора. Однако в результате агрессии германских империалистов, осуществленной по предательскому призыву Центральной рады, процесс революционных преобразований на Украине был прерван и на ее территории установлен жесточайший оккупационный режим. Это и определило специфику тактики местных большевиков в борьбе за сохранение завоеваний революции, их отношение к Брестскому миру. Анализируя эту тактику, Г. Л. Никольников убедительно показал место Украины в планах империалистов, мечтавших с помощью буржуазно-националистической контрреволюции превратить Украину в опорную базу борьбы против РСФСР, с тем чтобы ослабить, а если представится возможность, и уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Одним из важных аспектов исследования является борьба в партийных организациях и Советах Украины с противниками ленинской политики мира. До недавнего времени этот аспект освещался в литературе без достаточной глубины, а между тем он особенно важен, ибо Украина, ее партийные организации, трудящиеся массы самым ходом развития событий были поставлены на передний край борьбы против интервентов и их прислужников, за сохранение власти Советов в России. Г. Л. Никольников детально прослеживает, как под руководством Ленина, ЦК РКП(б) большевистские организации Украины, преодолевая огромные трудности и сопротивление «левых коммунистов» в своих рядах, становились на правильные, интернационалистские позиции по вопросу о Брестском мире, завоевывали поддержку трудящихся масс. Несмотря на то, что

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 391.

условия мира были очень тяжелыми для Страны Советов, а для Украины особенно, рабочий класс и трудящееся крестьянство республики не поддались на провокационную демагогию его противчиков, осознали вынужденность той жертвы, на которую пошла Советская власть.

Изложенные в книге декларация ЦИК Советов Украины и делегатов IV Всероссийского съезда Советов от советских организаций республики, оглашенная на этом съезде В. П. Затонским (с. 79—80), а также решения II Всеукраинского съезда Советов (с. 82) явились убедительным свидетельством глубокого понимания трудящимися Украины своего интернационального долга, их полной солидарности с русскими братьями. Своей самоотверженной вооруженной борьбой против немецких захватчиков они подрывали силы агрессора, затрудняли ему осуществление дальнейших антисоветских замыслов, способствуя продлению мирной передышки, столь необходимой Советской России.

На примере развития событий на Украине Г. Л. Никольников раскрыл значение фундаментального ленинского положения о том, что в решающий момент партия должна ставить интересы борьбы за социализм выше национальных интересов (с. 60). Опыт Украины подтвердил, и это хорошо показано в книге, что, временно пожертвовав национальными интересами во имя интернациональной цели — укрепления главной базы диктатуры пролетариата в лице РСФСР, рабочие и крестьяне Украины благодаря решающей поддержке трудящихся Советской России сумели вскоре не только завоевать национальную свободу, но и восстановить Советскую власть, которая и обеспечила в дальнейшем невиданный прогресс украинской нации.

Очень ценно, что вооруженная борьба трудящихся Украины за восстановление Советской власти рассматривается Г. Л. Никольниковым в комплексе мероприятий по обороне Страны Советов от внешней и внутренней контрреволюции в целом. Вместе с тем автор уделил много внимания освещению политики Советской России по отношению к Украине в период Бреста, многогранной деятельности Ленина, большевистской партии по мобилизации трудящихся республики на борьбу против оккупантов и буржуазно-националистической контрреволюции, по оказанию всесторонней помощи Украине в сложнейших условиях необходимости сохранения заключенного мира. Уже на VII

съезде РКП(б) в ответ на обвинение «левых коммунистов» в «предательстве» Украины Ленин с полным основанием заявил: «Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем»⁴.

В книге исследуются проблемы партийного строительства на Украине, деятельность Ленина, ЦК РКП(б) по руководству местными подпольными партийными организациями, по оказанию им помощи в выработке правильной стратегии и тактики, по созданию КП(б)У — неотъемлемой составной части единой ленинской партии. При этом автору удалось раскрыть новые аспекты истории создания КП(б)У, обосновать необходимость ее образования, исходя из развития международных отношений, в частности из решения вопроса о войне и мире, интересов защиты завоеваний Великого Октября.

Через всю работу автор проводит важнейшую ленинскую мысль о том, что главным условием освобождения Украины от оккупантов и восстановления здесь Советской власти, так же как и общей победы над силами внешней и внутренней контрреволюции является нерушимое единство трудящихся Украины и России (с. 83, 123, 133, 159, 163, 166, 173, 174). Правильность взятого большевиками и всеми трудящимися массами Украины, России и других республик курса на теснейший братский союз, закрепленного вскоре созданием военно-политического союза между ними, а затем единого многонационального государства — СССР, подтверждена всем последующим опытом народов нашей страны, а также практикой стран социалистического содружества.

Автор удачно освещает сочетание военных, дипломатических и других средств борьбы против оккупантов, а также контактов с революционным движением на Западе и в оккупационных войсках. В монографии прослеживается, как под влиянием героической борьбы трудящихся Украины, братской помощи народов Советской России, нарастания революционного кризиса в Германии и Австро-Венгрии, начавшегося разложения оккупационных войск агрессия германского империализма потерпела полный крах. Аннулирование Советской страной грабительских условий Брестского мира ускорило освобождение Украины и восстановление на ее территории Советской власти.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 32.

Монография представляет собою еще один шаг вперед в изучении важной проблемы. Для дальнейшей ее разработки необходимо прежде всего создание историографических трудов по теме. До сих пор нет ни одной работы, посвященной анализу советской литературы по проблеме в целом, критическому разбору западных буржуазных, белоэмигрантских и буржуазно-националистических изданий. В дальнейшем исследовании

нуждаются такие аспекты, как деятельность ленинской партии по организации единства действий русского, украинского, белорусского и других народов в борьбе за отражение агрессии германского империализма в 1918 году, борьба большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных, в том числе украинских националистических партий.

И. Л. Гоцуляк

С. В. ТЮТЮКИН. *Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг.* М. Наука. 1981. 334 с.

Революция 1905—1907 гг. — выдающееся событие в истории нашей Родины и важный рубеж в становлении большевистской партии. Она подтвердила силу и жизненность ленинской политики. Большевизм «победил в массовом рабочем движении 1905 года»¹. В идейных битвах 1905—1907 гг. столкнулись две концепции революции — большевистская и меньшевистская. Творцом первой был В. И. Ленин, второй — в значительной степени Г. В. Плеханов. Противоборству этих двух концепций, проверке той и другой в огне революции в основном и посвящена монография старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР С. В. Тютюкина. В то же время это первая крупная работа, в которой столь основательно рассмотрена позиция Плеханова в 1905—1907 годах.

В политической эволюции Плеханова то были годы его перехода от примиренчества как особой формы центризма к прямой поддержке меньшевиков. Наиболее ярко это проявилось в условиях спада революции, когда Плеханов как политик и тактик оказался, по оценке Ленина, ниже всякой критики и превратился в вождя тогдашних оппортунистов². Вместе с тем Плеханов занимал в лагере меньшевизма особую позицию, временно отходя от него и критикуя его отдельных представителей, особенно по организационным вопросам. В заслугу автору следует поставить то, что он не пытается спрямить линию поведения Плеханова в революции, а стремится показать ее такой, какой она была на самом деле, — в изломах

и зигзагах; без анализа этих противоречий трудно понять позицию Плеханова на разных этапах революции.

Общезвестно, например, что Плеханов недооценивал революционные возможности крестьянства. Но и здесь у него были метания то в одну, то в другую сторону. Отход его от народничества имел и свои издержки, связанные с утратой некоторых позитивных черт передовой русской демократической мысли XIX века. Это проявилось, в частности, в недооценке революционного ядра крестьянской идеологии. Плеханов стал рассматривать крестьянство исключительно как консервативную силу. Но вот началась революция, и старые оценки пересматриваются. В ноябре 1905 г. он уже требует обратить усиленное внимание на крестьянство, поскольку оно «составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции», и «установить постоянные сообщения между этим резервом и главными силами революционной армии, т. е. пролетариатом»³. После поражения Декабрьского вооруженного восстания отношение Плеханова к крестьянству снова меняется: исчез, как пишет автор, недавний оптимизм, опять начались разговоры о поддержке крестьянами «русской китайщины», о консерватизме и «охранительных» стремлениях «мужика». В 1906 г. Плеханов возвращается к своему старому тезису о рабочих и крестьянах как социальных антиподах (с. 140), а в дальнейшем окончательно отказывается от взгляда на крестьянство как союзника пролетариата в борьбе с самодержавием.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 77.

² Там же. Т. 14, с. 227, 225.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. М.-Л. 1926, с. 350.

Одновременно происходил поворот Плеханова в сторону либеральной буржуазии, что означало полный разрыв с идеей гегемонии пролетариата в демократической революции. Правда, автор отмечает в ранних работах Плеханова некоторые элементы идеи пролетарской гегемонии, подчеркивая при этом, что «Плеханов никогда не опускался до признания желательности гегемонии либеральной буржуазии в освободительном движении, как это делали многие меньшевики» (с. 99). Однако он никогда не высказывался прямо и в пользу гегемонии пролетариата и даже допускал грубые выпады против этой основополагающей идеи ленинской стратегии и тактики. Что касается ранних плехановских работ («Социализм и политическая борьба» и др.), то в них отставалась официальная точка зрения II Интернационала: пролетариат должен сначала стать большинством нации, а уже потом, в одиночку, начинать социалистическую революцию — точка зрения, которая ничего общего не имела с марксистско-ленинским пониманием пролетарской гегемонии в освободительной борьбе (с. 105, 108—111, 120—125).

Для Ленина центр тяжести проблемы гегемонии пролетариата лежал в политическом руководстве трудящимися массами, прежде всего крестьянством, в борьбе за влияние на эти массы. Плеханов был далек от такой постановки вопроса. Утверждение пролетарской гегемонии большевики неразрывно связывали с нейтрализацией либеральной буржуазии, с разоблачением ее предательской роли. Плеханов же толкал рабочий класс на союз с буржуазией, усматривая в ней революционную силу. Поэтому автор прав, когда пишет, что объективно «все его (Плеханова — И. А.) призывы к сотрудничеству с либералами оборачивались свертыванием лозунга гегемонии пролетариата» (с. 124).

В работе прослеживаются взгляды Плеханова и по вопросу о вооруженном восстании. В начале революции его точка зрения выгодно отличалась от официальной позиции меньшевистских лидеров — Мартова, Мартынова, Дана и др. Сама обстановка самодержавного государства, писал он, делает неизбежной вооруженную борьбу с царизмом, и вообще: великие исторические вопросы разрешаются в конечном счете огнем и мечом, «критикой посредством оружия»⁴. Но поражение Декабрьского восста-

ния привело Плеханова в уныние, и он бросает свои печально знаменитые слова: «Не надо было и браться за оружие». «Своей оценкой Декабрьского восстания,— пишет автор,— Плеханов по существу снял с повестки дня лозунг вооруженной борьбы с самодержавием, хотя и не решился сказать об этом прямо и определенно. При этом он дал сигнал к повороту вправо всего меньшевизма, фактически отказавшегося вскоре от самой мысли о возможности в ближайшем будущем нового вооруженного восстания» (с. 205—206). Нетрудно видеть, что колебания Плеханова почти всегда были связаны с теми или иными критическими ситуациями (партийный кризис после II съезда РСДРП, поражение Декабрьского восстания, отступление революции, в более позднее время — первая мировая война).

Оценивая деятельность Плеханова в годы первой российской революции, автор с полным основанием относит его к меньшевистскому лагерю, где он на исходе революции находился порой даже на правом фланге. «То, что роднило его с меньшевизмом, было в конечном счете сильнее отдельных разногласий и личных трений между Плехановым и другими меньшевистскими лидерами... Критика Плехановым отдельных положений меньшевистской платформы носила сугубо «домашний», дружеский характер, тогда как его выступления против большевиков и лично против Ленина обнаруживали в нем принципиального противника стратегии и тактики большевизма, поражая своей необъективностью, а часто и неприкрытой демагогичностью» (с. 73).

В чем же причина меньшевистского перерождения Плеханова? Этот вопрос давно уже дебатруется в нашей литературе. Автор также уделяет ему большое внимание, рассматривая ряд факторов, приведших Плеханова к фиаско. Одним из них, несомненно, явились пороки плехановской концепции социально-экономического развития России⁵. Социально-экономические просчеты вели к политическим заблуждениям. Так, по мнению автора, Плеханов никогда не понимал до конца подлинной природы взаимо-

⁵ Для этой концепции характерны, с одной стороны, недооценка живучести крепостнических пережитков в стране, с другой — принижение зрелости капитализма и остроты порожденного им конфликта между трудом и капиталом. Самодержавный строй Плеханов сближал с восточными деспотиями, причем Восток олицетворял у него только консервативное или реакционное начало.

⁴ Там же, с. 190, 354.

отношений между дворянством и самодержавным государством, разделяя теорию надклассовости, или, точнее, «надсословности», романовской монархии, и твердо придерживался схемы: крестьянин — революционер по отношению к помещику и в то же время «охранитель» по отношению к царю и всему существующему строю, а значит, крайне ненадежный союзник рабочего класса (см. с. 87). Подобные просчеты и привели Плеханова к неверному решению вопроса о движущих силах революции, к преувеличению революционных потенций либеральной буржуазии и умалению роли крестьянства, в конечном счете к отрицанию гегемонии пролетариата в освободительном движении.

Перечисляя другие влиявшие факторы, автор делает особый акцент на оторванности Плеханова от России, от насущных задач массового движения российского пролетариата. «Главное,— утверждает автор,— заключалось все же в потере Плехановым того, что Н. К. Крупская метко назвала «непосредственным ощущением России». Все тоньше и тоньше становилась с годами ниточка, связывавшая Плеханова с тем классом, служению которому он посвятил свою жизнь,— с пролетариатом» (с. 327). Бесспорно, это имело важное значение. И все же главное состояло в другом: в непонимании характера новой исторической эпохи, требовавшей качественного скачка в разработке революционной теории и политики, форм и методов революционного действия рабочего класса. Мысль Плеханова вращалась в кругу привычных представлений, отстоявшихся формул эпохи II Интернационала (к тому же в оценке движущих сил революции он оказался даже ниже некоторых вождей Интернационала). Задача творческого развития марксизма в изменившихся условиях и применения его к конкретным условиям рабочего движения периода империализма оказалась Плеханову не по плечу.

Ленин и Плеханов олицетворяют собой два подхода к развитию марксистской теории: первый — творческий революционный марксизм XX в., второй — разъедаемый

ржавчиной оппортунизма догматический марксизм II Интернационала. Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу. В ней применительно к революции 1905—1907 гг. выясняется, в чем сила ленинской революционной методологии и в чем слабость, порочность плехановской, меньшевистской методологии, характерной и для современного оппортунизма. Это большая, актуальная проблема, и автор коснулся некоторых ее важных сторон. Оппортунизм — родной брат догматизма. По наблюдению автора, Плеханов охотно обращался к работам К. Маркса и Ф. Энгельса периода европейских революций 1848—1849 гг., закрывая глаза на бесспорный факт последующего существенного развития и корректировки ряда содержащихся в них положений, тогда как Ленин рассматривал марксизм в его творческом развитии, акцентируя внимание на тех положениях, которые фиксировали тенденции будущего. И если Ленин рос как теоретик вместе со своей эпохой, открывая все новые горизонты марксистской теории, то Плеханов замкнулся в ограниченном круге идей, высокомерно объявляя любое новаторское решение Ленина «народничеством» или «бланкизмом».

Заканчивая чтение рецензируемой книги, вновь задумываешься над драматической судьбой Плеханова. Его эволюция от революционного марксизма к откровенному оппортунизму во многом поучительна. Она свидетельствует о том, что даже могучий ум, оказавшись в тенетах догматизма, блекнет и теряет свою силу, что даже революционная преданность, не подкрепленная революционной политикой и практикой, оборачивается на деле фактическим отходом от революции. Судьбу Плеханова автор рассматривает не просто как его личную трагедию, а как отражение того политического краха, к которому закономерно пришел меньшевизм.

В целом монография С. В. Тютюкина — серьезная, интересная работа, раскрывающая новые грани истории первой народной революции эпохи империализма.

И. А. Алуф

А. БРАГИН. *В поисках сокровенного*. М. Молодая гвардия. 1981 285 с.

Каждому исследователю истории отечественной науки хорошо известно свидетельство К. А. Тимирязева: «Будущая история признает, что ни один русский ученый не имел такого широкого и благотворного влияния на русскую науку и развитие научного духа в нашем обществе, как И. М. Сеченов»¹. В рецензируемой книге, автором которой является старший научный сотрудник Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, кандидат биологических наук А. М. Брагин, раскрыта сущность этой оценки, о творчестве И. М. Сеченова сказано новое, свежее слово. Обогастилось наше знание о связи профессиональной деятельности этого ученого с общественным движением, с идейной борьбой: раскрыто, как человек науки, десятилетия отдававший повседневному труду у лабораторного стола, стал властителем дум молодого поколения, опасной для правящих кругов фигурой.

Новаторские идеи и открытия Сеченова обогатили физиологию, психологию, биохимию. Но его специальные исследования получили мощный резонанс и далеко за пределами ученого мира. Понять это можно, лишь обратившись к вопросам общественного развития России. Именно такова ориентация автора.

Биографию Сеченова он воссоздает на широком историческом фоне. Интересна впервые отмеченная в нашей литературе черта своеобразной среды, в которой протекало детство Сеченова: «Среди людей, творческим трудом которых создавались российская наука, литература, искусство, развивалась техника, насаждалось просвещение, крепло хозяйство, было немало выросших, подобно Сеченову, в собственных усадьбах» (с. 10). На родине Сеченова, в усадьбах Симбирской губ., сформировались десятки будущих выдающихся деятелей русской культуры, ученых — академиков и профессоров. Достаточно назвать семьи Филатовых, Крыловых, Ляпуновых.

Идейные сдвиги в дворянской среде, назревавшие в предреформенный период, отразились и на эволюции мировоззрения Сеченова. В университетские годы он проникся идеями Т. Н. Грановского, занятия медициной совмещал с увлечением лекциями П. Н. Кудрявцева по истории Реформации.

В них доказывалось, что двигателем прогресса служит свобода. Сеченов общался с главой кружка «Москвитянин» А. Григорьевым. Начав свою профессорскую деятельность в Петербурге, в Медико-хирургической академии, Сеченов усвоил революционно-демократические идеи, сблизился с окружением Н. Г. Чернышевского². В числе друзей были арестованные по делу о распространении «Великорусса» В. Обручев и П. Боков.

Используя архивные материалы, дневники Д. И. Менделеева, дружившего с Сеченовым, и другие малоизвестные источники, А. М. Брагин выявил такое существенное для понимания идейного облика Сеченова обстоятельство, как его участие в событиях, связанных с оппозиционными выступлениями студентов и передовой интеллигенции в начале 60-х годов прошлого века. Несколько профессоров согласились читать в зале городской думы лекции для исключенных студентов. Так возник своего рода «вольный университет». Известно, что один из профессоров, историк П. В. Павлов, читая лекцию о тысячелетии Русского государства, высказал под овации зала такие суждения, за которые подвергся административной высылке из Петербурга. В знак протеста было решено прекратить лекции в думе. Сеченов поднял вопрос о расширении протеста: «Мы ведь не в одной Думе читаем». Так, пишет автор, он «призывал коллег объявить (используя нынешнее выражение) общепетербургскую забастовку профессоров... имея перед глазами судьбу профессора Павлова» (с. 109). Непосредственные связи Сеченова со сподвижниками Чернышевского и его активную антиправительственную позицию вскоре после реформы 1861 г. можно считать теперь доказанными.

Вскоре Сеченов взял годичный отпуск для занятий физиологией в Париже у знаменитого К. Бернара. Здесь, в тиши лаборатории, он не искал укрытия от идейно-философских бурь. Его скальпель экспериментатора направляла идея о тормозящем

¹ Тимирязев К. А. Соч. Т. 8. М. 1939, с. 165.

² Сложившееся в те годы родство социально-философских воззрений Сеченова с идеологией «Современника» Чернышевского освещено в исторических исследованиях (см. Будилова Е. А. Борьба материализма с идеализмом в русской психологической науке. М. 1960; Ярошевский М. Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М. 1981).

влиянии головного мозга на поведение организма, открывшая новую главу физиологии. Это открытие имело важный теоретический смысл. Оно укрепляло антропологический материализм Чернышевского. И не случайно Н. А. Некрасов, редактировавший жестоко преследуемый цензурой «Современник», обратился к Сеченову с просьбой прислать статью для этого журнала. Статья Сеченова о рефлексах головного мозга, в которой он излагал новую материалистическую концепцию, имела эпохальное значение, она вошла в образовательный ценз каждого интеллигента. Сеченовское учение стало символом веры революционной молодежи.

Особый интерес вызывает исследуемая А. М. Брагиным роль, которую сеченовские идеи сыграли в духовном формировании семьи Ульяновых. «О многом говорит уже то, что Александр Ульянов, студент физико-математического факультета Петербургского университета, записался на третьем курсе именно на лекции Сеченова — на важнейшие для себя, хотя, поглощенный революционной работой, оставил почти все иные учебные предметы» (с. 262). Дмитрий Ульянов изучал медицину в Московском университете, где тогда преподавал Сеченов. Сохранились сеченовские книги с пометками Дмитрия Ильича. «Будешь теперь читать «Рефлексы головного мозга», напиши, как тебе понравится», — писал он Марии Ильиничне. На титульном листе книги Сеченова «Психологические этюды» надпись «Из книг В. Ульянова». «После долгих, трудных лет эмиграции и трех революций сеченовская книга заняла место на полке библиотеки Предсовнаркома в Кремле» (с. 263).

Сеченовские идеи служили предметом острейших дискуссий в различных кругах русского общества в период между реформой 1861 г. и революцией 1905 года. Автору удалось раскрыть связь между этими спорами о нервных механизмах психической деятельности и противоборством мировоз-

зрений, отражавшим социально-экономические конфликты. Он не упрощает характера этой связи, не предлагает прямолинейных решений. Сила воздействия Сеченова определялась последовательно материалистическим подходом к объяснению сложнейших актов умственной и волевой деятельности человека, его способности самоотверженно служить высшим идеалам. Именно этим психическим явлениям, специфика которых извечно использовалась идеалистической философией как доказательство бытия «самостоятельного начала» личности — души, Сеченов дал проверенную точным опытом научную трактовку. Он отстаивал ее в полемике с идеалистами, не страшась административных преследований, которым подвергался именно потому, что его научные выводы (на первый взгляд далекие от политической борьбы) подрывали, как отмечалось в цензурных и жандармских документах, устои господствующей идеологии.

А. М. Брагин сумел обрисовать те личные качества Сеченова, которые позволили ему сохранять верность своим убеждениям в сложных ситуациях, когда, например, он из принципиальных соображений оставил профессию в Медико-хирургической академии, не имея определенных перспектив получить работу в другом научном или учебном учреждении.

Пользуясь популярным ныне термином «системный подход», можно сказать, что именно такой подход удалось реализовать А. М. Брагину в своем исследовании. Анализ сеченовских естественнонаучных открытий дан в контексте социально-политических процессов в русском обществе, что позволило автору добиться живости, динамичности в воссоздании одного из важных моментов истории отечественной культуры, связанного с творчеством ученого, сыгравшего выдающуюся роль в укреплении естественнонаучного мировоззрения в противовес реакционной идеологии.

М. Г. Ярошевский

Г. М. РАТИАНИ. *Франция: судьба двух республик*. М. Мысль. 1980. 472 с.

Автору этой работы, известному советскому историку и журналисту-международнику, члену редколлегии, а в последние годы политическому обозревателю газеты «Правда» доктору исторических наук Георгию Михайловичу Ратиани не довелось увидеть свою книгу. Посмертный его труд является синтезом скрупулезного исследования ученого и метких личных наблюдений журналиста, очевидца двух переломных событий в новейшей истории Франции — краха III республики в 1940 г., падения IV и возникновения V республики в 1958 году. В 1943 — 1944 гг. Г. М. Ратиани работал в полномочном представительстве СССР при возглавлявшемся генералом Ш. де Голлем Французском комитете национального освобождения в Алжире, а затем с 1944 по 1946 г. — в посольстве СССР во Франции. С 1955 по 1959 г. и с 1960 по 1963 г. Г. М. Ратиани снова в Париже в качестве специального корреспондента «Правды». Однако его труд — это менее всего мемуары, хотя личные оценки и наблюдения пронизывают всю книгу. Она отличается богатством конкретного материала, многочисленностью привлеченных источников.

Автор не дает систематического изложения истории Франции 40-х и 50-х годов, а сосредоточивает внимание на двух острых кризисах, потрясших страну. Первый — падение III республики в 1940 году. Эта тема уже рассматривалась Г. М. Ратиани в кандидатской диссертации¹. В рецензируемой книге анализ проблемы значительно дополнен с учетом опубликованных после 1964 г. материалов. Г. М. Ратиани использовал французскую прессу довоенного и послевоенного периода, парламентские отчеты, материалы судебных процессов над Ф. Петэном, П. Лавалем и другими коллаборационистами, многотомные отчеты специальной комиссии Национального собрания по расследованию событий 1940 г., мемуары военных и политических деятелей III республики, специальную литературу. Привлеченные им публикации германских, итальянских архивов, материалы Нюрнбергского процесса, английские и американские публикации дипломатических документов, мемуары германских, итальянских, испанских, а также американских, английских, бельгийских государственных

деятелей, относящиеся к 1940 г., дополняют в ряде случаев французские источники.

Прошло уже более четырех десятилетий, а во Франции все еще продолжают выходить книги, посвященные этим драматическим событиям в истории страны. И это не просто спор о прошлом, а составная часть современной острой идеологической борьбы. На французскую буржуазную литературу после первых антивишистских работ, написанных в атмосфере Освобождения (А. Каммерер, Кериллис, Пертинакс и др.), в последующие годы преобладающее влияние начали оказывать историки, занявшиеся реабилитацией режима Виши, сначала осторожной и тонкой (как Р. Арон), а затем и совершенно откровенной (как М. Бенуа-Мешен). Постепенно полемика между защитниками и противниками Петэна, сведение счетов между враждовавшими в 1940 г. фракциями буржуазии стали отходить на второй план. Буржуазные историки все чаще стараются выступать с позиций примирения вишистов и антивишистов, принадлежащих к одному классу, представляя дело таким образом, что одни, мол, оказывали «пассивное сопротивление» оккупантам, пойдя на сотрудничество с ними, другие — активное сопротивление за пределами Франции и в подполье, но и те и другие «служили родине»; что касается коммунистов, то они «преследовали свои цели», одинаково опасные как для «прогитлеровского», так и для «антигитлеровского» буржуазных течений.

Г. М. Ратиани убедительно аргументирует свой главный вывод: поражение Франции в мае — июне 1940 г. было не результатом просчетов тех или иных политических и военных деятелей III республики, а закономерным итогом всей внешней и внутренней политики наиболее реакционных кругов французской буржуазии, нашедшей отражение в ее предвоенном лозунге «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Вместе с тем он категорически опровергает и новомодный тезис некоторых современных французских авторов, например А. Мишеля², о том, что военная катастрофа 1940 г. — это якобы вина всего французского народа, а не одной буржуазии. В книге показано, как, находясь в подполье и подвергаясь жестоким репрессиям, компартия призывала к народному сопротивлению и

¹ Ратиани Г. М. Конец Третьей республики во Франции. М. 1964.

9. «Вопросы истории» № 12.

² См. Michel H. Procès de Riom. P. 1978.

6 июня направила правительству предложения о развертывании народной войны и организации обороны Парижа, которые были отвергнуты. Г. М. Ратиани приводит многочисленные свидетельства о самоотверженной борьбе коммунистов, социалистов, католиков, всех французов-патриотов против предательского режима Виши и немецко-фашистских оккупантов. В работе сообщается о том, как в мае — июне 1940 г. тогда еще немногочисленные патриоты (де Голль, Делатр де Тассиньи, Леклерк, Катру и др.) пытались на своих участках командования и фронта организовать сопротивление гитлеровской механизированной армии.

Общий вывод автора о судьбе III республики не вызывает сомнений: ее правящие круги ориентировались не на победу, а на сговор с гитлеровской Германией. «Стратегия Мюнхена» была лейтмотивом политики правящих кругов Франции. Г. М. Ратиани аргументированно доказывает, что разногласия в господствующем классе Франции, о которых первое время так много писали буржуазные историки и авторы многочисленных мемуаров, сводились к двум вопросам: до какой грани идти в наступление на буржуазную демократию и до каких пределов уступить в сговоре с гитлеровской Германией. Это в известной мере нашло отражение в расхождениях между группой П. Рейно, придерживавшейся англо-американской ориентации, и прогерманской группой Петэна — Лавалля. Подробно прослеживая тактику и маневры политиков этих двух «ориентаций», автор дает превосходные портреты военных и политических деятелей, ответственных за поражение страны, — генералов М. Вейгана и М. Гамелена, маршала Петэна, П. Лавалля, П. Рейно.

Актуально звучит в сегодняшней полемике по поводу ответственности за поражение Франции в 1940 г. приведенная в работе цитата из статьи М. Тореза, опубликованной в «L'Humanité» 25 апреля 1940 г., то есть за две недели до гитлеровского наступления. «Питты и Кобурги 1940 г. не в эмиграции, они не в тюрьме, — писал Торез, — они управляют теперь Францией к ее несчастью. (Английский премьер в годы Французской революции XVIII в. У. Питт Младший и австрийский маршал Саксен-Кобург вели войны против революционной Франции. — *Ред.*) Вы найдете в министерствах этих поклонников Гитлера, которые надеялись бросить его против СССР и ис-

пользовать против Народного фронта во Франции». В разгар нацистского наступления, 20 мая, центральный орган Французской компартии дал исчерпывающую оценку политики правящей верхушки: «Если им оставить свободу рук, преступники, которые господствуют в нашей стране, приведут Францию к новой катастрофе. Так действовал Тьер, который шестьдесят девять лет тому назад принял самые драконовские условия мира Бисмарка в обмен на помощь в подавлении Коммуны. Они готовы пожертвовать независимостью страны, отдав ее Гитлеру, лишь бы он гарантировал им капиталистические привилегии».

Вторая часть книги посвящена событиям мая 1958 г., завершившимся падением IV республики. Работа Г. М. Ратиани — первое в советской исторической науке монографическое исследование этой крайне сложной и важной темы. Начиная анализ с политического положения во Франции с января 1956 г. (победа левых партий на парламентских выборах) и завершив его 3 июня 1958 г. (ропуск Национального собрания), автор прослеживает драматические события мая 1958 г.

Автор широко использовал здесь наряду с работами французских историков печать, отчеты о парламентских дебатах, материалы избирательных кампаний, стенограммы политических процессов над участниками событий 1958 г. (процессы генералов Р. Салана, Э. Жуо, Шаля, Зеллера, ряд мемуаров политических деятелей, игравших важную роль в этих событиях — Ж. Сустеля, А. ле Трокера, Г. Молле, Ж. Мока и др.). Литература об обстоятельствах конца IV республики обширна. Значительная ее часть принадлежит перу французских буржуазных журналистов, которые писали по горячим следам событий и пользовались конфиденциальной информацией, полученной от видных политических деятелей (это, в частности, книги Ж. Ферньо, П. Жерена, Д. Падо, Ж.-Р. Турну, братьев М. и С. Бромберже). В числе общих работ по истории IV республики заслуживают упоминания книги Ж. Фовэ, М. Дюверже. Важным источником для оценки событий 1958 г., позиций и действий основных политических партий автору послужили документы ФКП, публиковавшиеся во время этих событий, решения пленума ЦК ФКП (9—10 июня 1958 г.), национальной конференции партии (17—18 июня того же года), XV съезда ФКП в июне 1959 г., книги В. Роше, Ж. Дюкло, статьи и репортажи,

которые печатали в «L'Humanité» в дни кризиса П. Куртад, А. Вюрмсер, М. Риффо, парламентский обозреватель Люк.

Начало последнему этапу истории IV республики положили досрочные парламентские выборы 1958 года. Распуская Национальное собрание, правые партии считали, что сложилась благоприятная обстановка для создания прочного реакционного большинства в новом составе парламента. Их расчеты были полностью опрокинуты. Компартия собрала на выборах более четверти голосов, и число депутатов-коммунистов возросло с 99 до 144 (плюс 6 прогрессистов, избравшихся по одному списку с коммунистами). Коммунисты, социалисты и радикалы получили вместе более 54% голосов избирателей. В Национальном собрании (595 депутатов) эти три партии имели 303 места. Выборы 1958 г. резко усилили в господствующем классе Франции влияние тех элементов, которые считали, что изменений избирательного закона и совершенствования системы буржуазных партий уже недостаточно, чтобы обеспечить стабильность режима, сохраняя парламентскую демократию. Нужно было менять сам режим. Три правительственных кризиса за последний год существования IV республики облегчили правым нападки на парламент.

Г. М. Ратиани сумел — и в этом одна из сильных сторон его книги — выявить определенную типологию событий 1940 и 1958 годов. Французская история вообще богата прецедентами — две реставрации Бурбонов — в 1814 и 1815 гг., два бонапартистских режима в 1804—1814 и 1852—1870 годах. При всем отличии международной и внутренней обстановки 1940 г. по сравнению с 1958 г. и конечных результатов каждый из этих кризисов привел к смене одного режима капиталистического государства другим. Один из них похоронил просуществовавшую 70 лет III республику, другой — просуществовавшую 14 лет IV республику. В одном случае правящий класс Франции, отказавшись от сопротивления германской агрессии, решил связать свою судьбу с гитлеровской «новой Европой», считая главной для себя опасностью не фашистскую армию, а французский народ и компартию. В другом случае тот же правящий класс, воспользовавшись колониальной войной в Алжире, при помощи верхушки армии, которая угрожала военной диктатурой, вынашивает и осуществляет план крутого изменения политического режима. В 1958 г. на политической авансцене Франции почти

не осталось деятелей, игравших важную роль в событиях 1940 года. Сменялись лица, конкретные исторические ситуации, но оставался господствующий класс — французская буржуазия и ее страх перед призраком Народного фронта.

В монографии осуществлено серьезное, документированное исследование политики, стратегии и тактики французской буржуазии в условиях двух исторических кризисов. В обоих — и это тоже их общая черта, которую следует подчеркнуть, — единственным последовательным и решительным защитником парламентской республики, демократических прав выступал авангард рабочего класса — компартия. Если бы в мае 1958 г. лидеры социалистической партии, и прежде всего Г. Молле, пошли на сотрудничество с коммунистами, события могли принять иной оборот. Но как и в 1936—1938 гг. предшественники Г. Молле уступали одну позицию за другой, 20 лет спустя французская социал-демократия отступала перед реакцией, испугавшейся «второго издания» Народного фронта и предпочитавшей похоронить IV республику в обмен на «сильную власть».

Г. М. Ратиани уделяет много внимания — и это естественно — алжирскому кризису. При этом он соблюдает правильные пропорции — не будь «пятой колонны», скрытых «могильщиков» республики в Париже, сама по себе алжирская колониальная война (как и «грязная война» 1946—1954 гг. во Вьетнаме) вряд ли привела бы к падению IV республики. Но к 1958 г. уже было ясно, что алжирская авантюра — это «пробка, затыкающая Франции путь в будущее» (де Голль).

Удачен содержащийся в книге анализ феномена голлизма в послевоенной истории Франции. Г. М. Ратиани дана взвешенная научная и политическая оценка де Голля и голлизма, показаны как сильные, так и слабые стороны и самого этого крупного политического деятеля Франции и возглавлявшегося им движения.

В книге присутствует еще одна линия — история борьбы Французской коммунистической партии и трудящихся масс за национальные интересы и независимость своей родины, за сохранение и упрочение традиционных демократических институтов, против господства крупного капитала.

В предисловии к книге ее ответственный редактор Ю. Н. Панков пишет, что «созданная пером опытного историка и первоклассного публициста, мастера исторического

повествования», монография Г. М. Ратиани «является не только превосходным историческим исследованием, но и актуальной политической работой» (15, 16). Эта оценка

справедлива — исследование Г. М. Ратиани займет достойное место в ряду советских работ по новейшей истории Франции.

В. Г. Сироткин

Г. М. ИВАНОВ, А. М. КОРШУНОВ, Ю. В. ПЕТРОВ. *Методологические проблемы исторического познания*. М. Высшая школа. 1981. 296 с.

За последние годы методологические проблемы исторического познания все чаще становятся предметом специального философского изучения. Трудно переоценить значение этого факта интеграции научного знания как необходимого условия дальнейшего совершенствования методов социальных исследований. Сложности исторического анализа, с которыми сталкивается историк в своей работе, важно осмысливать в связи с проявлениями специфических закономерностей отражения действительности и ее познания. В рассматриваемой монографии авторы доктора философских наук Г. М. Иванов и А. М. Коршунов и кандидат философских наук Ю. В. Петров, давно и плодотворно работающие над методологическими проблемами социального познания, в обобщенном виде изложили свою концепцию. Они хорошо знают степень разработанности анализируемых проблем в советской и зарубежной историографии, их труд отличается направленностью на изучение наиболее сложных вопросов исторического познания, четкостью постановки проблем, стремлением показать различные точки зрения по сложным вопросам и в то же время ясно и аргументированно изложить свою собственную позицию, дать убедительную критику идеалистических концепций методологии истории.

В книге подчеркивается, что особенности любого вида познания определяются прежде всего объектом, с которым имеет дело данная наука. Трудности исторического познания обусловлены в первую очередь сложностью самого объекта исследования (интегральный характер исторической науки, в отличие от ряда других социальных наук изучающей всю совокупность явлений общественной жизни; историческая наука имеет дело с проявлениями законов общественного развития в конкретных исторических событиях и состояниях общества;

объект истории по преимуществу — прошлое, и для познающего субъекта это создает дополнительные трудности, которых не знают науки, чей объект является непосредственно данным).

Анализируя принцип отражения и активность субъекта в историческом познании, авторы раскрывают диалектику субъекта и объекта в самой социальной реальности, в частности, на примере человеческой деятельности в сфере материального производства, труда, воплощающего единство человека, общества и природы. Историческая наука выступает как особая форма отражения социальной действительности. Специфика исторического познания дается в книге в плане его тесной связи с категорией времени; отражение действительности в исторической науке выступает при этом как часть более широкой проблемы — отражения развивающегося объекта. В этой связи авторы прослеживают диалектику прошлого, настоящего и будущего в социальной действительности и специфику их отражения в историческом познании.

Авторы подвергают глубокому анализу природу исторического источника. В онтологическом плане он рассматривается как материальный продукт прошлого, в гносеологическом — как средство исторического познания, используемое в функции отражения им прошлого. Главное внимание уделено в книге анализу функциональной природы источника в сфере исторического познания, его значения как средства познания. При этом даны убедительная критика идеалистических концепций, абсолютизирующих зависимость исторического мышления от источников, либо, напротив, рассматривающих источник как «функцию» мыслительной деятельности историка; научный анализ диалектики субъекта и объекта в процессе познания исторической действительности.

Особое место в монографии отведено

проблеме исторического факта. Его традиционное понимание как знания о единичном и однократном событии оказывается недостаточным для изучения процессов и отношений как совокупностей многих взаимосвязанных элементов. Авторы подчеркивают необходимость анализа диалектической связи события и факта, факта и источника, анализа исторического факта как отражения общего и особенного. Говоря о значении теории в исторической науке, авторы рассматривают диалектику эмпирического и теоретического уровня познания. Ими подчеркнуто, что теория возникает как отражение практики, стимулирующей постановку проблемы, определение задач исследования, характеризуется связью теории и факта в структуре познания.

Некоторые недостатки книги в значительной мере объясняются ее поисковой направленностью. Сосредоточив внимание на малоизученных проблемах, авторы, разумеется, не всегда дают их законченное решение. Отстаивая свою точку зрения, стремясь выявить новый, выпадавший ранее из поля зрения специалистов аспект проблемы, они подчас увлекаются, смещая акценты, бывают излишне категоричны. Это относится, в частности, к интересным и во многом дискуссионным положениям о связи теории и факта в исторической науке, где изложение акцентировано на раскрытии зависимости фактов от теории (имеется в виду, что теория помогает отбору, осмыслению и установлению связи фактов). Следовало бы в этой связи подробнее рассмотреть соотношение научного факта и факта реальной действительности, вопрос о специфике научного факта вообще и исторического факта в частности. Объект исторической науки особый (о чем правильно говорится в книге), и специфика исторического факта велика. Эмпирический материал, например, имеет в историческом исследовании большее значение, чем в тех науках, где он лишь служит выявлению закономерности.

Акцентируя внимание на функциональной природе исторического источника, авторы недостаточно раскрывают его целостность, определяющуюся его происхождением и назначением. Отсюда и не совсем точное положение, что «любую вещь, созданную человеком, равно как и ее различные свойства и признаки, можно интерпретировать как исторический источник» (с. 151). В действительности источник характеризуется именно единством цели, а его отдельные

свойства и признаки могут дать информацию, лишь будучи интерпретированы как элементы этого источника.

Рассматривая историческое познание в связи с категорией времени, авторы дают интересный анализ временной структуры познавательного отражения. Отображение прошлого, настоящего и будущего освещается ими с учетом их специфики. Такой подход направлен на то, чтобы яснее раскрыть особенности их познания и возможности исторической науки. Познание будущего, как справедливо отмечается в книге (с. 33), есть «отображение становящегося объекта» в его развитии, в становлении новых форм бытия. Однако сам термин «отображение будущего» (с. 32) представляется спорным. Может быть, лучше говорить о познании, предвидении, прогнозировании новых форм бытия, показывая, чем и как способствует этому историческая наука своими средствами и методами.

Монография, несомненно, послужит стимулом для дальнейшего изучения методологических проблем исторического познания. К сожалению, в ней нет заключения, в котором были бы суммированы содержащиеся в книге суждения о наиболее актуальных направлениях дальнейшего изучения методологических проблем исторического познания. Размышляя, в свою очередь, над соотношением решенных и поставленных проблем, аргументированностью различных положений, можно заметить, как важна степень изученности, обобщенности методов исторического исследования в самой исторической науке, как нужен здесь историографический материал. В разделах, касающихся природы исторического источника, критики идеалистических концепций источниковедения, отражения действительности в источнике, авторы располагают возможностью опираться на исследования по теории, методике и историографии источниковедения. В анализе проблемы исторического факта, соотношения факта и теории таких данных недостаточно. Теоретическое обобщение методов работы историка, его методики, соотношения факта и теории в конкретных исследованиях должно стать предметом специального изучения в плане истории исторической науки, историографии. Дальнейшее содружество историков и философов — залог успешной разработки методологических проблем исторического познания.

О. М. Медушевская

История Кампучии. Краткий очерк. М. Наука. 1981. 254 с.

Подъем освободительного антиимпериалистического движения, борьба за национальное спасение, развертывание национально- и народно-демократической революции в Кампучии затрагивались в советской литературе начиная с середины 50-х годов. Ряд исследований различных аспектов социально-политической и экономической жизни, истории и культуры народов этой страны был опубликован в конце 70-х — начале 80-х годов. Авторы рецензируемой книги¹ попытались изложить историю Кампучии с древнейших времен до наших дней. Они исходили из того, что «такая работа могла бы дать возможность на конкретном материале углубить наши знания закономерностей и социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии, проанализировать политические и социально-экономические изменения, происходящие в Индокитае и в регионе Юго-Восточной Азии в целом» (с. 6).

Книга в значительной мере — итог специальных изысканий авторов, сумевших устранить многие и весьма существенные пробелы в наших знаниях, особенно о ранних этапах истории народов этой страны. Несмотря на неполноту и неточность источников и информации, ограниченность письменных данных, в книге удалось воссоздать картину складывания на территории Кампучии самостоятельных очагов материальной культуры, возникновения кхмерской государственности. Авторы исследуют такие важнейшие проблемы, как соотношение власти и собственности и их роль в становлении различных форм эксплуатации тружеников. Во многом удалась и реставрация специфических взаимоотношений юридических и фактических прав на владение и пользование землей в средневековой Кампучии, особенности верховной собственности на землю.

Впервые в исторической науке раскрывается в книге специфика феодализма в исследуемом районе, обусловленная относительно немногочисленностью населения и наличием обширного фонда пригодных для обработки земель, при которой личная и имущественная зависимость основного производителя, как правило, не совпадали.

Наиболее характерная черта феодализма в Кампучии, как и в ряде соседних стран, а также в Тропической Африке, заключалась не в господстве крупного феодального землевладения, а в преобладании мелкого крестьянского хозяйства, которое велось на основе примитивной техники и патриархальной технологии.

Воссоздание социально-экономической истории кампучийского народа убедительно показывает несостоятельность концепций зарубежных, и прежде всего французских, историков, претендовавших в течение почти ста лет на монополию в написании кхмерской истории, сводивших ее лишь к политической борьбе и сильно преувеличивавших роль здесь индийского и китайского влияния. Опираясь на анализ королевских хроник, эпиграфики и других материалов, авторы доказали некорректность трактовки кампучийской истории после XIV в. как эпохи непрерывного упадка государственности, чуть ли не вымирания кхмерского народа, от которого он был якобы спасен лишь в результате установления французского колониального господства. Книга убеждает в том, что, хотя в этот период и была утрачена часть густонаселенной (конечно, по понятиям того времени) территории, кхмерское государство оставалось сильным и жизнеспособным. Накануне французского завоевания здесь начался процесс складывания централизованного государства абсолютистского типа. Анг Дунг провел административную, военную и ряд экономических реформ, укрепивших внутрисполитическое положение, усиливших централизацию и повысивших обороноспособность страны.

Значительное внимание уделено авторами духовной жизни кхмеров. Интересны выводы относительно социальной обусловленности смены идеологических систем, взаимозависимости положения непосредственных производителей и господствующей идеологии (с. 63, 78 и др.). В книге убедительно показано, что антифранцузские выступления были глубоко народными по своей сущности и, смыкаясь с выступлениями патриотов Вьетнама и Лаоса, являлись зародышем будущей совместной борьбы за освобождение Индокитая от колониального гнета, за политическое и социальное освобождение. Подлинно народный характер антиколониальных выступлений

¹ Ю. П. Дементьев, Д. В. Деопик, Г. Г. Сочевко, Ю. Я. Михеев и Е. В. Кобелев. Редакционная коллегия: Ю. Я. Михеев, Ю. П. Дементьев, В. А. Кожевников.

привел к тому, что уже в 80-е годы XIX в. идеология народных масс все более отмежевывается от идеологии феодально-монархического национализма.

В книге раскрывается диалектика социально-экономических и политических последствий насильственного закабаления Кампучии французским империализмом. Определенное развитие производительных сил, освоение новых земель, внедрение новых культур, проникновение товарных отношений сопровождалось регламентациями, препятствовавшими развитию здесь национального производства. «В то же время ввоз французских капиталов в Кампучию производился в гораздо меньших масштабах, чем, например, во Вьетнам. Это объяснялось отсутствием в стране крупных резервов рабочей силы, значительной узостью внутреннего рынка, а также отсутствием крупных источников минерального сырья» (с. 143). Наряду с объективными факторами играла роль и политика колониальных властей, приведшая к тому, что вплоть до второй мировой войны кхмеры были практически оттеснены иноземным капиталом как от торгово-предпринимательской деятельности, так и от труда на крупных промышленных и вообще капиталистических предприятиях.

Засилье докапиталистических отношений, пишут авторы, обусловило специфику структуры и формирования кампучийского пролетариата: преобладающие сельскохозяйственных рабочих, занятость на мелких и мельчайших предприятиях, конкуренция обездоленных выходцев из соседних стран. В годы японской оккупации (1942—1945 гг.) и в первые послевоенные годы произошло абсолютное сокращение численности рабочих. Все эти обстоятельства затрудняли процесс осознания рабочими себя как класса. Несомненное достоинство книги — показ взаимосвязи антиколониальной, освободительной борьбы в Кампучии с социально-политической борьбой рабочего класса и всех трудящихся на международной арене и прежде всего во Вьетнаме, зависимость успехов антиколониальной освободительной борьбы кхмеров от роста сил социализма и ослабления мировой капиталистической системы.

Книга помогает понять социально-психологические корни левацкого революционаризма, объявляющего борьбой за социализм прямое уничтожение современных производительных сил и видящего в знаниях и образовании лишь рассадник смуты и пре-

ступного инакомыслия. Полпотовцы эксплуатировали в своекорыстных целях иллюзорные представления наиболее отсталой части крестьянства о власти и возможных путях решения стоявших перед страной проблем. Для этой части населения, проживавшей к тому же в наименее развитых районах страны, город и все, что с ним связано — машинное производство, рациональная организация труда, относительно развитые формы искусства, нетрадиционная интеллигенция, — представлялись чуждыми, прямо противостоящими привычным традиционным ценностям, заслуживающими лишь уничтожения.

Трагедия Кампучии (в книге это хорошо аргументировано) заключалась в том, что на какое-то время внутри компартии не оказалось сплоченных сил, которые смогли бы противостоять крайним формам левацкого псевдореволюционаризма (с. 229—234). Тем большее и научное и практически-политическое значение имеет воссоздание процесса консолидации подлинно патристических интернационалистских сил, которые сумели найти пути и к национальному спасению и к возрождению страны. Обоснован вывод авторов, что, «свергнув антинародную клику, кампучийский народ внес важный вклад в дело оздоровления политического климата в Юго-Восточной Азии, в дело мира и безопасности в этой части азиатского континента» (с. 234).

Работа завершается рассмотрением основных проблем развития Народной Республики Кампучии и прежде всего укрепления народовластия в этой стране. Первостепенной задачей народно-революционной власти было восстановление экономики, доведенной кликой Пол-Пота — Иенг Сари до полной разрухи. Отмена товарно-денежных отношений, практическая ликвидация городов нанесли и до того слаборазвитому индустриальному сектору невосполнимый урон. Народной власти, по существу, пришлось заново создавать городское хозяйство. Главное внимание уделялось восстановлению и пуску предприятий легкой промышленности, призванных удовлетворить неотложные нужды населения в предметах повседневного обихода.

Крайне тяжелое положение, отмечается в книге, сложилось в сельском хозяйстве. В результате военных действий и полпотовских экспериментов значительно сократились посевные площади. Полпотовцы физически уничтожали всех, кого они считали «недостойными жить». Вследствие этого

резко уменьшилось и число работников. Ситуация усугублялась тем, что в деревнях ощущалась острая нехватка семян для нового сева, тяглового скота и даже традиционных сельскохозяйственных орудий. Народно-революционная власть обратилась с призывом создавать группы производственной солидарности и тем по возможности обеспечить посев основных культур, чтобы отодвинуть угрозу голода, нависшую над страной. Восстановление нормальной жизни тормозилось отсутствием квалифицированных и вообще обладающих какой-либо подготовкой кадров. За годы правления псевдореволюционеров было физически уничтожено в общей сложности 80% административных и инженерно-технических работников, специалистов в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования.

Свержение режима, само существование которого было предательством идеи социализма, надругательством над гуманизмом и основными правами человека, приветствовали все прогрессивные силы мира, и прежде всего братские социалистические страны. В СССР оценили революционные перемены в Кампучии как победу сил дела мира, демократии и социализма. Книга рассказывает о практике братского равноправного сотрудничества социалистических

стран и народной Кампучии, о их вкладе в восстановление ее экономики и культуры, о последовательных усилиях Народно-революционной партии и правительства страны, направленных на ликвидацию разрушительных последствий хозяйничанья полпотовцев. Освещение событий доводится авторами вплоть до середины 1981 года.

Значение «Истории Кампучии» определяется также тем, что с ее появлением стали видны и недостаточно разработанные аспекты истории этой страны. Речь идет прежде всего о такой ключевой проблеме, как особенности взаимодействия традиционных и современных укладов и соответствующих им общественных слоев и групп. Недостаточно полно в книге раскрыт и процесс хозяйственного освоения французским империализмом этой страны как колонии и, что особенно важно, не выяснен до конца вопрос о стадии формирования основных социальных сил кампучийского общества в новое и в новейшее время.

Рецензируемая книга с достаточной полнотой раскрывает основные вехи жизни Кампучии, содержит богатый и разнообразный фактический материал и отражает современный уровень развития советского востоковедения.

Ю. Н. Гаврилов

Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник. Калинин. 1978. 152 с.; *Общество и государство на Балканах в средние века.* Межвузовский тематический сборник. Калинин. 1980. 172 с.

Благодаря инициативе античников и медиевистов Калининского университета положено начало выпуску межвузовских научных сборников, посвященных балканскому средневековью. Среди их авторов известные ученые и начинающие исследователи, представляющие не только Калинин, но и Москву, Ленинград, Волгоград, Краснодар, Красноярск и Свердловск. Подавляющее их большинство — это преподаватели вузов.

Первый сборник, в сущности, посвящен истории южных славян, тематика его статей преимущественно городская¹. Вто-

рой² имеет крен в сторону социально-политических проблем, а главное, включает статьи историков-османистов, что делает его более соответствующим своему названию. Широкий хронологический диапазон сборников: от VI до XVIII века.

Раннему средневековью посвящена статья В. В. Кучмы (Волгоград) (сб. 1978 г.), в которой рассматриваются «Стратегикон» Маврикия и «Тактика» Льва VI. Принципиально важными автор считает два своих вывода: свидетельства «Стратегикона» заслуживают доверия, а славяне VI—VII вв.

¹ Редакционная коллегия: Е. В. Гутнова, В. Ф. Инкин, В. Г. Карасев, Г. Г. Литаврин, А. С. Мыльников, М. Я. Сюзюмов, Л. А. Шаферова, М. М. Фрейденберг (отв. ред.).

² Редакционная коллегия: Е. В. Гутнова, В. Г. Карасев, Г. Г. Литаврин, А. Д. Люблинская, М. Я. Сюзюмов, А. Д. Новичев, М. М. Фрейденберг (отв. ред.), В. Л. Янин.

рассматриваются в нем как главный противник империи, в то время как в «Тактике» (конец IX — начало X в.) они уже не принимаются во внимание как возможный серьезный противник. Впрочем, «Тактика» заслуживала большего внимания, чем то, которое уделил этому источнику В. В. Кучма.

Сборники охватывают в основном период развитого и позднего феодализма. В статье Е. П. Наумова (сб. 1978 г.) анализируются законник Стефана Душана, Архангельская грамота и ряд других монастырских документов, их свидетельства сопоставлены с данными, установленными в литературе, об экономическом развитии Сербии по отношению к XIII и первой трети XIV века. Это позволяет увидеть явления в развитии, выделить намечавшиеся тенденции. В частности, автор пишет о расширении земельных площадей под зерновые, распашке пастбищ, раскорчевке лесов, т. н. «лазов». Он считает, что на территории Сербии трехпольная система земледелия к середине XIV в. была уже гораздо шире распространена, чем прежде. Заметна роль таких трудоемких отраслей вотчинного хозяйства, как виноградарство, садоводство, развивавшихся на барщинной основе. Интересно наблюдение о признаках экономического застоя в южной части Сербии в середине XIV века. Автор связывает это с нехваткой рабочих рук, возникшей в результате «черной смерти» и высокой (двухдневной в неделю) барщиной крестьян.

В. А. Сметанин (Свердловск) (сб. 1980 г.) собрал многочисленные разрозненные сведения и получил довольно яркую картину сношений византийских и славянских деятелей в XV веке. Представленная им переписка более всего касается попытки чешских чашников получить поддержку восточно-христианской церкви. С этой миссией в Константинополь несколько раз направлялся чех Петр Платрис. Византийская церковь старалась использовать обстановку для заключения унии с чешской церковью. Однако уния не была создана, не получили поддержки от византийской церкви и чашники. Но воссозданная автором картина активных славяно-византийских сношений в XV в. сама по себе очень интересна. В списке посланий, приведенном В. А. Сметаниным, упоминаются также документы, которые касаются сношений с Русью, Польшей, Сербией, Хорватией, Дубровником.

Семь из двадцати статей обоих сборников посвящены Далмации, главным образом — истории города. Две работы, написанные Л. А. Шаферовой (Красноярск), относятся к истории Котора (XII—XIV вв.). Источником для одной из них послужили, в частности, нотариальные акты (сб. 1978 г.). Автор пытается определить социальный состав домовладельцев исходя из стоимости домов и приходит к выводу, что в XIV в. возрастает доля крупных собственников — владельцев городских земель. Среди жителей Котора наблюдается значительная дифференциация, характерная и для той части горожан, которых можно отнести к земле- и домовладельцам. Автором предпринята интересная попытка выделить отдельные городские районы, имеющие некоторые особенности социального быта. В другой статье (сб. 1980 г.), анализируя городской статут и нотариальные акты, Л. А. Шаферова стремится выяснить формы и значение участия «народа» в управлении Котором в период, который можно считать временем коммунальной организации. Исследовательница полагает, что народное собрание постепенно теряет значение по крайней мере в середине XIV в., когда экономика города была на подъеме.

Близок к теме этой статьи сюжет, избранный А. В. Чернышовым (Калинин) (сб. 1980 г.). Он изучил протоколы заседаний Большого совета г. Сплита, ряд других источников и подверг анализу организацию самоуправления в Трогире, Дубровнике, Сплите, на острове Брач. Иерархию элементов этого самоуправления он уподобляет «опрокинутой пирамиде», поскольку наиболее многочисленные по составу органы находятся на ее вершине.

М. М. Фрейденберг (Калинин) посвятил две работы городским сюжетам. Одна из них (сб. 1980 г.) касается истории монастыря св. Гризогона (Кршевана) в г. Задаре. В ней прослеживается хозяйственная деятельность монастыря и устанавливается близость ее к занятиям, которые характеризовали город в целом. Монастырь органически вплетался в жизнь городской общины, участвуя вместе с горожанами в столкновениях с Венецией и являясь важным звеном в обороне города. Не входя формально в состав городской коммуны, монастырь, однако, по существу, превратился в важный элемент городской жизни. Особенность статьи, которая выводит ее за узколокальные рамки, состоит в том, что автор постоянно сравнивает материал раз-

ных далматинских городов. Именно это обстоятельство позволило ему прийти к обобщающей мысли: в городах Далмации некоторые монастыри превращались в специфический и весьма важный элемент коммунальной организации, ибо монастырь выступал силой, «консолидирующей горожан» (с. 94). Между прочим, М. М. Фрейденберг обращает внимание на известное сходство далматинских и новгородских порядков (ссылаясь на работы чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина о Новгороде) в вопросе о роли монастырей³.

В сборнике 1978 г. М. М. Фрейденберг выступает со своеобразным откликом на книгу хорватского ученого Т. Раукара «Задар в XV веке». Однако это не просто рецензия, а рассуждения советского специалиста по истории далматинских средневековых городов. Вместе с тем автор показывает, как Т. Раукар характеризует развитие ремесла и торговли Задара, связи города с глубинными районами Балканского полуострова, развитие сельскохозяйственного производства и производительность труда. Особо останавливается М. М. Фрейденберг на сходстве и различии исторических судеб Задара и Дубровника и ищет объяснение этому, анализирует хозяйственную деятельность горожан и т. д.

Вопросы демографического развития Далмации в период венецианского господства рассматриваются в статье И. Г. Воробьевой (Калинин) (сб. 1978 г.). Используя переписи, которые проводили венецианцы, автор отмечает ощутимые колебания численности горожан в XV—XVII веках. На демографическую ситуацию влияли опустошительные войны, голод, эпидемии. Автор справедливо полагает, что в изучении демографии далматинских городов сделаны лишь первые шаги и есть возможность расширить в дальнейшем круг источников, углубить разработку проблемы.

Анализируя агрикультуру Далмации в XIII—XV вв. (сб. 1978 г.), В. В. Захаров (Краснодар) опирается на законодательные акты коммун, но более всего на советскую и зарубежную литературу. Он констатирует подъем сельского хозяйства, его экстенсивное и интенсивное развитие. Показательно процветание виноградарства и садоводства. По мнению автора (он видит в источниках подтверждение этому), можно

говорить о применении в XV в. двупольной системы пашенного земледелия в Северной Далмации, в то время как в Южной преобладало трехполье. В связи с утверждением о «сохранении» двуполья на севере и о том, что на юге «уже» преобладало трехполье, хотелось бы оспорить бытующее представление о непеременимой смене двуполья трехпольной системой как более прогрессивной. В конкретных условиях (почва, климат, рельеф и топография, сельскохозяйственные культуры и орудия труда и т. д.) двуполье может быть предпочтительнее. Стоило бы взглянуть на дело с этой точки зрения.

Своеобразный аспект истории городов на Балканах в эпоху позднего средневековья рассматривает М. С. Мейер (сб. 1980 г.). К вакфной собственности (владения мечетей, медресе, дервишских обителей и т. д.) в городах Османского государства относились лавки, караван-сарай, бани. Им султанское правительство предоставило льготы, прежде всего налоговые. Вакфные учреждения имели возможность легче накапливать средства, которые в немалой степени расходовались на создание новых лавок, рыночных помещений, строительство городских сооружений (водопровод, канализация). Если учесть, что доходы от вакфов были очень весомы (см. табл. на с. 9), то ясно, что вакфная городская собственность играла значительную роль. М. С. Мейер полагает, что вакфные учреждения были «важнейшим инструментом» в политике государства, стремившегося развивать город (с. 19). И до середины XVI в. вакфы действительно играли такую роль.

Народному восстанию в Турции 1416 г. посвящены две статьи в сборнике 1980 г.: А. Д. Новичева (Ленинград) и С. К. Красавиной (Краснодар). В первой кратко рассматривается новейшая историография восстания 1416 г., подробно анализируется работа Э. Вернера (ГДР)⁴. Следуя за этим историком, А. Д. Новичев рассказывает о ходе восстания, его особенностях, воззрениях повстанцев. Вторая статья включает отрывок из византийской хроники и характеризует ее автора Дуку, указывая на известную его объективность в описании восстания, интерес к социальному составу его участников.

³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977.

⁴ Werner E. Seih Bedr-eddin, Burkluqe Mustafa und Chios.—Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Brl. 1974, Bd. 116, Hf. 5.

Интересные сведения в сборнике 1978 г. сообщила Л. В. Горина. Она считает, что включение в русский Хронограф редакции 1512 г. фактов болгарской истории отражает болгаро-русские культурные связи, укреплявшиеся в конце XIV и в XV веке.

В небольшом сообщении (сб. 1980 г.) Т. Н. Никитин и Т. В. Ронская (оба — Калинин) рассказывают о католической школе г. Фермо в Папском государстве, существовавшей с 1663 по 1746 г. и занимавшейся подготовкой священников для Балкан. Ее история — одна из страниц деятельности католической церкви, стремившейся подчинить своему влиянию балканские народы.

Для медиевистов будет интересна статья В. А. Закса (Калинин), в которой прослеживаются балкано-скандинавские параллели в кровно-родственных отношениях (сб. 1980 г.). Черты сходства в столь отдаленных районах автор объясняет похожими географическими условиями и застойностью сферы общественной жизни, свойственной обоим регионам.

Составители сборников не обошли вниманием и вопросы историографии. В. Г. Карман (Калинин) (сб. 1978 г.) рассматривает взгляды М. Соколовского, Н. Тодорова и других историков Болгарии и Югославии по поводу особенностей развития городов на Балканах после турецкого завоевания, значения нововведений, связанных с турецким господством, в частности государствен-

ной регламентации, процесса исламизации и др. Особенно высоко автор оценивает труд Н. Тодорова⁵.

О. Г. Леонтьева и А. В. Чернышов (Калинин) поместили в сборнике 1978 г. обзор опубликованных в 1977 г. материалов международного симпозиума об отношениях Дубровника с Англией. Эти материалы позволяют судить об интенсивности англо-дубровницких связей в конце XVI — начале XVII веков. Н. И. Бабанина (Калинин) выступила с обзором работ по средневековой истории Югославии в «Трудах» Задарского научного центра Югославянской Академии наук и искусств (сб. 1978 г.). И. Г. Воробьева (Калинин) в том же сборнике 1978 г. рецензирует две книги, выпущенные музеем Шибеника в 1974 и 1976 гг., в которых отражена исследовательская работа по истории этого далматинского города.

Большую часть материалов сборников отличают вдумчивый анализ, обстоятельное знакомство с новейшей литературой и известное стремление к историографическим характеристикам. Опыт подобного издания свидетельствует о широких возможностях ученых-балканистов на местах.

Ю. М. Гроссман

⁵ Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. Социально-экономическое развитие. М. 1976.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Анисимов Е. В. *Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719—1728 гг.* Л. Наука. 1982. 296 с. 6100 экз. 1 руб. 10 коп.

Ахметова С. Ш. *Историческое краеведение в Казахстане.* Алма-Ата. Казахстан. 1982. 168 с. 8000 экз. 20 коп.

Боевое содружество советских республик. 1919—1922 гг. М. Наука. 1982. 248 с. 3800 экз. 1 руб. 90 коп.

Бондарь Г. П. *Уроки мужества.* Краснодар. Книжное изд-во. 1982. 159 с. с илл. 25000 экз. 30 коп. (Ратный подвиг Новороссийска).

Братством сильны. О дружбе и сотрудничестве трудящихся Днепропетровщины и других областей и республик СССР. 1917—

1982. Сборник документов и материалов. Днепропетровск. Проминь. 1982. 304 с. 3000 экз. 85 коп.

Бурмистрова Т. Ю. *Интернациональное единство советского народа.* Л. Лениздат. 1982. 143 с. 30000 экз. 25 коп.

Вагабов М. В. *Ленинская национальная политика КПСС в многонациональном Дагестане.* М. Наука. 1982. 248 с. 3550 экз. 1 руб. 70 коп.

Варшавский С. Р. *Увековеченная слава России.* Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски. Магадан. Книжное изд-во. 1982. 206 с. с илл. 10000 экз. 85 коп.

Векслер А. Г. *Москва в Москве.* История в недрах столицы. 2-е изд., доп. и перераб. М. Московский рабочий. 1982. 239 с. с илл. 39000 экз. 55 коп.

Ветров А. А. *Так было*. М. Воениздат. 1982. 159 с. с илл. 65000 экз. 70 коп. (Военные мемуары).

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1981 год. Сборник документов. Сост. И. А. Кирилин, Н. Ф. Потапова. М. Международные отношения. 1982. 240 с. 30000 экз. 95 коп.

Воробьев М., Титов В., Храпченков А. *Смоляне — Герои Советского Союза*. 3-е изд., доп. М. Московский рабочий. 1982. 622 с. 30000 экз. 1 руб. 60 коп.

Герасименко Д., Колкер И., Нехорошков Ф. *Славен героями Северный флот*. 2-е изд., доп. Мурманск. Книжное изд-во. 1982. 222 с. с илл. 10000 экз. 65 коп.

Горячев С. Г. *От Волги до Альп*. Киев. Политиздат Украины. 1982. 167 с. с илл. 115000 экз. 60 коп. (Мемуары).

Грезин В. И. *Народные мстители*. Краснодар. Книжное изд-во. 1982. 111 с. с илл. 25000 экз. 20 коп. (Ратный подвиг Новороссийска).

Дорогами войны. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Ама-Ата. Жалын. 1982. 334 с. 12000 экз. 1 руб. 30 коп.

Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации КПСС, 1917—1981. Сыктывкар. Коми книжное изд-во. 1982. 352 с. 5000 экз. 75 коп.

Дорохов А. П. *Морские летчики в обороне Одессы*. Одесса. Маяк. 1982. 168 с. 25000 экз. 35 коп.

Древности степной Скифии. Сборник научных трудов. Киев. Наукова думка. 1982. 247 с. 2300 экз. 2 руб. 60 коп.

Думова Н. Г. *Кадетская контрреволюция и ее разгром*. Октябрь 1917 — 1920 гг. М. Наука. 1982. 416 с. 5000 экз. 2 руб. 60 коп.

Женщины русской революции. Сост. Л. Стишова. 2-е изд., перераб. М. Политиздат. 1982. 254 с. с илл. 200000 экз. 75 коп.

Жеребцов Л. Н. *Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами*. X — начало XX в. М. Наука. 1982. 224 с. 2900 экз. 1 руб. 80 коп.

За Советский Дальний Восток. Сборник статей. Сост. М. М. Свиридова. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1982. 350 с. 5000 экз. 80 коп.

Здесь наш дом. История Ленинградского оптико-механического объединения им. В. И. Ленина. Л. Лениздат. 1982. 205 с. с илл. 6000 экз. 1 руб. 30 коп.

Зенина А. Н., Ищенко Н. Г., Кондуфор Ю. Ю. и др. *Великое содружество народов-братьев*. Киев. Наукова думка. 1982. 327 с. с илл. 5000 экз. 3 руб. 90 коп.

Зимин А. А. *Россия на рубеже XV—XVI столетий*. Очерки социально-политической истории. М. Мысль. 1982. 333 с. 50000 экз. 1 руб. 40 коп.

Зубарев С. П. *Боевая доблесть сынов Удмуртии*. Ижевск. Удмуртия. 1982. 126 с. с илл. 3500 экз. 35 коп.

Исторические записки. Т. 108. М. Наука. 1982. 352 с. 2300 экз. 2 руб. 90 коп.

История Тартуского университета, 1632—1982. Таллин. Периодика. 1982. 279 с. с илл. 5000 экз. 2 руб. 90 коп.

Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1981. М. Наука. 1982. 280 с. 2150 экз. 2 руб. 20 коп.

Каракеев К. *Образование СССР — торжество ленинской национальной политики*. Фрунзе. Кыргызстан. 1982. 204 с. 4000 экз. 85 коп.

Касымжанов А. Х. *Абу-Наср аль-Фараби*. М. Мысль. 1982. 198 с. 50000 экз. 25 коп. (Мыслители прошлого).

Клятву верности сдержали. Партизанское Подмоскovie в документах и материалах. М. Московский рабочий. 1982. 384 с. с илл. 20000 экз. 1 руб. 10 коп.

Кобычев В. П. *Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.* М. Наука. 1982. 195 с. с илл. 4400 экз. 3 руб. 50 коп.

Ковтунов Г. Н. *Всей мощью огня*. М. Воениздат. 1982. 223 с. с илл. 65000 экз. 1 руб. 10 коп.

Кудрявцев А. А. *Древний Дербент*. М. Наука. 1982. 173 с. с илл. 120000 экз. 65 коп.

Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917—1941 гг.). Документы и материалы. Сост. Л. П. Блещавенко, Т. П. Касаткина, В. А. Шарапов и др. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1982. 495 с. 1500 экз. 1 руб. 20 коп.

Курсов П. И. *Потомкам в наследство*. Военно-исторический очерк о боевом пути 2-й Московской коммунистической — 129-й Орловской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии. Йошкар-Ола. Марийское книжное изд-во. 1982. 255 с. с илл. 10000 экз. 55 коп.

Лавриненков В. *Без войны*. Мемуары. Киев. Политиздат Украины. 1982. 272 с. 215000 экз. 1 руб. 10 коп.

Ленинская «Правда» о Сибири. Сборник документов и материалов, 1912—1914, 1917 гг. Сост. А. П. Акаченко, Л. М. Живогладова, М. И. Чугунов, Э. Ш. Хазиахметов. Новосибирск. Западно-Сибирское книжное изд-во. 1982. 136 с. 4000 экз. 20 коп.

Малкин В. М. *Подвиг одиннадцати саперов в Строково*. Фрунзе. Кыргызстан. 1982. 134 с. 8000 экз. 25 коп.

Масленников Н. *Смерть победившие*. Воспоминания. 2-е изд., доп. Ставрополь. Книжное изд-во. 1982. 303 с. 25000 экз. 60 коп.

Медведев В. Е. *Средневековые памятники острова Уссурийского*. Новосибирск. Наука. 1982. 216 с. с илл. 1200 экз. 3 руб. 30 коп.

Морозов В. П. *Исторический подвиг Сталинграда*. 2-е изд., доп. М. Воениздат. 1982. 174 с. с илл. 65000 экз. 70 коп. (Города-герои).

Мы дружной ленинской сильны. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Риге, 28—30 июня 1982 г. М. Известия. 1982. 160 с. 20000 экз. 25 коп.

На Волховском фронте, 1941—1944 гг. М. Наука. 1982. 398 с. 43000 экз. 2 руб. 10 коп.

Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Сборник статей. Л. Изд-во ЛГУ. 1982. 144 с. 5000 экз. 65 коп.

Огненные дали Севастополя. Сборник. Автор-сост. П. Е. Гаршман. 2-е изд., доп. Симферополь. Таврия. 1982. 288 с. с илл. 50000 экз. 90 коп.

Олесич Н. Я. В. И. Ленин и революционное студенчество России. М. Политиздат. 1982. 255 с. 45000 экз. 90 коп.

Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М. Наука. 1982. 304 с. 5000 экз. 2 руб. 50 коп.

Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. Старший Ахмыловский могильник. М. Наука. 1982. 277 с. с илл. 1400 экз. 3 руб. 60 коп.

Плотников Ю. В. В сражениях за Белоруссию. Военно-исторический очерк. Минск. Беларусь. 1982. 192 с. с илл. 20000 экз. 60 коп.

Рейсер С. А. Русская палеография нового времени. Историография. Учебное пособие для вузов. М. Высшая школа. 1982. 136 с. с илл. 10000 экз. 25 коп.

Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Ташкент. Изд-во литературы и искусства. 1982. 301 с. с илл. 10000 экз. 2 руб. 20 коп.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. (Археология СССР. В 20-ти т.). М. Наука. 1982. 327 с. с илл. 31500 экз. 4 руб.

Смирнов А. Ф. Несокрушимое единство. Советский народ в годы Великой Отечественной войны. М. Молодая гвардия. 1982. 175 с. 50000 экз. 30 коп.

Смирнов И. А. Смоленск — город русской славы. М. Московский рабочий. 1982. 158 с. с илл. 50000 экз. 30 коп.

Социалистический интернационализм в действии. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания». Рига, 28—30 июня 1982 г. М. Наука. 1982. 144 с. 11000 экз. 50 коп.

Спандарян С. С. Статьи, письма, документы. М. Политиздат. 1982. 350 с. 30000 экз. 90 коп.

Сыновья верность Отчизне. Очерки о Героях Советского Союза, уроженцах Николаевской области. Авторы-сост. А. Т. Бундюков, М. В. Кравченко. Одесса. Маяк. 1982. 311 с. с илл. 15000 экз. 85 коп.

Торжество ленинской политики дружбы и сотрудничества народов. Ашхабад. Туркменистан. 1982. 174 с. 6000 экз. 60 коп.

Трухнов Г. М. Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений. 1926—1929 гг. Минск. Изд-во БГУ. 1982. 216 с. 1200 экз. 1 руб. 80 коп.

Фетисов А. П. Разбуженные просторы. Страницы истории Охотского побережья. Хабаровск. Книжное изд-во. 1982. 222 с. 15000 экз. 30 коп.

Чижова Л. В единой семье к великой цели. Роль Москвы в становлении и упрочении братского сотрудничества народов

СССР. М. Московский рабочий. 1982. 252 с. 15000 экз. 65 коп.

Шиян И. С. Новороссийск — город-герой. 2-е изд., доп. М. Воениздат. 1982. 175 с. с илл. 65000 экз. 60 коп.

Шмелько М. И. Становление и развитие коммунистической общественно-экономической формации. Вопросы периодизации. М. Высшая школа. 1982. 176 с. 1500 экз. 1 руб. 90 коп.

Этническая история народов Севера. М. Наука. 1982. 269 с. 1600 экз. 2 руб. 80 коп.

Всеобщая история

Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. М. Наука. 1982. 332 с. 1900 экз. 3 руб. 50 коп.

Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. 2-е изд., доп. Ереван. Айастан. 1982. 685 с. 30000 экз. 2 руб. 90 коп.

Горячев Ю., Красильников А. На огненном рубеже. Народы и молодежь Зимбабве, Намибии и Южной Африки в борьбе за свободу и независимость. М. Молодая гвардия. 1982. 208 с. с илл. 50000 экз. 65 коп.

Драчева Н. П., Дубинин А. Б., Зеленев С. Б. и др. НеокOLONИализм против прав человека. М. Международные отношения. 1982. 192 с. 30000 экз. 45 коп. (Имперализм: события, факты, документы).

Зубов А. Б. Парламентаризм в Таиланде. Опыт исследования политического развития современного восточного общества методом анализа статистики парламентских выборов. М. Наука. 1982. 261 с. 1100 экз. 2 руб. 90 коп.

Иванов М. С. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М. Наука. 1982. 247 с. 2200 экз. 1 руб. 40 коп.

Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. Сборник статей. М. Наука. 1982. 238 с. 10000 экз. 1 руб. 10 коп.

Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М. Наука. 1982. 263 с. 1200 экз. 2 руб. 80 коп.

Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. Иран при «праведных» халифах. М. Наука. 1982. 269 с. 5000 экз. 1 руб. 60 коп.

Лайдинен А. П. Социально-экономические реформы 50—70-х годов XIX века в Финляндии. Л. Наука. 1982. 110 с. 1100 экз. 1 руб.

Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск. Наука и техника. 1982. 351 с. 2600 экз. 2 руб. 20 коп.

Мельников А. С. Культура чешского Возрождения. Л. Наука. 1982. 176 с. 10000 экз. 70 коп.

Петровская М. М. США: политика сквозь призму опросов. М. Международные отношения. 1982. 271 с. 10000 экз. 1 руб. 10 коп.

Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1975. М. Наука. 1982. 343 с. с илл. 1200 экз. 4 руб. 40 коп.

Скаржинская В. *Заговор против будущего. Ревизионизм — орудие антикоммунизма в борьбе за умы молодежи*. М. Молодая гвардия. 1982. 223 с. 50000 экз. 55 коп.

Социальные движения и борьба идей. Проблемы истории и историографии. М. Наука. 1982. 277 с. 2800 экз. 2 руб. 20 коп.

Фомиченко В. В. *Проблема человека и современный клерикальный антикоммунизм*. Киев. Политиздат Украины. 1982. 165 с. 10000 экз. 60 коп.

Хачатуров К. А. *Латинская Америка. Идеология и внешняя политика*. М. Международные отношения. 1982. 304 с. 10000 экз. 1 руб. 30 коп.

Шевцова Л. Ф. *Социализм и католицизм. Взаимоотношения государства и католической церкви в социалистических странах*. М. Наука. 1982. 215 с. 3000 экз. 1 руб. 20 коп.

Шмаров В. А. *Кипр в средиземноморской политике НАТО*. М. Наука. 1982. 248 с. 2000 экз. 2 руб.

Яйленко В. П. *Греческая колонизация VII—III вв. до н. э.* По данным эпиграфиче-

ских источников. М. Наука. 1982. 312 с. с илл. 3850 экз. 2 руб.

Книги, переведенные с иностранных языков

Ганди И. *Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1980—1982*. Пер. с англ. и хинди. Сост. П. В. Куцоби-на. М. Прогресс. 1982. 351 с. с илл. 10000 экз. 1 руб. 10 коп.

Гофман Г. *Мангейм — Мадрид — Москва. Мемуары*. Пер. с нем. М. Воениздат. 1982. 382 с. с илл. 65000 экз. 1 руб. 90 коп.

Маджистер С. *Политика Ватикана и Италия, 1943—1978 гг.* Пер. с итал. Предисловие Н. А. Ковальского. М. Прогресс. 1982. 335 с. 20000 экз. 95 коп.

Ротштейн Э. *Когда Англия вторглась в Советскую Россию...* Пер. с англ. Предисловие В. В. Овчинникова. М. Прогресс. 1982. 187 с. 50000 экз. 55 коп.

Филби К. *Моя тайная война. Воспоминания советского разведчика*. Пер. с англ. М. Воениздат. 1982. 191 с. 100000 экз. 85 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Советская археология № 4, 1982. Мунчаев Р. М. Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики КПСС; Черных Е. Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы); Третьяков В. П. О неолите Верхнего Подонья; Коль Филип Л., Гескель Денис К. Археологические памятники равнины Дарре Газ (распространение системы хронологии Намазга на материалы Иранского Хорасана); Сулейман А. Цивилизация Эбла и культура сирийских кубков; Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время; Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян; Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи; Риер Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X—XIII вв.; Астахов С. Н. Голубая I — позднепалеолитическая стоянка на Енисее; Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Поселение убейдской культуры Ярм-тепе III в Северной Месопотамии; Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы вблизи Каменной Могины; Ильюков Л. С., Ларенок П. А. Сухо-Чалтырские курганы бронзового века; Кудрявцев А. А. О новой хронологии древнего Дербента; Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника; Паньков С. В. О развитии черной металлур-

гии на территории Украины в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.; Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на р. Уршак; Журавлев А. П. Глиняная фигурка водоплавающей птицы на стоянке Илекса I; Кияшко А. В., Мамонтов В. И. Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника; Семенов Вл. А. Памятники афанасьевской культуры в Саянах; Гришин Ю. С. Дуройская стоянка эпохи раннего металла в юго-восточном Забайкалье; Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л. Об одной категории костяных изделий срубной культуры; Бабаев А. Д. Корoplastика Чим-Кургана (Северный Таджикистан); Охонько Н. А., Отюцкий И. В. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска; Фехнер М. В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня; Коваленко В. П. Новый вариант печати Великого князя Всеволода Ярославича; Левушкина С. В. Средневековый кувшин для нефти с городища Будрач.

Рабочий класс и современный мир № 5 (71), 1982. Трунов М. П. Продовольственной программе — комплексный подход; Дж. Джексо. Свет ленинских идей; Батов П. И. Под знаменем интернационализма; Мацквичюс К. Ю. Проблемы интернационального социалистического соревнования; Лапицкий М. И. Современная безработица: социально-психологический аспект; Кульпин Э. С., Сычева В. А. Проблемы иностранной рабочей силы в Западной Европе; Храмцов А. Ф. ФРГ:

рабочий класс в современном антивоенном движении; Маклярский Б. М. Движение в защиту окружающей среды: новые рубежи; Пантелеев М. М. Рабочие в системе политических партий Франции; Забастовочное движение в развитых капиталистических странах: 1981—первая половина 1982 г. (Аналитический обзор); Гвоздев Ю. И. Латинская Америка: наступление на права трудящихся; Строганова Е. Д. Роль солидарности в борьбе революционных сил Латинской Америки; Пчела В. М. Борьба коммунистических партий Колумбии за единство рабочего класса; Новиков С. С. Рабочий класс и рабочее движение в Замбии в 70-е годы; Наталуха В. В. Борьба профсоюзов за установление демократического контроля над ТНК; Нагорняк О. Г. Из практики внедрения передовой формы организации и стимулирования труда; Пичков Б. П. Противоречия подготовки высококвалифицированных кадров в США; Кухарчук А. М. Франция: новые права трудящихся на производстве; Лукьянова Г. И. Забастовка рабочих компании «Ситроен»; Кузьмищев А. В. Гондурас: внутриполитическая ситуация и сдвиги в структуре профсоюзов; Прозоровский В. В. На конференции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Писклов В. С. Профсоюзы за торгово-экономическое сотрудничество и социальный прогресс в условиях мира; Ярхо Т. Е. Революционное наследие Гарибальди.

Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук № 11 (356), вып. 3, 1982. Демидов В. А. В. И. Ленин и некоторые вопросы национально-государственного строительства в Сибири; Борисов Б. Л. Основные этапы развития национальной государственности народов Сибири; Познанский В. С. Участие трудящихся национальных районов Сибири в разработке Конституции СССР; Колоткин М. Н. Национальные секции партийных комитетов Сибири в борьбе с голодом (1921—1922 гг.); Демидов В. В. Социалистические преобразования в сибирской национальной деревне (1926—1932 гг.); Кекалова Л. Н. Ликвидация безработицы в Сибири — одно из крупнейших завоеваний Советской власти; Борзенков А. Г., Миндолин В. А. Интернациональное воспитание молодежи в Новосибирском научном центре; Горюшкин Л. М., Позовский И. Т. Менделеев и Сибирь.

Украинский исторический журнал № 9, 1982. Плясовских В. С. XXVI съезд КПСС о дальнейшем развитии культуры советского общества; Цехмистро Н. Я. Укрепление братского сотрудничества трудящихся РСФСР и УССР в ходе социалистического соревнования в годы восьмой пятилетки; Новохатко Л. М. Деятельность Коммунистической партии по развитию содружества рабочего класса братских республик СССР (1926—1932 гг.); Петриков П. Т. Развитие исторической науки в Белорусской ССР; Половец В. М. Деятельность партийных организаций по раз-

витию атеистического общественного мнения; Кузьминская О. Д. Освещение в периодической печати УССР творческих связей научных работников братских республик (1971—1975 гг.); Заиров Ш. Ш. Вклад комсомола Украины в ликвидацию последствий ташкентского землетрясения (1966—1968); Якименко М. А. Миграция украинского крестьянства (1861—1905 гг.); Шевченко В. Н. Положение крестьянства Левобережной Украины в конце XIX—начале XX века; Яшников В. Г. Деятельность парторганизаций Украины по созданию материальных условий и повышению культурного уровня студенческой молодежи (1971—1975 гг.); Мигазутдинов А. Ф. Освещение в мемуарной литературе партийно-политической работы в войсках во время освобождения Украины (1943—1944 гг.); Пеняк П. С. Производственная и внутренняя жизнь в ремесленных цехах Закарпатья XVIII—первой половины XIX века; Навка И. А. Роль комсомола Украины в развертывании социалистического соревнования в угольной промышленности (1926—1932 гг.); Сас П. М. Некоторые особенности городского самоуправления на Украине в XV—XVI веках; Кутузов А. П. Применение диапоскопов при изучении материалов XXVI съезда КПСС в вузах при проблемном методе обучения; Дорошенко В. С. М. С. Гречуха. (К 80-летию со дня рождения); Богачук С. Г. Документы ЦГАОР УССР о социалистическом соревновании трудящихся РСФСР и УССР в годы первых пятилеток.

Архивы Украины № 4, 1982. Постановление Совета Министров Украинской ССР «Об утверждении Положения об архивном отделе исполнительного комитета областного Совета народных депутатов»; Положение об архивном отделе исполнительного комитета областного Совета народных депутатов; Кукреш С. К. Научно-методическая работа архивных учреждений (итоги и задачи); Антоненко И. Е. Документы ЦГАОР УССР о братской взаимопомощи и сотрудничестве народов СССР в 50—60-е годы; Лашкевич В. В. Развитие архивного дела в Белорусской ССР; Кахаров А. К. Основные направления архивного строительства в Таджикской ССР на современном этапе; Сеник Я. Г. Из опыта работы по обеспечению сохранности документов в ЦГИА УССР в г. Львове; Прус Г. И. Из опыта работы читального зала Госархива Одесской области; Попов А. Г. Организация работы Черниговского госгосархива по упорядочению документов в учреждениях, на предприятиях и в организациях города; Бабич М. Т. Усовершенствование научно-справочного аппарата к фондам Нежинского госархива; Плахотнюк С. С. Документы ЦГАОР УССР о повышении культурно-образовательного уровня украинского крестьянства в годы первой пятилетки (1928—1932); Велигодский В. Н. Из истории колхозного строительства на Черниговщине в 1933—1937 гг. (по документам партархива Черниговского обкома Компартии Украины и

госархива области); Кравченко Г. А. Источники к истории сотрудничества и дружбы русских и украинских поэтов в фондах Литературно-мемориального музея М. Ф. Рыльского; Зубарило Л. К. Документы к биографии З. М. Гайдай в фондах ЦГАМЛИ СССР; Самилляк Г. И. Автобиография академика Н. Д. Стражеско; Лошицкий А. А., Табачник Д. В. Из опыта работы архива Киевского ордена Ленина государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

Рабочий класс и социалистические преобразования в Поволжье. Межвузовский сборник. Куйбышевский государственный университет. 1981. Лившиц А. Э. Развитие политической и производственной активности рабочего класса Поволжья в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.); Широков Г. А. Вклад рабочих Поволжья в развитие социалистического соревнования в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.); Рогожин В. В. Развитие политических основ союза рабочих и крестьян в 1946—1950 гг. (на материалах Куйбышевской и Пензенской областей); Дорофеев В. И. Рост творческой активности рабочих Поволжья (1959—1970 гг.); Дорофеева Е. С. Развитие наставничества в профтехучилищах Нижнего Поволжья (1959—1965 гг.); Рогожин В. В., Фадеев А. Д. Некоторые вопросы союза рабочих и крестьян в годы четвертой пятилетки в советской исторической науке; Тихонов В. И. Вклад трудящихся Куйбышевской области в развитие социалистического соревнования в годы восьмой пятилетки; Степанова Г. А. Историко-социологический анализ развития структуры рабочего класса в 1960—1975 гг. (на примере женских кадров железнодорожного транспорта); Бегунов А. Е. Рабочий класс и техническое перевооружение сельского хозяйства Поволжья в условиях развитого социализма; Квасов Ю. П. Деятельность партийных организаций Куйбышевской и Саратовской областей по повышению роли рабочего класса в развитии сельского строительства (1966—1970); Медведев А. И. Руководство КПСС развитием союза рабочих, крестьян и интеллигенции в свете Конституции СССР; Нефедова К. Ф. Годовые отчеты промышленных предприятий как исторический источник по истории рабочего класса.

За мир и социальный прогресс. Материалы советско-африканской научно-политической конференции, Москва, 13—16 октября 1981 г. М. 1982. Вступительное слово председателя Оргкомитета конференции Ан. А. Громыко; Выступление вице-президента АН СССР акад. П. Н. Федосеева; Громыко Ан. А. Внешнеполитический курс Советского Союза и Африка; Пизарру Л. Революционный процесс в Африке; Кошелев П. Я. Советско-африканское экономическое сотрудничество: итоги и перспективы; Висейра С. Некоторые соображения о строительстве социализма в Африке и борьба за мир; Андриамандзату Р. Опыт Мадагаскара в борьбе за мир

и социальный прогресс; Фэррэдэ У. Пути решения аграрных проблем в свете эфиопского опыта; Гончаров Л. В. Борьба за новый международный экономический порядок и страны Африки; Обасанжо О. Социальный прогресс в Африке: вызов нашего времени; Окадибго Ч. Африка на международной арене; Обзоры работы секций; Выступление Ан. А. Громыко на заключительном пленарном заседании; Документы.

Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. Сборник статей. Комиссия по изучению четвертичного периода Геологического института АН СССР. М. 1981. Анисюткин Н. К. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы; Щелинский В. Е. Виды использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы; Иванова И. К. Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы; Ренгартен Н. В. Состав и условия образования четвертичных отложений Кишлянского Яра; Губин С. В. Погребенные плейстоценовые почвы района палеолитической стоянки Кетросы; Болиховская Н. С. Растительность и климат Среднего Приднестровья в позднем плейстоцене. Результаты палинологического анализа отложений Кишлянского Яра; Левковская Г. М. Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы; Давид А. Д. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы; Мотуз В. М. Фауна моллюсков четвертичных отложений Кишлянского Яра и ее экология; Иванова И. К., Болиховская Н. С., Ренгартен Н. В. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы.

Буддийские памятники Кара-тепе в старом Термезе. Институт востоковедения и др. АН СССР. М. 1982. Ставиский Б. Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 годах; Бердников А. Ф. Раскопки комплекса В в 1974—1977 годах; Альбаум Л. И. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе); Вайнберг Б. И., Раевская Т. А. Нумизматические заметки; Сычева Н. С., Сычев В. Л. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе; Агеева Э. Н., Белозерова Г. Е. Известняки в памятниках Термеза и его окружи кушанского периода; Бирштейн В. Я. Идентификация минеральных компонентов грунтов и пигментов росписей Кара-тепе и других среднеазиатских памятников с помощью физико-химических методов; Желнинская З. М., Витт С. В., Сапоровская М. Б., Пасконова Е. А. Новые данные о связующем краски настенной живописи из Кара-тепе; Желнинская З. М. К вопросу об анализе связующего в стенных росписях, открытых на Кара-тепе и некоторых других археологических памятниках Передней Азии; Вертоградова В. В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе; ее же. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе.

Хроникальные заметки

◆ XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории состоялась в Уфе 30 сентября — 3 октября 1982 года. Она была создана по инициативе Института истории СССР АН СССР и Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и посвящена теме «XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни)». Вступительным словом сессию открыл чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко. На первом пленарном заседании были прочитаны доклады: М. З. Шакирова — Сельское хозяйство Башкирии на современном этапе и перспективы его развития в свете решений XXVI съезда партии и майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС; В. А. Александров, И. М. Волков, В. Г. Тюкавкин — XXVI съезд КПСС и задачи изучения аграрной истории СССР; В. П. Иванов; Х. Ф. Усманов (Уфа) — Итоги и задачи изучения истории крестьянства Башкирии в свете решений XXVI съезда КПСС; В. П. Шерстобитов — Закономерности и особенности исторического развития крестьянства народов СССР (К 60-летию образования СССР). На сессии работало пять секций: история сельского хозяйства и крестьянства СССР (Общественно-политическая жизнь советской деревни. 1917 — 1980 гг.); вторая половина XIX в. — 1917 г. (Социально-политическое положение крестьянства России эпохи капитализма. Взаимосвязи города и деревни); первая половина XIX в. (Эволюция социально-политического положения крестьянства в первой половине XIX в.); XVIII в. (Аграрная политика государства и правосознание классов); до XVII в. включительно (Взаимоотношения государства и крестьянства на разных этапах развития феодализма).

◆ Во Фрунзе в июне состоялась межреспубликанская научная конференция молодых ученых-историков Киргизии, Украины, Белоруссии, Таджикистана и Москвы, посвященная 60-летию образования СССР. В работе конференции, организованной Советом молодых ученых Института истории АН Киргизской ССР, приняли участие представители Института истории, Института философии и права АН Киргизской ССР, Института истории партии при ЦК КП Киргизии, институтов истории АН УССР, АН БССР, АН ТаджССР и Института истории СССР АН СССР, а также преподаватели и студенты Киргизского университета и Киргизского женского пединститута. На пленарном и секционном заседаниях конференции были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам истории, философии, этнографии и археологии народов СССР.

◆ В Москве, в Институте истории СССР, 24 июня 1982 г. состоялось заседание секции Ученого совета Института истории СССР АН СССР (дооктябрьский период).

Доклад «Жизнь и творчество К. В. Сивкова. К 100-летию со дня рождения» сделала Е. И. Индова. Она охарактеризовала научную деятельность этого видного историка. Выступившие на заседании акад. А. Л. Нарочницкий, А. И. Клибанов, В. И. Буганов говорили о широком диапазоне научных исследований К. В. Сивкова и необходимости публикации его неизданных работ.

◆ 27 сентября — 2 октября 1982 г. в Киеве работал III симпозиум историков СССР и ГДР. Тема его — «Вопрос о политической власти как главный вопрос в демократической и социалистической революции (методологические аспекты исследования)». Созывался симпозиум по инициативе Киевского университета. На нем были обсуждены доклады: Шевчук В. П. (Киев) — В. И. Ленин о социалистической федерации как новом типе многонационального государства (к 60-летию образования СССР); Кальбе Э. (ГДР) — Вопрос о власти в народно-демократических революциях; Зеленин В. В. — Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: задачи сравнительного изучения; Манусевич А. Я. — Революция 40-х годов — новый этап мирового революционного процесса, открытого Великим Октябрем; Котов В. Н. (Киев) — Борьба большевиков национальных районов России за власть Советов; Фукс Г. (ГДР) — Контрреволюционные силы в народно-демократических революциях в Европе; Калакура Я. С. (Киев) — Новейшая советская историография руководящей роли марксистско-ленинской партии в социалистической революции; Королев Б. И. (Киев) — Диалектика мирного и немирного пути революции в России в 1917 г.; Ежов В. А. (Ленинград) — Коммунистическая партия — политический руководитель рабочего класса (вопросы методологии); Мурашко Г. П. К вопросу о хронологических рамках переходного периода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; Носкова А. Ф. — Некоторые проблемы переходного периода в советской историографии; Лауенрот Х. (ГДР) — Историография ГДР об Октябрьской и народно-демократических революциях; Стецкевич С. М. (Ленинград) — Вопрос о власти в революциях 40-х годов в Европе в историографии ПНР, ЧССР, НРБ; Шморгун П. М. (Киев) — Вопрос о власти в первой русской революции; Бруз В. С. (Киев) — Вопрос о власти в Октябрьской революции. Критика буржуазных концепций.

◆ Около 200 ученых-славистов из Болгарии, Югославии, Австрии, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Индии и других стран приняли участие в международной научной конференции «Славянские культуры и мировой культурный процесс», состоявшейся в Минске в октябре 1982 года. На конференции были обсуждены истоки и истори-

ческое развитие славянских культур и их взаимные связи с другими культурами.

◆ С 30 сентября по 6 октября 1982 г. в Суздале заседал II конгресс Международного общества европейской этнологии и фольклора. Его участников приветствовали: председатель Владимирского облисполкома А. Г. Аникин и президент общества Ж. Кюзинье (Франция). Акад. Ю. В. Бромлей сделал доклад о развитии современных этнических процессов. О работе этнографического журнала европейских социалистических стран «*Demos*» рассказал его главный редактор Р. Вайнхольд (ГДР); о деятельности Карпатской этнографической комиссии — В. Фролец (ЧССР). В рамках конгресса работали симпозиумы: Стабильность и изменения в культурных системах стран современной Европы; Этнография города; Локальные и региональные сообщества в Европе; Этнокультурные и этнодемографические процессы в послевоенной Европе; Проблемы историко-этнографического картирования; Культурные контакты Европы с другими континентами; Календарь, семейные обычаи и ритуалы; Проблемы общей этнологии; Этногенез и этническая история Европы; Новейший фольклор народов Европы. В работе конгресса участвовали специалисты союзных республик СССР, многих стран Европы, а также Алжира, Канады и США.

◆ В Москве по случаю 175-летия со дня рождения Дж. Гарибальди 19 октября с. г. Обществом СССР — Италия и Университетом итальянской культуры был создан научный кворум, на котором выступили с докладами Ф. делла Перута (Италия) — Джузеппе Гарибальди: миф и история; К. Ф. Миззиано — Гарибальди и Россия.

◆ На состоявшихся в Вильнюсе в октябре «Федоровских чтениях» специалисты по истории книги и книгопечатания большое место уделили связям русских и литовских издателей, мастеров книги других народов нашей страны, расцвету книгопечатания в годы Советской власти.

◆ В книге Г. Д. Обичкина и М. Я. Панкратовой «Письма Владимира Ильича Ленина. По страницам Полного собрания сочинений» (М. Политиздат. 1982) показано значение ленинских писем, рассказано об условиях, в которых они были написаны, и способах их доставки адресатам.

◆ Н. Я. Олесич в работе «Ленин и революционное студенчество России» (М. Политиздат. 1982) раскрывает ленинские принципы партийного руководства студенческим движением от момента его зарождения до Великой Октябрьской социалистической революции. Автор показывает пути борьбы передового студенчества под руководством большевиков за преодоление оппортунистических течений в среде учащейся молодежи и за обретение ею своего места в революционном процессе.

◆ В монографии В. В. Иванова «Историзм в ленинской методологии научного исследования» (М. Мысль. 1982) освещены познавательные функции историзма в ленинской методологии научного исследова-

ния. Исходя из ленинского анализа опыта русского освободительного движения, тактики и стратегии большевистской партии в борьбе за победу социалистической революции, на конкретном историографическом материале в книге рассмотрена роль историзма в утверждении единства теории и практики, в исследовании современности, актуальных проблем социалистического и коммунистического строительства.

◆ В книге Л. Ф. Малафеева «Величие Октября и банкротство его критиков» (М. Политиздат. 1982) разоблачаются современные буржуазные и ревизионистские взгляды на опыт Великого Октября. Автор показывает идейную и теоретическую несостоятельность советологии в освещении таких актуальных проблем, как историческая обусловленность социалистической революции в России, характер политической власти рабочего класса, соотношение политики и экономики в революционных преобразованиях, роль классов и политических партий в социалистической революции.

◆ Сущность и основные черты развитого социализма как определенного этапа коммунистической формации, его особенности во всех областях общественной жизни и место в современном мире, его влияние на международные отношения и мировой революционный процесс рассматриваются в книге «Развитой социализм: проблемы теории и практики» (изд. 3-е. М. Политиздат. 1982). Теоретический анализ увязан в ней с практикой коммунистического строительства. Новое издание доработано с учетом материалов XXVI съезда КПСС, других партийных документов.

◆ В документальных очерках «Зловещая эстафета. Ядерная стратегия империализма: истоки и современность» (М. Политиздат. 1982) рассматриваются действия и планы империалистов, старающихся превратить ядерную энергию в орудие агрессии, войны и шантажа. Анализируя человеконенавистническую сущность стратегии империализма, авторы пишут о противостоящей ей советской политике мира, разрядки и предотвращения ядерной катастрофы.

◆ Книга Н. В. Сивачева «США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны)» (М. Мысль. 1982) содержит анализ развития отношений между трудом, капиталом и государством в США с конца XVIII в. до 1945 года. В монографии использован документальный материал, значительная часть которого почерпнута автором во время работы в библиотеках ряда американских университетов и архивах США.

◆ М. К. Бункина и В. В. Мотылев в книге «Противоречия и конфликты современного капиталистического хозяйства» (М. Мысль. 1982) рассматривают противоборствующие тенденции в мировом капиталистическом хозяйстве, структурные кризисы на рубеже 70—80-х годов, обострение межимпериалистических противоречий и конфликтов, в том числе между тремя центрами сил (США — Западная Европа — Япония).

◆ «США» (М. Мысль. 1982) — комплексное исследование современного американского империализма. В книге рассматриваются процессы развития производительных сил, особенности монополистической структуры экономики, государственно-монополистического регулирования хозяйственной жизни, внешнеэкономические связи США.

◆ «Героические свершения азербайджанских нефтяников в годы Великой Отечественной войны» — книга, выпущенная Азербайджанским государственным издательством (Баку, 1982). Автор ее — Я. М. Агарунов рассказывает о том, как нефтяники, верные своим революционным и трудовым традициям, несмотря на трудности военного времени, перевыполняли планы, бесперебойно снабжали Красную Армию, Военно-Морской Флот и авиацию горюче-смазочными материалами, какой вклад внесли они в ускоренное развитие добычи нефти в Башкирии, в Куйбышевской, Пермской, Оренбургской областях, а также в Средней Азии.

◆ Е. Г. Киселева опубликовала в Волго-Вятском книжном издательстве монографию «Во имя победы. Организаторская и идейно-политическая работа Коммунистической партии среди тружеников речного транспорта СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». (Горький. 1982). В книге освещается организаторская и идейно-политическая работа партии среди тружеников речного транспорта СССР в годы войны, показана борьба партийных организаций за перестройку его работы на военный лад, анализируются основные формы и методы организаторской и идеологической деятельности партийных организаций по повышению политической и трудовой активности речников.

◆ Монография Ф. А. Лукинского «Народное образование в Сибири» (М. Наука. 1982) дает картину развития народного образования в Сибири и на Дальнем Востоке за время между гражданской и Великой Отечественной войнами.

◆ Якутское книжное издательство выпустило сборник «Ссылные большевики о Якутии. Воспоминания, письма» (Якутск. 1982). Политические ссыльные сыграли большую роль в истории края, в пробуждении политического сознания его трудящихся, в распространении здесь идей марксизма-ленинизма. В сборнике помещены воспоминания Е. М. Ярославского, Г. И. Петровского, В. П. Ногина, Ф. Я. Кона, Ю. М. Стеклова и др.

◆ В книге А. Н. Усманова «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству» (Уфа. 1982) подробно исследуется процесс присоединения Башкирии к России, показано прогрессивное значение этого факта.

◆ В издательстве Московского университета вышла в свет коллективная монография «Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма» (М. 1982). В книге дан анализ общих методологических и методических принципов обработки этого типа ис-

точников, приведены основные принципы отбора необходимой информации и т. д.

◆ Краснодарское книжное издательство выпустило сборник документов и материалов «Хрестоматия по истории Кубани (1917—1967 гг.)» (ч. 2. Краснодар. 1982). Первая часть сборника, охватывающая период с конца XVIII в. до февраля 1917 г., вышла в 1975 году. Во второй части опубликовано 206 документов, отражающих события от момента подготовки и победы Октябрьской революции до 50-летия Советской власти.

◆ «Памятники московской деловой письменности XVIII века» (М. Наука. 1981) — публикация, раскрывающая богатство формирующегося русского национального языка на материалах по преимуществу обиходно-разговорной речи москвичей XVIII столетия. Она включает 302 ранее не публиковавшихся документа. Среди них частные письма, «сказки» (показания) об имущественном и семейном положении (в связи с проведением ревизий), записи допросов, челобитные по различным делам и т. д. Острые социальные конфликты эпохи запечатлелись в многочисленных жалобах помещиков и чиновников на побег крепостных (с описанием внешности и одежды последних). Любопытны сведения о повседневном бытовом укладе жизни москвичей, их занятиях и заботах, о ценах на различные предметы домашнего обихода. Интересны данные о топографии Москвы, о деятельности присутственных мест старой столицы.

◆ В фондах Государственного архива Астраханской области обнаружено 6 документов о пребывании в Астрахани и поездке в Дербент грузинского царя Вахтанга VI и его сына царевича Бакара. Среди них — письмо от 29 сентября 1734 г. с автографом Вахтанга астраханскому губернатору И. П. Измайлову, в котором царь просит дать подводы до Москвы отправляемому по его поручению дворянину Ревазову. В указе Сената от 11 мая 1734 г. об отправлении Вахтанга с сыном в Дербент перечисляются сопровождающие его лица, а также говорится о том, что пожаловали ему «в Москве на Пресне под строение землю и описной князя Василия Лукина сына Долгорукова дом».

◆ Уральская объединенная археографическая экспедиция в минувшем сезоне обследовала Свердловскую, Пермскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую, Кировскую, Куйбышевскую и Саратовскую области. Приобретены рукописные и старопечатные книги. Среди них — «Летопись Дмитрия Ростовского», памятник начала XVIII века. Многочисленные записи, оставленные на книге, свидетельствуют, что она имела хождение в уральских городах и заводах. Среди находок хорошо сохранившиеся старопечатные книги первой половины XVII в., рукописи историко-нравоучительного характера XVIII века. Члены экспедиции работали и в государственных хранилищах. В библиотеке Пермского пединститута ими описано около 50 редких и старопечатных книг, в том числе «Кормчая книга» XV века.

Особый интерес представляет рукопись второй половины XV — начала XVI в. «Словеса постнические Исаака Сирина», а также сборник, переписанный в середине прошлого века, но включающий сочинения XVII и XVIII вв., которые носят ярко выраженный политический характер. Они направлены против самодержавия. В Свердловске было найдено «Евангелие», напечатанное в Москве в 1627 году. Иллюстрации в нем принадлежат замечательному русскому граверу Кондрату Иванову. Впервые найден акrostих, написанный в конце XVII в. на одном из листов «Минеи». Посвящен он патриарху Адриану.

◆ Совместная археографическая экспедиция Библиотеки АН СССР и Вологодского областного краеведческого музея в одной из деревень обнаружила старинные рукописные и печатные книги. Самые ранние из них датированы XV и XVI веками. Эту своеобразную библиотеку, насчитывающую около 300 названий, собрали несколько поколений крестьянских книгоцеев.

◆ Во время раскопок кушанской крепости Кампыр-тепе в Гагаринском районе Сурхандарьинской области, проводившихся Узбекской искусствоведческой экспедицией, найдены бактрийские рукописи, относящиеся к концу I — началу II в. н. э. Они обнаружены в завале помещения, которое, по всей видимости, служило хранилищем докумен-

тов. Выполненные на бересте, четким каллиграфическим почерком — курсивом, черной «тушью» или «чернилами», они хорошо сохранились. Этого нельзя сказать о материале, на который они были нанесены. Береста в условиях жаркого сухого климата стала очень хрупкой.

◆ Шахматные фигуры XII в. отыскивали под Гродно археологи Института истории АН БССР. Это — лады, изготовленные из светло-желтого камня с зелеными прожилками. Эти находки расширяют наше представление о быте и культуре той эпохи. Изображенные мастером судно, оружие, одежда, головные уборы и даже прическа позволяют восстановить исторические реалии. Находки помогли подтвердить, что шахматы пришли на Русь с Востока, а не с Запада, как это считалось прежде. Деревянные поделки, обнаруженные в Минске, Бресте, Мстиславле, Турове, подтверждают, что шахматы были широко распространены на Руси.

◆ Стоянка древнего человека, обитавшего на Камчатке около 2 тыс. лет назад, обнаружена учеными-вулканологами. При обследовании района будущего строительства геотермальной электростанции у вулканов Мутновский и Горелый в пепловых отложениях найдены наконечники стрел и копий из горного стекла, ряд других предметов. Судя по их количеству, становище было крупным.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

The Russian Empire and the Soviet Union. A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Kennan Institute for advanced Russian studies.

The Wilson Center. Boston. 1981. 632 с.

Российская империя и Советский Союз. Справочник по рукописным и архивным материалам в США.

Опубликованный в США (Институт русских исследований Кеннана) справочник содержит обстоятельную характеристику материалов по истории СССР, имеющихся в различных американских архивохранилищах. Непосредственные исполнители этой работы С. Грант и Дж. Браун в 1975—1979 гг. обследовали более 7,5 тыс. архивов: Национальный архив США, университетские библиотеки, архивы некоторых штатов, общественные библиотеки, архивы исторических обществ, церкви, отдельных деловых компаний и т. д.

Во введении сообщается, что цель сборника — учесть документы, которые составлялись преимущественно в России, а не в эмиграции. В поле зрения составителей многообразные виды источников: печатные издания, письма, воспоминания, фотоматериалы, документальные кинофильмы, фотозаписи, графика (оставлены в стороне банки машинной информации и машиночитаемые документы).

Названные в справочнике материалы представляют интерес для изучения многих проблем отечественной истории начиная с XVIII века. В архивах США хранятся ценные источники о русских на Аляске, о русских поселениях на американском Западе. К XIX в. относятся письма, дневники и воспоминания американцев, принимавших участие в строительстве железных дорог или промышленных предприятий, а также находившихся на дипломатической службе в России. Много документов о деятельности русской церкви в Америке, о Русско-американской компании и т. д. В справочнике приводятся сведения и о материалах

по истории русской культуры XIX — начала XX в. (ценным источником являются, например, воспоминания о Ф. М. Достоевском, Ф. И. Шаляпине и др.).

Многообразные документы характеризуют советский период отечественной истории. Антисоветский характер политики США, естественно, отражен во многих из них. Наряду с воспоминаниями солдат и офицеров, принимавших участие в интервенции, в американских архивах хранятся письма и воспоминания активных деятелей белого движения, материалы белогвардейских правительств, контрреволюционных политических партий. Интерес для советского исследователя представляют материалы по истории советско-американских политических и экономических отношений 20—30-х годов, о культурной жизни СССР в 20-е годы. В библиотеке Калифорнийского университета хранятся более 50-ти фильмов, изготовленных в СССР в 20-е годы, в том числе фильмы Д. Вертова, Я. Протазанова и других выдающихся советских деятелей кино. В годы социалистической индустриализации на советских промышленных стройках работали американцы, чьи письма и воспоминания о пребывании в СССР являются интересным историческим источником. Значительная часть этих документов отражена в рецензируемом справочнике.

Почти во всех архивах США имеются документы периода второй мировой войны. Среди них свидетельства о совместных военных действиях, о поставках по ленд-лизу письма и воспоминания американцев, работавших в СССР. Многие материалы освещают советско-американские отношения

после войны. Справочник содержит описания документов о контактах советских людей с прогрессивными силами в США, о совместной борьбе за мир. В частности, рассказывается о содержании архива Американо-русского института в Сан-Франциско. Имеются сведения и об экономических отношениях между двумя странами.

Справочник дает представление практически о всех крупнейших коллекциях документов по истории России, хранящихся в архивах США. Заслуживает внимания описание документов Национального архива (в особенности материалов Государственного департамента), Колумбийского университета, Калифорнийского университета в Беркли, библиотеки Ф. Д. Рузвельта.

Отдавая должное проделанной американскими учеными работе, нельзя не отметить очевидные просчеты и недоработки, а в ряде случаев — определенную тенденциозность в подборе материала. Характерно в этом смысле, что в справочнике широко представлены документы, отражающие оценку положения в СССР видными американскими политическими деятелями. Это нарушает общий замысел работы — дать характеристику документов по истории СССР. Главное же то, что почти во всех случаях такие оценки характеризуют не столько реальное положение дел в Советском Союзе, сколько позиции американских политиков, и продиктованы во многих случаях конъюнктурой. К этой группе материалов примы-

кают и воспоминания эмигрантов, объединенные под рубрикой «Движение за права человека». Широко известно, сколь лживы свидетельства перебежчиков о положении в СССР.

Оценить точно степень полноты справочника трудно, но вполне очевидно, что в нем учтены не все документы, представляющие научный интерес. В библиотеке Чикагского исторического общества можно познакомиться, например, с воспоминаниями американских инженеров, работавших на строительстве Горьковского автомобильного завода, упоминаний о которых в справочнике нет.

И, наконец, еще одно замечание. Документы в справочнике систематизированы по фондам. Сначала указывается штат, затем учреждение или лицо (фондодержатель), после этого идет краткое описание документов. Для того чтобы разыскать документы по той или иной теме, надо изучить практически весь обширный справочник. Этот недостаток тем более ощутим, что в справочнике лишь один указатель, который является одновременно и тематическим, и именовым, и географическим. Работать с таким указателем трудно.

В целом же труд американских специалистов может помочь советским историкам в поисках источников по ряду важных проблем отечественной истории.

В. З. Дробижев

Д. БРАТАНОВ, *Стремежи и борби*. София. Народна младеж. 1981. 187 с.
Д. БРАТАНОВ, *Стремления и борьба*.

Рецензируемая книга составлена из статей болгарского общественного деятеля Д. Братанова, печатавшихся в антифашистской прессе в 20—40-е годы, а также из нескольких материалов мемуарного характера, написанных им уже в условиях социалистической Болгарии. Содержание книги хорошо передает политическую атмосферу межвоенной Болгарии. Интерес представляют и взгляды автора, который первоначально принадлежал к левому крылу социал-демократии, отличавшемуся стремлением к активной борьбе с фашизмом, пониманием необходимости объедине-

ния сил пролетариата и всех трудящихся, что способствовало его дальнейшей эволюции влево, завершившейся в 1948 г. слиянием БРСДП с БРП (коммунистов) на основе марксистско-ленинских идеологических и организационных принципов.

Материалы книги распределены по следующим тематическим разделам: За единый фронт и революционный марксизм; Борьба молодежи против реакции и фашизма; Задачи массовых общественных организаций; Политические и экономические проблемы; Борьба за мир; На культурном фронте; Вдохновители революционной

борьбы; В борьбе за единство и победу Отечественного фронта.

Публицистика Д. Братанова дает выпуклое представление о такой малоизвестной советскому читателю стороне межвоенной действительности Болгарии, как движение трезвенности. Оно возникло стихийно в 1920 г. в противовес отчаянию и психологической неуравновешенности, распространившимся среди молодежи после поражения Болгарии в первой мировой войне. Вначале девизом движения была только борьба с алкоголизмом, но вскоре на повестку дня встали в нем и общие мировоззренческие вопросы (с. 30). В условиях фашистских репрессий правительства А. Цанкова, обрушившихся на трудящихся в 1923—1925 гг., движение трезвенности быстро вышло за рамки борьбы, связанной только с решением его непосредственных и весьма специфических задач, и превратилось в легальную форму объединения прогрессивной и демократической молодежи. В 1927 г. Ученическим нейтральным союзом трезвенности, насчитывавшим 20 тыс. членов, было проведено около 2 тыс. лекций и бесед. В местных организациях союза широко обсуждались вопросы искусства, литературы, экономики, самообразования, воспитания, нравственности. Издавались два журнала. Хотя союз официально именовался нейтральным, в 1927 г. его деятельность была запрещена как «антигосударственная», «левая», «непатриотическая» (с. 38). В 30-е годы союз возобновил свою деятельность.

Многочисленные публицистические выступления Д. Братанова, обращенные к молодежи, были проникнуты стремлением способствовать ее политическому пробуждению и воспитанию. Характерно в этом отношении название первой опубликованной Д. Братановым статьи — «Будем идейными!» (1925 г.). В последующие годы автор выступает с позиций революционного социализма и отрицания реформизма. Первым горьким результатом политики оппортунизма, отмечал он в 1934 г., было включение германской социал-демократии в милитаристские планы германского империализма; с приходом же Гитлера к власти «германский реформизм проиграл дело социализма» (с. 18). Противник фашизма, Д. Братанов пишет в ноябре 1934 г. в ответ на появившуюся в болгарской печати статью, в которой Гитлер был представлен чуть ли не родоначальником движения трезвенности в Германии, гневное письмо,

подчеркивая, каким кровавым способом расправился этот «вегетарианец» со своими сторонниками 30 июня 1934 г. (с. 41). Столь же энергичными были призывы Д. Братанова к студентам бороться за недопущение в Софийский университет для чтения лекций фашиствующего профессора А. Цанкова, известного кровавыми злодеяниями (с. 42—43).

Важную форму политического воспитания молодежи наряду с движением трезвенности Д. Братанов видел в кооперативном движении, которое в 30-е годы приобрело в Болгарии довольно широкие размеры. Он пишет о роли кооперации в общественном прогрессе, отмечая, что, «хотя кооперативное движение и не в состоянии разрешить социальный вопрос целиком, оно остается важным и всемирно признанным опытом перехода к более высоким экономическим формам» (с. 67). Он обращает особое внимание на вовлечение в кооперативное движение молодежи для активизации ее культурной и социальной деятельности.

Вопросы формирования классового сознания студентов находятся в центре «студенческого цикла» публицистики Д. Братанова. Отстаивая тезис, что «социальные бедствия и пролетаризация масс» способствуют классовому разграничению студенчества, он ратовал за «внедрение и расширение социального движения во все области жизни» (с. 26).

Воспитательный заряд несут в себе и статьи Д. Братанова, посвященные таким поэтам и писателям, как Г. Гейне, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Х. Ботев, А. Кюрантинов, Х. Смирненский и др. Написанные в эмоциональной и проникновенной манере, они давали читателю представление в первую очередь о том, как высоко ценили эти художники слова борьбу за свободу, как воспевали ее. Иногда автору удавалось провести через цензуру и такие мысли: «Если Ботев в 1876 г. мог так смело посмотреть на Балканы, Европу и весь мир и вдохновиться разгорающейся зарей свободы, то неужели в решительные годы нашей современности новые поколения спустя столько десятилетий должны развиваться в рабском смирении?» (с. 131).

В публицистических статьях Д. Братанова говорилось и о необходимости борьбы с капитализмом как системой производства и устройства общества (с. 45), о концентрации капитала, деятельности монопо-

лий, борьбе за мировой рынок, о великой исторической заслуге К. Маркса, который создал диалектический материализм, по-новому осветил процессы общественного развития и «дал пролетариату железную идеологию — научный социализм» (с. 134).

Пропаганда теоретических знаний имела важное значение для усиления революционного направления в болгарской социал-демократии, для борьбы за единый фронт, становившийся в 30-е годы все более насущной потребностью для рабочего движения. Это хорошо понимали левые в БРСДП. В статьях 1933 г. Д. Братанов писал о «росте стремления международного рабочего движения к единству». В статье «Единый фронт на пороге!» подчеркивалось: «Главные задачи зовут нас к единству в борьбе против капитализма, фашизма и реакции» (с. 14). Автор немало сделал и для конкретной реализации лозунга единого народного фронта; он был одним из активных деятелей и руководителей контактного комитета Рабочего молодежного союза (РМС) и Союза социалистической молодежи, а затем их Общего комитета единого фронта, выступал в легальном органе РМС — газете «Жар» (РМС работал под руководством коммунистов). И совсем не случайно Д. Братанов ока-

зался в 1942 г. в числе основателей Национального комитета Отечественного фронта.

В книгу включены также статьи и материалы, посвященные борьбе за мир. Среди них — письмо автора Р. Роллану, направленное в июне 1936 г. от имени болгарской молодежи. В нем говорилось: «Болгарская молодежь приняла близко к сердцу борьбу против войны и хочет бороться в защиту мира» (с. 95). Письмо подписали более 40 болгарских прогрессивных деятелей, включая многих коммунистов. Накануне Брюссельского конгресса мира (состоялся в 1936 г.) Д. Братанов, перефразируя слова Ж. Жореса, писал, что «болгарский народ должен доказать теперь свою храбрость не участием в новом кровавом безумии, а сотрудничеством со всеми народами во имя победы истинной человеческой культуры» (с. 102).

Включение в книгу материалов из ряда труднодоступных сейчас болгарских периодических изданий, в том числе провинциальных, повышает ее научную ценность как своеобразного источника, позволяющего конкретизировать наши представления о путях эволюции левой социал-демократии в Болгарии.

Р. П. Гришина

H. Zinn. *A Peoples History of the United States*. Harper and Row. N. Y. 1980. 614 p.

Г. ЗИНН. *Народная история Соединенных Штатов Америки*.

В 60-х годах автор рецензируемой книги был одним из лидеров «нового левого» движения, участвовал в борьбе за права негров, организовывал антивоенные выступления молодежи. Уже тогда он зарекомендовал себя как один из видных леворадикальных историков. Его книга написана на материале трудов, созданных историками-радикалами более чем за 20 лет. Она позволяет представить их концепцию истории США в целом. Поскольку, однако, историки-радикалы занимались в основном сюжетами, представлявшими для них интерес в плане политическом, то автору пришлось для заполнения ряда лакун обратиться к

новейшим трудам представителей «новой социальной истории», а также историков-прогрессистов.

Собранный автором обширный материал направлен на критику и разоблачение апологетических концепций истории США. Традиционной историографии, воспеваящей деяния «президентов, генералов и крупнейших бизнесменов», он противопоставляет активность народных масс. Зинн подвергает критике буржуазных объективистов, нагромождающих кучи фактов, груды информации, в которых они надежно хоронят явления и тенденции, не устраивающие защитников буржуазного строя. Подобная фальси-

фикация истории, считает автор, носит совершенно определенный идеологический характер, она преследует цель изобразить американское общество как некую единую «общность людей и интересов», скрыть острейшие конфликты «между завоевателями и завоеванными, господами и рабами, капиталистами и рабочими, угнетателями и угнетенными» (с. 8—10).

Зинн убедительно пишет о зверствах колонизаторов в отношении коренного населения Америки, о жесточайшей эксплуатации черных рабов и белых сервентов. Европейские пришельцы погубили древнейшую культуру индейских племен. Автор решительно выступает против «прогресса», достигаемого ценой «естественного расизма», возникшего будто бы из «врожденной антипатии между белыми и черными» (с. 30), а фактически направленного на то, чтобы снять ответственность за расизм с конкретной социальной системы (с. 32, 33), с господствующих классов Америки, заинтересованных в политике разобщения угнетенных и эксплуатируемых (с. 38).

С едким сарказмом пишет Зинн о том, как насаждалась идеология «легального союза» и «консенсуса» среди колонистов. Новая власть, пришедшая на смену английской администрации, защищала интересы привилегированных классов и сдерживала протесты народных масс. Сформировавшаяся в колониях «политическая элита» с помощью «демагогической риторики» смогла, пишет Зинн, не только переключить политическую энергию низших классов на борьбу против английского господства, но и использовать ее в собственных интересах (с. 60—61).

Подробно описывается в книге американский экспансионизм XIX в., разоблачается его либералистская маскировка. Характеризуя гражданскую войну в США, автор разоблачает буржуазных историков, воспевающих «благородство» и «гуманность» северян. Впрочем, отступая здесь (как и во многих других местах) от принципа историзма, Зинн практически стирает принципиальные различия между южанами-рабовладельцами и северянами-аболиционистами, сводя гражданскую войну к борьбе двух, по его мнению, равноценных элит — северной (промышленной, финансовой, торговой) и южной (рабовладельческо-плантаторской) (с. 167). Он при этом не принимает клиометристских трактовок негритянского рабства, справедливо указывая на то,

что реальную тяжесть рабского положения нельзя измерить долларами, расходуемыми на содержание бесправных невольников (с. 168). Незавершенность эмансипации рабов показана им достаточно убедительно и полно. Здесь он отходит от моралистского антиисторизма и в значительной мере учитывает совокупность конкретных социально-экономических и политических факторов, определявших положение рабов после гражданской войны.

Проблемы «прогрессивной эры» трактуются в книге в духе концепции либерального «корпоративизма» (Д. Вейнштейн) и «политического капитализма» (Г. Колко). Внешнеполитическая экспансия американского империализма объясняется им в духе У. А. Уильямса, что, разумеется, ослабляет критику внутренней и внешней политики американской олигархии начала XX века. Не видя принципиальных отличий, свойственных капитализму в эпоху империализма, Зинн склонен рассматривать американскую экспансию как результат стремления разрешить проблемы рынков для американских товаров в условиях депрессии 90-х годов XIX века. Особую цель этой экспансии он усматривает в переключении «бунтарской энергии» низших классов на борьбу против внешнего врага и сплочении их вокруг правящей элиты. Автор не видит наступления новой эпохи в развитии капитализма, отмеченной господством финансовой олигархии, с ее стремлением к монопольной сверхприбыли, борьбой за мировое господство, за раздел и передел мира. В определенной степени он учитывает диалектику прогрессизма, подчеркивая, что он был направлен против растущего социалистического движения (с. 346), против «социалистического вызова» (с. 314).

Рассматривая участие США в первой мировой войне, Зинн акцентирует внутрисполитические аспекты: по его мнению, американское правительство стремилось главным образом укрепить «искусственную общность интересов богатых и бедных, которая бы вытеснила подлинную общность интересов в среде бедных, периодически обнаруживающую себя в спорадических движениях» (с. 354). Между тем вступление США было прежде всего шагом в развитии американского империализма, рвавшегося к мировому господству. В книге подробно описаны механизм обработки общественного мнения США, репрессии против социалистов, участников антивоенного движения,

показано, что, несмотря на меры, предпринятые американской государственной машиной, ей так и не удалось создать общенациональный «консензус» в вопросе об отношении к войне.

Период «процветания» (1924—1929 гг.) обрисован в книге также с критических позиций: показано, что благами «просперити» воспользовались не более одной десятой американцев, капиталистическая рационализация сопровождалась тяжелейшими жертвами для трудящихся, разорялись арендаторы и фермеры, жалкое существование владели цветные, иммигранты (с. 373—374). Разорение фермеров и массовая безработица приобрели воистину катастрофический характер в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., истоки которого, подчеркивает автор, коренились в самих основах капиталистической системы (с. 377—378).

«Новый курс» Ф. Д. Рузвельта, по словам Зинна, преследовал две цели: реорганизовать капитализм для преодоления кризиса и стабилизации капиталистической системы и «помешать пугающему росту спонтанного бунта, организованности арендаторов и безработных, развертыванию (в массах) движения взаимопомощи, подъему волны всеобщих стачек» (с. 383). Однако, как и при характеристике прогрессизма начала XX в., в работе не уделено внимания объективной основе политики государственного регулирования экономики и социальных процессов — становлению и развитию государственно-монополистического капитализма. Не учитывается в работе и то мощное влияние, которое оказали на США успехи в строительстве социализма в СССР, а также борьба трудящихся классов: движение безработных, стачечный подъем, выступления фермеров.

Говоря об участии США во второй мировой войне, автор убедительно разоблачает официальное лицемерие американского правительства, его империалистические устремления. Главный интерес его, пишет он, состоял «не в том, чтобы остановить фашизм, а в том, чтобы обеспечить империалистические интересы США» (с. 400—401). В то время как СССР одерживал решающие победы над основными силами гитлеровцев, американские дипломаты и бизнесмены старались обеспечить США экономические и политические преимущества в послевоенном мире (с. 404—405).

Война, указывает Зинн, породила тот

«альянс между бизнесом и военщиной», который впоследствии получил название военно-промышленного комплекса. В ход пошло пугало «советской угрозы». Антикоммунистическая и антисоветская истерия призвана была оправдать непомерный рост военного бюджета, милитаризацию экономики, империалистическую экспансию, усиление внутренней реакции (с. 417). «Национальный (либерально-консервативный или республиканско-демократический) консензус» был направлен на то, чтобы взорвать и ликвидировать «либерально-радикальный блок», созданный в годы войны (с. 419). Но, замечает автор, вовсе «не советская экспансия угрожала правительству США и американским деловым интересам». Американский капитализм испытывал невероятный страх перед растущим «антиимпериалистическим восстанием», грозящим «обречь на поражение гигантские американские усилия» (с. 421).

В трактовке Зинном проблем периода «холодной войны» сказывается определенное влияние левацких теорий мирового революционного процесса: принижение роли и значения реального социализма, мировой социалистической системы, тезис о двух «сверхдержавках» и т. д. Суммируя выводы о политическом развитии США в послевоенный период, автор подчеркивает, что «влияние корпораций на Белый дом — постоянный фактор американской системы» (с. 535), делами которой вершит истеблишмент — «беспокойный клуб чиновников, бизнесменов, генералов и политиканов» (с. 572).

Критическая история американского капитализма и буржуазной политической системы США, несмотря на эклектичность и субъективизм позиции автора, составляет наиболее сильную сторону книги. Зинн самым названием определил главную цель своей работы: раскрыть роль народных масс в истории США, рассказать об этой истории с точки зрения тех, кого официальная историография относит к «аутсайдерам». Читатель найдет в книге много впечатляющих примеров борьбы угнетенных против капиталистического господства. Представляют интерес страницы, посвященные выступлениям черных рабов против рабовладельцев и плантаторов. Автор старается противопоставить борьбу самих негров «неосознанному расизму белых аболиционистов» (с. 180), он особо подчеркивает, что северяне во время гражданской войны боялись открытых выступлений негров и не

использовали их силу в борьбе с южанами (с. 188). Интересные сведения приведены в книге о движении сельскохозяйственных арендаторов, фермерских выступлениях, популистском движении.

При освещении отдельных сюжетов из истории рабочего движения автор сосредотачивается главным образом на выступлениях «рядовых», трактуя их в большинстве случаев в анархистском, анархо-синдикалистском или популистском духе. Сильный отпечаток оставила на его подходе к проблемам рабочего движения воспринятая «новыми левыми» маркузианская концепция рабочего класса. Это особенно сказалось в извращенной трактовке его структуры: делая упор на неквалифицированные слои, иммигрантов, черных, женщин, автор не уделяет достаточного внимания основным кадрам рабочих. Упрощенным является и его подход к проблеме их классового самосознания. Для Зинна революционность рабочего класса равнозначна бунтарству, в котором решающую роль играют не сознательные действия масс, руководимых революционным авангардом, а некое «постоянное меньшинство, играющее ключевую роль в организации недовольства» (с. 227). В целом же рабочее движение находится у него на втором плане.

Говоря об особенностях подхода Зинна к роли народных масс в истории США, нельзя не отметить, что в книге не хватает, во-первых, классового анализа общества, находящегося на определенном историческом этапе, характеристики объективных условий существования трудящихся классов, их места в системе производственных отношений; главное для автора — это самостоятельная активность «аутсайдеров». Во-вторых, он весьма субъективен в отборе включаемых им в «народную историю» выступлений масс. Он руководствуется при этом одним принципом: спонтанность (т. е. фактически — стихийность) этих выступлений. Вне поля его зрения остаются массовые революционные движения, развитие классовой сознательности и организованности, роль сознательной активности трудящихся классов в таких революционных процессах, как война за независимость, гражданская война. Из книги читатель не получит представления о действительной роли трудящихся классов, угнетенных и бесправных слоев населения в истории США. Это, естественно, очень обеднило раскрытие избранной автором темы, помешало ему преодолеть корен-

ной порок буржуазной историографии, неспособной увидеть действительную роль трудящихся классов как основной движущей силы истории.

Предложенная Зинном концепция истории США выдержана в духе тех политических установок, которых придерживается автор в настоящее время. Марксистская критика уже отмечала, что в его методологии преобладает откровенная политизация истории, субъективистский подход¹. Его книга подчинена обоснованию программы и тактики современных массовых движений, унаследовавших традиции «нового левого» движения 60-х годов. Цель автора — показать, что политическая система США отнюдь не всемогуща и не всемогуща. На протяжении всей истории страны она сталкивалась с бунтами и протестами против господства элиты. И ныне истеблишмент пытается сохранить свое «право на господство», претендуя на то, что он будто бы воплощает в себе «национальное единство», представляет интересы всего народа, защищая его от «общего врага» — некоей внешней угрозы (с. 572, 573).

Историки, заявляет Зинн, не должны допустить, чтобы «взрывы и вспышки» массового протеста были преданы забвению. Надо «раскрыть историю» и найти в ней «могучий человеческий импульс, придающий гуманности такую силу, которая сохраняется даже в периоды глубокого пессимизма» (с. 573). Однако всю проблему классового сознания угнетенных классов и социальных слоев автор сводит к «пониманию несправедливости» (с. 574) социального устройства, а фактически — к любым формам социального протеста, недовольства правительством, элитой, истеблишментом, пусть даже выступающего под флагом расизма и реакции.

Особое значение автор придает проявлениям недовольства тех социальных слоев, которых он именует «стражами системы». К ним он относит солдат, полицейских, учителей, государственных служащих, врачей, адвокатов, работников транспорта и связи, пожарных, мусорщиков, интеллектуалов, домовладельцев, а заодно всех налогоплательщиков, всех «специалистов» и квалифицированных рабочих. «Стражи системы», по словам Зинна, состоят в союзе с элитой,

¹ Aptheker H. The Politics of History. — Political Affairs, 1970, № 10, pp. 53—59. Зинн изложил свои взгляды в книге: Zinn H. The Politics of History. Boston. 1970.

образуя буфер между высшими и низшими классами. Таким образом, у автора получается, что судьба американского капитализма зависит не от борьбы его главного классового антагониста — рабочего класса, а от настроений «стражей системы», в которых нетрудно увидеть характерную для буржуазной социологии прослойку «средних классов».

Выход из социально-политического кризиса, по мнению автора, состоит в организации движения «рядовых», разочаровавшихся в существующей системе, в создании на местном уровне групп взаимопомощи. Критический для современной Америки вопрос, считает он, осознают ли «средние классы» необходимость изменения системы национальных приоритетов? (с. 577). Правящая элита будет стремиться к тому, чтобы посредством новой агрессии сплотить народ вокруг истеблишмента. Но, замечает Зинн, мировая ситуация существенно изменилась: «американская империя» прошла свою высшую точку, она уже не в состоянии справиться с освободительными движениями, развивающимися в современном мире (с. 579, 580).

Свою программу «радикальных перемен» автор называет утопической, но тем не менее настаивает на ней, утверждая, что в наше время уже недостаточно «просвещенных реформаторов и реформ». По его словам, уместно использовать разнообразную тактику — демонстрации, марши, кампании гражданского неповиновения, всеобщие стачки, бойкоты, прямое перераспределение богатства, реконструкцию институтов, духовных отношений — «во имя помощи самим себе и друг другу» (с. 581). Утопиче-

ская программа, изложенная Зинном, перекликается с программами, предложенными С. Линдом и Г. Алпровитцом² и активистами массовых движений на местном уровне конца 70-х годов, например, Т. Хейденом, в прошлом одним из основателей организации «Студенты за демократическое общество», а ныне председателем Кампании за экономическую демократию и Гражданского движения за экономическую и энергетическую реформы в Калифорнии³.

Массовые движения 60-х годов воспитали сотни и тысячи активистов, которые ныне, объединившись в маленькие группы вместе с новым поколением демократически настроенных американцев, продолжают борьбу на местном уровне. Зинн апеллирует к истории именно с позиций участников этих местных и малых групп. Этим объясняются как его методологические и социально-политические позиции, так и сильные и слабые стороны его книги. Она содержит значительный критический заряд, убедительно и ярко разоблачает преступления американского капитализма как против своего народа, так и всего человечества, способствует укреплению и развитию боевых демократических традиций в американском народе и одновременно оправдывает и пропагандирует стихийность и анархистские настроения, уходит от раскрытия глубинных социальных процессов в истории США.

Р. Е. Кантор

² Lynd C., Alprowitz G. Strategy and Programm. Two Essays Toward a New American Socialism. Boston. 1973.

³ Heyden T. The American Future. New Visions Beyond Old Frontiers. Boston. 1980.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Bulgarian Historical Review. Sofia. 1982, № 2.

Д. Мичев. Г. Димитров и международное коммунистическое движение; Ж. Стоянов. Георгий Димитров об уроках истории; Ст. Гранчаров. Болгарская буржуазная демократия 1879—1919 гг.; В. То-

нев. Революционно-освободительная борьба на черноморском побережье Болгарии в эпоху национального Возрождения; Д. Ангелов. Болгарское средневековье и человек; Е. Велева. Торговая колония Дубровник и ее активность в Скопле в XVI—XVII вв.; П. Шрейнер. Продукция византийского сельского хозяйства по источникам XIII—

XV вв.; П. С. Коледаров. Средневековые карты как источник по истории Болгарии.

Études balkaniques. Sofia. 1982, № 2.

А. Г. Калафатис. Неравенство доходов в Греции (1960—1970 гг.); С. Дамьянов. Болгария и Европа в XV—XX вв.; С. Великов. Болгаро-турецкие отношения в 1934 — 1939 гг.; Е. Дамьянова. Польша и Балканский пакт (1934 г.); А. С. Ахмедов. Франко-турецкие соглашения 1921 г.; Л. Спасов. Проекты черноморского пакта накануне второй мировой войны; В. Димова. Некоторые особенности в развитии просвещения у славянских народов в эпоху Возрождения; В. Соколов. Албанская интеллигенция в эпоху Возрождения.

Párttörténeti közlemények. Budapest. 1982, № 3.

Д. Немеш. Буржуазно-демократическая революция и социал-демократическая партия Венгрии; Б. Киршнев. Венгерская коммунистическая партия о характере режима Хорти—Бетлена (1921—1928 гг.); Л. Швед. Бой на улице Томпы; Ш. Муч. О военной политике социал-демократической партии после 1945 г.; Л. Варга. Теория и политика венгерской социал-демократической партии в начале XX в.; Документы. Статьи Андраша Салаи (1857 — 1884 гг.) (Ж. Шиклош); Воспоминания Л. Галлаи. Политические дискуссии и рабочее единство в социал-демократической партийной организации будапештского района «Терезварош».

Századok. Budapest. 1982, № 2.

Т. Эреньи. Политика — печать — агитация. Рабочая печать в Венгрии в 1900—1905 гг.; М. Кором. Выборы депутатов Временного национального собрания в декабре 1944 г.; А. Андерле. Альтернативы развития государств в районе Анд в начале XX в.; Л. Надь. Экономика и общество в колониальном Алжире; Л. Ардаи. Документы о проведении югославо-венгерской границы (1918 — 1919 гг.).

Századok. 1982, № 3.

Ж.-П. Пах. Центрально-Восточная Европа и мировая торговля в начале новой истории; И. Хак. Внешняя торговля и внешняя политика в архаической Эллад; Э. Фючери. Доход венгерского короля в конце XV в.; Д. Эмбер. Денежные приходы и расходы венгерской королевской палаты в 1555 — 1562 гг.; Д. Ранки. К вопросу о промышленной революции в Англии; Э. Нидерхаузер. Освобождение крепостных в Восточной Европе.

Das Altertum. Berlin. 1982, № 3.

Г. Зейер. Раскопки в церкви Св. Николая и вопрос о возникновении Берлина; Ф. Хорст. Поселение раннебронзового века в районе Шпрее—Хафель; Б. Крюгер.

Вальтерсдорф — германское поселение III—V вв. на южной окраине Берлина; Р. Кёрнер. Водоснабжение у греков; Б. Брентьес. Тахт-и-Сангин в Таджикистане; П. П. Толочко. Киевский жилище в X—XIII вв.; В. Хартке. Восприятие Таити в Берлине в период открытия (XVIII в.); У. Тимер-Захе. Рисунки из пирамид и памятников древней Мексики.

Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin. 1982, № 4.

С. Вебер. Д. Шеер — руководитель нелегальной КПГ после ареста Тельмана; В. Брамке. Национальный вопрос в политике КПГ (1929—1933 гг.); Х. Хаун. Развитие исследовательского сообщества «Документы и материалы к истории германского рабочего движения» (1950 — 1953 гг.); С. Нацагдорж, Д. Батбайар. Опыт национализации средств производства и утверждения социалистической собственности в МНР; Документы и материалы. Документ о политической деятельности Э. Хонеккера в 1932—1934 гг. (Х. Фосске); Воспоминания К. Трепте. «Год мышеловки»; Сообщения Б. Шиндлер. КПГ и Амстердамский конгресс 1932 г.; В. Опиц. Авторство статьи «Молчаливый штабной крикун Мольтке...».

Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1982, № 5.

Ф. Штенке, Э. Трюмпель. Развитие дружественных отношений между КПСС и СЕПГ после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР от 7 октября 1975 г.; Г. Нойберт. Ленин и Грамши о гегемонии пролетариата и борьбе коммунистов в капиталистических странах; Г. Дитрих. Методологические вопросы стадийного сопоставления истории социалистического соревнования в СССР и ГДР; Г. Вебер. Общество дружбы с Советским Союзом в Германии — организатор рабочих делегаций в СССР (1929 — 1932 гг.); Документы и материалы. Новый документ Р. Люксембург против ревизионизма (А. Лашитца); Сообщения И. Бауэр. «Die Eisenbahn» и «Das Nordlicht». Домартовские газеты о Ф. Энгельсе; И. Хеллер. О развитии советской исторической науки в 1917 — 1928 гг. Истпарт; К. Шаллер. Социалистическое строительство в Советском Союзе в годы первой пятилетки и массовая политическая работа КПГ; Г. Замис. Эгон Эрвин Киш и венская Красная гвардия; К. Кох, А. Ветциг. Местная группа РСДРП в Миттвейде (Саксония); Биографии. Истинный солдат революции — Отто Куусинен (П. С. Кольцов).

Klio. Berlin. 1982, № 1.

П. Левек. Этноисторический подход к изучению истории греческих спортивных состязаний; М.-Кл. Левек. Греческий кадастр в Галлии; П. Гирон-Бистань.

Федра, или запретная любовь. О значении «мотива Федры» и его эволюции в классической античности; Г. Бокши. Кипселос и Бакхиады; И. Старк. Персонажи комедий Аристофана как субъект истории; В. Илиеску. Аграрные отношения в Малой Скифии; П. Бриан. Эллинистическая колонизация и народные волнения; Е. М. Штаерман. К проблеме эволюции Римского государства; Т. Эрб. О разделении труда у римских ремесленников; Б. Доле. Применение тригонометрических измерений в археологических полевых работах в замке Ятрус (Болгария); Тору Юге. Статья в Кодексе Феодосия относительно брачных союзов свободных женщин и рабов. К вопросу о правовом и общественном положении рабов; Г. Хертель. Новеллы императора Прокопия Антемия; Э. Полак. Признаки перехода от рабовладельческого общества к феодализму в рукописях Аркадия Харизиуса; Ф. Винкельман. Низшие общественные слои в теологическо-церковнополитических дискуссиях в ранней Византии; М. Шпрингер. Завоевали ли германцы Западную Римскую империю? Э. Вебер. Город и земля в «Leges Barbarorum».

Revista de istorie. București. 1982, № 4.

Н. Даскэлу, К. Буше. Труды Н. Титулеску и их место в современной историографии; Э. Ионицэ. Традиции героической борьбы молодежи под руководством РКП. Документы; Дискуссия. Социально-политические условия и значение создания партией Союза молодых коммунистов.

Revista de istorie. 1982, № 5—6.

Л. Шиманши. Внутренняя политика Стефана Великого; Ш. Папакостя. Международные отношения Молдавии во время Стефана Великого; С. Езипеску. Стефан Великий — координаты политической стратегии; К. Резакевичи. Сведения о Стефане Великом в неизданной молдавской хронике, обнаруженной в Польше; Г. Сурпат. Формы развития сельского хозяйства после завершения кооперирования; А. Ердаче. Борьба румын Габсбургской империи за национальное единство во время революции 1848—1849 гг.; Э. Настовичи. Румыно-турецкие отношения накануне и во время второй мировой войны; Заметки британского агента накануне восстания в Румынии в августе 1944 г. (II).

Byzantinoslavica. Praha. 1981, № 2.

Ф. А. Деметрикопулос. Об Арсеии, архиепископе Элассона; Б. Л. Фонкич. К вопросу о происхождении Иверского списка гомилий Фотия о нашествии россов на Константинополь; В. Кроук. Анатолий и Номус — посланцы к Атилле; О. Тума. Датировка хрисовула Алексия венецианцам: 1082, 1084 или 1092? Р. Гий-

ан. Очерки по административной истории Византийской империи; Ж.-Кл. Шейне. Новая гипотеза относительно слуг в западном городе; Дж. Ф. Халдон. О структуралистском подходе к социальной истории Византии.

Slovanský přehled. Praha. 1982, № 4.

С. Калашникова. К 60-й годовщине образования СССР. Ленинский декрет о мире — краеугольный камень советской внешней политики; Ч. Аморт. Славянская взаимность и борьба против гитлеровской Германии; П. Матес. Наказания, примененные народными судами к фашистским преступникам и предателям в странах Средней и Юго-Восточной Европы после второй мировой войны; Я. Корб. Главные тенденции развития ГДР до начала 60-х гг.; Материалы и документы. М. Тейхман. Советская политика по отношению к Балканам в 1941—1945 гг. глазами британской дипломатии.

Slovenská archeológia. Bratislava. 1982, № 1.

Я. Хечкова. Роль производственных центров римских провинций в общественно-экономическом развитии подунайских земель (по данным римского импорта); Р. Плейнер. Технология производства германских железных орудий труда и оружия из погребений с трупосожжениями в юго-западной Словакии римского периода; Д. Биалекова. Славянский могильник в с. Завада; А. Руткаи. Организация войск, способы боя и состав оружия в период Великоморавского государства; М. Рейхолькова. К вопросу о северном рубеже появления т. наз. белобродских могильников; Э. Хайналова. Растительные остатки из стоянки Цифер-Пац.

Историјски часопис. Београд. 1980, Књ. XXVII.

Н. Фейич. Которский нотариат в средние века; Б. Храбак. Пиренейское сукно в Дубровнике в XV в.; М. Ячов. Эмиграция сербов из Далмации в 1771—1774 гг.; М. Петрович. Источники закона Прота Матиа Ненадовича; Р. Люшич. О работе комиссии по толкованию конституции (1838 г.); М. Екмечич. Сербско-болгарские отношения в середине XIX в. (1844—1853 гг.); А. Раденич. О проблемах периодизации и оценки сербского движения в Венгрии (1848—1849 гг.); М. Раденич. Преподавание русского языка в белградских школах в 1849—1878 гг.; Ж. Джорджевич. Дружина лицейской молодежи и политическая активность белградской учащейся молодежи в начале 60-х гг. XIX в.; В. Стоянчевич. Пирот в эпоху освобождения (1874—1878 гг.); М. Митрович. Организация югославских студентов в Швейцарии (1916—1918 гг.).

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Александр Васильевич Суворов: К 250-летию со дня рождения /Редкол.: Бескровный Л. Г. (отв. ред.) и др.—М. 1980.—280 с. Рец.: Hoffmann P.—*Militär-geschichte, Brl.*, 1982, № 4, S. 475.

Алексеев Р. Ф. СССР—ФРГ: прошлое и настоящее: Сов.-западногерм. отношения, 1955—1980 годы.—М. 1980.—280 с. Рец.: Freiberg P.—*IPW Berichte /Institut für internationale Politik u. Wirtschaft, Brl.*, 1982, Н. 7, S. 60—61.

Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики: французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии.—М. 1980.—277 с. Рец.: Enteen G. M.—*Russian Review, Stanford*, 1982, vol. 41, № 2, p. 215—216.

Бадя Л. В. Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР.—М. 1979.—159 с. Рец.: Wynn Ch.—*Russian Review, Stanford*, vol. 41, № 2, p. 216—217.

Бродский Е. А. Славная страница пролетарского интернационализма: (Нем. антифашисты в борьбе с гитлеризмом).—М. 1980.—270 с. Рец.: Wolff W.—*Militär-geschichte, Brl.*, 1982, № 4, S. 480.

Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939 /Редкол.: Мальцев В. Ф. (пред.) и др.—М. 1979.—471 с. Рец.: Hass G.—*Militär-geschichte, Brl.*, 1982, № 4, S. 479.

Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.)—М. 1980.—189 с. Рец.: Anderson M. S.—*Bulletin of the School of Oriental a. African Studies, Lnd.*, 1982, vol. 45, pt. 2, p. 368.

Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США.—М. 1981.—189 с. Рец.: Cerveni J.—*Mezinárodní vztahy, Praha*, 1982, č. 6, s. 68—71.

История второй мировой войны. 1939—1945: В 12-ти т. /Гл. ред. комис.: Устинов Д. Ф. (пред.) и др.—М. 1980. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание второй мировой войны /Редкол.: Ачкасов В. И. (гл. ред.) и др. 495 с. Рец.: Hass G.—*Militär-geschichte, Brl.*, 1982, № 4, S. 463—464.

История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. /Гл. ред.: Федосеев П. Н. (председатель) и др.—М. 1980. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества, 1938—1959 годы. Кн. 2

(1945—1959 годы) /Ред. Педосов А. Д. и др.—691 с. Рец.: Rassweiler A. D.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 1, S. 143—144.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7-ми т. Гл. ред. комис.: Б. Н. Пономарев (пред.) и др.—М. 1976. Т. 1. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. Ред. коллегия: А. С. Черняев (отв. ред.) и др. 668 с. Перевод на англ. яз. Москва. 1980. Рец.: Colbert J. G.—*Studies in Soviet Thought, Dordrecht*, 1982, vol. 24, № 1, p. 56—58.

Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.—М. 1979.—256 с. Рец.: Tasic N.—In: *Centar za balkanološka ispitivanja. Knj. 18. Sarajevo*, 1982, s. 283—286.

Очерки истории Адыгей.—Майкоп. 1981. Т. 2. Советский период /Редкол.: Иванов Т. П. (гл. ред.) и др. 368 с. Рец.: Giertz A.—*Militär-geschichte, Brl.* 1982, № 4, S. 477.

Попова О. С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века: Его связи с Византией.—М. 1980.—254 с. Рец.: Kämpfer F.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 1, S. 132—133.

Пугачев Б. М. Сближение стран социализма: Вопр. теории и практики.—М. 1981.—208 с. Рец.: Матеев Г.—*Международни отношения, София*, 1982, кн. 2, с. 114—117.

Русский город. /Под ред. В. Л. Янина.—М. Вып. 1. 1976.—296 с. Вып. 2. 1979.—295 с. Вып. 3. Проблемы горообразование. 1980.—267 с. Вып. 4. Москва и Подмосковье. 1981.—240 с. Рец.: Goehrke C.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 1, S. 126—130.

Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность России XVI—первой половины XIX в. /Под ред. Копанева А. И.—Л. 1978.—192 с. Рец.: Esper T.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 1, S. 134—135.

СССР и проблемы межгосударственного сотрудничества /Редкол.: Попов В. И. и др.—М. 1980.—248 с. Рец.: Freiberg P.—*Deutsche Aussenpolitik. Brl.* 1982, Н. 6, S. 133—137.

США и развивающиеся страны: 70-е гг. /Кременюк В. А., Лукин В. Н., Червонная С. А. и др.: Отв. ред. Кременюк В. А. и др.—М. 1981.—294 с. Рец.: Müller R.—*Asien, Afrika, Lateinamerika. Brl.* 1982, Bd. 10, H. 3, S. 549—550.

Фельдман Д. М. Социалистические международные отношения: Очерк систем. исслед.—М. 1981.—184 с. Рец.: Шентов О.—*Международни отношения, София*, 1982, кн. 2, стр. 111—113.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в июле 1982 года.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Коллективный труд ориенталистов СССР и ГДР затрагивает актуальные проблемы современной истории стран Азии и Африки: этапы классовой борьбы, участие масс в социальных преобразованиях и политических выступлениях, концепции перехода к социализму, роль национальных традиций и религиозных воззрений, неокOLONиалистская идеология, позиции правых социал-демократов по вопросам экономического развития (*Geistige Profile Asiens und Afrikas. Aktuelle Fragen der ideologischen Auseinandersetzung in der nationalen Befreiungsbewegung*. Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 402 S.).

◆ Курт Госсвайлер (ГДР) исследует классовые корни фашизма в Германии, роль крупной буржуазии и военщины в его становлении, зарождение гитлеровской партии в первые годы Веймарской республики (*K. Gossweiler. Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919—1924*. Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 616 S.).

◆ Две новые книги историков ГДР касаются развития производительных сил в эпоху новой истории. Материалы, вошедшие под общей редакцией Рудольфа Вайнхольда в первую книгу, освещают различные аспекты проблемы в период перехода от феодальной формации к капиталистической. Автор второй Рудольф Форбергер пишет о промышленной революции в Саксонии: ч. 1 охватывает время до 1830 г. в сфере производительных сил в целом, в ч. 2 говорится о прогрессе фабричного производства (*Volksleben zwischen Zunft und Fabrik. Studien zu Kultur und Lebensweise werktätiger Klassen und Schichten während des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus*. Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 540 S.; R. Forberger. *Industrielle Revolution in Sachsen 1800—1861. Bd. I/1. Die Revolution der Produktivkräfte in Sachsen 1800—1830*. 613 S.; Bd. I/2. *Übersichten zur Fabrikentwicklung 1800—1830. Zugest. v. U. Forberger*. 234 S. Brl. Akademie-Verlag. 1982).

◆ О первых днях жизни после победы народной антиимпериалистической революции в Никарагуа повествует книга Томаса Бильхардта и Петера Якобса (ГДР), очевидцев событий. Это своего рода протокольная запись, сделанная на фоне общей истории страны (*Th. Billhardt, P. Jacobs. Als die Muchachos kamen. Begegnungen in Nikaragua*. Berlin. Militärverlag der DDR. 1982. 184 S.).

◆ Работа Генриха Лота (ГДР) рассказывает о колониальной империи Португалии от ее возникновения до распада. Изложение основано на документальных источниках (*H. Loth. Das portugiesische Kolonialreich*. Berlin. VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 1982. 241 S.).

◆ Увидела свет в немецком издании работа венгерского историка Иштвана Бенедек, в которой дана картина развития науки от ее истоков до начала XX столетия. Автором выделены случаи, когда ученым приходилось вести борьбу за свои идеи,

против закоренелых воззрений и реакции (*I. Benedek. Vom Faustkeil zum Röntgenstrahl. Streifzüge durch die Geschichte der Naturwissenschaften*. Berlin. Verlag Neues Leben. 1982. 366 S.).

◆ В ГДР на месте бывшего концлагеря создано Национальное памятное место Бухенвальд. Оно публикует с 1976 г. «Бухенвальдские тетради», посвященные различным сторонам истории этого гитлеровского застенка. Увидели свет уже 14 выпусков. В последних помещены следующие очерки: № 12 — Хайнц Альбертус. Дети в Бухенвальде; №№ 13, 14 — Эрхард Пахали. История нелегального партизанского Компартии Германии в концлагере Бухенвальд, 1937—1945 гг. (*Buchenwald-Hefte*. № 12. Weimar—Arnstadt. 1981. 77 S.; № 13. 1982. 78 S.; № 14. 1982. 79 S.).

◆ К 2050-летию восстания Спартака состоялся международный тематический симпозиум в Благоевграде (Болгария, сентябрь 1977 г.). Опубликованы на 5 языках его материалы, подготовленные Институтом фракиеведения Болгарской АН: доклады и сообщения исторического, археологического, эпиграфического и лингвистического содержания, посвященные различным аспектам восстания (*Spartacus*. Sofia. EABSc. 1981. 212 p.).

◆ Материалы о судьбе советских, французских и иных граждан — узников фашистского концлагеря Ораниенбург-Заксенхаузен, собранные бывшими заключенными, опубликованы во Франции. Работу по их изданию организовал Бернар Мери при участии Жана Бриссе (*Sachso. Paris. Les Editions de Minuit*. 1981. 623 p.).

◆ Ерг Лойшнер из университета им. Юстуса Либиха в Гиссене (ФРГ), изучивший русскую дореволюционную и советскую литературу, написал книгу по истории средневекового Новгорода, о его топографии, населении, деятельности органов и должностных лиц республики, политических группировках, московско-новгородских отношениях перед ликвидацией независимости республики (*J. Leuschner. Novgorod*. Berlin. Duncker und Humblot. 1980. 288 S.).

◆ Социалистическое рабочее движение в Дюссельдорфе времен первой мировой войны — тема работы, ставшей вып. 13 в серии «Рабочее движение в Рейнланде», издаваемой с 1974 г. семинаром по истории факультета просвещения Кёльнского университета (ФРГ). Автор, Детлеф Йосцок, использовал документы Дюссельдорфского и Мюнстерского архивов и материалы архива СДПГ (*D. Joscok. Die Entwicklung der sozialistischen Arbeiterbewegung in Düsseldorf während des I. Weltkrieges*. Hamburg. Einhorn Presse Verlag. 1980. 196 S.).

◆ Часть либерально-буржуазной интеллигенции ФРГ концентрируется вокруг группировок, призывающих Западную Германию занять «особое место» между странами социализма и капиталистическими государствами во главе с США и выдвигающих в

идеологической борьбе концепцию «культуры как третьей силы». Они издают серию работ «ФРГ сама по себе». В качестве т. 5 в ней вышла книга Хайнца Клосса, который рассматривает историю западногерманской духовной жизни после второй мировой войны (H. Kloss. *Die Selbstverwaltung des Geisteslebens*. Frankfurt a. M. Vittorio Klostermann. 1981. 119 S.).

◆ Мерги Буссе-Штеффенс из университета им. Людвига Максимилиана (ФРГ) показывает различные способы использования системного подхода при изучении международных отношений. Ее книга — т. 3 серии, которую публикует «Союз политологов» при Высшей школе политики в Мюнхене (M. Busse-Steffens. *Systemtheorie und Weltpolitik*. München. Minerva-Publikation. 1980. 152 S.).

◆ Комиссия исторического краеведения земли Баден-Вюртемберг (ФРГ) издает различные тематические серии. Т. 97 в серии «Исследования» является работа Франца Мёгле-Хофаккера из Тюбингенского университета о «королевском парламентаризме» Вильгельма I Вюртембергского в 1847—1851 годах. Автором использованы штуттгартские архивы, а также бумаги баронов фон Линден (F. Mögle-Hofacker. *Zur Entwicklung des Parlamentarismus in Württemberg*. Stuttgart. W. Kohlhammer Verlage. 1981. 200 S.).

◆ Ниспровержение наполеоновского господства над немецкими государствами принесло им национальное освобождение. Гамбургский историк Вольфганг Плат поставил своей задачей показать другую сторону медали: как одновременно реакция растоптала почти все, что принесла Германии Французская буржуазная революция конца XVIII в. (W. Plat. *Deutsche Träume oder der Schrecken der Freiheit*. Düsseldorf. Econ Verlag. 1981. 400 S.).

◆ Прогрессивный публицист Херманн Кон (ФРГ) на базе специальной литературы и оригинальных материалов, предоставленных ему Информбюро Никарагуа в Вуппертале и Информпунктом Сальвадора в Мюнхене, рассказывает об истории освободительной борьбы никарагуанцев и сальвадорцев против испанского колониального ига и экспансии США до конца 1970-х годов (H. Kon. *El Salvador/Nicaragua: Auf-*

stand im US-Hinferhof. Dortmund. Weltkreis-Verlag. 1981. 191 S.).

◆ Хайнц Маркштайн, прогрессивный австрийский журналист, побывал в 1979 г. в Центральной Америке, собрал там материалы по ее истории и написал очерки истории освободительной борьбы народов Гватемалы, Никарагуа, Гондураса и Сальвадора, преимущественно после второй мировой войны (H. Markstein. *Heißer Boden Mittelamerika*. Wien. Jugend und Volk. 1980. 223 S.).

◆ Какой представлял Испанию Страбон и какой она была в древности на самом деле — тема очерков испанского историка Антонио Гарсии-и-Беллидо (A. García y Bellido. *España y los españoles hace dos mil años*. Madrid. Espasa-Calpe. 1980. 270 p.).

◆ Историю общественных, культурных и профессиональных ассоциаций, существовавших в сельской местности в Швеции, между 1850 и 1950 г., в связи с экономическим и социальным развитием страны рассматривает Торкел Янссон из Уппсальского университета. Его книга — вып. 124 издаваемой с 1960 г. подсерии «Исторические исследования» в серии «Труды Уппсальского университета» (T. Jansson. *Samhällsförändring och Sammanslutningsformer*. Uppsala. Almqvist och Wiksell. 1982. 317 s.).

◆ Памятники эпохи неолита, бронзового и раннего железного века о-ва Лове на Балтийском море (находки 1971—1980 гг.) описывает шведский археолог Бу Петре в вып. 7 «Исследований по североевропейской археологии», публикуемых Стокгольмским университетом (B. Petré. *Arkeologiska undersökningar på Lovö*. D. I. Stockholm. Almqvist och Wiksell. 1982. 82 p., 67 fig., 6 tab., 4 mp.).

◆ Профессор Лондонского университета Фрэнсис Карстен исследует антивоенное движение в Англии и Германии 1914—1918 гг. Основная часть его книги касается развития этого движения после Великой Октябрьской социалистической революции и под ее воздействием. Автор опирается на документы английских и немецких архивов, а также специальную литературу (F. L. Carsten. *War Against War*. London. Batsford Academic and Educational Ltd. 1982. 285 p.).

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Изучение социального состава студенчества в конце XIX—начале XX в. привлекает все большее внимание историков¹. Исследование же материально-бытовых условий жизни студентов еще только начинается.

Большие возможности открывает с этой точки зрения изучение трех групп источников. Одна из них — официальные документы: министерские отчеты и годовые отчеты высших учебных заведений, где содержатся сведения о численности и сословном составе учащихся. Вторая — источники демократического происхождения. Это материалы обследований (переписей, анкет и т. п.) бюджета, жилищных условий и т. д., проведенных студенческими организациями и оппозиционно настроенной профессурой. В массе своей эти документы до сих пор не вовлечены в научный оборот. Третья группа источников — периодическая печать; методы ее критического анализа разработаны и широко известны.

К началу XX в. в столице Российской империи насчитывалось 22 высших учебных заведения², в которых обучалось около 12,5 тыс. студентов³. Всего же в России

(без Финляндии) к тому времени действовало 51 высшее учебное заведение, где обучалось 35 тыс. человек⁴. Следовательно, в Петербурге была сосредоточена треть студенчества страны.

В конце XIX — начале XX в. социальный состав его несколько демократизировался. С 1899 по 1904 г. включительно в ведущих высших учебных заведениях сокращалось число студентов — выходцев из дворянского и чиновничьего сословий. По данным на 1 января 1899 г., в студенческой среде процент детей дворян составлял: в университете — 65 (дворян и чиновников), на Высших женских (Бестужевских) курсах — 66,3, в Технологическом институте — 22,2, Лесном — 13,6⁵, Горном — 27, а к 1 января 1904 г. их стало соответственно: 62,1 (дворян и чиновников), 58,4, 16,6, 22,5, 12,3⁶.

Развитие капитализма в России и изменения в социальной структуре ее населения не могли не отразиться на составе студентов. Росло среди них число принадлежа-

¹ При этом особенно заметный интерес вызывает Петербургский университет. См. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России (1899—1917). М. 1971, с. 16; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М. 1971, с. 64; ее же. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М. 1981, с. 15, 23—24; Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М. 1976; ее же. Алфавитные списки студентов как исторический источник. Состав университетского студенчества в конце XIX—начале XX века. — История СССР, 1979, № 5; Иванов А. Е., Шелохаев В. В. Тенденции развития движения российского студенчества в период революции 1905—1907 годов. — История СССР, 1982, № 2.

² Весь Петербург на 1900 год. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. СПб. 1901, с. 397—422.

³ Подсчитано по: Всеподданнейший отчет (далее — ВО) о действиях военного министра за 1899 год. СПб. 1901, с. 37, 63, 71, 88; ВО министра народного просвещения за

1899 год. СПб. 1901, с. 524; ВО министра юстиции за 1899 год. СПб. 1900, с. 37; Институт гражданских инженеров за 1899—1900 учебный год. СПб. 1899, с. 40; Институт инженеров путей сообщения. Личный состав и распределение учебных занятий. 1899—1900 академический год. СПб. 1900, с. 64; Памятная книжка Александровского лицея на 1898—1899 учебный год. СПб. 1899, с. 98; Памятная книжка С.-Петербургской духовной академии на 1899—1900 учебный год. СПб. 1900, с. 21—43; Русский календарь на 1899—1908 гг. (издание ежегодное).

⁴ Русский календарь на 1899 год. СПб. 1899, с. 241; Гусятников П. С. Ук. соч., с. 33.

⁵ Сведения по Лесному институту — на 1 января 1900 года.

⁶ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1898 год. СПб. 1899, с. 10; за 1903 г. СПб. 1904, с. 36; Журнал Министерства народного просвещения, 1900, февраль, с. 4; ВО министра народного просвещения за 1898 г. СПб. 1900, с. 535; за 1899 г., с. 71, 321; за 1903 г. СПб. 1905, с. 374, 551; Русский календарь на 1904 г. СПб. 1904, с. 219; на 1905 г. СПб. 1905, с. 234; на 1907 г. СПб. 1907, с. 225, 226.

вших к мещанскому сословию, крестьянских и солдатских детей. Если к 1899 г. выходцы из мещан составляли в университете 10,2%, из крестьян — 4,5%, в Технологическом институте из мещан и ремесленников — 23,8%, из крестьян — 6,7%, в Горном — из мещан, крестьян и солдат — 32,1%, в Лесном — из купцов и мещан — 24,8%, из крестьян и солдатских детей — 11,2%, то к 1904 г. в университете училось мещан по происхождению — 12,5%, крестьян — 4,5%, в Технологическом — мещан и ремесленников — 23,8%, крестьян — 8,6%, в Горном — мещан — 21,8%, крестьян и солдатских детей — 13,1%, в Лесном — купцов — 4,7%, мещан — 59,3%, крестьянских и солдатских детей — 14%⁷.

Эти данные свидетельствуют о том, что неуклонно, хотя и очень медленно, шла демократизация социального состава студенчества, и в то же время говорят о хорошо сохранившейся кастовости системы высшего образования, о преимущественном доступе к научным знаниям выходцев из дворянских, чиновничьих, офицерских и купеческих семей. Тем не менее все более значительную долю студенчества составляли разночинцы, мещане, ремесленники и крестьяне. При анализе состава студенчества важно учесть, что сословные градации сочетались с экономическим расслоением, начавшимся еще в дореформенной России. Часть дворянства разорялась, в среде чиновничества и обер-офицеров было много малообеспеченных людей. Представители этих слоев в студенчестве, находящиеся в трудном, порой критическом материальном положении, вели себя в политическом отношении весьма активно.

Дореволюционная литература касалась преимущественно жилищных условий, заработков и бюджета студентов отдельных учебных заведений⁸. Советские историки впервые поставили проблему в целом⁹.

Бюджет петербургских студентов складыв-

вался, как правило, из трех источников: личный заработок, помощь родителей и стипендия. Стипендии были казенные, назначаемые администрацией учебных заведений, и частные, состоявшие в ведении всевозможных неофициальных учреждений и благотворительных обществ. Одним из главных критериев, которыми руководствовалась университетская инспекция при их распределении, служила политическая благонадежность студентов. К тому же казенная стипендия давалась весьма ограниченному числу лиц, начиная с III курса. В 1899 г. стипендии получали 319 (8,4%), в 1900 г. — 332 (9,1%), а в 1901 г. — 371 (10,3%) студентов Петербургского университета¹⁰.

В 90-х годах среднемесячный бюджет большинства студентов, по данным сборника под ред. В. В. Святловского¹¹, достигал 20—25 руб., но у значительной их части не превышал 10—12 рублей.

Весомая часть бюджета уходила на питание. Студенты Горного института тратили на обед в среднем 6—10 руб. в месяц, но некоторые были вынуждены ограничиваться 3—6 рублями. В целом же на питание у половины студентов уходило ежемесячно 10—20 руб. (минимальный расход — 5 руб.). Таким образом, на это шло в среднем 25—42% бюджета. Студенты Технологического института при бюджете 29—32 руб. расходовали на обед 5—15 руб. в месяц, а 52 из них (8%) не могли ежедневно обедать из-за бедности¹². Питание студентов Лесного института, по преимуществу разночинцев, было скудным. Акад. В. Н. Сукачев вспоминал, что, получая в то время стипендию в 20 руб., он жил самым скромным образом¹³. Обеды в столовой Петербургского университета в 1899 г. обходились в среднем в 19 руб. 81 коп. за месяц, а в день посещали столовую 603 студента (16% общего числа). В последующие годы количество посетителей уменьшилось (в 1900 г. — 432 человека в день, в 1901 г. —

⁷ Сведения из источников, указанных в сн. 6.

⁸ Письма из провинции. Из Томска. Г. и К. Заработки томских студентов. — Начало, 1899, № 5, с. 75—84; Соболев М. Н. Экономическое положение томских студентов. — Известия Томского университета. 1902, кн. 22, с. 28—37; Каблуков Н. А. Квартирный вопрос в Москве. М. 1908; Никольский Д. П. Где живет и чем питается русское студенчество. СПб. 1911.

⁹ Гусятников П. С. Ук. соч., с. 21—22; Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России (1895—1904). М. 1976, с. 120—121.

¹⁰ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1899 год. СПб. 1900, с. 23; за 1900 г. СПб. 1901, с. 18—19; за 1901 г. СПб. 1902, с. 321.

¹¹ Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб. 1909, с. 28—29.

¹² Никольский Д. П. Ук. соч., с. 21, 16.

¹³ Сукачев В. Н. Пути и условия моей научной работы. — Научные труды Ленинградской лесотехнической академии, 1969, № 128, с. 113.

428)¹⁴. Большой статьей расходов являлась плата за обучение — от 50 до 100 руб. в год. Согласно Уставу 1884 г. (утвержден министром просвещения 24 августа 1890 г.) определенную часть студентов разрешалось на год освобождать от нее, но льгота могла быть и отнята¹⁵. В первом полугодии 1899 г. были освобождены от платы 669 (18%), а во втором — только 474 (12%) студента Петербургского университета. Соответствующие цифры в дальнейшем составляли: в 1900 г. — 488 (13%) и 604 (16%), в 1901 г. — 580 (16%) и 719 (11%)¹⁶. Платить за обучение полагалось в строго определенный срок каждое полугодие. Перед бедняками, не сумевшими накопить 50 руб., вставала реальная угроза отчисления. В 1899 г. общая задолженность студентов России за обучение составляла 300 тыс. руб., в должниках ходил каждый пятый¹⁷.

Плата за жилье также требовала от студентов крупных расходов. В Петербурге квартиры были в 1,5 раза дороже, чем в Париже, в 2,5 раза дороже, чем в Берлине и Брюсселе¹⁸. За небольшим исключением, высшие учебные заведения находились в центре, где жилье стоило дороже, и малообеспеченные студенты предпочитали селиться на окраинах, а из-за этого тратились на проезд¹⁹. Снимая, как правило, самые дешевые квартиры, студенты жили в холоде и сырости, в антисанитарных условиях. По данным Д. П. Никольского, холодных и сырых комнат в числе снимаемых студентами-технологами было 19%, в 8% комнат душно и грязно, в 8% — темно, в 28% имелись другие недостатки. Но и такое жилье стоило им дорого: 168 студен-

тов-технологов (26%) расходовали на оплату квартир 12—15 руб. в месяц, т. е. около половины своего бюджета²⁰.

Для значительной части студентов, лишенных помощи из дому, не получавших стипендий, единственным источником средств существования становился личный заработок. Найти работу было нелегко. Чаще всего студенты давали уроки (в среднем 15 часов в неделю при плате 45—47 коп. за час). Открытый в начале 1899 г. на Петербургской стороне Дом трудолюбия привлек довольно большое число нуждавшихся интеллигентов (400 человек), в большинстве своем студентов. Однако он мог обеспечить работой лишь 300 человек. Кроме месячного заработка в 10—15 руб., правление Дома предоставляло за полцены обеды в народной столовой²¹. Студенты Петербургского университета прирабатывали репетиторством, гувернерством, счетоводством, перепиской, переводами и т. д. Обществом вспомоществования студентам Петербургского университета была образована комиссия для приискания занятий нуждающимся путем публикации соответствующих объявлений в газетах. В 1899 г. в комиссию обратились за помощью 374 студента, получили же работу лишь 73, в 1900 г. — соответственно 347 и 99²².

Материально-бытовое положение, естественно, сказывалось на учебных занятиях студентов. Отсев из-за необеспеченности в некоторые годы достигал 15% общего числа учащихся²³. Все это побуждало их к выступлениям против существовавших порядков. Вступив на этот путь, студенчество становилось союзником рабочего класса.

В. Т. Сушко

¹⁴ Общество вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. Отчет за 1899 г. СПб. 1900, с. 50; за 1900 г. СПб. 1901, с. 55; за 1901 г. СПб. 1902, с. 109.

¹⁵ Правила о назначении студентам стипендий и пособий и об освобождении их от платы. СПб. 1890, с. 6, 7.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1899 год, с. 23; за 1900 г., с. 18—19; за 1901 г., с. 32.

¹⁷ Северный курьер. 31.I.1900, с. 3.

¹⁸ Там же, 12.I.1900, с. 1.

¹⁹ Лишь при Лесном институте имелось общежитие, плата за проживание в котором была намного ниже платы за частные квартиры.

²⁰ Никольский Д. П. Ук. соч., с. 16—19.

²¹ Студенчество в цифрах, с. 37; Сын Отечества, 18.IX.1899, с. 3. Положение студентов в других городах России было еще хуже. Например, среднее число рабочих часов в неделю у томских студентов в 1901 г. превышало 17, плата за час не достигала 25 коп., месячный заработок составлял 17 руб. 31 коп. (Соболев М. Ук. соч., с. 32).

²² Общество вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. Отчет за 1899 г., с. 47; за 1900 г. с. 55.

²³ Студенчество в цифрах, с. 38.

К ПОСЛЕДСТВИЯМ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ

В 1764 г. ведение всеми монастырскими и церковными владениями в Великороссии и Сибири, составлявшими около 5 млн. дес. земли, перешло к Коллегии экономии. Около 2 млн. монастырских крестьян обоего пола (в 457 монастырях из 900, или 14,1%, мужского населения России¹) превратились в государственных («экономических») крестьян, обязанных платить подушную и оброчную подати. Прекратилось существование одного из самых древних видов феодальной вотчины. В указе (манифесте) от 26 февраля 1764 г. говорилось, что причина секуляризации — забота правительства о крестьянах, разорившихся под властью монахов². В действительности же появление указа было вызвано иными причинами и отражало стремление дворянства укрепить и расширить свое землевладение, «предоставить ему одному только иметь деревни и ими пользоваться, а прочим никому»³. Крепостнический характер носили и предложения дворян продать монастырские деревни помещикам по 30 руб. за душу и увеличить оброк с государственных крестьян⁴.

Политическая сторона вопроса состояла в попытке умиротворить крестьян духовных вотчин, надеявшихся облегчить свою участь, став государственными крестьянами. Эксплуатация крестьян в духовных вотчинах за вторую четверть XVIII в. резко возросла, их восстания в 50-х годах XVIII в. участились, за 10 лет произошло более 30 выступлений⁵. «Если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческого роду нестерпимого положения,— писала Екатерина II генерал-прокурору А. А. Вяземскому,— то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно»⁶.

Таким образом, ряд причин побуждал правительство заняться монастырскими крестьянами. В финансовом отношении этот акт обещал выгоду. Разорение хозяйства

крестьян помещиками, рост государственных расходов значительно ухудшили состояние казны, а в результате секуляризации государство могло ежегодно получать чистого дохода около 1 млн. руб. в виде оброка.

Каков же был результат этого акта? В литературе высказывалось мнение о его благоприятных последствиях для крестьян. В. И. Семевский аргументировал это тем, что крестьяне будто бы получили всю монастырскую землю и ее не раздавали потом в частные руки⁷. Такая оценка объяснялась недостаточной изученностью источников. Документы, имеющиеся в монастырских фондах, в материалах Коллегии экономии, раскрывают действительное положение экономической деревни. В правовом отношении перевод крестьян на оброк и ликвидация непосредственной вотчинной власти над ними, конечно, облегчили их существование. Но для более полного выяснения положения крестьян важно знать степень обеспеченности их земель.

Комиссия о церковных имениях, готовившая указ о секуляризации, 19 сентября 1763 г. высказала мнение: «Земли и покосы, какие крестьяне на дома архиерейские и монастырские пахали и косили, отдать все оные крестьянам»⁸. В самом указе также говорится о передаче всей монастырской земли крестьянам. Однако этого не произошло. До секуляризации, когда всеми признавалось малоземелье монастырских крестьян, они имели от 0,5 до 3 дес. на душу. В 1771 г. в «Наставлении всем экономическим правлениям» правительство указывало размер надела для крестьян в 3 дес. (по 1 дес. «на душу мужского пола в поле»⁹). В эти же годы оно официально признавало, что даже помещичьи крестьяне, которые имели 1—1,5 дес. на душу мужского пола в поле, страдали от малоземелья (Нижегородская, Смоленская, Орловская, Тамбовская губернии)¹⁰; крестьяне ощущали малоземелье при наделе в 3—4 дес. на душу¹¹.

¹ Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД), 1839, ч. XXIII, № 8, с. 247.

² ПСЗ. Т. XVI, № 12060, с. 549—553.

³ Сб. РИО. Т. IV, с. 228. Наказ дворянства Московской губернии.

⁴ Сб. РИО. Т. VIII, с. 559, 561 (здесь и далее имеются в виду души мужского пола). Наказ дворянства Тульской губернии.

⁵ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М. 1958, с. 159, 185; Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л. 1961, с. 394.

⁶ Оснадацкий век. Кн. 3. М. 1869, с. 391.

⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб. 1901, с. 286.

⁸ Там же, с. 255.

⁹ Т. е. по десятине в каждом поле трехпольного хозяйства.

¹⁰ Мидов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М. 1965, с. 176—267, 268—271.

¹¹ См. Рычков Н. И. Продолжение журнала или дневных записок путешествий капитана Рычкова по разным провинциям

В указах Коллегии экономии, в документах монастырских архивных фондов, крестьянских наказах содержатся конкретные данные о малоземелье экономических крестьян¹². Так, в 1770 г. брянский казначей отмечал, что в Брянском уезде экономическим крестьянам не приходилось и по 1 дес. на душу. Такие же сведения поступали из Коломны, Нижнего Новгорода, Москвы, Твери. Часто в документах говорится, что наделы не достигали 1 дес. в поле или даже составляли лишь по 2 дес. на трех полях. Крестьяне сел Красное, Боголюбово, Владимирского уезда имели $\frac{1}{3}$ — $\frac{3}{4}$ дес. в поле; во многих экономических деревнях Нижегородского уезда — по $\frac{3}{4}$ дес. в трех полях. Несколько больше земли (до 3 дес. в трех полях) было у экономических крестьян Московского уезда¹³. В челобитной крестьян (1765 г.), ранее бывших за Свенским монастырем, говорилось: «При малой пахотной и сенокосной (сенокосы были оставлены Свенскому монастырю. — Л. 3.) земле, мы не только государству подати платить, но и пропитать себя не мыслим»¹⁴. По сообщению тамбовского казначея, в 1771 г. за крестьянами Панина монастыря (85 душ) «за бедностью... и неимением у них земли» числилось недонмок с 1766 г. 743 рубля¹⁵.

Аренда земли крестьянами также свидетельствовала об их малоземелье (имеется в виду аренда земли целыми селениями). В Московской провинции на долю экономических крестьян приходился, по данным «Экономических примечаний», 61% всех арендных земель (41 974 дес.)¹⁶. Как видно из переписки Коллегии экономии с Сенатом, факт крестьянского малоземелья не вызывает сомнений. Таким образом, и после 1764 г. бывшие монастырские крестьяне страдали от малоземелья. В. И. Семевский объяснял этот факт крестьянскими отходами¹⁷. Но дело обстояло, скорее, наоборот: переход в разряд государственных крестьян с оброчным обложением способствовал развитию товарно-денежных отношений, должен был

ускорять расслоение крестьян и тем самым увеличивать отход малоземельных и безземельных крестьян. Иначе говоря, сам отход порождался разорением крестьян, недостатком у них земли.

В целях ликвидации малоземелья и повышения доходов от экономической деревни правительство предприняло в 1776—1781 гг. переселение экономических крестьян на места выселенных бунтовщиков-пугачевцев, волжских казаков, в Сибирь, в Заволжье, на уральские заводы. По данным Коллегии экономии, в 1776 г. было переселено 2 тыс. малоземельных крестьян, в 1779 г. — более 1 тыс. (на р. Ахтубу), в 1781 г. — более 20 тыс. в заволжские степи и 24 тыс. — на азовские земли¹⁸. Выселение десятков тысяч семей из наиболее плодородных районов Центра России проводилось за счет самих крестьян и замедлялось, как сообщали казначеи, «скудностью крестьянских хозяйств». Освобождавшиеся земли государство сдавало в аренду помещикам. Так поступили с наделами нижегородских экономических крестьян (1300 семей), когда их перевели на заводы¹⁹.

Смысл секуляризации заключался не в увеличении крестьянских наделов. Особенность ее состояла в том, что полученные земли государство не продавало (за исключением отдельных случаев), а использовало для укрепления государственных финансов. Дворянство в то время домогалось передачи ему казенных (в том числе экономических) земель. Я. Е. Сиверс и М. М. Щерба-тов представили правительству специальные записки о монастырских вотчинах. Щерба-тов предлагал практиковать дворянскую аренду бывших монастырских земель или продажу их в кредит. Наказ от дворян Керенского уезда (Воронежская губ.) содержал проект распродажи экономических вотчин, до 1 тыс. душ в одни руки²⁰.

Есть данные о том, что правительство в какой-то мере удовлетворяло эти требования дворян. М. И. Горчаков, Е. П. Карнович писали, что многие монастырские крестьяне были закрепощены²¹. Отчеты экономических правлений и другие документы

Российского государства в 1769 и 1770 гг. Т. 2. СПб. 1772, с. 26—28.

¹² См. Якушкин В. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII в. М. 1890, прил., с. 81—82.

¹³ ЦГАДА, ф. 315, оп. 1, д. 3, лл. 1—20; д. 4, лл. 1, 7, 9, 12.

¹⁴ Там же, ф. 1200, ч. 1, оп. 1200/1, д. 1200, л. 42.

¹⁵ Там же, ф. 280, оп. 23, д. 239.

¹⁶ Семевский В. И. Ук. соч., с. 265.

¹⁷ Там же, с. 267—268.

¹⁸ Якушкин В. Ук. соч., прил., с. 98, 122—123.

¹⁹ Там же, прил., с. 136—137.

²⁰ Сб. РИО. Т. LXVIII, с. 433.

²¹ См. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб. 1874, с. 172—297; Горчаков М. И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб, 1876, с. 65.

передают картину подлинного разграбления земель экономических крестьян помещиками. Захват этот шел разными путями. Обращает на себя внимание следующий факт. Монастырские крестьяне составляли 14%²² всех феодально-зависимых крестьян, экономические же в 80-х годах XVIII в. — только 13%. По примерному подсчету, за два десятилетия после секуляризации правительство Екатерины II роздало 27 тыс. экономических крестьян²³. В частности, Орловы получили три экономических вотчины.

Не редкостью были произвольные захваты крестьянской земли помещиками. Так, в 1765 г. крестьяне бывшего Свенского монастыря жаловались на «захват у них пахотной земли, что на речке Белизне, князем Голицыным»²⁴. В то же время у экономических крестьян, в прошлом принадлежавших Иосифо-Волоколамскому монастырю, помещики князь П. А. Шаховской и капитан Телегин отняли пустошь Беляево. В 1766 г. Волоколамская уездная канцелярия рассматривала дело о захвате бывших церковных земель помещиком Гусятниковым²⁵. Аналогичные случаи происходили и в Нижегородской губернии. Здесь фельдмаршал М. Ф. Каменский и помещица Хитрово, нарушив межу, отняли у крестьян Рождественского монастыря первый 49, вторая — около 100 десятин²⁶. Особенно усердствовал «розыскных дел мастер» С. И. Шешковский. Пользуясь покровительством двора, он предпринимал захваты неоднократно и сумел отобрать у экономических крестьян 413 дес. леса. Жалобы крестьян не были услышаны. В Рузском уезде помещик Шмаевский с согласия экономического казначея Сысоева захватил часть крестьянских дач с «насеянным хлебом»²⁷.

О присвоении дворянством крестьянских земель говорят и материалы Генерального межевания. Возникавшие в результате захватов споры между экономическими крестья-

нами и помещиками разбирала Межевая экспедиция. Вот один из многих случаев. В 1787 г. в Княгининском уезде Нижегородской губ. происходило межевание. При обмере помещики Шешковский, Измаилов и Каменский заявили землемеру Нилову, что им принадлежат: первому — 752 дес. из экономических угодий, второму — 150 дес., третьему — 49 дес., которыми они якобы пользовались издавна. Крестьяне бывшего Рождественского монастыря с. Александрова с «отписными» книгами в руках доказывали, что земли эти захвачены недавно и должны быть возвращены им. Нилов не обратил внимания на эти протесты и исполнил просьбы помещиков с таким усердием, что, например, к имению Шешковского прирезал еще и крестьянскую пахотную землю. Крестьяне писали: «Оной Шишковский взял землю, по самые наши огороды, что нам скота выпустить некуда и мы принуждены собственную землю нашу нанимать у него и платить в год за всякую десятину по 10—15 рублей»²⁸. Дело это рассматривалось в 1803 и 1806 гг., но решено было не в пользу крестьян. В Бобровском уезде Калужской губ. у экономических крестьян при межевании было отрезано 4,5 тыс. дес. земли; в Московской губ. один помещик «отмежевывал» крестьянские земли с помощью вооруженного отряда²⁹. Крестьяне пытались силой приостановить захваты их земель. Так, в Старорусском уезде Новгородской губ. отмежевание земли у экономических крестьян вызвало восстание, которое подавляли военной силой³⁰.

Из приведенных материалов видно, что земельный голод экономической деревни не был эпизодическим или местным явлением. Он был затяжным хроническим недугом, который подтачивал крестьянское хозяйство. В наказах в Уложенную комиссию 1768 г. крестьяне называли прямые захваты их земель помещиками после 1764 г. в качестве главной причины малоземелья.

Есть, следовательно, основания говорить о том, что после 1764 г. происходило сокращение наделов бывших монастырских крестьян. Дворянство воспользовалось секуляризацией, чтобы присвоить часть отнятого у церкви земельного фонда.

Л. Ф. Захарова

²² ЖМВД, 1839, т. XXIII, 8, с. 247—255; Семевский В. И. Ук. соч. Т. 1. СПб. 1881, с. 18; т. 2. СПб. 1901, с. 252.

²³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.-Л. 1946, с. 45; ЦГАДА, ф. 16, разр. XVI, оп. 1, дд. 198, 217, 341; ф. 280, оп. 1, 21, 23 (переписка Коллегии экономии за 1763—1772 гг.).

²⁴ ЦГАДА, ф. 1200, оп. 1200/1, д. 1200, л. 42.

²⁵ Там же, ф. 1192, оп. 3, д. 28, л. 1.

²⁶ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 5. Н. Новгород. 1903, с. 19—20.

²⁷ ЦГАДА, ф. 280, оп. 1, д. 72.

²⁸ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. 5, с. 21, 23.

²⁹ Миллов Л. В. Ук. соч., с. 29.

³⁰ Семевский В. И. Ук. соч. Т. 2, с. 262.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

К 60-летию образования СССР

У ИСТОКОВ БССР

Установление Советской власти в белорусских губерниях России завершилось на не оккупированной войсками кайзеровской Германии территории в октябре — ноябре 1917 года. Победа социалистической революции была закреплена там решениями трех ноябрьских съездов: областного съезда рабочих и солдатских депутатов, II съезда солдатских депутатов Западной области, III съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. 26 ноября избранные на них исполкомы объединились по инициативе Северо-Западного комитета РСДРП(б), образовав исполком единого областного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области (Облискомзап). Это имело большое политическое значение, предопределив перспективу создания белорусской советской социалистической государственности.

Осуществляя указания государственных органов РСФСР, съезды Советов, Исполком и Совнарком Западной области еще до образования БССР решали порою вопросы, часто выходившие за пределы полномочий обычных губернских органов Советской власти. Сложная внутренняя обстановка и вторжение интервентов требовали принятия руководителями Западной области самостоятельных экстренных решений по важнейшим военным и народнохозяйственным вопросам в целях защиты не только своей территории, но и РСФСР в целом. Для юридического обоснования этой деятельности II съезд Советов Западной области объявил себя верховным законодательным органом Советской власти на ее территории. Такой же компетенцией в межсъездовский период пользовался Облискомзап¹.

В многочисленных нормативных актах Облискомзап подчеркивал, что свою деятельность он осуществляет, руководствуясь указаниями и распоряжениями центральных органов Советской власти. Равным обра-

зом правительство РСФСР знало о решениях съезда и поддерживало их. Выступая на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г., нарком по делам национальностей И. В. Сталин говорил: «Областные центры, построенные по типу Совета Народных Комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан), обращались в Совет Народных Комиссаров за директивами. Совет Народных Комиссаров ответил: «вы сами власть на местах, сами же должны выработать директивы»². Провозглашение съездов и исполкома Западной области верховным законодательным органом власти не было единственным случаем в тогдашней практике национально-государственного строительства. Исполком Советов Латвии в первые послеоктябрьские дни тоже объявил себя высшим органом государственной власти и управления на своей территории³. Вопрос об областной автономии являлся программным требованием большевистской партии в период конституционного оформления РСФСР, и правительство Советской России поощряло предпринимаемые регионами шаги в этом направлении.

Повседневную деятельность Облискомзап осуществлял в тесной связи с правительством РСФСР и под его руководством. В постановлении Облискомзапа от 26 ноября 1917 г. подчеркивалось, что областной СНК должен проводить в жизнь все декреты РСФСР, а компетенция каждого его комиссариата определяется декретом центральной власти⁴. Сначала комиссары назначались Облискомзапом без согласования их кандидатур с правительством РСФСР, но с 23 декабря 1918 г. в соответствии с постановлением ВЦИК заведующие отделами Облискомзапа, назначаемые взамен наркомов, утверждались соответствующими комиссариатами РСФСР⁵.

² Сталин И. В. Соч. Т. 4. М. 1951, с. 16.

³ Миллер В. О. Развитие советской государственности в Латвии. М. 1961, с. 43.

⁴ Кастрычнік на Беларусі. Зборнік артыкулаў і дакументаў. Мінск. 1927, с. 412.

⁵ СУ РСФСР, 1918, № 99, ст. 1019.

¹ II съезд Советов Западной области. Смоленск. 1918, с. 5.

Осуществляя руководство экономической и политической жизнью, Исполком и Совнарком Западной области проводили революционные преобразования, укрепляли органы Советской власти на местах, решали хозяйственные вопросы. Важное значение имела также деятельность, связанная с прохождением по территории области Западного фронта. Силами Облискомзапа осуществлялась демобилизация старой армии и учреждений, связанных с фронтом (Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов). В результате работы, проделанной штабом Западного фронта под руководством выделенных областными центром комиссаров, уже к середине февраля 1918 г. было, в частности, отправлено в тыл около 20% пехотных подразделений, вывезена вся тяжелая артиллерия и 60% легкой⁶.

Подавляя сопротивление эксплуататорских классов и осуществляя борьбу с буржуазными националистами, Совнарком Западной области распустил в конце 1917—начале 1918 г. националистический Белорусский съезд, Белорусскую войсковую раду и ликвидировал дворянские общества⁷. Облискомзап проводил национализацию банков и промышленных предприятий, налаживал землепользование. Все финансовые операции осуществлялись в Западной области исключительно через Облискомзап, применялась местная налоговая система⁸.

Важное место в деятельности культурно-просветительных органов Западной области занимало развитие национальной культуры белорусского народа. Несмотря на тяжелое экономическое положение и недостаток кадров, в конце 1917—начале 1918 г. в Минской, Могилевской и Витебской губерниях возобновили работу более чем 2300 начальных и около 80 неполных средних и средних школ. В феврале 1918 г. в Минске и Могилеве начали работу народные университеты, готовившие кадры для органов Советской власти. Открывались школы с обучением на белорусском языке. В декабре 1917 г. в Минске начала работать 20-я белорусская советская школа⁹. Большим событием в общественно-культур-

ной жизни явилось издание первых учебников на родном языке. Уже в 1918 г. были напечатаны 5 белорусских грамматик; из них наиболее удачной считалась «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевича¹⁰. В том же году начало работу «Першае таварыства беларускай драмы і камедыі» в Минске, на сцене которого впервые ставились произведения белорусских драматургов В. И. Дунина-Марцинкевича, Я. Коласа и других на родном языке. Создавалась широкая сеть кружков художественной самодеятельности¹¹, открылись художественные школы в Могилеве, Полоцке, Гомеле и Витебске¹².

Помощь в осуществлении этой культурно-просветительной работы оказывал Белорусский национальный комиссариат при Наркомнаце РСФСР. Он издавал учебники, готовил преподавателей, производил эвакуацию учителей из числа беженцев. Летом 1918 г. в Москве для белорусов работал народный университет. В нем читался курс белорусоведения, чтобы «дать учителю школы Белоруссии сборник таких сведений, которые необходимы ему в деле коренного переустройства школы на новых трудовых, подлинно народных началах» и которые помогли бы ему «ориентироваться в современном национально-социально-революционном движении белорусов»¹³.

С оккупацией Минска германскими войсками областной центр был переведен в Смоленск. Смоленская губерния тогда входила в состав Западной области, которая в сентябре 1918 г. была переименована в Западную Коммуну. В связи с постановлением ВЦИК о ликвидации всех совнаркомов, кроме СНК РСФСР, СНК Западной Коммуны был упразднен, и вместо него начал функционировать Малый Совет, в который входили 5 членов Президиума Исполкомзапа и заведующие отделами¹⁴. Объем фактической компетенции партийных и советских органов Западной области, а также их структура во многом приближались к полномочиям соответствующих учреждений советских республик. Именно поэтому,

¹⁰ Беларускаяе мовазнаўства. Мінск. 1967, с. 19—20.

¹¹ Беларуская мастацтва. Мінск. 1960, с. 16, 18.

¹² Беларускі савецкі тэматычны жывапіс. Мінск. 1962, с. 14.

¹³ Курс беларусаведения. М. 1918—1920, с. II.

¹⁴ Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Працы катэдры сучаснага права. Т. 1. Менск. 1929, с. 29.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. Минск. 1957, с. 934.

⁷ Советская правда, 21.XII.1917; 31.I.1918.

⁸ Там же, 8.XII.1917.

⁹ Ільюшын І. М., Умрэйка С. А. Народная асвета у Беларускай ССР. Мінск. 1957, с. 72; ЦГАОР БССР, ф. Р-42, оп. 1, д. 9, л. 33.

сообщая председателю обкома РКП(б) А. Ф. Мясникову решение ЦК РКП(б) об образовании Белорусской республики, нарком по делам национальностей РСФСР подчеркивал, что для формирования государственных органов БССР «необходимо только произвести некоторые изменения в конструкции Облискомзапа»¹⁵, а в ходе разработки Наркомнацем с участием ответственных работников Северо-Западного комитета РКП(б) проекта организационного строительства будущей Белорусской республики отмечалось 27 декабря 1918 г., что «права ЦБ партии и отделов правительства остаются теми же, что и у бывшего областного комитета и отделов Облискомзапа»¹⁶.

Создание Белорусской республики было завершено, как указывалось в резолюции I съезда КП(б)Б 30 декабря 1918 г., путем «провозглашения Западной Коммуны Белорусской советской республикой»¹⁷, т. е. на базе существовавшего в рамках РСФСР государственного автономного образования. Таким образом, Западная область, позднее Западная Коммуна, фактически явилась первой советской государственностью белорусского народа¹⁸. Отсутствие же правового статуса Западной области как автономной единицы Российской Федерации объяснялось тем, что государственные органы Западной области и обком РКП(б) работали в условиях ожесточенного сопротивления свергнутых классов и постоянной угрозы со стороны германских империалистов. А это требовало направлять всю партийную и административную работу в первую очередь на борьбу с внутренней контрреволюцией

¹⁵ Борьба за Советскую власть в Белоруссии. Сб. док. и м-лов. Т. I. Минск. 1968, с. 414.

¹⁶ Цит. по: Каменская Н. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мінск. 1954, с. 135.

¹⁷ Пратакол I з'езда Комуністычнай партыі (большэвікоў) Беларусі. Менск. 1934, с. 9.

¹⁸ Каменская Н. В. Образование Белорусского Советского государства. Минск. 1948, с. 30; Бугаев Е. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М. 1959, с. 221. Некоторые авторы, ссылаясь на отсутствие правовой регламентации Западной области, полагают, что она приравнивалась к губернской административной единице (Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской республики. На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 — декабрь 1918 г. Минск. 1975, с. 48, 322; Чистяков О. И. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М. 1955, с. 44).

и внешней интервенцией. Особенно трудное положение сложилось в связи с оккупацией большей части Западной области в феврале — марте 1918 г. немецкими войсками.

Несмотря на это, национальный фактор постоянно учитывался в работе партийных и советских органов. В 1918 г. официально ставился вопрос о переименовании Западной области в Белорусскую. В проекте декрета о переименовании области подчеркивалось, что она является «автономной политической единицей, входящей в состав Российской Советской Федеративной республики»¹⁹. Хотя это положение не получило в Облискомзапе единодушного одобрения, в ряде документов того времени Западная область уже именовалась Белорусской. Существовало Белорусское отделение Российского телеграфного агентства при ВЦИК; белорусскими назывались большевистские партийные организации, созданные на оккупированной территории, и соответствующие секции в губернских центрах РСФСР. В партархиве сохранился проект Конституции Западной Коммуны, разработанный к III съезду ее Советов. Совнарком Западной Коммуны, согласно проекту, наделялся правами законодательной и исполнительной власти. Высшим органом власти объявлялся коммунальный съезд Советов²⁰.

В. И. Ленин, анализируя внутривнутриполитическое положение в Советской России накануне созыва Учредительного собрания в начале 1918 г., отмечал: «Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарски-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой»²¹. Таким образом, Белоруссию Ленин рассматривал в данном случае фактически как республику, не придавая значения временному отсутствию соответствующих правовых актов.

Идея создания Белорусской Советской республики неоднократно высказывалась

¹⁹ ЦГАОР БССР, ф. 4, оп. 1, д. 12, л. 5.

²⁰ Партийный архив Института истории партии при ЦК КПБ (ПА ИИП), ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 5; Маргунский С. П., Кукреш Л. И. Интернациональное и национальное в государственном строительстве Белоруссии. Минск. 1978, с. 221—222.

²¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 164.

трудящимися после освобождения территории Западной области от немецких оккупантов. Так, совещание крестьянских депутатов Минской губ. 12 декабря 1918 г. проголосовало за самоопределение белорусского и литовского народов в едином государстве²². Минский совет, утверждая Советскую власть в городе в начале декабря 1918 г., заявил, что признает и провозглашает единство белорусского края с РСФСР. Документ завершался словами «Да здравствует Белоруссия! Да здравствует всемирная Советская Социалистическая Республика!»²³. Этот вопрос был поставлен Минским губревкомом сначала перед обкомом партии, затем перед ВЦИК. В телеграмме ревкома от 20 декабря 1918 г. Свердлову говорилось: «Местные круги... считают необходимым самоопределение трудящихся Белоруссии и Литвы, создание Белорусской и Литовской трудовой Коммуны на федеративной связи с Советроссией»²⁴.

²² Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 4. Минск. 1954, с. 439.

²³ Цит. по: Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 — февраль 1919 г.). Минск. 1979, с. 120—121.

²⁴ Там же, с. 122.

30 декабря 1918 г. VI Северо-Западная областная партконференция, объявившая себя I съездом Коммунистической партии (б) Белоруссии, приняла следующее постановление: «Объявить самостоятельную социалистическую республику Белоруссии на территории Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской, Гомельской, Барановичской и Смоленской губерний»²⁵. 1 января 1919 г. провозглашение этой республики было обнародовано Манифестом Временного рабоче-крестьянского правительства Белорусской ССР. Этот акт не означал, однако, ее отрыва от Советской России; наоборот, он положил начало будущему объединению их в единое союзное государство на принципах добровольности и равноправия. Практика формирования первой советской государственности белорусского народа является собой один из примеров воплощения в жизнь идей и принципов пролетарского интернационализма, гармонического сочетания интернационального содержания и национальной формы федеративного социалистического государства.

Л. И. Кукреш

²⁵ ПА ИИП, ф. 4, оп. 2, д. 2, л. 14.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЧЕЛОБИТЬЯ ДВОРЯН НА БОЯР (XVII в.)

XVII век — век «бунташный», время крестьянских войн и городских восстаний. Едва ли не каждый бунт обходился без того, чтобы народный гнев не обрушился на бояр. Казнить их призывали и Болотников и Разин. Во время Соляного и Медного бунтов царю с величайшим трудом удалось спасти в Москве своих ближних бояр от расправы с ними восставших, а во время мятежа 1682 г. многие представители боярства погибли от рук поднявшихся стрельцов.

Бояре, верхушка господствующего класса феодалов, являлись высшим чином Боярской думы, занимали главные посты в административном управлении и в армии. В народном сознании сложилось твердое убеждение, что именно бояре — сановники, особо приближенные к царю, из-за своих корыстных интересов скрывают от него

правду о народных нуждах. Управу на бояр можно было искать только у царя. Но подать челобитную, минуя боярские руки, было практически невозможно. Представители разных сословий на Земских соборах несколько раз ставили вопрос о создании приказа «что на сильных бьют челом»; однако таковой как самостоятельное ведомство организован не был. Более того, в Соборном уложении 1649 г. было сказано, что бить челом государю о своем деле, не обратившись предварительно в приказ, вообще запрещается (гл. X, ст. 20).

Политикой бояр были недовольны и дворяне. Они, как правило, к восставшим не примыкали, а заявляли о своих нуждах на Земских соборах подачей царю коллективных челобитных. К их голосу правительство вынуждено было прислушиваться, т. к. в противном случае рисковало потерять опо-

ру среди большей части господствующего класса — дворянства (именно в интересах преимущественно дворянства было завершено закрепощение крестьян). Во время воинской службы в полках дворяне часто страдали от всеилия бояр-воевод, их взяточничества, самоуправства, применения телесных наказаний без суда, бесталанного военного руководства, задержек выплаты жалованья, пренебрежения к своим нуждам.

Служилые люди не раз пытались бороться с боярским произволом и бить челом царю всем полком на своего воеводу. Но этот путь был труден из-за того, что ратные люди не имели права посылать челобитную прямо царю, а сначала должны были показать текст воеводе и просить разрешения о посылке челобитчика в Москву. Поэтому жалобы на действия воеводы попадали в первую очередь к нему же и дальнейшего хода не имели. Все сохранившиеся следственные дела, заведенные на воевод по дворянским челобитьям, присланы в Москву дворянами самовольно. Как правило, продвижению такой челобитной сопутствовал успех, если челобитчикам удавалось сыграть на противоречиях в боярских кругах и, получив при дворе поддержку противников своего воеводы, навести на него следственную комиссию. Особый интерес вызывают в этой связи следственные материалы на влиятельнейших бояр середины XVII в. кн. Н. И. Одоевского и кн. И. А. Хованского.

Конфликт Одоевского с дворянами его полка возник в конце 1646—начале 1647 года. После вступления на престол царя Алексея Михайловича фактическим главой правительства стал его дядька, боярин Б. И. Морозов, который, говоря словами австрийского дипломата А. Мейерберга, посетившего в то время Россию, «по обыкновенной предосторожности любимцев, отправил всех бояр, особенно сильных во дворце расположением покойного царя, в почетную ссылку, на выгодные воеводства, в самые значительные области, и посадил на их место в придворные должности таких людей, которые несомненно были на стороне того, по чьей милости попали во дворец»¹. В число «ссылных» попал и Одоевский, который был послан главным воеводой на защиту южных рубежей государства от крымских набегов, возобновившихся в 1644—1645 годах. Он должен был

продолжить строительство укреплений на южной границе у Белгорода, начатое в 1638 г. в районе Тулы.

Получив указ о постройке земляного вала, Одоевский вывел свой полк в степь под Белгородом, но некоторое время не объявлял ему указа. После 10-дневного непонятного им стояния в степи служилые люди увидели у воеводского шатра выставленный на всеобщее обозрение «деревянный рубленый образец» вала, который Одоевский поручил делать «горододелцам немцам», и «от того образца ужаснулись, что делать было тяжело»². Одоевский собрал дворян полка, зачитал царский указ и составленную им роспись, кому сколько сажень вала полагается сделать. Это вызвало возмущение, т. к. ранее тульская засека была сделана руками специально набранных «деловцев», в основном государственных крестьян и солдат. Была даже наложена особая повинность на 18 уездов и 18 посадов выставить «деловцев». Но бояре, дворяне и монастыри из тех уездов людей посылали мало, несмотря на распоряжение, что лица, задерживающие поставку, будут нещадно биты кнутом.

В число 18 уездов входил и Переяславль Рязанский, в котором находились вотчины Одоевского. С них и с владений еще 4 боярских фамилий требовалось взять на строительство 960 человек; а «боярские приказчики тех вотчин не додали к засеке деловцев 539 человек и 108 лошадей»³. Одоевский, очевидно, помнил трудности, возникшие в 1638 г. при сборе «деловцев», и теперь он просто указал, что за каждым дворянином записывается около 2 саж. вала, которые тот должен построить своими силами согласно немецкому образцу; а как это будет выполнено, является личной заботой дворянина. Это и вызвало протест. Дворяне потом писали царю, что при его отце Михаиле Федоровиче делали от Тулы земляной вал «драгунами и солдатами и даточными людьми, а наша братья, ратные люди... не делали»⁴.

После оглашения росписи поднялся шум. Дворяне стали требовать, чтобы собрали точные сведения, за кем и сколько числится крестьян, а затем составить новую рос-

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 1, д. 869, лл. 29, 52.

³ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII в. М. 1916, с. 113.

⁴ ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1646 г., д. 134, л. 78.

¹ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. М. 1874, с. 112.

пись, исходя из этих сведений. Они настаивали, чтобы сообщили в Москву, что «им земляного вала делать не в силу, потому за которыми мужиков по 20 и по 15, и те делали по 2 сажени, а за которыми крестьян по 100 и больше, и те делали против малопоместных по 2 сажени ж, а иные и по сажени»⁵. В шатер к боярину пришли ратные люди во главе с А. Солнцевым, который «кричал и бил челом боярину шумно, и боярин велел выслать его из шатра вон, а говорил ему, что сделать две сажени ему мочно»⁶. Все же Одоевскому пришлось разрешить дворянству написать челобитную царю, и он обещал приложить ее к своему посланию в Москву.

Но за составление челобитной взялись не мелкопоместные дворяне, а «первостатейные» стольники, дети знати, которых было много в полку, во главе с князьями Д. А. и П. А. Долгорукими. Помимо просьбы об облегчении службы ратным людям полка, они написали в челобитной жалобу на Одоевского, сообщив, что он 3 недели стоял с полком в степи за Белгородом, не разослав по деревням сторожевые отряды, в результате чего к городу незаметно подходили враги. Воеводе эта челобитная «стала в кручину», и он велел ее переписать. Ему подали новую челобитную. Первая же была дополнена и отправлена без ведома Одоевского в Москву. В ней говорилось не только о его оплошности, но и о том, что сыновья его охотились во время похода с собаками и соколами, потоптали у белгородских жителей хлеб и распугали коз; и что их собаки в полку воют, а это недобрый знак; что воевода долго утаивал царский указ о постройке вала, и его «нерадением» строительство задержалось⁷. Об авторстве знатных стольников свидетельствует обвинение Одоевского в том, что он сам якобы велел «служилым людям писать челобитную, чтоб земляного вала им не делать»⁸. Одоевский же, в свою очередь, пожаловался в Москву, что белгородцы «своим непослушанием земляного вала делать не почали», а его ратные люди, услышав роспись, разбежались⁹.

В Москве дать ход дворянской челобитной, вероятно, помогли противники Одоевского — Морозов и его правая рука кн. А. Н. Трубецкой, возглавивший после

Одоевского Казанский и Сибирский приказы. Характерно, что «заводчиками» дела явились близкие к Морозову Долгорукие. Для расследования была создана комиссия во главе с Трубецким. Сначала был допрошен автор челобитной стольник кн. А. Солнцев, а на основе его показаний были составлены вопросы, которые задали 171 служилому человеку Белгородского полка. Затем составлена роспись, сколько человек подтвердило показания Солнцева, а сколько — нет. Заключение по делу Одоевского в документах нет.

Для карьеры Одоевского следственное дело не имело особых последствий. В 1647 г. ему и служилым людям Белгородского полка за работы по устройству земляного вала от Белгорода до Карпова было объявлено государево милостивое слово¹⁰. Тогда же Одоевский был «перемещен» и вернулся к придворной службе, а на следующий год возглавил комиссию по составлению Соборного уложения. Однако правительство прислушалось и к просьбам служилых людей. С 1647 г., когда воеводой большого Белгородского полка стал кн. Г. С. Куракин, отказались при строительстве засек от твердых норм для дворянства и вернулись к взиманию с них даточных людей для посылки на строительство, как это было ранее¹¹. Служилые люди, участвовавшие с Одоевским в постройке вала, получили по 12 руб. прибавки к окладу¹².

Интерес представляет и дело, заведенное в 1665 г. дворянами Новгородского полка на своего воеводу боярина кн. И. А. Хованского, позднее знаменитого тем, что, преследуя корыстные цели, он стал во главе стрелецкого бунта 1682 г., названного по его имени «Хованщиной». Большую часть своей службы Хованский провел полковым воеводой на северо-западных рубежах государства. В 1658 г., во время войны со Швецией, он выиграл несколько сражений, за что был пожалован боярским чином. Хованский уже поспешил с присущей ему нескромностью сравнить себя с Александром Невским¹³, как удача перестала ему сопутствовать: он стал терпеть поражение за поражением и вскоре снискал себе печальную славу полководца-неудачника. «Этот тот Хованский, что известен всему свету

¹⁰ Там же, д. 230.

¹¹ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж. 1969, с. 125.

¹² ЦГАДА, ф. 141, 1647 г., д. 69, лл. 30, 59.

¹³ ЦГАДА, ф. 27 (Тайный приказ), оп. 1, д. 128, л. 58.

⁵ Там же, ф. 159, оп. 1, д. 869, л. 53.

⁶ Там же, л. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ф. 141, 1647 г., д. 25, л. 1.

⁹ Там же, ф. 210 (Разрядный приказ), Белгородский стол, д. 1412, л. 8.

своими поражениями: бешено смелый, увлекающаяся безрассудною горячностью, он всегда налетает или наступает на неприятеля, никогда не взвесив сил его на весах рассудка; невежда во всех военных науках; тем не менее считается достойным начальствовать войском»¹⁴.

Допускал Хованский и политические промахи. Затеяв ссору с послами И. С. Прозоровским и А. Л. Ординым-Нащокиным, приехавшими для переговоров со шведами под Нарву, он не поддержал вовремя посольство военной силой и не подвел к Нарве свой полк¹⁵. В 1660 г. без царского указа запросил у литовцев перемирия, а затем сам же его нарушил; и «то он учинил не делом»¹⁶, — писал царь. В 1664 г. Хованский вторгся во владения дружественного России герцога Курляндского и разорил его земли¹⁷. Не был аккуратен он и в своих воеводских отписках, и в одной из царских резолюций на его послании сказано: «А велено отписать о пути именно, и ценовную прислать как ведется, а не так, как писал глупо»¹⁸.

Хованский имел постоянного недруга, каждый раз подчеркивавшего перед царем его промахи, — А. Л. Ордина-Нащокина. Талантливая государственная деятельность последнего, его стремление проявить личную инициативу, интерес к Западу, высокая образованность не раз были описаны в литературе. Царь покровительствовал Нащокину и часто давал ему возможность самостоятельно, без ведома бояр решать государственные дела. Нащокин как человек, фанатично преданный своим принципам и строгий к самому себе, и от других требовал безупречного служения долгу. А многие бояре придерживались взгляда на государственную службу как на источник дохода; общегосударственные проблемы интересовали их мало; в воеводствах они распоряжались, как в собственных вотчинах. К числу таких деятелей относился и Хованский. Он не мог и не хотел принять взгляды Нащокина. Кроме того, его раздражали «западничество» и образованность Афанасия Лаврентьевича. Значительную роль в их вражде играло различие в проис-

хождении: потомок Гедиминовичей, Хованский не мог примириться с тем, что сын незнатного псковского дворянина играет в Думе роль гораздо большую, чем он. Нащокина же злило то обстоятельство, что Хованского из-за знатности нельзя отстранить от государственной деятельности, к которой тот неспособен. И Нащокин, и Хованский служили по Новгородскому разряду и все время сталкивались друг с другом по службе. Царь упорно желал примирить их и заставить сотрудничать. Он назначал Нащокина товарищем к Хованскому; писал им, что «они русские люди, а меж себя враждуют»¹⁹, и указывал, что не только Нащокин, но и Хованский всем обязаны государевой милости.

Когда в 1664 г. курляндский герцог Якоб прислал Алексею Михайловичу жалобу на вторжение войска Хованского, Нащокин как глава Посольского приказа был чрезвычайно разгневан, ибо ценил дружественные отношения с герцогом и намеревался использовать территорию герцогства для проведения межгосударственных переговоров. Швед И. фон Лилиенталь слышал, как Нащокин оборвал сына Хованского, вступившегося было за отца, сказав: «Отец сам за себя ответит»²⁰. Хованский же, ни о чем не ведая, сообщал царю об «удачных» военных действиях на Двине: был разбит польский полковник Шестаковский, бежавший в Курляндию, а «ратные люди за ним в Курляндию в войну ходили» и «местечко Требухи, и местечко Икажно, в нем было с триста дворов и больша, и иныя многие местечки и маестности шляхетские и села, и деревни жгли и людей секли и совсем без остатку разорили»²¹. За все эти действия воевода ждал царской похвалы. Действительно, к нему был послан стольник Ф. Колтовский с «милостивым словом», но одновременно дано указание учинить в полку сыск, кто «курляндского Якубуса князя подданным людям учинил разоренье и грабеж»²², и тайно разузнать в полку, нет ли у дворян «каких больших нужд и что ратные люди про службу великого государя и про промысл боярина и воеводы князя Ивана Андреевича с товарищи над

¹⁴ Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга, с. 43—44.

¹⁵ См. подробнее: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. II, кн. VI. М. 1961, с. 64—69.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 166, л. 34.

¹⁷ Там же, ф. 210, Приказной стол, д. 469, лл. 1—5.

¹⁸ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 187, ч. 1, л. 60.

¹⁹ Там же, д. 128, л. 58.

²⁰ Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. — Журнал Министерства народного просвещения, 1898, № 6, с. 332.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Новгородский стол, д. 148, лл. 24—25.

²² Там же, л. 36.

неприятельскими людьми говорят и чего вперед чаят»²³.

Хованскому удалось замять дело о Курляндии. Он утверждал, что герцога не разорял, а если были случаи грабежа, то без его ведома²⁴, после чего Якобу была послана грамота с уверениями в дружбе и последующей безопасности его владений. И тут же на Хованского было заведено дело усилиями дворян его полка. Расспросы, учиненные Колтовским, вероятно, навели дворян на мысль, что их воеводой недовольны в верхах и наступил удачный момент для подачи жалобы. Когда полк стоял в Освее, «крик у дворян был и один человек, пришед, сказал, что де мы стали, как теперя время пришло, пора заводить»²⁵. Дело на Хованского весьма напоминает дело на Одоевского²⁶. В нем тоже две дворянские челобитные. Первую дворяне принесли воеводе с просьбой отправить своего челобитчика с нею в Москву. В ней говорилось, что ратные люди после трудных походов «обнищали и обесконили», «против неприятельских людей безмочны», и просили распустить их по домам²⁷. Хованский посылать эту челобитную запретил. Тогда дворянами была составлена вторая, «заводная поносная челобитная», как характеризовал ее Хованский.

Если в первой заключались просьбы дворян о выплате им жалованья и «перемене» в их полку, то вторая была направлена против Хованского и его детей, причем сначала в ней содержались жалобы не только на него, но, как отмечал Хованский, «и прежние бояря и воеводы в той челобитной все обещены, нет такого, кого бы не опорочили»²⁸. Дворяне обвиняли Хованского в том, что по его вине войско потерпело поражение под Ляховичами в 1660 г.: зная о превосходящих силах противника, он не двинулся на соединение с полком Ю. Долгорукого, а в одиночку начал приступ Ляховичей, закончившийся неудачей; «и от его боярския дерзости мы, холопы твои, загнули»²⁹. И если Мейерберг дал характеристику Хованского явно

со слов Нащокина, в гостях у которого он был как раз после очередного поражения воеводы, то справедливость замечания о «безрассудной горячности» подтверждается и дворянской челобитной, и одним из писем царя, где говорится, что Хованский был разбит именно «за его беспутную дерзость»³⁰.

Хованский был жесток со служилыми людьми и не заботился об их нуждах. Когда однажды в полку поднялся «сполох» — ложная тревога по поводу нападения неприятеля, он приказал «всем ратным людям стать на поле» и, «повязав вместе человек по пяти, по шести, велел бить кнутом на козле нещадно передо всем полком безвинно, а иных велел пытать, будто все хотели в сполох грабить свои обозы и его боярские коши»³¹. Во второй челобитной основная просьба дворян заключалась в том, чтобы их перевели в полк к другому воеводе; «нам у него... кн. Ивана Андреевича в полку и у детей его служить в полку мочи нашей нет»³². Хованский попытался изъять эту челобитную, но один из «заводчиков», С. Цыплатев, отказался показать ее воеводе: «Как де он, Сава, будет перед великим государем на Москве, или великий государь изволит сыскать, и он, Сава, про тое челобитную скажет»³³.

Цыплатева Хованский велел заковать в железа, а автора обеих челобитных П. Арцыбашева «бил в съезжей избе своими руками и драл за волосы и по щекам бил и бранил всякою скверною бранью»³⁴, потом приказал бить на площади кнутом и бросить в тюрьму. Не сумев добыть челобитную, Хованский поспешил послать царю оправдательные отписки, где отмечал одну из причин, по которой дворяне были им недовольны, но которую не упомянули: что он в своем полку «разбор учинил», так что «прибыль будет большая, напрасно никто не станет жалованья имать: за кем 15 дворов, те без жалованья»³⁵, а за кем 14 дворов — вместо оклада выплачивался 1 руб., и только беспоместным дворянам жалованье полагалось сполна.

Арцыбашев бежал из тюрьмы и без разрешения воеводы привез «заводную чело-

²³ Там же, лл. 41об.—42об.

²⁴ Там же, Приказной стол, д. 469, лл. 1—5.

²⁵ Там же, л. 69.

²⁶ Часть последнего опубликована в приложении к: Соловьев С. М. Ук. соч., с. 624—626.

²⁷ ЦГАДА, ф. 210, Приказной стол, д. 469, лл. 22—23.

²⁸ Там же, л. 12.

²⁹ Там же, л. 49.

³⁰ Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольников пути. М. 1856, с. 65.

³¹ ЦГАДА, ф. 210, Приказной стол, д. 469, л. 51.

³² Там же, л. 53.

³³ Там же, л. 57.

³⁴ Там же, л. 92.

³⁵ Там же, л. 86.

битную» в Москву. Ему удалось добиться того, что дело дошло до царя, который повелел «допрос учинить»³⁶. Арцыбашев давно готовился к этому и собрал большой материал против Хованского: к расспросным речам он приложил три перечня: женщин определенного поведения, которые посещали воеводу; подарков, которые были им взяты у казаков, разграбивших герцога Курляндского, за покрытие их грабежа; дворян, которые «на Друе биты кнутом прошлого 1663 г. августа 6-го», и других незаслуженно битых дворян³⁷. На допросах Арцыбашев держал себя уверенно, смело обличал Хованского, был хорошо подготовлен. Чувствуется, что у него имелись сильные покровители, помогавшие дать делу ход (вероятно, Нащокин, чье положение в государстве тогда еще более возросло: в 1667 г. ему был пожалован боярский чин и звание «царственныя большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя»).

В те же годы на Хованского заводится еще несколько дел: в 1666 г. по челобитью дворян Татищевых в том, что он отнимает принадлежащую им по праву землю³⁸; в 1668 г. дворянина из Вязьмы М. Сафонова, который, действуя при помощи Нащокина, просил пересмотреть дело его сына, в 1654 г. расследованное Хованским как вяземским воеводой, приговорившим того к смертной казни за доставку врагам шпионских сведений о русской армии. На представленные тогда Хованским следственные документы по этому делу пришел из Москвы приговор Боярской думы с решением о смертной казни Сафонова. Теперь, через 14 лет, дело было найдено в архивах, царь лично слушал его, и из Разрядного его передали для пересмотра в Посольский приказ Нащокину. Вновь в Вязьму поехали люди снимать расспросные речи с присутствовавших при пытках, на казни и просто знавших Сафонова: выясняли, правильно ли вел расследование Хованский, который обвинялся в том, что потребовал с родственников Сафонова, просивших отложить казнь до приезда царя в Вязьму (чтобы бить челом о помиловании), 20 рублей. Сафоновы денег не дали, и Хованский приказал привести приговор в исполнение накануне прибытия царя³⁹.

Тем не менее все эти дела, заведенные на Хованского, мало отразились на его дальнейшей службе. Как известно, Нащокин вследствие провала своего курса внешней политики вынужден был уйти из Посольского приказа и в 1670 г. постригся в монастыре под Псковом. Влияние же Хованского в 70-е годы XVII в., напротив, стало возрастать. Поддерживаемый московскими стрельцами и родом Милославских, Хованский при царе Федоре Алексеевиче стал одним из самых влиятельных людей в государстве, даже собирался женить сына на царевне⁴⁰, но после подавления стрелецкого бунта 1682 г. был казнен.

Чем же заканчивалась работа комиссий, созданных для расследования деятельности бояр в полках? В материалах дел как Одоевского, так и Хованского нет заключительной части. Но в аналогичном деле боярина кн. С. А. Урусова (1656 г.), на которого подали жалобу дворяне того же Новгородского полка, которые били челом на Хованского, сохранились ответы воеводы по всем пунктам обвинений. Обвинялся Урусов во взяточничестве и жестоком обращении с ратными людьми. Дворяне писали: «Прежде сего, при прежних государях... и ныне при государе, от бояр и воевод деды и отцы их и они такие великие жесточи и тесноты и неповинные крови и мученья и поругательство не видали и не слышали и такого злого наказания никому безвинно не бывало, что они от боярина изувечены и обезчещены безвинно и называли их не слугами и не бойцами»⁴¹. Был представлен перечень того, «что у кого боярин князь Семен Андреевич Урусов всякие рухледи и лошадей взял»⁴². Перечень предъявили Урусову, и он вынужден был отчитаться в каждой взятой им вещи перед боярской комиссией. Ответы были записаны в столбец, но царской резолюции на деле нет. В подобных случаях итогом для виновных бояр были неприятный разговор с царем и злорадство соперников при дворе.

Впрочем, дворянские требования удовлетворялись иногда даже в ущерб государственной казне (о которой заботились воеводы, проводя строительство укреплений силами дворян или сокращая их денежное

³⁶ Там же, л. 88об.

³⁷ Там же, лл. 115—123.

³⁸ Там же, л. 86.

³⁹ Там же, Приказной стол, д. 387, лл. 1—47.

⁴⁰ Записки русских людей. СПб. 1841, с. 5.

⁴¹ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 2. СПб. 1861, с. 669.

⁴² Там же, с. 673.

жалование пропорционально количеству принадлежавших им крестьян). Что касается ущерба, наносимого в таких случаях дворянам, то больше всего страдали мелкопоместные дворяне. Знатные же стольники использовали их недовольство в личных целях, в борьбе придворных группировок. В дальнейшем многие из этих стольников сами получили боярские и окольные чины. Например, Долгорукие, писавшие челобитную на Одоевского, став через несколько лет воеводами, оказались в его же положении, когда дворяне их полка, не-

смотря на запрет, послали в Москву челобитчиков⁴³. Так что в следственных делах, заведенных по коллективным челобитным дворян на бояр, являвшихся воеводами, нашли отражение как пересечение интересов различных социальных группировок господствующего класса, так и стремление самодержавия удовлетворить запросы всех слоев феодального класса.

О. Е. Кошелева

⁴³ ЦГАДА, ф. 210, Севский стол, д. 151, л. 90.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КАЗУС XIV в. до н. э.

На восточном берегу Нила, в 280 км южнее Каира расположена в настоящее время почти безлюдная местность, получившая в египтологии название Телль-эль-Амарна. В древности тут находилась столица фараона-еретика Эхнатона — город Ахетатон. С 1891 г. ведутся его раскопки. Исключительное значение для понимания характера международных отношений на Ближнем Востоке в ту отдаленную эпоху имели документы телль-эль-амарнского архива, обнаруженного в 1887 году. По содержанию к этим документам примыкают письма вдовы фараона Тутанхамона хеттскому царю Суппилулиумасу, упоминаемые в исторической хронике, повествующей о его деятельности. В них идет речь о просьбе египетской царицы дать ей в супруги одного из сыновей правителя хеттской державы¹.

На памятниках времени Амарны героиня писем, одна из дочерей религиозного реформатора Аменхотена IV (Эхнатона) и знаменитой красавицы Нефертити, носившая первоначально имя Анхесенпаатон, а позднее, с отказом от почитания солнечного диска Атона, принявшая имя Анхесенпаамон, — представлена неоднократно. Ставшая в очень раннем возрасте женой фараона-мальчика Тутанхамона, своего близкого

родственника, возможно даже сводного брата, юная царица, если доверять ее изображениям, была очаровательна.

Хорошо известны воспроизведения ее облика, которые сохранились на памятниках из гробницы Тутанхамона. Среди них особенное внимание привлекает изображение Анхесенпаамон на царском троне. Спереди на его спинке помещена семейная сцена: Тутанхамон сидит в кресле в парадном одеянии с короной на голове, Анхесенпаамон стоит рядом с мужем, умащая его благовониями². Подобные же идиллические композиции, призванные в традициях амарнского искусства демонстрировать дружбу и любовь царственных супругов, представлены на золотом ковчеге из гробницы Тутанхамона. На одной из его панелей фараон показан сидящим на складном табурете. Рядом на пуфе пристроилась Анхесенпаамон. Царица смотрит на мужа, левой рукой она оперлась о его колено. В раскрытую ладонь правой руки царицы Тутанхамон льет благовония³. На другой панели ковчег изображена охота на птиц в болотных зарослях. Тутанхамон целится из лука. У его ног — маленький льенок. Рядом на пуфе сидит Анхесенпаамон. Она протягивает мужу стрелу, указывая пальцем на одну из диких уток⁴. Изумительное изображение Тутанхамона и Анхесенпаамон дано на крышке сундука из кладовой в гробнице Тутанхамона. Фараон и его супруга, сов-

¹ Подробнее см.: Schulman A. Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom.—*Journal of Near Eastern Studies* (JNES), Chicago, 1979, vol. 38, № 3, p. 177, n. 1—3; p. 178, n. 3—6; e j u s d. Ankhese-namun, Hofretity and the Amka Affair.—*Journal of the American Research Center in Egypt* (JARCE), Cambridge (Mass.), 1979, vol. 15.

² Картер Г. Гробница Тутанхамона. М. 1959, табл. 52.

³ Там же, табл. 67А.

⁴ Там же, табл. 67Б.

сем еще дети, показаны прогуливающими в саду. Анхесенпаамон протягивает мужу большой букет цветов⁵.

Несмотря на молодость, Анхесенпаамон, овдовевшая, когда ей едва исполнилось 18 лет, обладала сильным характером. Не имея детей, она не хотела никому из своих подданных уступить трон, который занимала, не хотела оказаться в тени при новой царице, а потому пошла на смелый шаг, предложив хеттскому царю Суппилулиумасу, опасному врагу Египта, дать ей своего сына в супруги, чтобы она могла сделать его фараоном. Об этой дипломатической интриге поведали таблички хеттского государственного архива, обнаруженные в 1906 — 1912 гг. в турецком Богазкёе, развалинах древнего Хаттусаса — столицы хеттов. Богазкёйские таблички составили параллель к тель-эль-амарнским находкам.

Текст писем Анхесенпаамон к Суппилулиумасу приведен в хеттской хронике — «Деяниях Суппилулиумаса», рассказанных его сыном Мурсилисом II. Несколько глиняных табличек и многочисленные фрагменты с клинописным текстом, повествующим о «Деяниях», были выявлены из огромного клинописного фонда Богазкёя еще в 1920-е годы. Первым это сделал Б. Грозный, когда в 1921 г. издал таблички, содержащие текст писем Анхесенпаамон⁶. «Деяния Суппилулиумаса» в целом были воспроизведены в 1926 г. в публикации Э. Форрера⁷. В 1931 г. Э. Кавеньяк дал полный перевод «Деяний» на французский язык⁸. Таблички, подобранные и опубликованные Форре-ром, были впоследствии переизданы А. Гётце⁹, который издал также несколько фрагментов табличек с текстом «Деяний», не вошедших в публикацию Форрера¹⁰. Ряд фрагментов опубликовал Г. Оттен¹¹. Непосредственно о письмах Анхесенпаамон повествуют седьмая табличка¹² и несколько небольших фрагментов¹³, в том

числе недавно изданный Э. Эделем¹⁴. Сюда же следует отнести «Молитвы во время чумы» Мурсилиса II, не входящие в состав «Деяний Суппилулиумаса», но упоминающие об убийстве египтянами хеттского царевища, предполагаемого супруга Анхесенпаамон¹⁵. Полностью весь текст «Деяний Суппилулиумаса» с воспроизведением прописки клинописного оригинала, транслитерацией, комментариями и переводом на английский язык издан Г. Гютербоком¹⁶.

Наше внимание привлекает здесь только тот раздел «Деяний», в котором речь идет о вдове Тутанхамона. Обращенная к Суппилулиумасу необычная просьба Анхесенпаамон интересна как казус, чрезвычайный в дипломатической практике того времени. Эта просьба интересна еще и потому, что она наглядно раскрывает своеобразные черты международных отношений на Ближнем Востоке в середине XIV в. до н. э., когда подошел к концу продолжавшийся более двух столетий период гегемонии Египта в Передней Азии — преобладания, установленного предками Анхесенпаамон, воинственными фараонами XVIII династии.

Вот как о письмах Анхесенпаамон рассказывается в «Деяниях Суппилулиумаса»: «Так говорит мой сын Мурсалис, великий царь, царь Хатти, герой, сын Суппилулиумаса, царя Хатти, героя, внук Тудхалия, царя Хатти, героя¹⁷... В то время как мой отец был внизу в стране Кархемиша, он послал полководцев Лупакки и Тархунта-залма вперед в страну Амка¹⁸. Итак, они отправились, чтобы напасть на страну Амка, и пригнали переселенцев, скот и овец обратно к моему отцу. Но, когда люди Египта услышали о нападении на Амка, они очень испугались. И кроме того, как раз в это время их господин Нибхуруриа [Тутанхамон] умер¹⁹, и потому царица Египта,

¹⁴ Edel E. Ein Neugefundenes Brieffragment der Witwe des Tutanchamon aus Boghazköi.—*Orientalistica*, 1978, Bd. 2, S. 33—35.

¹⁵ Pritchard J. B. *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament*. Princeton. 1950, p. 395.

¹⁶ Güterbock H. G. *The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son*.—*Journal of Cuneiform Studies (JCS)*. New Haven, 1956, vol. 10, pp. 41—68, 75—98, 107—130.

¹⁷ Ibid., p. 59.

¹⁸ Южная Сирия.

¹⁹ В каком-то году, возможно близком к 1340 г. до н. э., Тутанхамон умер между серединой марта и концом апреля. О времени года свидетельствуют цветы венков, обнаруженных на его гробах (Картер Г. Ук. соч., с. 261). Установить более точную дату смерти Тутанхамона пока невозможно.

⁵ Там же, табл. 138.

⁶ Keilschrifttexte aus Boghazköi V—VI. Leipzig. 1921.

⁷ Forrer E. *Die Boghazköi-Texte in Umschrift II*. In: *Geschichtliche Texte aus Boghazköi*. Leipzig. 1926.

⁸ Cavaignac E. *Les annales de Suppiluliuma*. Strassbourg. 1931.

⁹ Keilschrifturkunden aus Boghazköi (KUB) XIV—XXVI. Berl. 1926—1933.

¹⁰ KUB XIX. 1927; XXIII. 1930; XXXI. 1939.

¹¹ KUB XXXI.

¹² Ibid.

¹³ KUB XXXI, XXIII, XIX.

которая была Дахамунзу²⁰, направила посланца к моему отцу и написала ему так: «Мой муж умер. Сына я не имею. Но у тебя, как говорят, сыновей много. Если бы ты дал мне одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не выберу моего слугу и не сделаю его моим мужем. Я боюсь такого позора». Когда мой отец услышал это, он созвал Великих на совет: «Подобная вещь никогда не случалась со мной во всей моей жизни». Таким-то образом и получилось, что мой отец послал вперед в Египет Хаттусазити, управляющего двора: «Ступай и доставь правдивое слово обратно ко мне! Может быть, они обманывают меня? Может быть, они имеют сына своего господина? Доставь правдивое слово обратно ко мне!». До того, как Хаттусазити вернулся из Египта, мой отец наконец завладел городом Кархемишем... Затем он взял своего сына Сарри-кусуха и дал ему страну Кархемиш и город Кархемиш в управление и сделал его отдельным царем. Но когда он покончил с Кархемишем, то отправился обратно в страну Хатти и провел зиму в стране Хатти. А когда настала весна, Хаттусазити вернулся обратно из Египта, и посланец Египта, господин Хани, прибыл вместе с ним. Теперь, поскольку мой отец, когда он послал Хаттусазити в Египет, дал ему приказы такого рода: «Может быть, они имеют сына своего господина? Может быть, они обманывают меня и не хотят моего сына для царства?», постольку царица Египта написала вновь моему отцу в письме так: «Почему ты говоришь, что они обманывают меня в этом деле? Если бы я имела сына, разве я написала бы о моем собственном позоре и позоре моей страны в чужую страну? Ты не поверил мне и даже сказал мне таким образом. Тот, кто был моим мужем, умер. Сына я не имею. Никогда я не возьму своего слугу и не сделаю его моим мужем! Я не написала ни в какую другую страну. Только тебе я написала. Как говорят, твои сыновья многочисленны. Так дай мне одного твоего сына. Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем». Итак, поскольку мой отец был добросердечным, он уступил слову женщины и позаботился о деле сына... [Далее Суппилулиумас сказал египетскому посланцу Хани:] «Я сам был дружен, но вы внезапно причинили мне

зло. Вы прибыли и напали на человека из Кинзы [Кадеша], которого я освободил от царя земли Хурри [царство Митанни]. Когда я услышал об этом, я стал злым и я послал мои собственные отряды, и колесницы, и командиров. Таким образом, они прибыли и напали на вашу территорию, на страну Амка. И когда они напали на Амка, которая есть ваша страна, вы, вероятно, испугались и принялись просить меня о моем сыне, как будто это моя забота. Он, таким образом, стал бы заложником, но царем вы бы его не сделали». Тогда сказал Хани моему отцу: «О, мой господин! Это позор нашей страны! Если бы мы имели сына царя, разве прибыли бы мы в чужую страну и разве стали бы мы просить о господине для себя. Нибхуруриа [Тутанхамон], который был нашим господином, умер. Сына он не имеет. Жена нашего господина одинока. Мы просим сына вашего господина для царствования в Египте и для женщины, нашей госпожи, мы просим его как ее мужа. Кроме того, учти, что мы не направились ни в какую другую страну. Только сюда мы прибыли. Теперь же, наш господин, дай нам твоего сына!». Таким образом затем мой отец побеспокоился об их интересах в отношении сына. Затем мой отец вновь попросил табличку с договором, в котором было сказано, как в прошлом бог бури [Тешуб] взял людей из Курустама, сыновей Хатти, и послал их в Египет, и сделал их египтянами, и как бог бури заключил договор между странами Египет и Хатти, и как они были постоянно дружны друг с другом».

Через несколько строк текст «Деяний» обрывается. Далее следует испорченное место, содержащее, возможно, выдержки из каких-то статей мирного договора между страной хеттов и Египтом, а также намеки на то, что Суппилулиумас в итоге все же послал своего сына в Египет. Связный рассказ продолжается после лакуны: «Когда они принесли эту табличку, они сказали так: «Люди Египта убили Заннанзу [сына Суппилулиумаса] и доставили слово: Заннанза умер. И когда мой отец услышал об убийстве Заннанзы²¹, он начал оплакивать Заннанзу и богам он сказал: так: «О боги! Я не делал зла, люди Египта сделали это мне, и они также напали на

²⁰ Имеется в виду египетский титул, означающий «царская жена» (Federn W. Dahamunzu.— JCS, 1960, vol. 14, p. 33).

²¹ Об убийстве египтянами Заннанзы сообщает и другой хеттский текст — «Молитвы во время чумы» Мурсилиса II (Pritchard J. B. Op. cit., p. 395).

границу моей страны»²². На этом заканчивается повествование о неудачной попытке Анхесенпаамон сделать своим мужем и фараоном сына хеттского царя.

Не ясен вопрос о том, какую роль во всей этой истории играл Эйя — ближайший сподвижник, воспитатель и наставник Эхнатона и, возможно, близкий родственник Нефертити, ставший фараоном вскоре после смерти Тутанхамона. Поскольку известно, что Тутанхамон умер весной, а из «Деяний Суппилулиумаса» мы узнаем, что хеттский посланец Хаттусазити вместе с египетским посланцем Хани, доставившим второе письмо Анхесенпаамон, прибыл из Египта ко двору Суппилулиумаса также весной, можно полагать, что целый год после смерти Тутанхамона его вдова еще считала себя царицей Египта. Коль скоро в переговорах с Суппилулиумасом участвовал и египетский посланец Хани²³, можно заключить, что переговоры носили официальный характер. Но как к этому относился Эйя, который в надписях гробницы Тутанхамона представлен тем, кто уже в качестве фараона руководил погребением Тутанхамона, осуществленным через 70 дней после его смерти? По-видимому, Эйя сначала считал свое воцарение или временным, или как бы полуофициальным²⁴. Отметим, что при хеттском дворе об этом вообще ничего не было известно. Возможно, опасаясь притязаний Эйи на престол, Анхесенпаамон и решилась обратиться к Суппилулиумасу со своей необычной просьбой, о чем как будто свидетельствует заключительная фраза в ее первом письме: «Я боюсь такого позора»²⁵.

²² Güterbock H. G. Op. cit., pp. 94—98, 107—108.

²³ Посланец Хани часто упоминается во многих письмах тель-эль-амарнского архива как человек, которому поручались ответственные дипломатические задания.

²⁴ Helck W. Die Beziehungen Ägypten zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden. 1962, S. 186.

²⁵ П. Ньюберри высказал предположение, что Анхесенпаамон была вынуждена вступить в брак с Эйей, о чем как будто свидетельствует сохранившееся кольцо с именами Анхесенпаамон и Эйи. Однако К. Зелле опроверг доводы Ньюберри (Newberry P. E. King Ay, the Successor of Tutankhamun.— *Journal of Egyptian Archaeology*, Lnd., 1952, vol. 18, pp. 50—52; Seele K. C. King Ay and the Close of the Amarna Age.— *JNES*, 1955, vol. 14, pp. 168—180).

Вопрос о том, кто был виновен в убийстве хеттского царевича, остается открытым. Несомненно, это сделали те, кому было невыгодно укрепление власти Анхесенпаамон. А невыгодно это было как Эйе, так и другому крупному политическому деятелю того времени — полководцу Хоремхебу, руководившему борьбой Египта с хеттской экспансией в Сирии в годы царствования Тутанхамона. Между тем, как сообщают «Деяния Суппилулиумаса», после убийства царевича Заннанзы военные действия в Сирии возобновились. Отряды хеттов под командой Арнувандаса, сына Суппилулиумаса, опять вторглись в страну Амка²⁶. Египетскими силами командовал Хоремхеб. Ему удалось сдержать натиск хеттов²⁷. Немного позднее от египетских пленных в хеттской армии распространилась чума, заставившая хеттов прекратить наступление. Во время эпидемии вскоре погиб и воинственный хеттский царь Суппилулиумас. Через три года после этих событий Хоремхеб, устранив Эйю, сам овладел египетским тронном. О судьбе Анхесенпаамон ничего более не известно. Ее отчаянная попытка удержаться на престоле не увенчалась успехом. После продолжительного царствования Хоремхеба, не имевшего детей, к власти в Египте пришла вышедшая из военной среды новая, XIX династия, второй и третий представители которой, фараоны Сети I и особенно Рамсес II, продолжили борьбу с хеттами за владычество в Сирии.

Описанный выше дипломатический казус интересен тем, что он, по-видимому, является первым случаем такого рода, известным исторической науке. В общих трудах он упоминается не часто²⁸. Между тем он примечателен как свидетельство существования довольно развитых дипломатических отношений между древнейшими державами в ту эпоху, когда район классовых цивилизаций был невелик и на подавляющей части земного шара человечество находилось еще на стадии первобытнообщинного строя.

И. А. Стучевский

²⁶ KUB XIX, XXIII; Güterbock H. G. Op. cit., pp. 108—109.

²⁷ На гробнице Хоремхеба в Мемфисе изображены пленные хеттские воины.

²⁸ Он не упоминается, например, в «Истории дипломатии» (см. изд. 2-е. Т. I. М. 1959, гл. I).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1982 ГОДУ

Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу № 11
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза № 11
Речь товарища Ю. В. Андропова № 11
Речь товарища К. У. Черненко № 11
Юрий Владимирович Андропов № 11

СТАТЬИ

История СССР

Алексеева Г. Д.—Истпарт: основные направления и этапы деятельности № 9
Алпатов М. А.—Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии № 5
Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.—Социальная структура советских наций на современном этапе № 7
Бородин А. П.—Третьейюньский блок и крушение политики мирного реформирования самодержавия № 8
Варенцов В. А.—Московские гости в Новгороде № 8
Гармиза В. В.—Классовая сущность эсеро-меньшевистских местных органов власти № 2
Городецкий Е. Н.—Ленинская лаборатория исторического исследования № 4
Драгнев Д. М., Жуков В. И., Царанов В. И.—Присоединение Бессарабии к России — важная веха в истории молдавского народа № 7
Иванов Е. П.—Крестьянство Северо-Запада РСФСР накануне сплошной коллективизации № 6
Касьяненко В. И.—Общественная мысль 20-х годов о формировании социалистического быта в СССР № 4
Кизилов Ю. А.—Городской строй России XIV—XV вв. в сравнительно-историческом аспекте № 12
Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.—Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX—начале XX в. № 1
Кораблев Ю. И., Макаров Н. Ф.—Образование СССР и укрепление обороны страны № 12
Кравченко Т. Ф.—Источники и формы пополнения рабочего клас-

са Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток № 3
Красников Н. П.—Социально-политическая позиция православной церкви в 1905—1916 годах № 9
Коновалюк О. И.—Несостоятельность буржуазных концепций русификации и дезинтеграции Советского государства № 11
Кучеренко М. М.—Некоторые проблемы трудовых ресурсов СССР в 70-е годы № 10
Лихолат А. В.—Создание и развитие Союза ССР — торжество ленинской национальной политики № 11
Ложкин В. В.—Обследование ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» положения рабочих № 7
Лунгу В. Н.—Установление в Бессарабии оккупационного режима королевской Румынии № 10
Меликишвили Г. А.—Развитие исторической науки в Грузинской ССР № 6
Митрофанова А. В., Остапенко И. П., Рогачевская Л. С.—Итоги и задачи изучения истории фабрик и заводов СССР № 1
Новосельцев А. П.—Некоторые проблемы историографии средневекового Закавказья № 3
Павлов А. С.—Местные Советы в период упрочения и развития социалистического общества (1946—1961 гг.) № 5
Рабкина Н. А.—Исторические взгляды К. Н. Леонтьева № 6
Свердлов М. Б.—Челядь и холопы в Древней Руси № 9
Семенченко Г. В.—Кредиторы удельных князей Московского дома в конце XV—начале XVI века № 11
Сенявский А. С.—Союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции — социальная основа СССР № 8
Сивохина Т. А.—Советская историография о рабочем классе СССР периода зрелого социализма № 2
Сметанин С. И.—Разложение горнозаводского населения и формирование рабочего класса на Урале № 2
Филиппов Р. В.—К оценке программных основ «Земли и воли» 70-х годов XIX века № 5
Хизриев Х. А.—Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке № 4

- Ч а п к е в и ч Е. И.—Революционные связи России и Китая накануне и в период Синхайской революции № 10

Всеобщая история

- А б р а с и м о в П. А.—Социалистический интернационализм в действии № 11
- Б а р г М. А.—Историческое сознание как проблема историографии № 12
- Б у г а е в А. Б.—Разоружение — необходимое условие защиты природной среды № 6
- Б у х а р и н Н. И., Я ж б о р о в с к а я И. С.—Революционно-интернационалистские традиции польского рабочего движения № 10
- В а р л о в С. В.—Англия и проблема ограничения стратегических вооружений № 9
- В и н о г р а д о в В. Н.—Об участии Румынии в первой мировой войне № 8
- В о л к о в а Ю. И., Р о м а н о в с к и й Н. В.—Банкротство концепций буржуазной историографии о национальных отношениях в СССР № 12
- Г о л у б ц о в а Е. С., К о ш е л е н к о Г. А.—История древнего мира и «новые методики» № 8
- Г р и ш и н а Р. П.—Георгий Димитров и борьба коммунистов за мир, против войны и военной опасности № 7
- Г у р е в и ч Н. М.—Социально-экономические предпосылки революции 1978 г. в Афганистане № 7
- Д е м и х о в с к и й М. В.—Современная американская историография о политике США в отношении индейцев № 3
- Ж е л и ц к и Б. И.—Рабочий класс социалистической Венгрии 60—70-х годов № 9
- И в о н и н Ю. Е.—Западная Европа и Османская империя во второй половине XV—XVI в. № 4
- И р х и н Ю. В.—Авангардные революционные партии трудящихся в освободившихся странах № 4
- И с т я г и н Л. Г.—Внешнеполитический курс XXVI съезда КПСС в действии № 6
- К о в а л е в Е. В.—Генезис, эволюция и некоторые характерные черты аграрных отношений в Латинской Америке № 1
- К о ж о к и н Е. М.—К проблеме становления классового сознания французского пролетариата № 1
- К о р ж е в а К. П.—Проблема первохристианства в советской историографии № 1
- Н е м и р о в с к и й А. И.—Теоретические аспекты античной историографии № 2
- Н е р о н о в а В. Д.—Советская историография о сословии и классе рабов № 10
- П о с к о н и н а Л. С.—Бразильская леворадикальная историография о проблемах развития латиноамериканского капитализма № 9
- Р о м а н о в с к и й Н. В.—Ричард Пайпс — профессиональный антисоветчик № 3
- С в а н и д з е И. А.—Аграрная политика колонизаторов в Южной Африке № 5
- С е в о с т ь я н о в И.—США в международных отношениях середины 70-х годов № 5
- С и з о н е н к о А. И.—Советско-латиноамериканские отношения за 60 лет № 11
- Т р а в к и н а Н. М.—Усиление милитаристских настроений в конгрессе США в конце 70-х годов № 8
- У с о в В. Н.—К вопросу об оценке маоистской «культурной революции» № 2
- Х е й ф е ц А. Н., Ш а с т и т к о П. М.—Образование Союза ССР и зарубежный Восток № 11
- Х р у л е в а В. А.—Политика Израиля на оккупированных арабских территориях № 3
- Ш е в я к о в А. А.—Советско-румынские отношения и Николае Ти-тулеску № 5
- Ш е л е с т о в Д. К.—О современной буржуазной исторической демографии № 6

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

- Б. Г. М о г и л ь н и ц к и й — Марксистский и буржуазный историзм № 7

ПУБЛИКАЦИИ

- Из истории экономической взаимопомощи советских республик (1918—1922 гг.). (Вступительная статья и примечания И. Н. Владимирцева и Н. В. Михайловой) № 11

ВОСПОМИНАНИЯ

- В е т р о в А. А.—Непревзойденная «тридцатьчетверка» № 5
- Д о р о д н о в Е. В.—Начало Комсомольска-на-Амуре № 8

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

- Р о д и о н о в В. М.—Русская техника первой половины XIX в. № 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Б е з о т о с н ы й В. М.—Разведка Наполеона в России перед 1812 г. № 10
- Б л а н к А. С.—Три магистра «Черного ордена» № 9

- Деревнина Л. И.—Международные связи ленинградских рабочих в 1920-е годы № 1
- Дякин В. С.—Кризис верхов в России накануне Февральской революции № 3
- Зимин А. А.—В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) № 12
- Знаменский О. Н.—Петроградская интеллигенция в дни Февральской революции № 2
- Иванян Э. А.—Политический террор — неотъемлемая часть американского образа жизни № 3
- Киселева Е. Г.—Речники в боях за Сталинград № 12
- Козлов О. Ф.—Приказ тайных государевых дел № 8
- Курлат Ф. Л., Студников Л. А.—Бригада особого назначения № 9
- Лапшов Б. А., Халевинский И. В.—Становление раннего ислама № 11
- Левандовский А. П.—Арденнская миссия Сен-Жюста № 7
- Мейерович М. Г.—«Правда» на ярославской земле (1912—1914) № 6
- Моисеев В. В.—Гражданская оборона в 1941—1945 годах № 10
- Мухачев Ю. В.—Крах буржуазного реставраторства в СССР № 8
- Назарова Е. Л.—Освободительная борьба ливов в начале XIII века № 1
- Никифоров В. Н.—Идейные предшественники Синьхайской революции № 6
- Никулина Т. С.—Любекское восстание 1408—1416 годов № 5
- Нитобург Э. Л.—Гренада: путь к революции № 12
- Рыбачёнок И. С.—Союз интересов и «союз сердец» № 4
- Сахаров А. Н.—Балканские походы Святослава и дипломатия Древней Руси № 2
- Спирин Н. В.—Первенец социалистической обувной индустрии № 9
- Уральский Ю. С.—Конспирация в деятельности ленинской «Искры» № 4
- Фрейденберг М. М.—Средневековые города Далмации: исторические судьбы № 10
- Чарноцкая Л. П.—Лён в истории № 3
- Чиждова Л. М.—Помощь москвичей социалистическому строительству в национальных республиках № 6
- Шацилло К. Ф.—Либералы и русско-японская война № 7
- 100-летие со дня рождения академика Б. Д. Грекова № 11
- Ильичев Л. Ф., Минц И. И.—70-летие С. П. Трапезникова № 1
- Ким М. П., Ржешевский О. А.—75-летие академика А. М. Самсонова № 12
- Кузьмина Т. Ф., Миллер В. И.—Научная конференция «Интеллигенция и революция. XX век» № 3
- Минц И. И., Шацилло К. Ф.—60-летие П. В. Волобуева № 12
- Мукитанов Н. К., Пан Н. Г.—Конференция к 250-летию вхождения Казахстана в состав России № 4
- Новое пополнение Отделения истории АН СССР № 3
- Овчинников В. Г.—Годичное общее собрание Отделения истории № 9
- Пиотровский Б. Б., Тихвинский С. Л., Нежинский Л. Н.—75-летие академика А. Л. Нарочницкого № 2
- Черкасов Н. С., Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П.—Конференция по методологии, историографии и источниковедению № 10
- Шевеленко А. Я.—Теоретико-методологические проблемы общественного развития № 8
- Шишкин В. А.—Заседание бюро Отделения в Ленинграде № 9

В высшей школе

- Гараевская И. А., Зеленко З. Я., Усачева Р. Ф.—Межвузовская научная конференция № 11
- Голиков А. Г.—Совещание преподавателей источниковедения № 6
- Сийливаск К. К.—350-летие Тартуского университета № 12

Обзоры

- Зевелева Е. А., Кулешов С. В.—История образования СССР в советской литературе последнего десятилетия № 11
- Литвин А. Л.—Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России № 1
- Маньковская Г. Л.—История Албании в работах советских авторов № 12
- Попов И. А.—О контактах В. И. Ленина с деятелями американской культуры № 3
- Сарбей В. Г.—К изучению материалов по истории в дооктябрьской «Правде» № 5
- Соболев Г. Л.—Важное направление в историографии Великого Октября № 8
- Штейн В. А.—Труды по истории в издательстве «Международные отношения» № 10

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории
и Научных советах АН СССР

- Горская Н. А.—Памяти академика Б. Д. Грекова № 4

Рецензии

- Александров В. А. — В. С. Мясников. Империя Цин и Русское государство в XVII веке № 5
- Алуф И. А. — С. В. Тютюкин. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. № 12
- Анастасов А. Г., Козлова Г. А. — Стачечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема. 1910 — март 1912. Хроника событий № 8
- Аннанесов М. А. — А. Р. Реджепов. От феодальной раздробленности — к социалистической государственности (Партийное руководство строительством туркменской советской национальной государственности в 1917—1937 гг.) № 7
- Антонюк Д. И. — Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. — февраль 1918 г. Чч. 1—2 № 11
- Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. — Массовые источники по социально-экономической истории советского общества № 3
- Бажова А. П., Хевролина В. М. — И. В. Чуркина. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия № 2
- Бекаревич А. Д., Бородаев Б. А. — Очерки истории Кубы № 5
- Беловолов Ю. Г. — Советско-кубинские отношения 1917—1977 № 3
- Березный Л. А. — А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (проблемы стратегии и тактики) № 7
- Бессмертный Ю. Л. — К. В. Хвостова. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории № 7
- Блинов Н. В. — А. В. Ушаков. Борьба за единство рабочего класса России (Деятельность В. И. Ленина и большевиков по сплочению пролетариата) № 4
- Борисов Ю. В. — Л. С. Чиколини. Социальная утопия в Италии XVI — начала XVII в. № 3
- Борисов Ю. С. — Л. М. Зак. История изучения советской культуры. № 4
- Брагина Е. А., Смирнов А. Г. — Г. К. Широков. Промышленная революция в странах Востока № 9
- Вагнер Г. К. — Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. № 8
- Гаврилов Ю. Н. — История Кампучии. Краткий очерк № 12
- Галкин А. А. — М. А. Чешков. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран № 8
- Гапоненко Л. С. — П. А. Николаев. На Псковские позиции, на защиту Петрограда! № 2
- История рабочих Донбасса № 9
- Гафурова К. А. — Г. Н. Топузу. Помощь братских союзных республик сельскому хозяйству Молдавской ССР (1940—1958 гг.) № 5
- Голуб П. А. — Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции № 10
- Городецкий Е. Н. — А. К. Бирон. М. Ф. Бирон. Становление советской историографии Латвии. 20-е и 30-е годы XX века № 12
- Гошуляк И. Л. — Г. Л. Никольников. Брестский мир и Украина № 12
- Гриднев В. М. — А. А. Аникеев. Германский фашизм и крестьянство (1933—1945 гг.) № 6
- Гроссман А. С. — СССР — ГДР. 30 лет отношений. 1949—1979. Документы и материалы № 5
- Гроссман Ю. М. — Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник; Общество и государство на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник № 12
- Гусев К. В. — Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои № 8
- Демин А. С. — Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности № 8
- Десятков С. Г. — В. П. Чугаев. В борьбе против фашизма и угрозы войны. Из истории интернациональной солидарности трудящихся Польши и Западной Украины в борьбе против наступления фашизма и роста военной опасности. 1933—1939 № 4
- Дмитриев С. С. — История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917—1967 гг. Библиография № 1
- Дорофеев В. И. — Первенец советского тракторостроения. История Волгоградского двух орденов Ленина, орденов Отечественной войны I степени и Трудового Красного Знамени тракторного завода имени Ф. Э. Дзержинского № 7
- Достян И. С., Нерсесов Г. А. — Итоги и задачи изучения внешней политики России № 9
- Доценко Р. И. — История Ирландии № 2
- Дробижев В. З. — От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. Т. 1. Победа социалистической революции. Начало переходного периода. 1917—1927 гг. Т. 2. Газвернутое строительство социализма в СССР. 1928—1937 гг. № 5
- Дубровский А. М. — Восстание 1662 г. в Москве; Восстание в

- Москве 1682 года; Восстание московских стрельцов. 1698 год. (Материалы следственного дела). Сборники документов № 5
- Ерещенко М. Д. — С. А. Мадиевский. Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. Монархия, парламент, правительство № 9
- Жарков П. М. — В. К. Киселев. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944 № 1
- Зевелев А. И. — А. И. Алаторцева. Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг. № 12
- Зевелева Е. А., Кулешов С. В. — Ф. Х. Касымов. Минувя капитализм. Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму № 6
- Ионенко И. М. — В. Д. Поликарпов. Начальный этап гражданской войны (История изучения) № 6
- Кабытов П. С. — Г. А. Герасименко, В. П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья) № 1
- Карасев В. Г., Билунов Б. Н. — Л. Воробьев. Любен Каравелов № 10
- Каримов З. В. — История Уфы № 9
- Какх Ю. Ю. — Б. Н. Миронов. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. № 11
- Кертман Л. Е. — Великобритания № 8
- Кизиллов Ю. А. — В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование) № 8
- Кислова А. А. — Б. Д. Козенко. «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США (1914—1917) № 3
- Кобылянский К. В., Григорьев В. Р. — В. Е. Невлер (Вилин). Даниэле Манин и Венецианская республика 1848—1849 гг. № 2
- Козенко Б. Д. — В. О. Печатнов. Демократическая партия США: избиратели и политика № 5
- Ковальский Н. А. — М. Я. Домнич, В. Г. Рупец. Христианский синдикализм. 1945—1980 годы № 11
- Ковальченко И. Д. — Е. И. Дружинина. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860 гг. № 7
- Кораблев Ю. И. — Ф. Рыженко. Декабрь 1905 № 3
- Корелин А. П. — Ю. Н. Нетесин. Промышленный капитал Латвии (1860—1917 гг.). К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции № 7
- Котлярская Л. А. — Справочник научного работника. Архивы, документы, исследователь № 3
- Краснов Ю. К. — М. Д. Карпачев. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы № 2
- Кривогуз И. М. — Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том четвертый — Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917—1923) № 8
- Крикунов В. П., Рамазанов Х. Х., Широкова В. В. — В. Т. Анисков. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. Историографический очерк № 1
- Кудрявцев М. К. — Л. С. Семенов. Путешествие Афанасия Никитина № 6
- Лебедев Л. К. — А. Бланк. Немецкие военнопленные в СССР № 4
- Левыкин К. Г. — Победа колхозного строя в Белорусской ССР № 11
- Литвак Б. Г. — А. Т. Топчий. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899 гг.). № 1
- Лубский А. В., Пронштейн А. П. — Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма № 3
- Мавродин В. В., Дегтярев А. Я., Дубов И. В. — А. Н. Кирпичников. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы № 7
- Медушевская О. М. — Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. Методологические проблемы исторического познания № 12
- Миронов Б. Н. — Х. Палли. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650—1799) № 1
- Моисеева Г. Н. — Н. А. Казакова. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Из истории международных культурных связей России № 2
- Молодцыгин М. А., Нерсисян П. С. — П. А. Селиванов. Военная деятельность Советов Белоруссии. 1917—1920 гг. № 7
- Некрасов Г. А. — А. А. Сванидзе. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII—XV вв. № 6
- Немировский А. И. — Н. Ю. Ломоури. К истории Понтийского царства. Ч. I № 4
- Никифоров В. Н. — Проблемы генезиса капитализма. Сборник статей. К VII Международному конгрессу экономической истории в Эдинбурге, 1978; Проблемы генезиса капитализма. Сборник статей № 4
- Николаева Т. В. — Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII в. № 4
- Петров М. Н. — М. П. Ирошников. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. И. Ульянов (Ленин). Очерки государственной

- деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. № 10
- Петров Ф. П. — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4 . . . № 11
- Погосян В. А. — Г. С. Черткова. Грахх Бабеф во время термидорианской реакции № 8
- Поздеева Л. В. — В. Я. Сиполс. Внешняя политика Советского Союза 1933—1935 гг. № 2
- Польский М. П. — А. С. Амириханова-Кулиш, З. Г. Зульпукаров. Помощь Красной Армии в социалистическом строительстве в Азербайджане № 6
- Рахматуллин М. А. — Н. И. Павленко. Александр Данилович Меншиков № 10
- Ржешевский О. А. — А. М. Самсонов. Поражение вермахта под Москвой № 7
- Рутенбург В. И. — Из литературного наследия академика Е. В. Тарле № 10
- Семанов С. Н. — В. И. Петров. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году № 2
- Семейко Л. С. — В. С. Емельянов. Проблемы нераспространения ядерного оружия № 2
- Сенчаков А. Г., Табачников Б. Я. — Четвертый конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта . . . № 10
- Сиполс В. Я., Челышев И. А. — П. П. Севостьянов. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. № 6
- Сироткин В. Г. — Г. М. Ратиани. Франция: судьба двух республик № 12
- Смольников А. С. — В. Яргульян. В борьбе за войско революции. Борьба большевиков Дона и Северного Кавказа за создание вооруженных сил революции (март 1917 — апрель 1918 г.) . . . № 10
- Соколов А. А. — Советско-мексиканские отношения (1917 — 1980) № 7
- Спирин Л. М. — Е. Н. Городецкий. Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов № 9
- Стецкевич С. М., Якубский В. А. — Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г.; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма № 11
- Терехов А. Б. — Г. Д. Геворгян. Профсоюзы США и внешняя политика. Очерки борьбы по проблемам советско-американских отношений и разрядки международной напряженности № 1
- Уманский П. Б. — Н. В. Сивачев, Е. Ф. Языков. Новейшая история США № 6
- Устинов В. М. — А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах № 8
- Федоровский Н. Г. — Н. В. Емельянова. Англия и Парижская Коммуна № 7
- Фирсов Ф. И. — М. А. Бирман. Формирование и развитие болгарского пролетариата 1878—1923 гг. . . . № 1
- Хенкин С. М. — А. Ф. Шульговский. Армия и политика в Латинской Америке № 4
- Чернобаев А. А. — Д. В. Залужная. Транссибирская магистраль: ее прошлое и настоящее. Исторический очерк № 6
- Чудодеев Ю. В. — В. Н. Никифоров. Первые китайские революционеры № 3
- Шевеленко А. Я. — С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник № 3
- Шевырин В. М. — Города Подмосковья № 9
- Шилов В. С. — П. П. Черкасов. Агония империи. Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период алжирской войны 1954—1962 гг. № 10
- Ягья В. С. — Г. В. Цыпкин. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации (вторая половина XIX — начало XX в.) . . . № 5
- Языкова А. А. — Е. Е. Чертан. Великие державы и формирование Румынского независимого государства № 8
- Яковлев Н. Н. — А. С. Маныкин. История двухпартийной системы США (1789 — 1980) № 8
- Ярошевский М. Г. — А. Брагин. В поисках сокровенного № 12
- Ястребицкая А. Л. — Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. № 9
- Новые книги №№ 1—12
- Статьи в советских периодических изданиях №№ 1—12
- Гиголашвили Е. Г. — Симпозиум по проблемам истории эллинизма № 11
- Демешина Е. И., Пушкарева И. М. — Научное совещание в Минске № 2
- Дмитриев В. — 25-летие журнала «Новая и новейшая история» . . . № 10
- Леньков В. Д. — Раскопки на острове Беринга № 2
- Новиков М. Н. — Конференция читателей журнала № 7
- От редакции № 8

- Санчук Г. Э. — Чтения, посвященные памяти академика В. И. Пичеты № 5
- Сванидзе А. А., Чернышева О. В. — Проблемы истории на конференции скандинавистов № 9
- Соколов А. К. — О методах изучения современной истории советского рабочего класса № 5
- Хотеев П. И. — 2-я Всесоюзная научная конференция по истории старинной книги № 1
- Шкода В. Г. — Конференция памяти Н. П. Лихачева № 9
- Якобсон Ю. А. — Конференция по истории рабочего класса № 10
- Хроникальные заметки №№ 1—12

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

- Бибииков М. В. — XVI Международный конгресс византистов № 3
- Бугай Н. Ф. — Советские историки в гостях у вьетнамских ученых № 4
- Горская Н. А., Каштанов С. М., Сванидзе А. А., Юргинис Ю. М. — XIII неделя экономической истории в Прато № 10
- Гроссман А. С. — XXX конференция Комиссии историков СССР и ГДР № 1
- Ерофеев Н. А. — Советско-английский коллоквиум № 9
- Какх Ю. Ю. — Конференция по проблемам истории Прибалтики и некоторые тенденции развития исторической науки в Швеции № 1
- Романов В. Е. — Сессия комиссии историков СССР и СФРЮ № 2
- Семенова Л. Е. — Конференция советских и румынских историков № 5
- Филитов А. М. — Симпозиум по истории второй мировой войны № 4
- Чистозвонов А. Н. — Коллоквиум историков-медиевистов СССР и ГДР № 5
- Щапов Я. Н. — Международный семинар «От Рима к «Третьему Риму» № 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

- Куббель Л. Е. — Международное издание по истории Африки № 9
- Кудрявцева Н. И. — Документы германской истории эпохи империализма № 2
- Пашуто В. Т. — Средневековая Русь в журнале «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» № 4
- Родович Ю. В. — Документы о сотрудничестве КПСС и СЕПГ № 6
- Сивачев Н. В. — На 96-м съезде Американской исторической ассоциации № 5

- Шацилло В. К. — Проблемы истории негров США в журнале «The Crisis» № 11
- Шишкина Л. В. — Участие зарубежных интернационалистов в защите завоеваний Октября в освещении англо-американской буржуазной историографии № 3

Рецензии

- Болховитинов Н. Н. — Дэвид П. Сатмари. Восстание Шейса: Становление аграрного бунта № 8
- Вандалковская М. Г., Пушкарёва И. М., Хорошкевич А. Л. — Классовая борьба и революционное движение в истории России. От начала до Октябрьской революции № 5
- Виноградов К. Б. — И. Галантай. Австро-Венгерская монархия и мировая война № 7
- Возгрин В. Е. — С. О. Кристенсен. История России в XVII в. Обзор исследований и источников № 6
- Гришина Р. П. — Д. Братанов. Стремления и борьба № 12
- Дробижев В. З. — Российская империя и Советский Союз. Справочник по рукописным и архивным материалам в США № 12
- Иваненко В. В. — С. Штригниц. Немецкие интернационалисты в Советской России 1917—1918. Пролетарская солидарность в борьбе за власть Советов № 4
- Кантор Р. Е. — Г. Зинн. Народная история Соединенных Штатов Америки № 12
- Коккошин А. А. — Ф. Берч. Элиты в американской истории (От «нового курса» до администрации Картера) № 4
- Кошелев В. С. — М. Роббе. Быть ли миру на Ближнем Востоке? Национально-освободительная борьба арабов и Израиль № 2
- Кудрина Ю. В. — П. Сундбёль. Политика Дании в отношении Исландии 1913—1918 № 6
- Лаптева Л. П. — Иржи Слевачек. Карл IV. Жизнь и деятельность (1316—1378) № 10
- Массон В. М. — Эзеро. Поселение эпохи ранней бронзы № 1
- К. К. Ламберг-Карловский, И. А. Саблофф. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика № 11
- Мельцер Д. Б. — Г. Чернявский, Д. Мичев. Советская общественность и революционное движение в Болгарии. 1923—1944 № 3
- Позолотин М. Е. — З. Златев, Б. Матеев, В. Мигев. Болгария в эпоху социализма № 9
- Поршаков С. А. — Э. Смит. Френсис Престон Блэр № 7
- Соболева Н. А. — Йозеф Хусар. Революционные символы № 3
- Фомин В. Т. — Дж. Уоддис. Армия и политика № 1

- Червонная С. А.—Мексиканские рабочие в США. Исторические и политические перспективы . . . № 2
- Чистозвонов А. Н.—Ф. Ирзиглер. Экономическое положение города Кёльна в XIV и XV веках . . . № 8
- Швейцер В. Я.—А. Пелинка. Социал-демократия в Европе. Власть без принципов или принципы без власти? . . . № 5

По страницам зарубежных журналов

Заметки о статьях

- Аппатов С. И.—Гарвардский профессор о советско-американских отношениях . . . № 1
- Бауман Г. Г.—Воспоминания участника рабочего движения Нидерландов в 1914—1924 гг. . . № 1
- Виноградов К. Б.—Снова Кюльман . . . № 2
- Грачева Л. В.—Призыв к возврату на позиции консерватизма . . . № 7
- Ерин М. Е.—Западногерманские историки о Генрихе Брюнинге . . . № 2
- Ивонин Ю. Е.—Причины крестьянской войны 1525 г. в Тюрингии . . . № 10
- Капитанова Н. К.—Национальный вопрос в Корнуолле . . . № 7
- Керов В. Л.—Споры о характере фландрского восстания 1323—1328 гг. . . № 7
- Крылов Л. С.—Англо-советские переговоры в 1919—1920 гг. . . № 7
- Лабутина Т. Л.—Лондонское королевское общество в период реставрации . . . № 7
- Лапицкий М. И.—Состояние и перспективы «новой рабочей истории» . . . № 10
- Малеваный А. М.—Находка строительного чертежа пирамиды . . . № 2
- Пасков С. С.—Литература против истории? . . . № 1
- Сапожников Б. Г.—Японская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1917—1922 годах . . . № 10
- Соболева Н. А.—Чехословацкий ученый о предпосылках Великого Октября . . . № 10
- Совастеев В. В.—Внешняя политика накануне революции Мэй-дзи . . . № 7
- Согрин В. В.—Была ли гражданская война в США социальной революцией? . . . № 1
- Филатова Н. В.—Историзм и советология . . . № 1
- Чемерисская М. И.—Новая апология басмачества . . . № 10
- Янчук И. И.—Дискуссия о причинах зависимого положения стран Латинской Америки . . . № 2
- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах №№ 1—12
- Рецензии на советские издания №№ 1—12
- Коротко о книгах №№ 2, 4, 6, 8, 10, 12
- Хроникальные заметки №№ 1, 3, 5, 7, 9, 11

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

- Альтман М. М.—Публикации «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина и царская цензура . . . № 4
- Захарова Л. Ф.—К последствиям секуляризации церковных земель в России . . . № 12
- Пашуто В. Т.—По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» . . . № 9
- Перковский А. Л.—Новые данные о населении Киева в середине XVIII в. . . № 6
- Поляков Ю. А.—О понятии «тыл» в Великой Отечественной войне . . . № 5
- Старцев А. И.—Надежда Турчанинова и Авраам Линкольн . . . № 10
- Сушко В. Т.—Петербургское студенчество на рубеже XIX—XX веков . . . № 12
- Хакимбаев А. А.—Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Синьцзян . . . № 10
- Чашина Л. Ф.—Русская старообрядческая эмиграция в Австрии и революция 1848 года . . . № 8

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

- Александров Ю. Н.—Первые путеводители по Москве (XVIII в.) . . . № 10
- Болховитинов Н. Н.—Сэйлемская ведьма . . . № 10
- Валькович А. М.—Полевое управление русской армии в 1812 году . . . № 11
- Виноградов В. Б., Голованова С. А.—Страница русско-кавказских отношений XII века . . . № 7
- Горелов О. И.—Московское центральное бюро профессиональных союзов в 1905—1907 гг. . . № 10
- Доброва Е. А.—Английская периодика первой половины XVIII в. . . № 7
- Ильин Г. В.—Трудящиеся Подмосковья в битве за Москву . . . № 1
- Ильинская Л. С.—Девкалионов потоп . . . № 1
- Ионкина Т. Д.—Делегатки I Всесоюзного съезда Советов . . . № 9
- Кодан С. В.—Амнистия декабристам (1856 г.) . . . № 4
- Колыхалова Т. Ф.—Эхо ленских событий в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке . . . № 8
- Костина И. Д.—Царь-колокол и его создатели . . . № 5
- Кошелева О. Е.—Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) . . . № 12
- Кукреш Л. И.—У истоков БССР . . . № 12
- Ларкина В. И.—Делегат I съезда Советов СССР . . . № 11
- Львунин Ю. А.—Георгий Димитров в СССР (20-е годы) . . . № 6
- Македонская Е. И.—Собрание русских древностей П. Ф. Карабанова . . . № 1

Минаков С. Т.—Мятеж Рейнской армии (1648—1649 гг.)	№ 9	Ульянова С. И.—ЭНА	№ 3
Молева Н. М.—Первые русские живописцы-профессионалы (XVII в.)	№ 3	Черняк А. Я.—Книга с предисловием В. И. Ленина	№ 4
Новиков А. Н.—Беседы Калиныча	№ 3	Шавкунов Э. В.—Шайгинская пайцза	№ 8
Охлопков В. Е.—Иван Радченко в якутской ссылке	№ 2	Широква В. В.—Газета «Самоуправление»	№ 11
Петросян А. А.—Девятидневная правительница Англии	№ 4	Шейнбаум Л. С.—У истоков Фолклендского (Мальвинского) конфликта	№ 6
Попова С. Н.—История зеркал	№ 5	Сведения об авторах	№№ 1—12
Пудовкин Н. В.—Восстание на Симском заводе в 1905 г.	№ 7	Резюме статей на английском языке	№№ 1—12
Розенталь И. С.—Первые годовщины «Правды»	№ 5		
<u>Свешников Н. А.</u> —Курская магнитная аномалия в первые годы Советской власти	№ 2		
Стучевский И. А.—Дипломатический казус XIV в. до н. э.	№ 12		
Уколова В. И.—Флавий Кассиодор	№ 2		

Некрологи

<u>Белов Михаил Иванович</u>	№ 1
<u>Окладников Алексей Павлович</u>	№ 3

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кораблев Юрий Иванович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, заместитель председателя Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР. Автор ряда монографий, в том числе «В. И. Ленин и создание Красной Армии», «Вопросы укрепления обороноспособности страны и военного строительства в деятельности Коммунистической партии и Советского государства. 1921—1941», соавтор и редактор ряда обобщающих трудов.

Макаров Николай Федорович — кандидат исторических наук, доцент Высшего военно-инженерного училища. Специализируется по истории Вооруженных Сил СССР, автор публикаций по этой тематике.

Кизилев Юрий Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Ульяновского пединститута имени И. Н. Ульянова. Специализируется в области истории России феодального периода, автор статей по этой проблематике.

Волкова Юлия Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Московского технологического института мясной и молочной промышленности. Автор брошюр и статей по вопросам национальной политики КПСС, борьбы с национализмом.

Романовский Николай Валентинович — доктор исторических наук, и. о. профессора кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор книг и статей по проблемам критики буржуазной историографии истории СССР и КПСС.

Барг Михаил Абрамович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Автор работ по аграрной истории Англии, историографии и методологии истории. Среди них: монографии: «Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв.», «Народные низы в Английской революции XVII в.», «Проблемы социальной истории» и др.

Киселева Евгения Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории КПСС Горьковского пединститута. Специализируется по истории КПСС (советский период). Автор книг «Во имя победы. Организаторская и идейно-политическая работа Коммунистической партии среди тружеников речного транспорта СССР в годы Великой Отечественной войны», «Речники Волги — фронту».

Нитобург Эдуард Львович — доктор исторических наук, зам. заведующего сектором Института этнографии АН СССР, специалист по истории и этнографии Америки. Автор монографий «Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939 гг.», «Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе», «Черные гетто Америки», «Негры США», «Сальвадор» и др.

SUMMARIES OF ARTICLES

Yu. I. KORABLEV, N. F. MAKAROV. The Formation of the USSR and Strengthening the Country's Defence Potential.

Soviet defence capability is in the centre of the authors' attention. The centralisation of military command, more effective utilisation of material and human resources with the aim of strengthening defence of the Soviet republics was the result of the formation of the USSR. The state unification of the republics made the USSR a mighty power capable of repulsing aggression of international imperialism.

Yu. A. KIZILOV. Comparative-Historical Aspects of the Urban System in 14th-15-Century Russia.

The author takes as his subject the interaction of economic and political factors whose impact on the life of a mediaeval town in different European countries was different in spite of the unified major trend of urban development. Political factors tended to strengthen the town as a centre of feudal power while the growth of handicrafts and trade in the Russian towns led to the emergence of new forms of property and corporations similar to the analogous institutions in other countries.

Yu. I. VOLKOVA, N. V. ROMANOVSKY. The Bankruptcy of Bourgeois Historiographic Conceptions of the National Relations in the USSR.

The authors subject to argumented criticism contemporary bourgeois literature on the history of the emergence and development of the Soviet multinational state, they expose the Sovietological tendencies in the treatment of the history of the socialist revolution in the non-Russian regions of the Russian Empire, of the processes which have led to the formation of the USSR and of the national relations in our country at the present stage.

M. A. BARG. Historical Awareness as a Historiographic Problem.

The author presents two understandings of the concept "historical awareness": a broad one, i. e., as a characterisation of the culture of the given epoch and a narrow, specialised one, i. e., as a sphere of transformation of the dominating world-view into an axiological system of the historian. In the first case the type of historism is analysed within a cultural context, while in the second—the historian discloses the degree to which the worldview situation influences the formation of the type of historical thinking.

CONTENTS

"Problems of History", No. 12, 1982

Articles: Yu. I. Korablev, N. F. Makarov. The Formation of the USSR and Strengthening the Country's Defence Potential; Yu. A. Kizilov. Comparative-Historical Aspects of the Urban System in 14th-15th-Century Russia; Yu. I. Volkova, N. V. Romanovsky. The Bankruptcy of Bourgeois Historiographic Conceptions of the National Relations in the USSR; M. A. Barg. Historical Awareness as a Historiographic Problem. *Historical Essays:* E. G. Kiseleva. River Fleet in the Battle of Stalingrad; **A. A. Zimin.** The Struggle for Moscow (Second Quarter of the 15th Century); E. L. Nitoburg. Grenada: Road to the Revolution. *Historical Science in the USSR and Abroad. Surveys.* G. L. Mankovskaya. Soviet Historiography on Albanian History; K. K. Sillivask, **Corresponding Member of the Estonian Academy of Sciences.** Tartu University is 350 Years Old. **Book Reviews:** A. K. Biron, M. F. Biron. The Development of Soviet Historiography of Latvia. The 1920s and 1930s; A. I. Alatortseva, *Istorik-Marksist Journal* in 1926-1941; G. L. Nikolnikov, The Brest Peace and the Ukraine; S. V. Tyutyukin. The First Russian Revolution and G. V. Plekhanov. From the History of the Struggle of Ideas in the Russian Labour Movement in 1905-1907; A. Bragin. In Search of the Concealed; G. M. Ratiani. France: the Fate of Two Republics; G. M. Ivanov, A. M. Korshunov, Yu. V. Petrov. Methodological Problems of Historical Cognition; An Outline History of Kampuchea; The Economy and Society in the Balkans in the Middle Ages. A Thematic Collection of Some Institutes of Higher Education; The State and Society in the Balkans in the Middle Ages. A Thematic Collection of Some Institutes of Higher Education; The Russian Empire and the Soviet Union. A Reference Book of Manuscripts and Archival Materials in the USA; D. Bratanov. The Striving and the Struggle (Sofia); H. Zinn. A Peoples' History of the United States (New York). *Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and Foreign Journals. New Books in the USSR and Abroad. Contents of the Problems of History Journal for 1982.*

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », n° 12, 1982

Articles: You. I. Korablev, N. F. Makarov. La formation de l'U.R.S.S. et la consolidation de la puissance défensive du pays; You. A. Kizilov. Le régime citadin de la Russie des XIV-XVes siècles vu dans l'optique historico-comparative; You. E. Volkova, N. V. Romanovski. La faillite des conceptions de l'historiographie bourgeoise relatives aux rapports entre nationalités en U.R.S.S. M. A. Barg. La conscience historique en tant que problème de l'historiographie. *Aperçus historiques:* E. G. Kisséleva. Les marins dans les combats pour Stalingrad; **A. A. Zimine.** Dans la lutte pour Moscou (deuxième quart du XVe siècle); E. L. Nitobourg. Grenade: la voie vers la révolution. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. *Revue:* G. L. Mankovskaïa. L'histoire d'Albanie dans les ouvrages d'auteurs soviétiques; K. K. Sylivask, **membre correspondant de l'Académie des Sciences de la R.S.S. d'Estonie.** Le 350e anniversaire de l'Université de Tartu. *Comptes rendus des livres:* A. K. Biron, M. F. Biron. La gestation de l'historiographie soviétique de Lettonie. Les années 20 et 30 du XXe siècle; A. I. Alatortséva. La revue « Istorik-marxist ». 1926-1941; G. L. Nikolnikov. La paix de Brest-Litovsk et l'Ukraine; S. V. Tioutioukine. La première révolution russe et G. V. Plékhanov. De l'histoire de la lutte d'idées dans le mouvement ouvrier de Russie en 1905-1907; A. Braguine. A la recherche du secret; G. M. Ratiani. La France: le destin de deux républiques; G. M. Ivanov, A. M. Korchounov, You. V. Petrov. Les problèmes méthodologiques de la connaissance historique; L'histoire de Kampuchéa. Bref aperçu; L'économie et la société sur les Balkans au moyen âge. Le recueil thématique entre-universitaire; La société et l'Etat sur les Balkans au moyen âge. Le recueil thématique entre-universitaire; L'empire de Russie et l'Union Soviétique. Répertoire des matériaux d'archives et de manuscrits aux Etats-Unis; D. Bratanov. La volonté et la lutte (Sofia); H. Zinn. L'histoire populaire des Etats-Unis d'Amérique. (New York). *Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger. Index alphabétique des matériaux publiés dans la revue en 1982.*

SUMARIO

revista «Cuestiones de historia», N° 12, 1982

Artículos. Yu. I. Korabliov, N. F. Makárov. La formación de la URSS y el fortalecimiento de la defensa del país; Yu. A. Kizílov. El régimen urbano de Rusia en los siglos XIV y XV en el aspecto histórico comparado; Yu. E. Vólkova, N. V. Romanovski. Frustración de las concepciones de la historiografía burguesa sobre las relaciones nacionales en la URSS; M. A. Barg. Conciencia histórica como problema de la historiografía. **Ensayos históricos:** E. G. Kiseliova. Trabajadores del transporte fluvial en combates por Stalingrado; A. A. Zimín. En lucha por Moscú (segundo cuarto del siglo XV); E. L. Niloburg. Granada: camino de la revolución. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior. **Resúmenes.** G. L. Mankovskaia. La historia de Albania en los trabajos de autores soviéticos. K. K. Siilivask, miembro correspondiente de la AC de la RSS de Estonia. El 350 aniversario de la Universidad de Tartu. **Reseñas de libros:** A. K. Birón, M. F. Birón. Proceso de formación de la historiografía soviética de Letonia. Los años 20 y 30 del siglo XX; A. I. Alátorlseva. La revista «Historiador marxista». 1926-1941; G. L. Nikólnikov. La paz de Brest y Ucrania; S. V. Tiutiukín. La primera revolución rusa y G. V. Plejánov. De la historia de la lucha ideológica en el movimiento obrero de Rusia en 1905-1907; A. Braguin. En busca de lo recóndito; G. M. Ratiani. Francia: el destino de dos repúblicas; G. M. Ivanov, A. M. Kórshunov, Yu. V. Petrov. Problemas metodológicos del conocimiento histórico; Historia de Kampuchea. Breve ensayo; Economía y sociedad en los Balcanes en la Edad Media. Recopilación temática intercentros decentes superiores; La sociedad y el Estado en los Balcanes en la Edad Media. Recopilación temática intercentros docentes superiores; El Imperio ruso y la Unión Soviética; Guía de materiales manuscritos y de archivo en EE.UU.; D. Bratanov. Aspiración y lucha (Sofía); H. Zinn. A Peoples History of the United States. New York. Apuntes científicos. Hechos, acontecimientos, personas. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior. Índice alfabético de los materiales publicados en la revista en 1982.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор **З. П. Кузнецова.**

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер, 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 02.11.82. Подписано к печати 30.11.82. А 07562. Формат 70 × 108^{1/16}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 1680. Учетно-изд. л. 19,37. Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 20 000 экз. Изд. № 2994. Заказ № 3418.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

АНГЕЛОВ Д. Образуване на българската народност. Ред. Валентин Радев. 2-о прераб. и доп. изд. София. Наука и изкуство. 1981. 432 с.

БЕШЕВЛИЕВ В. Прабългарски епиграфски паметници. София. Изд-во на Отечественя фронт. 1981. 180 с.

Българското възраждане и Русия. Редакция: Д. Косев, (НРБ) и др., В. Д. Конобеев (СССР). София. Наука и изкуство. 1981. 595 с.

ВАНЧЕВ И. Апостоли на българската свобода: Паисий Хилендарски, Васил Левски, Гоце Делчев. София. Нар. младеж. 1981. 102 с.

КАРАСИМЕОНОВ Г. Революцията в Португалия. (Демократичната революция в Португалии и нейното ист. значение). София. Наука и изкуство. 1981. 197 с.

Пространни жития на светите братя Кирил и Методий. Прев. и комент. Христо Кодов. София. Синодално изд-во. 1981. 100 с.

Социалистическата демокрация, правата на човека и идеологическата борба на съвременния етап. Материали от научно-практическата конф., посветена на 110-годишнината от рождението на В. И. Ленин, проведена на 23 апр. 1980 г. Редакция Борис Спасов — гл. ред. и др. София. Изд-во на Отечественя фронт. 1981. 206 с.

ЧОЛОВ П. Български историци. Биогр. — библиогр. справочник. София. Наука и изкуство. 1981. 527 с.

NÉMETH J. A műszaki értelmiség a felszabadulás után (1945-1948). Budapest. Akad. kiadó. 1982. 207. old.

PÉCSI A. Magyarok a franciaországi forradalmi munkásmozgalomban, 1920-1945. Budapest. Kossuth. 1982. 321. old.

RACZ L. Viharok sodrában. 2-ik, bőv. kiad. Budapest. Kossuth. 1982. 281. old.

1919. Na ceste svetovej socialistickej revolúcie. Maďarská rep. rád. Sloven. rep. rád. Výbr., zost. a štúdie napísali Sándor Györfi (Maď. rep. rád. a Intervencia medzinár. imperializmu) a Pavol Kanis (Sloven. rep. rád). Budapešť. Europa; Bratislava. Tatran. 1981. 189. s.

Dokumente der Nichtpaktgebundenen. Hauptdok. der I. bis 6. Gipfelkonferenz der nichtpaktgebundenen Staaten, 1961—1979. Ausgew. u. eingel. von Renate Wünsche. Hrsg. Inst. für Intern. Beziehungen, Potsdam—Babelsberg. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1981. 294 S.

... einer neuen Zeit Beginn. Erinnerungen an die Anfänge unserer Kulturrevolution, 1945—1949. Hrsg. vom Inst. für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED und vom Kulturbund der DDR. Red.-Kollegium: Heinrich Gemkow (Leiter) et al. Berlin, Weimar. Aufbau-Verl. 1980. 597 S.

HABEDANK H. Die Reichsbank in der Weimarer Republik. Zur Rolle der Zentralbank in der Politik des dt. Imperialismus, 1919—1933. Berlin. Akademie-Verl. 1981. 257 S.

Kulturelle Errungenschaften sozialistischer Länder. Materialien der Multilateralen Kommiss. sozial. Länder für Probleme der Kulturtheorie, der Lit.- u. Kunstwiss. Vorsitzender: Hans Koch. Hrsg. vom Ins^t für Marxistisch-Leninistische Kultur- u. Kunstwiss. der Akad. für Gesellschaftswiss. beim ZK der SED. Berlin. Dietz. 1981. 383 S.

Mesolithikum in Europa. 2. Intern. Symposium Potsdam, 3. bis 8. Apr. 1978. Ber. Hrsg. von Bernhard Gramsch. Berlin. Dt. Verl. der Wiss. 1981. 472 S.

Opposition in der Paulskirche. Reden, Briefe u. Ber. kleinbürgerlich-dem. Parlamentarier, 1848/49. Hrsg. u. eingel. von Gunther Hildenbrandt. Berlin. Akademie-Verl. 1981. XLIV, 400 S.

SZEPONIK H. Ho Chi Minh. Ein Leben für Vietnam. Biogr. von Horst Szepontik. Berlin. Neues Leben. 1981. 286 S.

МАХА-ын ХҮП — ХУШ их хурлын хоронд. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1981. 139 х.

IONESCU C. Corespondent in Orientul Mijlociu. București. Politică. 1981. 280 p.

DOLEŽAL J. Revoluční cestou. Formování revolučního hnutí a založení KSČ ve východních Čechách (1918-1921). Hradec Králové. Kruh. 1981. 147 s.

KADNAR E. L'udovit Kukorelli. Bratislava. Pravda. 1981. 219 s.

KUCERA M. Pater patriae. Zo starých českých a slovenských dejin. Bratislava. Tatran. 1981. 275. s.

ZELENAK. S. Bulharsko na prahu socializmu (1944-1948). Bratislava. Pravda. 1981. 291 s.

KALEZIC P. U žičanom krugu. Sarajevo. Svjetlost. Oslobođenje. 1980. 217 s.

ODIC S. Desani na Drvar maja 1944. Drvarska operacija. Beograd. Vojnoistorijski inst. 1981. 314 s.

Kultur des Islam. Ref. einer Vortragsr. an der Österr. Nationalbibl., 16—18. Juni. 1980. Hrsg. von Otto Mazal. Wien. Österr. Nationalbibl. 1981. 214 S.

BARTIER J. Laïcité et franc-maçonnerie. Etudes rassemblées et publ. par Guy Gambier. 2-e tirage. Bruxelles. Ed. de l'Univ. de Bruxelles. 1982. 377 p.

BRICEÑO PEROZO M. Temas de historia colonial venezolana. Caracas. (Fuentes para la historia colonial de Venezuela. Bibl. de la Acad. nac. de la historia). 1981. 574 p.

DARWIN J. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922. London. Basingstoke. Macmillan. 1981. XVII, 333 p.

НОВЫЕ КНИГИ

HANSON C. A. *Economy and Society in Baroque Portugal, 1668-1703*. London. Basingstoke. Macmillan. 1981. (10), 354 p.

PROTHERO I. J. *Artisans and Politics in Early Nineteenth-Century London*. John Gast and his Times. London. Methuen. 1981. XI, 418 p.

ROBERTS J. M. *One World, Europe the Maker* /J. M. Roberts; Des Arthur Lockwood; III. Research Christine Vincent. Text Research Nicola Sissons. Harmondsworth (Midd'x). Penguin Books. 1981. 128 p.

HAHN-PEDERSEN M. *Historien om et nul*. Mogens Glistrup of fremskridtsbevægelsen, 1971-73. Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Science. 1981. 141 s.

CERDA M. *Els moviments socials al País Valencià*. València. Inst. Alfons el Magnànim. Diputació provincial de València. Descobrim el País Valencià. 1981. 134 p.

GIMÉNEZ LÓPEZ E. *Alicante et el siglo XVIII*. Economía de una ciudad portuaria en el antiguo régimen. Valencia. Inst. Alfonso el Magnánimo. 1981. 449 p.

SANCHIS GUARNER M. *La ciutat de València*. Síntesi d'història i de geografia urbana. 3-a ed. amb. esmenes i add. València. Publ. de l'Excm. Ajuntament de València. 1981. 602 p.

ALLIATA V. *Harem*. Memorie d'Arabia di una nobildonna siciliana. 3-a ed. Milano. Garzanti. 1981. 253 p.

CECENA J. L. *México en la órbita Imperial*. Las empresas transnacionales. 13-a ed. México. El caballito. 1981. 271 p.

México, hoy. Por José Ayala, José Blanco, Guillermo Bonfil et al. Coord. por Pablo González Casanova y Enrique Florescano. 5-a ed. México. Siglo XXI. 1981. 419 p.

BRAEM M. *Cuba: het onkruid in de achtertuin*. Politieke en ekon. krachtlijnen van de Cubaanse revolutie. Gent. Mase-reelfonds. 1981. 143 blz.

BANG-ANDERSEN S. *En fangstboplass på Eigeroy*. Boplassbruk of miljøtilpasning i sørvestnorsk yngre steinalder. Stavanger. AmS-skrifter. 1981. 123 s.

JOHANEN O. *Metallfunnene i østnorsk bronsealder*. Kulturtilknytning of forutsetninger for en marginalekspansjon. Oslo. Oslo Univ. Oldsaksamlings skrifter. 1981. 202 s.

RÉGO R. *Militares, clérigos e paisanos ou o militarismo e outras forças de violência na Sociedade Portuguesa*. Lisboa. Perspectivas & realidades. 1981. 129 p.

Afro-American History. Sources for Research. Ed. by Robert L. Clarke. Washington. Howard Univ. Press. 1981. XVIII, 236 p.

DELANCEY M. W. *African International Relations: an Annotated Bibliography*. Boulder (Colo.). Westview Spec. Studies on Africa. 1981. XVIII, 365 p.

PORTER D. H. *The Emergence of the Past*. A Theory of Historical Explanation. Chicago. London. The Univ. of Chicago Press. 1981. X, 205 p.

SYAMANANDA R. *A History of Thailand*. 4 th ed. Bangkok. Chulalongkorn Univ. Thai Watana Panich. 1981. (5) 208 p.

GAUGER R. *Nicaragua im Jahr der Befreiung*. Bericht über die ersten Monate der Revolution. Nachw. Ein Jahr danach. Mit einem Beitr. von Rainer Salm. 3., veränd. u erw. Aufl. Hamburg. Junius. 1981. 148 S.

L'Affirmation de l'identité culturelle et la formation de la conscience nationale dans l'Afrique contemporaine. Paris. UNESCO. 1981. 236 p.

SORVAL G. de. *Le langage secret du blason*. Paris. Michel. 1981. 232 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки 6—8 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

ВИДЫ ВКЛАДОВ

● Если у вас постоянно возникает необходимость в пополнении вклада или же, наоборот, в получении его частями, Вам целесообразно открыть **ВКЛАД ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ**. Доход по нему выплачивается из расчета два процента годовых.

● **Повышенный доход — три процента годовых**—Вы можете получить при внесении денег на **СРОЧНЫЙ ВКЛАД**. Такие вклады принимаются на срок не менее шести месяцев. Дополнительные взносы и получение частями, за исключением причитающихся процентов по этим вкладам, не производятся. Если у Вас появится необходимость получить деньги ранее шести месяцев, Вам будет выплачен доход из расчета не три, а два процента годовых.

● **Выиграть ту или иную сумму Вам поможет ВЫИГРЫШНЫЙ ВКЛАД** — удобная и интересная форма хранения сбережений. Доход по выигрышным вкладам выплачивается в виде выигрышей от 25 до 200 процентов среднего остатка вклада за полугодие.

● Если Вы внесете деньги во **ВКЛАД НА ТЕКУЩЕМ СЧЕТЕ**, то сможете распоряжаться ими, не заходя в сберегательную кассу. В этом случае Вам выдадут расчетную и чековую книжки. Достаточно выписать чек, и деньги будут выданы лицу, которое указано в чеке. Чек можно выписать также и на предъявителя.

● К Вашим услугам—**УСЛОВНЫЕ ВКЛАДЫ**. При внесении денег на эти вклады оговаривается определенное условие получения их вкладчиками: например, выдать после окончания учебного заведения, достижения вкладчиком совершеннолетия и т. д.

Российское республиканское
Главное управление Гострудсберкасс СССР